

Федеральное агентство по образованию

Волгоградский государственный
педагогический университет

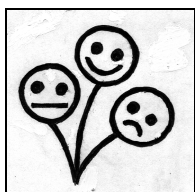
Воронежский государственный
университет

Научно-исследовательская
лаборатория
«Аксиологическая лингвистика»

Межрегиональный центр
коммуникативных
исследований

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 5

Волгоград
«Парадигма»
2007

ББК 81.0 + 81.432.1
А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

А 21 Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. –
349 с.
ISBN 978-5-903601-02-8

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале различных языков — русского, английского, немецкого, новогреческого, фарси.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2007.
© Коллектив авторов, 2007.

ISBN 978-5-903601-02-8

СОДЕРЖАНИЕ

Концепты

Добро	<i>И.С. Шевченко, И.В. Змиева</i> <i>(Харьков)</i>	3
Добро	<i>Е.С. Палеха (Казань)</i>	17
Зло	<i>С.А. Тихонова (Омск)</i>	36
Злость	<i>Ю.В. Крылов (Новосибирск)</i>	50
Скромность	<i>О.В. Кошманова (Астрахань)</i>	65
Терпение	<i>И.А. Долгова (Волгоград)</i>	80
Страх	<i>Е.Ю. Бутенко (Ростов-на-Дону)</i>	101
Антипатия	<i>И.В. Корогодина (Иркутск)</i>	109
Гармония	<i>Т.В. Лунёва (Киев)</i>	124
Культурный	<i>М.Ю. Шевченко (Воронеж)</i>	138
Вежливость	<i>Е.А. Зацепина (Воронеж)</i>	155
Женщина	<i>Л.В. Адонина (Воронеж)</i>	172
Семья	<i>Г.А. Гуняшова (Кемерово)</i>	187
Детство	<i>И.А. Калюжная (Волгоград)</i>	204
Война	<i>В.Б. Крячко (Волгоград)</i>	220
Труд	<i>Л.М. Мирошниченко (Краснодар)</i>	238
Демократия	<i>М.А. Филиппова (Волгоград)</i>	257
Демократия	<i>Е.С. Миронец (Владивосток)</i>	274
Значение	<i>Т.Г. Панина (Иркутск)</i>	299
Деньги	<i>Л.И. Федянина (Кемерово)</i>	315
Воровство	<i>О.А. Кирияк (Ярославль)</i>	328

И.С. Шевченко, И.В. Змиева
(Харьков)

ДОБРО

В процессе структурирования знания классификационная деятельность человека охватывает процессы концептуализации и категоризации – «объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды» – категории. Эти процессы взаимосвязаны: концепты служат основой формирования классов и категорий, подводя все разнообразие мыслимых явлений под определенную общую для них рубрику, относя их к той или иной категории (Болдырев, 2001, с. 27). В лингвистике не закончены споры о приоритете концептуализации либо категоризации. По мысли Е.С. Кубряковой, ведущая роль принадлежит категоризации: «абсолютно все когнитивные процессы зависимы от категоризации, зафиксированной в языке и имеющей, благодаря «знаковому» характеру ее воплощения, значение опыта, разделяемого коллективным сознанием» (Кубрякова, 2004, с. 320). Категоризацию мы рассматриваем как лингвокогнитивный процесс, в ходе которого человек оперирует понятиями и концептами. В эвристическом плане это предопределяет последовательный переход от описания содержательных (понятийных) характеристик категориального концепта ДОБРО к анализу образованной им понятийной категории.

По нашим данным, понятие ДОБРО является одновременно эталоном и инструментом оценки, оно градуально и варьируется по высоте и силе ценности. ДОБРО состоит из двух понятийных сегментов – морального и утилитарного. Стереотипное представление о ДОБРЕ как элемент английской ценностной картины мира отражает моральный императив и определяет соотносимые с христианской этикой доминанты моральности, приятности, высокого качества и достаточности (Змиева, 2006, с. 11).

Концепт ДОБРО представлен в английском языке лексически. К его первичным наименованиям относятся базовая, наиболее частотная лексема *good*, чей семный состав демонстрирует наибольшее число критериальных свойств концепта ДОБРО, а также ее синонимы *pleasing, kind, well behaved, virtuous, capable, healthy, useful, fine, suitable, valid, considerable, whole*, обладающие неполным набором значений, присущих слову *good*.

Анализ лексикографических источников свидетельствует, что ДОБРО – признаковый концепт, и его именем является прилагательное *good*, т.к. именно прилагательное наиболее полно передает его содержание. В качестве базовых значений прилагательного *good* выделены: *высокий стандарт, необходимые качества, умение/способность, приятный, праведный, морально правильный, добрый, воспитанный, ведущий к успеху/прибыли, подходящий, уважение, одобрение, полезный, здоровый/в хорошей форме, большой, полноценный, количество, степень, действительный* (Змиева, 2006, с.106).

Особенности ментальной репрезентации концепта ДОБРО в английской языковой картине мира обусловлены его аксиологическими параметрами, восходящими к этимону прототипического имени концепта – слова *good* – ‘соответствие эталону/норме’ (Змиева, 2006).

Специфика аксиологического концепта ДОБРО обнаруживается в единстве и взаимосвязи его понятийной, ценностной и образной составляющих. В английской ценностной картине мира культурный концепт ДОБРО является классификатором категории ДОБРО, ему свойственны целостность восприятия и единое образное представление, наибольшая частотность, стилистическая нейтральность. Все это позволило нам предположить наличие понятийной категории ДОБРО, структура которой обусловлена особенностями образующего ее категориального концепта ДОБРО.

ДОБРО как понятийная категория. В основе языковой категоризации – идеи специфического языкового мировидения, в соответствии с которым родной язык понимается как ‘ословливание’ мира, его постижение в слове. Категоризуя мир, язык «образует целостное мировоззрение, выражая все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка» (Givón 1986, p. 78).

Категоризация осуществляется с помощью языка и становится возможной в слове – особой форме отражения действительности. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, благодаря этой «особой форме отражения» происходит «кодирование и категоризация когнитивного знания в знаковой (символической) форме, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах» (Алефиренко, 2005, с. 31). Действительно, язык представляет условие и возможность объективации знания, поскольку знания, не выраженные в знаковой форме, остаются неосознанными, неясными. Именно ословливание некоторой структуры знания

позволяет человеку вычленивть ее в отдельную сущность. По утверждению Е.С. Кубряковой, «формой объективации категории в языке является ее имя, и вне словесного означивания категории как таковой не существует» (7, с.307). Слово является единицей хранения знания не только об обозначенной им вещи, но и знания о том, как следует рассматривать эту единицу в системе языка, где она связана с другими единицами той же системы и где она представляет собой концепт и особую категорию. На этом основании имя исследуемого концепта ДОБРО – прилагательное *good* – справедливо считать и именем соответствующей категории.

Категории, определяемые В. Крофтом и Д.А. Крузом как понятийные (*conceptual categories*), рассматриваются как «когнитивные инструменты», выполняющие ряд функций: познания; экономии усилий в получении знаний благодаря возможности идентифицировать члены категории по ограниченному набору категориальных признаков и категории по одному их члену; коммуникативную функцию и др. Понятийная категория представляет собой совокупность членов, находящихся на разном расстоянии от центра и, как правило, «имеет центр и периферию с сужающимся набором признаков»; особенность уровневой структуры понятийной категории – это возможность включать другие категории как субкатегории (Croft, Cruse 2004, p. 74-75).

Классификатор исследуемой категории – концепт ДОБРО – служит ментальной репрезентацией или когнитивным ориентиром категории. Свойство быть классификатором категории ДОБРО независимо от моральной/материальной областей опыта говорит о прототипичности имени концепта ДОБРО. По полученным данным, конструкции со словом *good* демонстрируют максимальную широту, неспецифицированность значения передаваемой им позитивной оценки относительно областей оценивания. В словосочетаниях *good* может занимать как атрибутивную, так и предикативную позицию (*a good bo/the boy is good*), слово *good* дает оценку и материальному, и духовному, например:

Good fires and carriages would be much more to the purpose in most cases of delicate health /J. Austen, Emma/. I am sure she is very good – I hope she will be very happy /ibid/.

Стилистическая нейтральность и высокая частотность слова *good* свидетельствуют о его прототипичности: по данным корпуса примеров (BNC), общее количество употреблений слова *good* в дискурсе равно 15860, в то время как частотность других членов

категории на порядок ниже, например: *kind* – 4368, *capable* – 551, *pleasing* – 206, *valid* – 24.

Слово всегда содержит в себе больше информации, нежели наше сознание способно извлечь из него, а развитие значений обусловлено способностью языка задавать человеку стереотипы восприятия мира через систему языковых категорий. Вслед за Дж. Лакоффом и Е.С. Кубряковой считаем, что слово наиболее часто становится «обозначением (именем) категории», а его значения выступают в роли «формирующих категорию свойств» (Кубрякова, 2004, с.103; Лакофф, 2004, с.11-12). Отсюда, процесс языковой категоризации мира непосредственно предполагает моделирование значений слова. Значения анализируемых лексем интересуют нас как комплексные целостные образования с определенным набором свойств, представленных в словарных толкованиях. Кроме того, актуализация и конструирование значений классификатора категории ДОБРО происходит в дискурсивных контекстах, что в комплексе позволяет адекватно представить члены категории.

Прототипическим именем категории ДОБРО является слово *good*. В лексической семантике прототип представляет собой «сильный стабильный центр, позволяющий носителям языка легко выделять прототипические значения и отличать их друг от друга», и более аморфную периферию (11, с. 354). В основных значениях слова *good*, одной стороны, закреплены «критериальные свойства» ДОБРА (термин Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 2004, с. 101, 107)). С другой, лексема *good* наиболее частотна, она обладает наиболее универсальным набором признаков, которые являются базовыми и обобщенными по сравнению с конкретизированными наборами признаков иных членов категории ДОБРО.

Лексическое значение слова *good* представляет собой совокупность семантических признаков. Вслед за М.В. Никитиным, в совокупном содержании лексического значения мы различаем две части: содержательное ядро или его интенционал, и периферию семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал. Именно интенционалы «лежат в основе мыслительных и речевых операций» классификации и именованья (Никитин, 1988, с. 61).

Семантические признаки в интенционале лексического значения слова *good* связаны родо-видовым (гипер-гипонимическим) отношением. По М.В. Никитину, «родовая часть интенционала называется гиперсемой (архисемой), видовая часть – гипосемой (дифференциальными признаками)» (там же),

иными словами, это гипер-гипонимические отношения. Семантическая структура слова *good*, вербализующего категорию ДОБРО, позволяет предположить наличие единиц субординатного уровня, в свою очередь открытых для дальнейшей детализации.

По полученным данным, интенционал слова *good* содержит 19 значений, которые можно сгруппировать по родовым признакам в четыре группы:

(1) группа, объединенная гиперсемой моральный, включает значения *воспитанный, добрый, морально правильный, праведный*;

(2) группа, объединенная гиперсемой приятный, включает значения *доставляющий удовольствие, одобряемый*;

(3) группа, объединенная гиперсемой обладающий необходимыми качествами, включает значения *имеющий высокий стандарт, обладающий умением/способностями, ведущий к успеху/прибыли, полезный, здоровый, в хорошей форме, уважаемый*;

(4) группа объединенная гиперсемой достаточный, включает значения *подходящий, большой, полноценный, достаточный по количеству/степени, действительный*.

Интенциональные признаки слова *good* (т.е. понятия, входящие в содержание интенционала на правах сем) позволяют предполагать наличие других понятий – признаков, составляющих так называемые «импликационные значения» (Никитин, 1974, с. 33-34). Так, значения, входящие в каждую из четырех групп, имплицитно признают, составляющие периферию (импликационал) лексического значения слова *good* и соответствуют дальнейшим расширениям концепта ДОБРО.

Выявленные семантические свойства имени категории ДОБРО – слова *good* раскрывают радиальный характер значения этой лексемы (ср.: «если все значения многозначного слова связаны с ним одним и тем же – центральным – значением, то такая многозначность называется радиальной» (Кубрякова, 2004, с. 169)). Это позволяет предположить, что лексически представленная понятийная категория ДОБРО, члены которой находятся в родовидовых отношениях, имеет радиальное строение.

Структура категории ДОБРО. Понятийные категории часто структурированы радиально и включают центральную субкатегорию и ее расширения. Радиальная категория характеризуется конвенциональным выбором центра (Лакофф, 2004, с. 270). Например, категория МАТЬ обладает

конвенциональным центром – концептом МАТЬ, который удовлетворяет всем случаям употребления этого слова, т.е. выступает как кластер когнитивных моделей: модели рождения, модели воспитания, генетической модели, супружеской модели, генеалогической модели (Лакофф, 2004, с. 107-108). Возможные связи между более центральными и менее центральными субкатегориями организованы по принципу расширения, включая метафорические и метонимические модели и т.д. (Лакофф, 2004, с. 270). Соответственно, все субкатегории матерей (*приемная мать, суррогатная мать, незамужняя мать* и пр.) понимаются как отклонения от центрального случая. «Все эти субкатегории не порождаются центральным случаем, но определяются конвенционально как разновидности центрального случая» (Лакофф, 2004, с.119). Тем самым члены категории демонстрируют «разные степени отклонения от эталона», объединяя единицы с разными наборами признаков и частично нетождественными характеристиками (Кубрякова, 2004, с.107).

Суммируя приведенные данные, мы считаем, что радиально структурированная категория, как правило, демонстрирует следующие характерные свойства:

- наличие кластера субкатегорий, определяемого пучком признаков;
- центральная и нецентральная субкатегории различаются полнотой набора критериальных свойств;
- градуированность центрального понятия обуславливает размытость границ субкатегорий;
- нецентральные субкатегории мотивируются центральной субкатегорией, причем не кластером моделей в целом, а одной из моделей кластера;
- каждая субкатегория строится по принципу центр – периферия, где периферия мотивируется центральным членом;
- субкатегории могут иметь расширения по разным основаниям.

Радиальное структурирование категории ДОБРО заключается в наличии центрального случая, т.е. суперординатной категории, в которой сходятся все когнитивные модели (соответствующие четырем группам значений *good*) – это так называемый «составной пучок (кластер), являющийся с психологической точки зрения более базовым, чем вошедшие в него модели в отдельности» (Лакофф, 2004, с. 107), а также конвенционализированных вариаций центрального случая – субординатных категорий, представляющих собой отклонение от центрального случая, но не выводимых из него.

Радиальная категория, по мнению Дж. Лакоффа, структурно представляет собой «вместилище, а ее субкатегории, в свою очередь, являются вместилищами внутри большего вместилища. Отличительной чертой радиальной категории признается то, что она структурирована также схемой ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ» (Лакофф, 2004, с. 373). Эта схема является общим принципом организации категории ДОБРО, объясняющим отношения ее центральных и нецентральных членов.

Принцип радиальности объясняет непредсказуемость развития категорий, хотя не отрицает действия общих принципов: каждое расширение «является продуктом конвенции и должно быть изучено отдельно» (ср.: для категории МАТЬ не существует общего правила для порождения видов матерей; они заданы особенностями конкретной культуры). Схемы развития категорий, предложенные Т. Гивоном (Givón, 1986, p. 77-79), применяемые нами к категории ДОБРО, раскрывают разнонаправленное (с ориентацией на лучший образец, прототип) развитие отдельных членов категории, появление разного числа их расширений и принципиальную возможность дальнейших расширений.

Расширение является звеном в «цепочке» радиальной категории, которое мотивируется одной из когнитивных моделей, соответствующей определенной гиперсеме слова *good*. В категории ДОБРО категории субординатного уровня не порождаются центральной субкатегорией, но мотивируются ею: например, субординатная категория МОРАЛЬНОСТЬ (мотивируемая моделью оценивания качеств (N) в области «Духовное» в соответствии с гиперсемой слова *good моральный*) имеет три расширения («звена»), обусловленные тремя гипосемами *good*: *воспитанность, доброта и соответствие моральным принципам*.

Эти расширения объединены общностью базового значения концепта и разделены в соответствии с числом основных словарных значений вербализующих концепт лексем. Фреймовое представление ословленного концепта основано на понимании фреймов применительно к тематическим группам слов и на выделении основных значений. В лексической семантике фрейму соответствует лексическая дефиниция, а лексико-семантические варианты значения могут быть репрезентированы в виде слотов (Бессонова, 2002, с. 42). Слотам концепта в языке соответствуют лексические ряды, постигаемые как целостные сущности, элементы которых называют отдельные части понятийных структур. Слот имеет «имя, задающее сам параметр, и заполняется информацией о значении» (Кубрякова, 2004, с. 65).

Так, расширение ДОСТАТОЧНОСТЬ КАЧЕСТВА представляет собой фрейм, состоящий из двух слотов – ЗАКОННЫЙ и ОБОСНОВАННЫЙ, образованных двумя группами значений слова *valid*, именующего это расширение; это таксономический тип фрейма, основанный на гипер-гипонимических отношениях.

В обобщенном виде категория ДОБРО состоит из суперординатной категории, окруженной четырьмя категориями субординатного уровня, каждая из которых, в свою очередь, имеет разное количество расширений. Образование расширений от одного фокуса возможно в разные стороны (под влиянием разных условий и в результате выбора для видоизменения категории одного из ее конструирующих признаков), т.е. по разным основаниям, чем объясняется разнонаправленное развитие категорий.

Суперординатный уровень категории ДОБРО. Одним из важнейших признаков центрального статуса категории ДОБРО служит тот факт, что это – комплексная модель, в которой объединяются все когнитивные модели, образуя кластер моделей.

В этом кластере когнитивных моделей оценивания качеств как соотносимых с нормой выделяем следующие четыре модели:

1. Модель оценивания качеств в области «Духовное»: НЕКТО оценивает НЕЧТО как МОРАЛЬНО ПРАВИЛЬНОЕ

2. Модель оценивания качеств в области «Материальное»: НЕКТО оценивает НЕЧТО как ОБЛАДАЮЩЕЕ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ / СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ СТАНДАРТУ

3. Модель оценивания приятности качеств для субъекта оценки: НЕКТО оценивает НЕЧТО как ПРИЯТНОЕ/ДОСТАВЛЯЮЩЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

4. Модель оценивания степени качеств: НЕКТО оценивает НЕЧТО как ОБЛАДАЮЩЕЕ ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ КАЧЕСТВА/КОЛИЧЕСТВА

В соответствии с лексикографическими данными, модели имеют следующее наполнение:

- Модель оценивания качеств в области «Духовное»: обладать моральными качествами, проявлять их (*possessing or displaying moral virtue*): *a good deed*;

- Модель оценивания качеств в области «Материальное»: обладать необходимыми качествами, высоким стандартом (*having the required qualities; of a high standard*): *a good research work, a good service*;

- Модель оценивания приятности качеств для субъекта оценки: быть желаемым; приносить удовольствие,

удовлетворение; вызывать одобрение (to be desired or approved of; giving pleasure; enjoyable or satisfying): *it is good to see you, you look pretty good*;

- Модель оценивания степени качеств: иметь достаточное качество для чего-либо (good for), быть действительным, пригодным; иметь достаточность количества, степени (thorough): *the ticket is good for one week, my money is good for a dinner at the restaurant; a good deal of work, a good yield of crop*.

Перечисленные модели построены на отношениях мотивации, восходящих к мотиватору *good*. Мотивация понимается в когнитивной лингвистике как «сквозная психоментальная операция», результатом которой является семантико-ономасиологическая зависимость языковых знаков, возникшая на основе «сложной системы коннекций концептов» в картине мира (12, с. 158). Принцип, мотивирующий систему, позволяет понять, почему система такова, какова она есть.

Названные модели служат основой для четырех субординатных категорий, мотивированных категорией суперординатного уровня ДОБРО. В результате получаем четыре субординатных категории: МОРАЛЬНОСТЬ, КАЧЕСТВО/ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ, ПРИЯТНОСТЬ/УДОВЛЕТВОРЕНИЕ И ДОСТАТОЧНОСТЬ КАЧЕСТВА/КОЛИЧЕСТВА, представляющие собой периферию относительно центра – суперординатной категории ДОБРО. Являясь вместилищами внутри большего вместилища, каждая из них также структурируется схемой ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ и имеет расширения. Эти расширения мотивируются моделями, входящими в соответствующую субординатную категорию. В свою очередь, субординатные категории могут быть ‘субцентрами’, иными словами, их можно представить как вторичную структуру центр – периферия. Рассмотрим их соотношение друг с другом и границы.

Субординатные категории ДОБРА выделяются по смысловым связям вербализующих эту категорию лексем. Основанием для выявления категорий субординатного уровня является положение о системности лексики естественного языка. Словарные данные свидетельствуют о наличии отношений синонимии между словосочетаниями с лексемой *good*, которые образуют синонимические ряды (ср.: «синонимы способны дать тонкую категоризацию понятий о предметах и явлениях» (2, с. 112)).

Соотношение границ субкатегорий внутри категории ДОБРО и центральных членов каждой из них представлено на рис. 1, где G обозначает категорию суперординатного уровня ДОБРО, а слова

kind, pleasing, valid и *capable* отмечают центральные члены соответствующих категорий субординатного уровня: МОРАЛЬНОСТЬ, ПРИЯТНОСТЬ, КАЧЕСТВО/ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ, ДОСТАТОЧНОСТЬ:

Структура категории на рис. 1 имеет вид частично накладывающихся областей, центральные члены которых соединены радиально: суперординатная категория ДОБРО принадлежит в равной степени всем субкатегориям, а центры субординатных категорий (*kind, capable, pleasing* и *valid*) расположены на периферии категории, будучи мотивированы гиперсемой – значением *good*.

Субординатный уровень категории ДОБРО. Членство в категории ДОБРО, образованной в соответствии со значениями полисемантического слова *good*, определяется на основе радиального принципа. В концептуальной модели полисемии лексико-семантические варианты слова образуют сеть, отправной точкой которой является центральное значение лексической единицы. Центральным считается «интуитивно доминирующее значение, а все остальные образуются от него путем привнесения минимальных семантических отличий» (Лакофф, 2004, с. 538-594). В качестве центрального рассматривается основное значение словарной статьи.

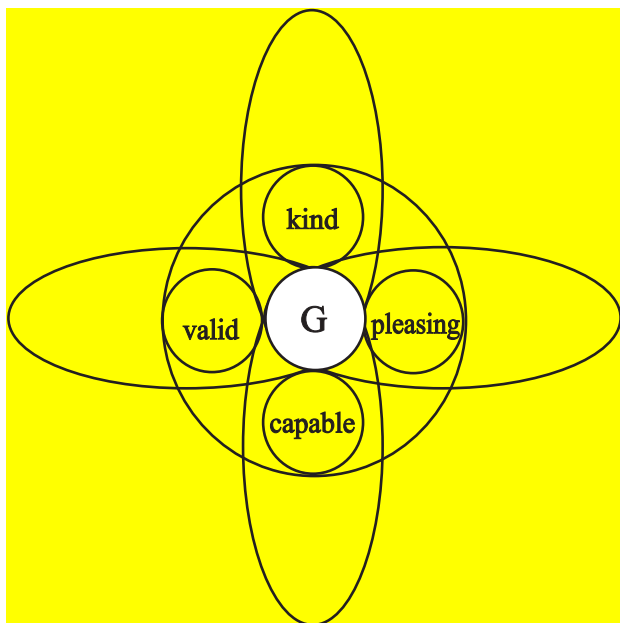

Рис. 1. Соотношение субкатегорий внутри категории ДОБРО

Различные значения полисемантического слова представляют различные концепты как результат активации, «выделения» того или иного значения в оперативной памяти. Активированное значение является выделенным, салиентным (*salient*) в результате прямой референции (знак – концепт) либо переносной референции (метафора, метонимия). Эти выделенные значения соответствуют отдельным слотам в составе расширений нецентральных субкатегорий категории ДОБРО. Так, субординатная категория МОРАЛЬНОСТЬ имеет три расширения – ДОБРОТА, ВОСПИТАННОСТЬ и СООТВЕТСТВИЕ МОРАЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ, центральными членами которых являются концепты ДОБРЫЙ, ВОСПИТАННЫЙ и ПРАВЕДНЫЙ, ослвленные лексемами *kind*, *well behaved* и *virtuous* и их синонимами:

(1) Расширение ДОБРОТА. Центральный член, концепт ДОБРЫЙ, представлен фреймом: *SMB HAS the QUALITY of BEING KIND* и вербализован словом *kind*. Синонимические ряды образованы от *kind* с дополнительными семами: ‘участливый’ (*kind-hearted – good-natured – warm-hearted – caring – affectionate – loving – warm – understanding*), ‘внимательный к другим’ (*considerate – thoughtful – attentive*), ‘услужливый’ (*helpful – obliging – beneficent*), ‘бескорыстный’ (*unselfish – selfless – altruistic*), ‘полный сочувствия’ (*compassionate – sympathetic*), ‘снисходительный’ (*big-hearted – benevolent – benign*), ‘радушный’ (*friendly – neighbourly – hospitable*), ‘великодушный’ (*generous – liberal – open-handed – open-hearted – bounteous/bountiful – munificent*).

(2) Расширение ВОСПИТАННОСТЬ. Центральный член – концепт ВОСПИТАННЫЙ (фрейм *SMB HAS the ABILITY to BEHAVE WELL*) – представлен лексемой *well behaved*. Синонимические ряды образованы от *well behaved* с дополнительными семами: ‘вежливый’ (*polite – courteous – civil*), ‘послушный’ (*obedient – dutiful – compliant*), ‘обладающий хорошими манерами’ (*gentlemanlike – thoroughbred – well-bred – good-mannered*), ‘утонченный’ (*refined – urbane – polished*), ‘галантный’ (*gallant – chivalrous*), ‘почтительный’ (*respectful – deferential*).

(3) Расширение СООТВЕТСТВИЕ МОРАЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ. Его центральным членом является концепт ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ (фрейм: *SMB HAS the QUALITY of BEING VIRTUOUS*), представленный лексемой *virtuous*. Синонимические

ряды образованы от *virtuous* с дополнительными семами: 'праведный' (*righteous – moral – ethical – upright – upstanding*), 'святой' (*saintlike – angelic – whiter than white*), 'безупречный' (*exemplary – irreproachable – blameless – guiltless – law-abiding – unimpeachable*), 'уважаемый' (*honourable – reputable – respectable*), 'пристойный' (*decent – respectable*), 'возвышенный' (*high-minded – noble*), 'порядочный, щепетильный' (*virtuous – scrupulous*), 'надежный' (*virtuous – trustworthy*), 'заслуживающий одобрения' (*meritorious – praiseworthy – admirable*).

Градуированность абстрактного понятия ДОБРО обуславливает размытость границ категорий субординатного уровня (что соответствует тезису о нечеткости категориальных границ (Croft, Cruse, 2004, p. 89-91 и др.). Это обусловлено частичным пересечением семных наборов у вербализующих отдельные субкатегории лексем *good, kind/well-behaved/virtuous, capable/healthy/useful/fine/suitable, pleasing, valid/considerable/whole*: например, лексему *generous* фиксируем и в субкатегории МОРАЛЬНОСТЬ, где в расширении ДОБРОТА она имеет значение 'великодушный', и в субкатегории ДОСТАТОЧНОСТЬ КАЧЕСТВА/ КОЛИЧЕСТВА, где в расширении ДОСТАТОЧНОСТЬ КОЛИЧЕСТВА она имеет значение 'огромный', например:

He was always the sweetest-tempered, most generous-hearted boy in the world / J. Austen, Pride and Prejudice/; The gathering peat is the piece of turf left to treasure up the secret seeds of fire, without any generous consumption of fuel / W. Scott, The Black Dwarf/

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что понятийная категория ДОБРО, центральным членом которой является категориальный концепт ДОБРО, структурирована схемой ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ и включает суперординатную категорию ДОБРО и четыре субординатные категории. Концепт ДОБРО образует ядро и является центральным членом понятийной категории ДОБРО, это ее идеализированный член, формирующий суперординатную категорию ДОБРО с максимально полным набором семантических признаков, которые выступают как инвариантные по сравнению с наборами признаков иных членов категории.

Суперординатная категория ДОБРО образована кластером четырех когнитивных моделей относительно ситуации оценивания, ее члены обладают полным набором критериальных свойств категории, отраженных в значениях ее имени – прилагательном *good*. Лексически выраженные субординатные категории ПРИЯТНОСТЬ / УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, МОРАЛЬНОСТЬ, КАЧЕСТВО / ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ, ДОСТАТОЧНОСТЬ КАЧЕСТВА / КОЛИЧЕСТВА представляют собой варианты суперординатной категории, не порождаемые, но мотивируемые

ею. Границы субординатных категорий размыты, их центральные члены частично пересекаются с концептом ДОБРО, объединяющим все категории супер- и субординатного уровней. Расширения субординатных категорий мотивируются одной из когнитивных моделей, соответствующей определенной гиперсеме слова *good*, выделяются по смысловым связям вербализующих их лексем.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
- Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. – 123 с.
- Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке: Дис... канд. филол. наук. – Харьков, 2006. – 228 с.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Спецкурс по общей и английской лексикологии. – Владимир: Изд-во ВГПИ, 1974. – 222 с.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
- Селиванова Е.А. Когнитивная ономастиология. – К.: Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
- Croft W., Cruse D. Cognitive Linguistics. – Cambridge: CUP, 2004. – 356 p.
- Givón T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // Noun Classes and Categorization. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1986. – С. 77-102.

ДОБРО

Цель данной работы состоит в выявлении лексических репрезентаций концепта ДОБРО в его различных модификациях в поэтическом дискурсе Серебряного века; в моделировании его структуры в понятийном, значимостном и образном аспектах; в представлении общенациональных и индивидуально-авторских особенностей концептополагания.

Пытаясь каким-либо образом систематизировать накопленное знание о природе концепта, мы обнаружили, что сгруппировать исследователей по принадлежности к тому или иному направлению весьма затруднительно. Мы попытались систематизировать определения, данные означенному термину, и выделили следующие подходы к трактовке концепта: культурологический (Ю.С.Степанов, А.Вежбицкая, Т.А.Фесенко, Л.А.Чижова), когнитивный (Е.С.Кубрякова, А.П.Бабушкин, А.А.Павлова), комплексный (В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин), психолингвистический (А.А.Залевская), системно-языковой (Д.С.Лихачев, В.В.Колесов, Л.Г.Панова, Т.Н.Бунчук). Признание за концептом роли промежуточного звена между миром культуры и миром сознания дает повод думать, что найти исчерпывающее определение для этой категории чрезвычайно сложно. Нами принимается точка зрения представителей Воронежской школы З.Д.Поповой и И.А.Стернина, которые трактуют **концепт** в рамках семантико-когнитивного подхода как «глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структурированного знания» (Попова, Стернин 2007: 7). Термин **концепт** используется как инструмент для ограничения исследуемого языкового материала, как средство углубленного описания семантики языковых единиц и способ моделирования фрагмента национальной концептосферы. Предлагаемый в работе термин **идеолексикон** понимается как индивидуальное использование концептосферы языка и культуры в ее вербализованной части.

Для описания полевой структуры концепта мы оперируем терминами **ядерная сфера** и **интерпретационный слой**. Также в структуре исследуемой ментально-языковой единицы предлагается выделять:

1) **понятийную составляющую** (включает парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи и этимологическую память слова; соотносима с ядерной сферой концепта и совпадает с ЛСП слова-имени концепта);

2) **значимостную составляющую** (вскрывает наиболее существенные для данной культуры смыслы; соотносима с периферийной зоной ядерной сферы);

3) **образную составляющую** (интерпретационный слой).

Для обозначения единиц, вербализующих и моделирующих концепт, мы предлагаем использовать термин **концептема** (по аналогии с фонемой, морфемой, лексемой, семемой). У данного термина много положительных сторон: его этимологическая связь с более широкими понятиями **концепт**, **концептосфера**; его словообразовательные потенции; краткость и включенность в систему метаязыка лингвистики. Ассоциативно-семантическое поле близких по смыслу концептем образует **семантический сегмент** – область вербализованных по определенным когнитивным признакам символических смыслов концепта. Основными критериями для вычленения **концептем** являются: а) частотность употребления лексемы; б) ее семантическая гибкость; в) позитивная оценочность в коннотативном элементе ее ЛЗ; г) имплицитная мотивация контекстуального значения другими концептемами; д) культурно-историческая память словарной единицы; е) значимостная ценность.

Добро как наивысшая этическая ценность – понятие всеобъемлющее («положительное начало в нравственности» (Толковый 2000: Т.1, 752); «все положительное, хорошее, полезное» (Ожегов 1986: 145); «все, что приносит счастье, благополучие, пользу» (ССРЛЯ 1993: Т.4, 227)). В его гиперонимическое поле входят все нравственные ценности, абстрактные понятия с позитивным коннотативным компонентом в семантике.

В качестве абстрактных когнитивных признаков **добра** нами выделяются: 1) степень нравственности аксиологической оценки; 2) мера четкости представления об идеале; 3) вид объекта нравственного оценивания; 4) объем объектов нравственного оценивания.

Внутренняя форма большинства лексем словообразовательного гнезда с вершиной «добр-» затемнена, в диахроническом аспекте значение данных единиц развивалась по общезыковому закону семантических трансформаций «конкретное → абстрактное». В словаре Фасмера этимология слова *добрый* объясняется через родственное лат. *faber* «ремесленник, художник», нов.- в.-н. *tarfer* «храбрый, сильный, крепкий» (Фасмер 1964: 520). Современные лексемы *удобный*, *доброкачественный*, *добротный*, *годный*, а также фольклорные сочетания *добрый конь*, *добрый молодец*, *Добрыня Никитич*

семантически калькируют этимон. Единица ЛСП *лепота* первоначально была олицетворением духовной красоты. У Срезневского *добрити* семантизируется как «делать красивым» (Срезневский 2003: Т.1, 674). Степень нравственности оценки в истории языка усиливалась.

Признак «мера четкости представления об идеале» эксплицирован в номинативно плотном пространстве адъективов, служащих формированию представления о **святом** как этическом идеале в русской ЯКМ. По словам философа Н.Страхова, русскому человеку «мало быть добрым, нужно быть чистым, нужно быть святым» (Цит. по: Колесов 2004: 150). Родственная связь лексем *добрый* и *подобный* позволяет высказать предположение о важной роли концепта ДОБРО в формировании прототипической модели человека-носителя положительных качеств.

Концепт ДОБРО служит примером изменений в системе оценок: ранее слова *богатый*, *хороший* и слова *плохой*, *худой* имели общие контексты употребления (*богатый урожай*, *худой промысел*). В современном мировосприятии соотнесены только *добрый* – *хороший* и *злой* – *плохой*. В качестве объекта оценивания редко выступает человек в целом, чаще – отдельные аспекты его деятельности (*поступки*, *слова*) и духовной сферы (*глаза*, *душа*, *сердце*, *взгляд*, *улыбка*). В «Русском ассоциативном словаре» указывается, что на стимул «добрый» у опрошенных возникали следующие реакции: *день*, *хороший*, *друг*, *малый*, *вечер*, *волшебник*, *дедушка*, *гном*, *доктор Айболит*, *дружелюбный*, *душа*, *дядечка*, *качество*, *крокодил Гена*, *лев*, *милосердие*, *молодец* и т.д. (РАС 1998: Кн.5, 51). Лексическая реакция «добро» была получена на стимулы: *наживать*, *пожаловать*, *отплатить*, *польза* и т.д. (РАС 1998: Кн.6, 72). На современном этапе изменился вид объектов нравственного оценивания: это мифические персонажи и прагматические установки. К периферии ядерной сферы ДОБРА можно отнести общенациональные образные концептемы, связанные с идеей жизненного позитива: *молодость*, *икона*, *крыша*, *родина*, *вечность* и др.

В плане морфологической категоризации концепт ДОБРО представлен в основном именами существительными и именами прилагательными (вербализуют представление, образ и чувство), которые включают в себе наивысший уровень абстракции. Глагольные формы занимают периферийную позицию (*одобрить*, *раздобреть*, *доброжелательствовать* и т.п.). Концепт ЗЛО вербализован преимущественно в глагольных

категориях (компоненты понятийной составляющей: *злить, злиться, разозлить, злобствовать, злорадствовать, злодействовать, зложелательствовать, злословить, злоумышлять, злоупотреблять* и др.; ассоциативные компоненты: *обидеть, враждовать, вредить, умерщвлять, мучиться* и т.п.). ДОБРО в меньшей степени соотносится с действием, это абстрактное качество. ЗЛО предполагает реализацию «на деле», в синтактике – объектный распространитель или причинный актант.

Выбрав в качестве объекта сравнения англо-американскую КМ, мы руководствовались рядом объективных причин. Во-первых, данное сопоставление продолжает традицию русской философской мысли противопоставления славянского и западного. Во-вторых, сравнение с культурой близкородственной языковой группы было бы менее эффективным в силу тесного взаимодействия этнических характеристик. В-третьих, формирование концепта ДОБРО в любой культуре тесно связано с религиозной ориентированностью народа. Нам кажется интересным сравнить в языковом ракурсе разные ветки христианства: православие – католичество и протестантизм. На Руси доминантными признаками *святого* наряду с высокой нравственностью издавна являлись **аскетизм и культ нестяжательства** («Голый – что святой. Бедность – святое дело» (Даль 2003, Т.11: 39)). В отличие от Американской мечты *Русская идея* ориентирована на достижение духовного благополучия.

Проанализировав данные одноязычных и двуязычных словарей, мы пришли к выводу о том, что русским концептам **доброта** и **добрый** соответствуют английские *kind, kindness*, но морфологический элемент «*kind-*», в отличие от «*good-*», не особо продуктивен в плане словообразования и не обладает высокой номинативной плотностью. В большинстве значений **goodness** актуализируется сема «польза». Для русских важнее пользы – **красота** (Колесов 1999: 124), которая является концептемой ДОБРА.

Наименований «лицо по признаку», имеющих положительную коннотацию, в английском языке немного (*goody, the good*). Русские **добряк, добрая душа, Добрыня, доброхот, доброволец, доброжелатель, благодетель** следует маркировать как лексемы этноспецифичные и лакунарные в английской КМ. Для последней большое значение играет физическая природа, внешнее проявление (***good nature, good looks***). Для русских важны душа, совесть, воля: **добродушный, добропорядочный, добросовестный, добровольный**. В

русской КМ нормативное содержание концепта ДОБРО определяется через чувство и образ, а в англо-американской традиции – через оценку и жизненные интересы.

Мы рассматриваем структуру образного компонента как полисегментную, а способы образной концептуализации (онтологические метафоры) как репрезентацию когнитивных кодов. Выявленные метафоры отождествляются с признаками концептом, формирующих модель ДОБРА. Порядок описания сегментов определяется номинативной плотностью их концептом в текстах: 1) биоморфный код – 25 %; 2) теософский код – 15 %; 3) духовно-нравственный код – 14 %; 4) чувственный код – 11 %; 5) колоративный код – 10 %; 6) витальный код – 9 %; 7) соматический код – 7 %; 8) социально-пространственный код – 5 %; 9) аудиальный код – 4 %.

Анализируя сегмент «Биоморфный код», мы выделили тематические группы концептом: сезонные характеристики мира природы, объекты неживой природы, световые элементы небесной сферы.

Традиционно в языке *сад* по отношению к лексеме *рай* выступает как гипероним, у Н.Гумилева они полностью синонимизируются. С концептомой *сад* в поэтическом контексте сочетаются адъективы исключительно с позитивной коннотацией: *радостный*, *неотцветающий* (сема «постоянство признака» связана с признаком *вечность*), *упоительный*, *священный*. Общими концептуальными сематами в этих сочетаниях являются: «свет», «тепло», «благодать», все они восходят к концептеме *солнце*. В идеолексиконе Гумилева сочетание «*райские сады*» может трактоваться как тавтологическое.

Но этот сад, он был во всем подобен

Священным рощам молодого мира:

Там пальмы тонкие вносили ветви,

Как девушки, к которым бог нисходит... («Эзбеки»).

Экзотический *сад* уподобляется *раю* через эвфемизм «*священная роща молодого мира*» и добавочные семы в прилагательных: *молодой* – «только что сотворенный», *священный* – «созданный Святым духом».

Важнее символики *сада* для М.Цветаевой – *деревья* и *лес*, которые символизируют понятия «вечности», «святости», «мудрости», «творчества».

Дерева! К вам иду! Спаситесь

От рева рыночного!..

Пространство *леса* описывается в метафорике *рая*: «*Элизиум мой*», «*Совершенная жизнь*», «*Свет – царство его*». Суть *дерева* – связь мира земного и небесного (Ср.: у Н.Гумилева

деревья персонифицируются в образах святых: «*Есть Моисеи посреди дубов,/ Марии между пальм... Их души... / Друг другу посылают тихий зов*». **Деревья** метафоризируются по законам антропоморфного двойничества **души** и **тела**.

В идеосфере Серебряного века концептмой ДОБРА является **птица**. У Г.Иванова лексема выражает три символических смысла – «душа», «счастье», «близкое к Богу». Семантическое сближение происходит на основании переноса по «виртуальной» смежности: **душа** – «возвышенная» область человеческой натуры; **птица** – та, что парит в небесах. «Мертвая» метафора «полет души» конструируется по тому же принципу.

**Душа человека,
Как лебедь поёт и грустит.*

**Одинока, нелюдима,
Вьётся ласточкой душа.*

Ласточка в фольклорной философии воспринималась как «чистая», «святая», «любимая Богом» птица, а в поэтической семантике Г.Иванова **ласточка** не только посредник между землей и божественным миром (**раем, небом**), но и аллегория **души** человеческой. У М.Цветаевой **душа** предстает в когнитивной метафоре **лебедь**: «*Ястребиную ночь / Бог не пошлет по мою лебединую душу*», «*...Лебедем душу свою упустил!*». Однако актуализирована иная сема: «высшее достижение» (ср. с фольклорным фразеологизмом **лебединая песня**). К тому же, по народным представлениям, лебедь – символ **верности**. Для концептосферы М.Цветаевой это свойство **души** маркируется особой ценностью.

Издавна на Руси **солнце** воспринималось как «образец добродетели», «благо и податель благ», «величайшая ценность». Когнитивными признаками концептмы **солнце**, по И.Северянину, являются: «снисходительность», «душевность», «мечта», «жизнь». **Солнце** предстает в облике Судии, соматическая метафора которого – **сердце** (перенос по сходству функций – способность «*излучать*» **свет** или **добро**):

*Вдыхайте солнце, живите солнцем, –
И солнцем сами блеснёте вы!
Согреют землю лучи живые
Сердец, познавших добро и свет...*

Метафорические «лики» **солнца** разнообразны. В поэзии И.Северянина оно выступает в функции священного оружия, талисмана и даже в роли поэта:

**Солнце загорелось, запылало ало
И зажгло поэтом с искрой вдохновенья!
Солнце – мой щит от ночного щемящего ужаса.

Я прибегаю ко власти Высоких Защит.

В идеолексиконе В.Иванова символика **солнца** как концептемы ДОБРА базируется на актуализации сем «горячее», «светлое», «чистое», «безмятежное», «высокое». Использование лексем *лик*, *взор* дополняет арсенал антропоморфной метафоры *Солнцебог*. Солнце, как бог «умирания мученического» Дионис, по словам самого В.Иванова, символизирует собой и рождение сокровенной жизни. С этим образом-символом связано рождение нового пространства **жизни**: «А в недрах – Солнца, Солнца рождество!».

Звездам, по представлениям В.Иванова, доверена миссия спасения мира («кормчие звезды»). Они ближе к миру человека, чем **солнце**: «звездный дом», «Из ясных звезд моей Любви / Посеять семенем звезду». **Звезда** становится символом новой жизни, зарождения ее, что выводит нас к скрытой библейской аллюзии.

Значимыми для идеолексикона Г.Иванова являются концептемы **свет**, **сиянье**. Они сопряжены с рядом концептуальных смыслов денотативного плана: **счастье** («Россия счастье. Россия свет»); **душа** («Синий свет твоей души...»); **надежда** («Тень надежды безнадежной / Превращается в сиянье»); **жизнь** («Сияет жизнь улыбкой изумленной...»).

У М.Цветаевой семантика **света** реализуется в символических концептемах с актуализацией интегральной семы «горение»: **солнце**, **луч**, **звезда**, **заря**, **луна**, **огонь**. Так, глагольными распространителями концептуального сущ. **заря** в функции подлежащего выступают: «пылала, догорая», «зажглась», «не сгорала». **Луч** получает соответствующие эпитеты – **жаркий**, **жгущий**: прилагательное и причастие акцентируют сему «огонь» в сущ. с доминантным признаком «свет». Собственно «огненная» лексика разнообразна в плане грамматических, морфологических, стилистических и коннотативных характеристик. Для данной концептологической группы у Цветаевой характерны следующие когнитивные признаки: **движение**, **жизнь** («Мои глаза, подвижные, как пламя...»); **талант** («Воспалается ум мой пылкий...»); **страсть** («Жить приучил в самом огне,/ Сам бросил – в степь заледенелую!»). Со знаком «плюс» поэт оценивает лишь **горение** в настоящем, **горение** как процесс, а не как результат (который лишен семы «интенсивность»).

В целом мир природы оценивается как близкий человеку и похожий на него: **растения**, **птицы**, **времена года**, **светила**,

небо, земля персонифицируются и наделяются **душой**. Положительно заряженными для идеосферы всех поэтов оказываются те из них, которые связаны с пространственной локализацией «верх» (там, где **Бог**) и представляются в наивном сознании проводниками **света, жизни**. ДОБРО непременно осязается как нечто теплое и вербализуется в светлых ассоциатах. Этот факт был известен древним религиозным представлениям. «Почти все религии сравнивают Бога с солнцем, а действие Его божественной силы – со светом» (Sikorsky: <http://www.sikorskyarchives.com>).

В сегменте «Теософский код» рассмотрены способы онтологической метафоризации **Бога**: пространственный (вербализация в концептемах с актуализированной семой «верх»: **небо, солнце, звезда, заря, свет, душа, крыло, птица, вышина, рай**) и антропоморфный. Так, у Г.Иванова образ **Бога** персонифицирован, на что указывают семантическое окружение и окказиональная сочетаемость лексемы:

Но кажется, устав от дел тревожных,
Не слышит старый и спокойный Бог,
Как крылья ласточек неосторожных
Касаются его тяжелых ног.

Важными признаками **Бога** являются **святость** и **вечность**.

В идеолексиконе Гумилева концептема **святой** отличается наибольшей номинативной плотностью (более 60 употреблений). Поэт вербализует практически все лексикографические значения адъектива. Окказиональная сочетаемость также представлена: **святой(ая, ое) + Мечта, Тишина, весна, добро** (интегральная сема «наделенность сверхъестественной “доброй” силой»).

Г.Иванов под **вечностью** эвфемизирует смерть («*Вперед палач и плаха, / Вечность вся, в упор!*»; «*И души... / Со стоном в вечность улетают*» (3:104,173)). Лексема **вечность** лишена оценочности, но в функции качественной характеристики она получает коннотационный позитив: «*вечная любовь*», «*вечная весна*», «*вечная роза*» (3:45,95,62).

И.Северянин противопоставляет **вечность** бренному, преходящему, суетному:

*Отдайте **вечность** за мгновенье,
Когда в нём вечности *покой!*
*Есть вопросы, понятные **вечности**,
А не людям, рабам пред судьбой...

Образуются новые антонимические пары (второй компонент – концептема ЗЛА): **вечность – беспокойство; вечное – бренное; пространство вечности – мир людей**.

Основополагающими когнитивными признаками **вечности** в ее противопоставленности **времени** в представлении М.Цветаевой являются: истинность («*Двадцатого столетья – он, / А я – до всякого столетья!*»); «приятность» («*Но знаю – лечите / Обиду Времени – / Прохладой Вечности*»); добрая память («*Грех памяти нашей – безглазой... / Жизнь обращает в руину...*»); демиургичность (Б.Пастернаку она писала: «*Какое тебе, вечному, дело до века, в котором ты рожден*»).

В идеолексиконе Цветаевой адъективы *земной* и *небесный* трансформируются в качественные смыслы: *грешный* и *праведный*. Антонимия усиливается в доведении дифференциального признака до предела – оппозиция получает вид семантической абстракции: «верх» – «низ» (*мрак – свет, жизнь – смерть, тело – душа, плоть – духовность*). Кстати, этимологически рус. *низ* соотносится с латыш. *ņikns* – «злой» (Маковский 2005: 50).

*Выше! Выше! Лови – летчицу! (душу – Е.П.).

*Ах, с откровенного отвеса –

Вниз – чтобы в прах и смоль?

Д.Лакофф и М.Джонсон показали, что оценки по вертикали всегда определены: верх – ‘хорошо’, низ – ‘плохо’ (Lakoff, Johnson 1980). Человеку, по Цветаевой, присуща двойственность: семантика «*верха*» аккумулируется в таком нравственном качестве, как *гордыня*, «*низа*» – в *робости, смиренности*. Однако оба качества входят в круг окказиональной положительной нравственности, чем и нарушают стойкость оппозиции: «*Гордость и робость – родные сестры...*».

Стремление к Богу, к небу всегда было свойственно русским поэтам. Сема «верх», содержащаяся в концептах теософского и биоморфного кодов (*птица, полет*), эксплицируется при описании творческого процесса (В.Иванов: «*Певец, чьи струны – божий дар...*»; И.Северянин: «*Поэту, как птице, Господь пропитанье дает*»).

АСП *Бога* аккумулирует представление об этическом идеале. Однако в качестве концептов выступают и эстетические оценки (*свет, сияние, лазурь*), ибо интеллект и менталитет ориентированы на зрительное восприятие. *Бог* концептуализируется в признаках человекоподобия, солнценосности, благоволения человеку (особенно – поэту) и снисхождения к его поступкам.

Концептемы *сегмента «Духовно-нравственный код»* находят не так много воплощений в поэтическом дискурсе, так как они непосредственно апеллируют к аксиологической сфере. Так,

у Г.Иванова **добро** осмысливается в плане сужения словарного значения:

Я в книгах читаю – *добро*, лицемерие,
Надежда, отчаяние, вера, неверие.

Прием антитезы во второй строке распространяется и на пару слов *добро* – *лицемерие*. **Добро** здесь – искренность, душевность, открытость. «Локализация» **добра** – «в книгах». Иронично звучат следующие строки из стихотворения того же поэта:

Это только в сказках: Золушка заплачет,
Добрый лес зашелестит.

Усилительно-ограничительная частица, прием олицетворения (*добрый лес*) эксплицируют хронотопическую невключенность **добра** в сферу реальной жизни. **Зло** выступает признаком земного мира: «*На этой злой и грустной земле...*».

Лексема *добро* и ее производные встречаются в текстах М.Цветаевой и Н.Гумилева достаточно редко. Антоним *зло* эксплицирован чаще. У Цветаевой разнообразен словообразовательный ряд: *злой, злость, злодейка, злодей, злостный, злодейство, злецы* (окказионализм – название лица). Объем семантических преобразований не отличается особой выпуклостью: под *злым* началом обычно подразумевается *ложь, предательство, война*. Н.Гумилев качественной характеристикой – *злой(ая, ое)* – наделяет неодушевленные объекты: *мысли, судьбу*. Поэт осмысливает **добро** в когнитивных признаках «свобода», «святость», «противник зла» и метафорических образах **света, солнца, вышины**:

*Да здравствует *свет*, разгоняющий *зло*!

Да здравствует наша свобода!

*...Путь, ведущий к *добр*у.

<...> Улетать в *вышину*.

Осмысливая **добро**, И.Северянин закономерно ассоциирует его с другими абстрактными концептемами **правда, красота, любовь**. Оно противопоставляется *смерти, хулу, пороку* («*Святых нет для сердца святотатца, / Как доброты у смерти...*»). **Добро** выступает знаком небесного мира: «...*Ввысь летящей к правде и добру!*».

*...Литературы властелин державный.

Добра – скрижалей разума – певец (Льву Толстому – Е.П.).

*И *добрые* люди за *добрые* песни – стихи

Прощают ошибки и, если найдутся, грехи.

Творческий акт приравнивается к священнописанию. **Добро** реифицируется в образе *скрижалей* (по библейскому сказанию, заповеди Моисея были записаны на каменных скрижалях).

Источником **добра** Северянин называет *разум*, а не *сердце* или *душу*, что более традиционно для русской КМ.

Определим основные когнитивные признаки ДОБРА на основе анализа сочетаемости концептемы **добро** в идеосфере Серебряного века: **добро** – жизнь; **добро** – искренность, душевность; **добро** – примета мира неземного; **добро** – спокойствие, умиротворение; **добро** – милость, спасение; **добро** – радость, счастье; **добро** – вера, надежда; **добро** – свет; **добро** – небесная сфера природы; **добро** – свойство души и сердца человека, реже – разума; **добро** – творчество; **добро** – непорочность, чистота, святость.

В качестве образных вербализаторов АСП данного кода следует признать те отвлеченные смыслы, которые представляются авторам высшими ценностями. Для Цветаевой это группа родственных слов с исконным корнем «-ду- // -ды-».

Душа – божественный дар, которого не каждый достоин: «Праведник душу урвал – осанна!», «Дай мне душу, Спаситель». В ней локализована ментальная способность *помнить* – *забывать*. В сферу положительных нравственных качеств поэт включает **верность**, которая есть некая разновидность **памяти**. **Верный(ая)** – константная характеристика лирической героини, письменного **стола**, **правой руки**.

Н.Гумилев наделяет **душу** признаками «крылатость» (зооморфизм) и «зрячесть» (антропоморфизм): «Дремала душа, как слепая...», «Душа твоя дивно крылата...». Она обретает некую если не телесность, то форму, объем. На это указывают поэтические конструкции, в которых лексема *душа* выступает в позиции объекта («Когда внезапная тоска / Мне тайно в душу проберется...»). В то же время **душа** наделяется антропоморфными признаками: она улыбается, говорит, гордится, умирает: «Я вглядываюсь в облака, / Пока душа не улыбнется», «И все идет душа, горда своим уделом...».

У И.Северянина **душа** предстает в метафоре физического объема («толпа пустая», т.е. без души) и природного времени (**душа** поэта – «день весны»). Творить без **души** невозможно, ибо стихи – «цепочки строчек, спаянные душой». **Душа** моделируется в метафорах биоморфного кода: «...взойдет, как солнце, / Моя вселенская душа!», «крылатая лебедь – Душа»; кода аудиального: «...И, в упоении, бряца струнами / Души восторженной, кричать: “Живу!”»; кода теософского: «Душа грёзера, как рай, нелепа...», «Зверели люди... / В их душах светочи погасли». Люди без **души** превращаются в «стаю».

Лексема *человек* маркируется как отрицательный смысл: в результате семантического сдвига происходит пейорация ЛЗ.

Сегмент «Чувственный код» вербализован в концептемах, которые включаются в сферу ДОБРА и в общенациональном восприятии: **любовь, нежность, жалость, красота**. Символическими экспликаторами концептосмысла являются биоморфные образы **цветка (розы), солнца, зари, радуги, весны**; теософские – **плоти и крови Христовой, распятия**. **Любовь** понимается как неотъемлемая способность **души и сердца** человека. В идеолексиконе Н.Гумилева **любовь** – проявление всемогущего божественного начала: «*Моя любовь растопит адский лед...*». У Г.Иванова субъективное значения концептемы предельно расширено, **любовь** наделяется пантеистическими характеристиками:

*А *любовь* – семицветною радугой станет она,
Кукованьем кукушки, иль камнем, иль веткою дуба...

*Весь мир – *влюблённые* одни.

Любовь в идеосфере Серебряного века понимается не в «этимологическом» (желание) и «гедоническом» (наслаждение) планах, а в «андрогинном» (понимание, гармония) и «карикативном» (доверие, уважение, жертвенность, преданность). Представленные семантические «блоки» концепта ЛЮБОВЬ выделил С.Г.Воркачев (Воркачев 2007а).

В идеолексиконе М.Цветаевой **любовь** осмысливается своеобразно: как религиозное поклонение («*Здесь, у маленькой богородицы, / Вся Кордова в любви клялась*»); как страсть («*Схватить его! Крепче! Любить и / Любить его лишь!*»): *страсть* не лексикализуется, но передается синтаксической дробностью и интонационной избыточностью фразы); как страдание («*Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль*»).

И. Кудрова определяет любовь у Цветаевой как разновидность «страсти самоотреченной, готовой расплатиться собственной жизнью за то (или того), что дороже жизни», такая любовь – «прорыв добра сквозь зло», «великая светлая сила мира, Ариаднина нить, по которой даже злодей может выйти из наваждения зла» (Кудрова 2003: 158). В лексиконе **любви** преобладают глагольные образования: *люблю, разлюбил, перелюбя, влю-бившийся*. Цветаева использует свой излюбленный прием поэтической этимологии (*лю-бить* = *бить-ся*), подчеркивая семантику интенсивности. **Любовь** предстает в метафоре теософского кода *распятия* («*Пригвождена к позорному столбу...*»).

И нет такой ямы, и нет такой бездны –
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

Фонематическое и морфологическое подобие центральных адъективных причастий *желанный* (от *желать*) и *жаленный* (от *жалеть*) не воспринимается как языковая игра: *желанный*, потому что *любимый – жаленный*, потому что *болезный* (синтагматическая близость лексем исключает сопряжение смыслов *жаленный ← ужалить*). В.В. Колесов отмечал среди прочих «женских» черт русской ментальности «доброту и отзывчивость, любовь-жалость» (Колесов 2004: 165). Готовность сострадать и следовать за любимым в «бездну» – гипертрофированное проявление *любви-жалости*. В этом – гендерная специфика проявления чувства.

Г.Иванов актуализирует концептему *нежность*. Семантическая трансформация достигает апогея оксюморонности в следующем контексте: «*Мне хочется немного нежности / От ненавидящих меня*». *Нежность* здесь – любовь, понимание, сострадание, сочувствие («андрогинный» блок). Образуется окказиональная антонимическая пара *нежность – ненависть*.

В.Иванов семантику чувства вербализует в метафорике *света* («*Горел Любви святой пожар*», «*свет любви*», «*Так ты, любовь, упрещена / Зарей души*» и *красоты*. В статье «*Два маяка*» поэт писал: «Красота открывается через посредство гения, гений же есть дар Божественной благодати, не иначе действующий, как в согласии с Добром». В сознании поэта соплагаются категории *Красоты, Добра, Божественного*. Н.Гумилев также наделяет *красоту* признаком *святости*: «*Вещь, которой ты коснулась, / Вдруг свята, / В ней таинственно проснулась / Красота*».

В сегменте «Колоративный код» анализируются общие поэтические концептемы *голубой, синий*; у М.Цветаевой и В.Иванова – *лазурь*. У всех поэтов, кроме М.Цветаевой, положительно коннотированной оказывается семантика *золотого*. Эти цвета являются ассоциативными метафорами концептом *небо, солнце* и *Бог. Белый цвет* одновременно включается в ассоциативно-образный слой ДОБРА и ЗЛА, что связано с древними мифологическими представлениями. *Зеленый* и *красный* в идеолексиконе Цветаевой эксплицируют смыслы пересеченных с ДОБРОМ концептов ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ.

Лишь одно я принял бы не споря –
Тихий, тихий, золотой покой.

Н.Гумилев в приведенном примере использует прием лексической градации. Синтаксическое и пунктуационное оформление второй строки (использование запятых позволяет

интерпретировать *золотой* и *тихий* как однородные качественные прилагательные) поддерживает семантический сдвиг: *золотой* выступает в значении превосходной степени «самый тихий». «*Тихий покой*» не плеоназм, т.к. *тихий* в идеолексиконе Гумилева обозначает не формальное отсутствие звуков, а причастность к божественному миру.

У концептемы *рай* Г.Иванова цветковые маркеры варьируются:

*...И взойдет в песках павлиний,

Золотой и синий рай.

*- Скоро, скоро к голубому раю

— Лебедями полетим...

В преобладающем большинстве контекстов *синий / голубой* цвет связан с семантикой *света* и *неба* и маркирует образы-эталоны (этические и эстетические): «*волны голубого света*», «*сиянье синевы*», «*синий младенческий рассвет*».

Сиреневый, фиалковый, фиолетовый – колоративы-доминанты, используемые Северяниным (*сирень* и *фиалка* – вегетативные метафоры *молодости, мечтаний, любви*). К ЛСП синего цвета относятся и их текстовые заместители: *незабудковый*, краткое прилагательное *небесен / онебесен*, сложные *весело-голубой, среброголубой, голубо-блесткий*, производная глагольная парадигма *синеть, голубеть* и т.д. «Нефлористические» (не образованные от названий цветов) концептемы актуализируют такие признаки ДОБРА, как *умиротворение* («*Мне хочется теплого и голубого...*», «*И вот опять в душе лазорие...*»), *возвышенное* («*Одно – искать позорной славы./ Иное – славы голубой*»), *радость* («*Хочу туда – где море бирюзово,/ <...> Везде лазорь,/ <...> Там вечный пир, и музыка...*»), *любовь* («*Как хорошо, что в общем вешнем шуме / Милей всего твой голос голубой*»; «*Она мне прислала письмо голубое*», т.е. мечтательное и нежное письмо. Концептемы данного цветового поля передают приятные душевные переживания, которые подсказаны поэту жизнью и знанием народных представлений о синем цвете как символе «духовности и бесконечности».

Золотой как признак *добра, солнца, творчества* противопоставлен в идеолексиконе Северянина *желтому* как признаку старости, умирания, пошлости (концептемы ЗЛА). У М.Цветаевой негативная семантика *золота* и *золотого* цвета связывается со статикой в противоположность динамике *серебряного* цвета (поэтому купола церквей Цветаева обычно называет не *золотыми*, а *червонными*). Самоощущение и мировоззрение поэта способствует осмыслению *серебряного* цвета как более доброго, женского («...А я серебрясь и

сверкаю...». В идеолексиконе В.Иванова концептема **золотой** выступает символом **волшебства**, воплощения **мечты**. **Белый** – знак чистоты, душевной непорочности, святости.

Сегмент «Витальный код» связывает ДОБРО с такими концептемами, как **детство**, **юность**, **молодость**, **творчество**, **счастье**. Концептуально значимыми признаками **жизни** становятся: «интенсивность», «светоносность», «бурление чувств», «ориентированность на бесконечность». Концептуальные метафоры **жизнь – весна**, **жизнь – заря**, **жизнь – восход**, **жизнь – мечта**, **жизнь – цветение** сопоставляют **жизнь** с другими образными компонентами ДОБРА.

Наиболее частотной лексемой АСП **жизни** в идеолексиконе Гумилева является **детство**. Его образующими компонентами становятся те языковые единицы, которые представлены в образном слое концепта ДОБРО: концептуальные семы «**счастье**» («Почему же не счастлив я, словно дитя?», «**сад – рай**» («Душу исполнит нам жгучей страстью / Смуглый ребенок в чайном саду», «**солнце**» («Светит солнце, яркое, как в детстве...» и др. **Смерть** позитивируется и включается в сферу ДОБРА. Стихотворение Н.Гумилева «Утешение» можно считать ключевым в трактовке этого образа. Лексема, вынесенная в заглавие, – эвфемизм для обозначения **смерти** и синоним **покоя**, **счастья**. Поэт определяет **землю** как «*отдохновению благоприятный дом*», а тление нарекает «*заманчивым*». Оксюморонность в употреблении эпитетов *заманчивой*, *благоприятный* как потенциальных распространителей сущ. **смерть** доказывает нестандартность авторского подхода к оценке **смерти** и лексической наполняемости ДОБРА.

Концептема **жизнь** в поэзии Г.Иванова энантиосемизируется и противопоставляется самой себе – **жизни** = «тоске», «скуке», «усталости». Но **жизнь** предстает и как высшая ценность: «*Только бы жить.../Хоть на литейном заводе служить...*».

И.Северянин свое понимание смысла **жизни** реализует посредством концентрического расширения семантики слова-понятия, которое на семном уровне устанавливает ассоциативные скрепы с концептемами: **весна** (биоморфная метафора «*жизнь – цветущая весна*», **счастье** («*Мы счастливы тем, что живем*», **творчество** (оксюморон в стихотворении «На смерть Лермонтова»: «*А он, и мертвый, – да живой!*», **свет** («*Коль жить нельзя, зачем существовать?... Во имя светлого восхода / Рискну еще страдать!*»). Можно выявить семантическое отличие узуальных синонимов: **жизнь** без

«счастья», «творчества», «света», «любви», «мечты» превращается в *существование*.

Сегмент «Соматический код» исследуется в свете антропоцентричности ментальной сферы и процессов познания. **Сердце** в наивной КМ всегда было источником добрых чувств и порывов (ср.: *сердобольный человек, желать от всего сердца*). Концептема представлена в дискурсах разных поэтов в схожих когнитивных признаках.

У символиста В.Иванова положительная оценка выражается посредством сравнения с объектами природы: *«Все перемнется в нас, что глина;/ Но сердце, сердце – как алмаз»*. Двойное сравнение контаминирует смыслы в метафору противопоставления: **сердце** = «алмаз» ↔ внутренний мир человека = «глина» (антагонистические семы: «твердость, вечность» – «мягкость, неустойчивость»).

У И.Северянина **сердце** – синекдоха **человека** – передает содержание любовного чувства и связанные с ним переживания (*«Ты не шла.../ Сердце ждет, сердце бесится грохотом»*). Метафорическое представление **сердца** в образах природы актуализирует его связь с миром божественного и его уязвимость в мире человеческом:

Сердце мое, этот колос по осени,
Сжато серпом бессердечия ближнего,
Сжато во имя духовного голода,
В славу нетленных устоев Всевышнего.

М.Цветаева называет **сердце** «магнетической искрой» и наделяет его особой неумолимой силой. **Сердце** метафоризируется в биоморфных когнитивных признаках «твердость» (*«гранат», «гранит»*), «горение», наделяется антропоморфной характеристикой «способность выражать чувство» (передана через семантическую трансформацию звукового эпитета – *«громкое сердце»*, аллитерацию *«ГРеми, ГРомкое»*). **Грудь** – метонимия **сердца**, у Цветаевой именно **грудь** свойственно быть уязвимой, страдающей (разведение смыслов связано с морфологической категоризацией).

Для идеолексикона М.Цветаевой большой значимостью обладают концептемы **рука** и **крыло**. Когнитивный признак «крылатость» – архетипический знак **ангела** и характеристика **души** человека (*«А за плечом – товарищ мой крылатый...», «Если душа родилась крылатой!»*). Образуется окказиональный смысловой параллелизм: **рука** – **крыло**. **Рука** наделяется признаком самостоятельного существования: *«Вот тебе моя рука – Праведная, правая!»*. Разрушается терминологический характер словосочетания *«правая рука»*, архаическое значение

выступает как критерий истины. У Цветаевой **правый** и **верхний** – концептемы ДОБРА. **Рука – крыло** наделяется и другими антропоморфными способностями: любить («У меня к тебе наклон крыл...»); творить («Я знаю, что Венера – дело рук...»); верить («Две руки крестом...»); испытывать чувство стыда и вообще чувствовать («...Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, –/ Пятью пальцами – да от всех пяти / Чувств»; жить («Ведомо мне в жизни рук многое...;/ Ибо ладонь – жизнь»); помнить и забывать («Рукою обветренной / Взяла – и забыла»; испытывать боль («Даль и боль, это та же ладонь / Отрывающаяся...»); поддерживать («...Человека надоба / Рук – в руке моей»; желать и умирать («Руки в землю хотят – от плеч!»).

Следующий контекст содержит метафору антропологическую, биоморфную и социальную: «Что же мне делать, слепцу и пасынку,/ В мире, где каждый отч и зряч». Два признака – физиологический (слепец, зряч) и социальный (пасынок, отч) употребляются не просто как однородные члены предложения, но как синонимы. Сближение смыслов возможно благодаря интеграции сем – «лишенность зрения» и «лишенность родителя». Н.Гумилев также связывает физиологическую способность человека видеть с «веданием» (знанием, откровением, душевной пронизательностью):

...Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши! («Вечное»).

Когнитивный признак образной сферы ДОБРА «крылатость» встречается и в поэзии И.Северянина в ряду окказионализмов – *воскрылие, крылолёт, крылю*, реализующих потенциальные возможности словообразовательной системы. В ментальном языке Северянина есть и антоним к **воскрылию** – **бескрылие**, потенциальная концептема ЗЛА, которая образована по общезыковой модели (**бездушие, бессердечие**) и включена в синонимический ряд отрицательных смыслов: «...Кома грязи – разврат и бескрылие».

По языческим представлениям славян, если человек жил праведно, то душа превращается в голубя. Вместилищем души у славян считается сердце или грудь. С мифологемой «душа – птица» связан обычай оставлять на Пасху на могилах крашеные яйца для птиц. Так в русской ментальности переплетаются языческие и христианские идеи.

В сегменте «Социально-пространственный код» рассматриваются концептуальные признаки ДОБРА, которые

включают человека в горизонталь земных связей (**мать, жена, сын, дочь, брат, сестра, ребенок, родной**). Код вербализуется и в концепте артефакта **дом** («родное» человеку пространство: *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают* и др.).

Будучи эмигрантом, Г.Иванов тему **дома** связывает с **Россией**. Противопоставление **родины** и эмиграции дается в развернутой метафоризированной и лексикализованной антитезе: *свобода – тюрьма, воздух (тепло) – холод, затхлый – вольный*. **Россия** осмысливается как некая абстракция: это не вербализатор пространства («*ни границ не знаю, ни морей, ни рек*»), а знак духовных и душевных ценностей («*Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами*»).

В системе ценностей М.Цветаевой **дом** – кров, откуда человек вышел («*колыбельный дом*»), и последняя опора в жизни, убежище: «*Дом, который не страшен / В час народных расправ!*». Актуализируются семы «сказочность», «близость к лесу» (в концептосфере Цветаевой **лес** – это почти идеальный мир). Метафорический «взгляд» дома в языковом плане есть не что иное, как обращение к этимологии: *окно* → *око* → «*взгляд*» **дома**, который приравнивается к взгляду высших сил: «*Что око – то икона...*». **Дом** – отправная точка для полета **души** на небо: «*Недолго ведь с крыши – на небо*».

Дом в идеолексиконе Н.Гумилева – метафора мира небесного, который во многом напоминает мир земной: убранство его небогато, а его декоратор – сам Бог.

...Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато

И просто разубрал Всевышний небеса...

Дом предстает в образе живого и чувствующего беды существа. Оставленный жителями **дом** рушится, остывает и умирает. Человек без семьи предстает у Гумилева в метафоре «ненужного атома», связи между людьми уподобляются связям мира физического. Тот же мотив звучит и у Цветаевой: «*Кто дома не строил – / Земли не достоин*». Пустой дом предстает в коннотативно сниженных образах казармы, госпиталя.

В целом поэты Серебряного века с **домом** связывают позитивные переживания. **Дом** – это некий островок **добра, счастья, любви, детства**.

Сегмент «Аудиальный код» находит вербализованное выражение в творчестве поэтов, чья поэтическая доктрина связана с символизмом. Так, в дискурсе В.Иванова валентностные возможности лексемы **звук** расширяются: новые актанты – **душа** (*звучащая душа*), **солнце** (*звуки солнца*),

солнечный звон), *жизнь* (звуки жизни). *Созвучие, вещая песнь, святой отзвук, звон запенившихся чаш, гимн высот, звучащая душа, вселенская гроза, святая Лира, внушенные небом песни* – все эти музыкальные метафоры передают идею творчества. В качестве главных когнитивных признаков **музыки-творчества** выступают «масштаб», «божественная вертикаль», «причастность к поэтическому братству».

Лексема *музыка* в идеолексиконе Г.Иванова получает адъективные распространители *чудная, легкая, неземная, райская* и становится проводником высшего смысла.

**Шум города затих...*

И чувствует душа прикосновенье *Музы*.

**Я истощил свой дар в желаньях бесполезных.*

Шум жизни для меня, как звон цепей железных.

Шум – концептуальный антоним **творчества, музыки**. Семы «дисгармония», «неблагополучие», «мирское» включают эту лексему в образный слой ЗЛА.

В идеолексиконе Цветаевой **колокола** приобретают значение связующего звена между миром реальным и духовным: «*Опять сияющим крестам / Поют хвалу колокола*». Их звучание неизменно описывается в антропоморфной метафоре: *они поют, жалуются, их звон может заблудиться*. **Колокол** – часть России: «*Поп, крепче позаткни мне рот / Колокольной землей московскою!*».

Подведем основные итоги.

Реализация концепта в дискурсах исследуемых авторов отражает национально-историческую специфику восприятия ДОБРА в контексте эпохи Серебряного века. В сферу концепта входят все положительно заряженные семантемы с первичной (языковой) или вторичной (поэтической, окказиональной) коннотацией. Концептополагание редко базируется на материале общеязыкового ЛСП *добра*. Номинанты предметного мира становятся ассоциативными репрезентантами культурно-значимых смыслов и соотносятся с абстрактным понятием. Этому способствуют символизация и метафоризация. Концептемы образного слоя представляют собой свернутые концептуальные метафоры (*добро – это солнце, добро – это Бог, добро – это сад, добро – это дом, добро – это лазурь* и т.д.). Денотативно значимые единицы также могут выступать в роли концептом (*любовь, покой, жалость, сострадание*). Оценочность таких культурно-маркированных компонентов устойчива, общепринята и представляется объективной, поэтому в художественном дискурсе используется редко. В языке поэзии Серебряного века реализуются потенциальные возможности языковой системы: расширение ЛЗ, обогащение

словообразовательных гнезд слов, энантиосемизация семем одной лексемы, изменение морфологической отнесенности слова, окказиональная синонимия и антонимия, контекстуальная полисемия, диффузия семного состава, эстетизация морфологических средств.

На основании проведенного анализа можно говорить о специфике художественного мышления разных поэтов. Так, М.Цветаева больше внимания (по сравнению с авторами мужской группы) уделяет рассмотрению разных аспектов любви и ее проявлений. В концептуальную сферу ДОБРА поэт-женщина включает **жалость, верность, сочувствие, смирение**. Иначе М.Цветаева вербализует и социально-пространственный код. Первостепенно значимыми для нее оказываются не только концептемы **дом, Россия, родина** (как и для всех поэтов, побывавших в эмиграции), но и репрезентанты тематической группы родственных связей (**мать, сын, дочь, сестра, брат** и т.д.). Доминантами колоративного кода у Цветаевой являются концептемы **серебряный, красный, зеленый**; у остальных поэтов цветовая символика ДОБРА является областью пересеченных смыслов и совпадает с общеязыковым представлением: **голубой, белый, золотой**.

ДОБРО в идеосфере Серебряного века – предельно обобщенное ценностное представление о нравственном идеале и идеале жизненного пространства человека, соотносимое с символикой России-дома и сада-рая и оживающее в образах природы. ДОБРО локализовано в объектах небесной сферы (солнце, звезда, сияние, заря, радуга) и трактуется как все хорошее, светлое, радостное, теплое. Актуализирует «карикативное» и «андрогиное» понимание любви, дарует внутреннюю гармонию человеку и окружающим его объектам. Высшее измерение ДОБРА – Бог и вечность, земное – душа человека, иногда – разум; сердце, руки, глаза (символы соматического кода); жизнь, молодость, счастье, творчество (витальные метафоры).

Литература

Лаврентьева, Е.С. Концепт «добро» в поэзии Н.С. Гумилева / Е.С.Лаврентьева // Республиканский конкурс научных работ среди студентов на соискание премии им. Н. И. Лобачевского: Сборник тезисов итоговой конференции. – Казань, 2004. – С. 227–228.

Лаврентьева, Е.С. Особенности концептополагания в поэзии Серебряного века / Е.С.Лаврентьева // Итоговая научно-образовательная

конференция студентов Казанского государственного университета за 2005 год: Сборник статей / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2005. – С. 78–79.

Лаврентьева, Е.С. Специфика концептополагания «Добра» в русской языковой картине мира / Е.С.Лаврентьева // Язык. Культура. Коммуникация: материалы международной научной конференции (Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.). Ч. 2. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 436–441.

Лаврентьева, Е.С. «Модное» понятие современной лингвистики (к вопросу о становлении концепта) / Е.С.Лаврентьева // Русская и сопоставительная филология 2006 / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С.144 –149.

Палеха, Е.С. Почему «звезда экрана» не может стать «светилом науки» (к проблеме национальных особенностей номинации) / Е.С.Палеха // Исследования по русскому языку: Сборник статей к 70-летию профессора Балалыкиной Э.А. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – С. 171–177.

Палеха, Е.С. К вопросу об универсальности концепта ДОБРО – GOOD (сопоставительный анализ фрагментов русской и англо-американской ЯКМ) / Е.С.Палеха // Русская и сопоставительная филология 2007 / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007 (в печати).

Палеха, Е.С. Лексико-семантическое поле *солнца* как выражение концептологического смысла *Добра* (на примере языка поэзии Серебряного века) / Е.С. Палеха // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 4-7 мая 2007 г.). Т.1. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 248–251.

Палеха, Е.С. Лексико-семантическое поле *Бога* в идиостиле Серебряного века / Е.С.Палеха // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 149. Кн.2. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. – С. 247–262.

Палеха, Е.С. Концепт ДОБРО в языке поэзии серебряного века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с.

С.А. Тихонова
(Омск)

ЗЛО

Цель данной работы состоит в выявлении лингвокультурной специфики концептов *зло* и *evil* посредством моделирования, системного описания и сопоставления их значимости в российской и американской политической картине мира.

Исходя из анализа существующих точек зрения на природу концепта, под концептами мы понимаем идеальные сущности, совокупность которых формирует картину мира, отражающие

национально и культурно опосредованные представления о мире, которые возникают в сознании человека в виде совокупности понятийно-дефиниционных, предметно-образных и ценностно-значимостных характеристик, вербализованных языковыми знаками.

Исследование различных точек зрения на структуру и содержание концепта приводит к выводу о концепте как многомерном явлении с подвижной структурой и содержанием, характер которых в свою очередь определяет существование различных видов и типов концепта.

Оптимальным для полноты семантического описания концепта представляется выделение в его составе трех составляющих: *понятийной, образной и значимостной*. Изучив основные направления исследования концептов, мы предлагаем использовать следующий алгоритм сопоставительного анализа концептов *зло* и *evil*:

1. Выбор лексемы-имени концепта.
2. Определение дефиниционных признаков концептов с использованием данных лингвистических словарей.
3. Рассмотрение этимологии, словообразовательной парадигмы и синонимов имени концепта с целью определения значимостного компонента концептов.
4. Выделение энциклопедических признаков концептов по данным лингвистического эксперимента.
5. Контент-анализ текстов СМИ с целью определения содержания понятийного компонента концептов, представленного фреймовой структурой.
6. Анализ сочетаемости имени концепта в политическом дискурсе для выделения дополнительных понятийных признаков.
7. Исследование образного компонента концептов посредством анализа метафорических моделей с именем концепта.
8. Сопоставление дефиниционных и энциклопедических признаков концептов *зло* и *evil*.
9. Сопоставление содержательных компонентов концептов *зло* и *evil* в политическом дискурсе с целью определения универсальных и специфических признаков.

Анализ словарных толкований имени концепта — лексемы «зло» и процедура ступенчатой идентификации позволила выделить основное содержание концепта *зло*. По данным лингвистических словарей концептуализация зла выглядит следующим образом: *зло распространяют люди (враги), причиняя физический или моральный вред посредством*

противоправных действий, распространения социальных проблем, проведения определенной политики в отношении некоторых слоев населения. И хотя зло всеобъемлюще и неизбежно, все его проявления должны быть наказуемы и ликвидированы.

Описанная модель ситуации, полагаем, может быть репрезентирована через фрейм-структуру. В данном случае, вслед за И.А. Тарасовой, мы рассматриваем фрейм «не как тип концепта, а как когнитивную структуру более высокого уровня, тип взаимодействия между концептами, как способ (форму) организации ментального пространства». Для определения структуры фрейма наряду с данными, полученными при анализе словарей, мы опирались на классификацию актантов, обобщенную Т.В. Шмелевой, и на классификацию типов валентностей Ю.Д. Апресяна, т.к. классификация актантов представляет собой набор основных элементов любой ситуации. Таким образом, основными слотами фрейма «причинение зла», отражающего понятийный компонент концепта **зло**, являются: субъект, сила, предикат, объектив, пациенс, каузатив, цель, инструмент, результатив, контрагенс, ответное действие и метод ответных действий.

Следующим этапом исследования концепта **зло** стало анкетирование носителей русского языка, включающее свободный ассоциативный эксперимент для выявления основных концептуальных признаков исследуемого концепта и набор вопросов для определения содержания понятийного компонента концепта в наивном сознании. Вопросы анкеты были разработаны с учетом вышеописанной фреймовой структуры. Было опрошено 96 человек в возрасте от 17 до 61 и старше.

Основными когнитивными ассоциатами концепта **зло**, по данным эксперимента, являются следующие: *'причинение вреда', 'жестокость', 'война', 'обман/ ложь', 'убийство', 'терроризм', 'ненависть', 'насилие', 'преступления', 'боль', 'предательство', 'несправедливость'.*

Энциклопедические признаки исследуемого концепта по данным направленного ассоциативного эксперимента представлены следующим образом.

В качестве субъектов (действующих лиц, причиняющих вред) в ситуации «причинение зла в политике» выступают *террористы, чиновники, олигархи.*

Силами (осуществляющими данную ситуацию) являются *недобросовестность руководителей, конфликт (внутренний или внешний), преступность.*

По данным анкетирования, типичными действиями (предикатами) по причинению зла называются следующие: причинять зло — это *использовать власть в собственных интересах, ущемлять права граждан, предавать интересы страны в угоду личным интересам, не заботиться о благосостоянии народа, обманывать и обворовывать народ, приводить страну к нищете, развязывать войну, быть замешанным в коррупции, приносить вред людям.*

Зло в политике направлено против *граждан страны, политических соперников (пациенс ситуации) и других государств (объектив).*

Инструментом причинения зла по данным опроса в первую очередь являются *экономические санкции, военные действия и психологическое давление.*

Причинами существования зла в политике называются *власть и деньги (каузативы ситуации).*

Существование зла в политической сфере приводит к *беспорядкам в стране, росту преступности, экономическому кризису и снижению нравственности общества (результативы).*

Искоренением зла в политике, по мнению респондентов, занимаются *политики, а также граждане страны (контрагенсы).*

Обобщив полученные результаты, мы выделили основные сферы зла в политической сфере: *собственно политическая, экономическая, военная и гражданско-правовая.*

В результате анализа контекстов употребления имени концепта мы сделали вывод о том, что концепт **зло** можно считать мегаконцептом, или общим концептом, в состав которого входят такие частные концепты, как: *терроризм, политический режим, власть, коррупция, государство, негативные социальные процессы, экстремизм, наркотики, негативные экономические процессы, война, моральное зло, политические выборы, законы, политические партии, преступность, реформы, бизнес, чужие культурные традиции.* Каждый из них может содержать все или некоторые слоты сконструированной фреймовой структуры.

Анализ политического дискурса позволил определить, что зло концептуализируется как ситуация, при которой целью отдельных политических деятелей является причинение психологического и физического вреда обществу. Кроме того, в России зло также исходит от отдельных организаций, государств, негативных явлений и процессов политического и социального характера и направлено на совершение насилия над личностями, а также на совершение террористических актов, на нарушение

действующего законодательства, злоупотребление властью и разрушение государства в целом. Причинами данных действий являются как субъективные факторы, так и объективные. Как результат предпринятых действий субъекта происходят террористические акты, межэтнические конфликты, сопровождающиеся политическими, экономическими, людскими потерями, что, однако, является стимулом государственных служащих и организаций, общества в целом, отдельных государств и международных сообщества к ответным действиям. Характер действий (мирные или насильственные) контрагентов находится в прямой зависимости от источника зла.

Кроме фреймовой структуры в понятийный компонент мы включаем еще ряд дополнительных концептуальных признаков, выявленных через исследование контекстной сочетаемости лексемы «зло», объективирующей концепт. Данные признаки также способствуют определению особенностей данного концепта и его места в современной картине политического мира. Анализ сочетаемости имени концепта – лексемы «зло» — с именами прилагательными позволили нам выделить дополнительные признаки изучаемого концепта, такие как: *'абсолютность', 'глобальность', 'важность', 'неизбежность', 'необходимость', 'непостижимость', 'способность вызывать страх'*, с одной стороны – *'универсальность'*, а с другой – *'временная, пространственная, национальная и религиозная обусловленность'*. Однако следует заметить, что данные признаки не являются постоянными и облигаторными для концепта, поэтому мы называем их потенциальными. Данные концептуальные признаки, как представляется, локализуются на так называемой периферии концепта.

Посредством метафор из понятийных сфер «Человек», «Растение», «Неживая природа», «Потусторонний мир», «Болезнь», «Географическое пространство» зло концептуализируется с одной стороны, как противник из плоти и крови, с которым нужно бороться, воевать, с другой стороны — как нечто или некто, неподдающийся пониманию, наводящий страх.

Для концептуализации зла используются образы явлений и процессов, привычных для нас в повседневной жизни – растения, болезни, вещества, территории, которые человек научился держать под контролем. Опыт человека в данных сферах позволяет бороться с проявлениями зла, которое часто абстрактно и неопределенно. Многообразие метафор, использующихся для концептуализации зла, подтверждает тезис

о сложности концепта и указывает на особенности восприятия и оценки данного феномена носителями русского языка.

Анализ лексемы «evil» по толковым словарям и словарям тезаурусного типа позволил выделить основное содержание концепта *evil*. По данным лингвистических словарей *злом являются люди и совершаемые ими действия осуждаемые моралью, нормами, законом и сопровождающиеся разрушениями и жертвами с целью намеренного причинения физического или психологического вреда*.

Следующим этапом исследования концепта *evil* стало анкетирование представителей американской лингвокультуры в формате, использованном при анкетировании русскоязычных респондентов. Анкета распространялась через специализированные Интернет-сайты – QuestionPro.com, Formdesk.com и AdvancedSurvey.com. Было опрошено 60 американцев в возрасте от 18 до 61 и старше.

Наиболее частотными ассоциатами на стимул «evil» у американцев выступали следующие: *причинение вреда (harmful actions), дьявол (the devil / Satan), убийство человека (murders), ненависть (hatred), безнравственность (morally wrong or wicked), жестокость (cruelty) и предубеждение (prejudice)*.

Фреймовая структура понятийного компонента исследуемого концепта по данным анкетирования выглядит следующим образом.

В качестве субъектов в ситуации «причинение зла в политике» выступают *террористы, чиновники, президент, другие государства, олигархи*.

Силами, осуществляющими ситуацию зла, являются *преступность, недобросовестность руководителей, конфликт (внутренний или внешний)*.

Типичными действиями по причинению зла называются следующие: *причинять зло — это использовать власть в собственных интересах (cheating), быть замешанным в коррупции (corruption), убийствах (murders), причинять вред людям (harming people), развязывать войну (war), лгать (lies), нарушать права человека (violation of human rights)*.

Основным пациентом ситуации «причинение зла в политике» для американцев являются различные *слои населения, относящиеся к так называемому меньшинству, граждане страны вообще, люди с низким доходом, а также политические соперники*.

Основным же объектом ситуации названы *природные и денежные ресурсы*.

Интересным, по нашему мнению, являются результаты опроса о характере зла в политике. Американцы считают, что зло в политике чаще всего связано с материальной сферой (36,7%), 30,6% опрошенных полагают, что зло носит психологический характер, 24,5% склоняются к тому, что зло, прежде всего, — это физическое воздействие.

Основными причинами существования зла в политике называются *власть и деньги*.

Инструментом причинения зла по данным опроса являются, в первую очередь, *экономические санкции*. 23% и 22% респондентов в качестве инструмента для причинения зла назвали *военные действия* и *угрозы* соответственно. Американцы также выделяют в качестве инструмента причинения зла *психологическое давление*.

Американцы полагают, что зло приводит в первую очередь к *снижению нравственности общества и экономическому кризису*.

Наиболее приемлемым способом действий в ситуации зла является борьба с ним, что было отмечено большинством опрошенных. Лидирующее место по искоренению зла в политике, по данным опроса, занимают граждане страны (33%). Достаточно эффективно, по мнению респондентов (23%), со злом борются журналисты.

Ядро концепта *evil* представлено характеристиками «что-либо аморальное» и «что-либо приносящее вред». Конкретным образом зла в политике являются *непредвиденные действия людей, осуждаемые моралью, нормами, законом и сопровождающиеся разрушениями и жертвами, осуществляемые с целью намеренного причинения физического или психологического вреда*.

Данные лингвистического эксперимента, как и в случае с русским концептом *зло*, позволяют нам сделать вывод о достаточной сложности концепта *evil*. Основными концептуальными признаками данного концепта являются следующие: *'вред', 'жестокость', 'война', 'обман/ ложь', 'убийство', 'ненависть', 'коррупция', 'безнравственность', 'нарушение прав'*.

Концепт *evil* является мегаконцептом, в состав которого входят такие частные концепты, как: *терроризм, политический режим, война, власть, экстремизм, политические партии, политические выборы, негативные экономические процессы, негативные социальные процессы, торговля людьми, коррупция, моральное зло*.

Структура концепта *evil* представлена фреймом. Каждый из выделенных частных концептов может содержать все или некоторые слоты сконструированной фреймовой структуры.

Анализ политического дискурса позволили определить, что зло концептуализируется как ситуация, при которой отдельные политические деятели, террористы и антидемократические государства, а также экстремистские проявления социальной нетерпимости направлены на причинение психологического и физического вреда обществу, а также на уничтожение отдельных государств и западной цивилизации в целом. Данные цели достигаются посредством физического и психологического насилия над гражданами, угроз уничтожения другого государства, создания оружия массового уничтожения, проведения террористических актов и поддержки международных террористических организаций. Причинами данных действий являются как субъективные, так и объективные факторы. В результате предпринятых действий субъекта происходят нарушения прав человека, межнациональные конфликты, сопровождающиеся политическими, экономическими, людскими потерями, что, однако, является стимулом к объединению усилий для ответных реакций на совершенное зло со стороны государственных деятелей и служб, международных организаций, отдельных государств и общества в целом. Характер ответных действий (мирные и насильственные) зависит от источника зла.

Данные, полученные при анализе сочетаемости имени концепта – лексемы «зло» с именами прилагательными позволили нам выделить дополнительные признаки изучаемого концепта, такие как: *'реальность'*, *'необходимость'*, *'непостижимость'*, *'способность изменяться и вызывать негативные эмоции'*, *'временная и религиозная обусловленность'*.

Контент-анализ политического дискурса позволил выделить концептуальные метафоры, через которые репрезентируется концепт *evil*, из следующих понятийных сфер: «Человек», «Война», «Растение», «Неживая природа», «Объекты, созданные человеком», «Географическое пространство». Зло представляется в образе противника из плоти и крови, с которым нужно бороться, используя оружие, на вполне определенной территории.

В результате сопоставительного анализа обобщенных словарных толкований лексем «зло» и «evil» было установлено, что сходство в восприятии зла наблюдается по основным признакам – источнику зла и его результату. Различия касаются

плана выражения ответной реакции. В отличие от американской лингвокультуры в русской лингвокультуре эксплицируется необходимость ответного действия на проявления зла.

Сопоставительный анализ ассоциаций носителей русской и американской лингвокультур позволил выявить универсальные признаки концептов – ‘жестокость’, ‘убийство’, ‘причинение вреда’, ‘ненависть’ – и национально специфические, указывающие на исторический опыт и современное состояние двух стран и специфические проблемы современной политической ситуации России (низкое благосостояние нации и халатное отношение руководства страны к обществу).

При сопоставлении общего содержания мегаконцептов **зло** и **evil** обнаружено, что содержание русского концепта шире (специфичными для русского зла являются концепты *государство, законы, реформы, бизнес, преступность, наркотики, чужие культурные традиции*), а значимость сходных частных концептов (*терроризм, политический режим, война, власть, экстремизм, политический партии, политические выборы, экономические процессы, социальные процессы, коррупция, моральное зло*) в российской и американской политической картине мира различна.

Терроризм и недемократические политические режимы, поддерживающие террористов, в настоящее время представляют опасность практически для всего мира, этим и объясняется их ведущее значение в содержании сопоставляемых концептов. Однако в американской политической картине мира политические режимы играют большую роль. Судя по процентным показателям, значение остальных составляющих мегаконцепта **evil** невелико.

Сопоставив содержание всех слотов фреймовой структуры мегаконцептов **зло** и **evil**, делаем вывод о том, что данные концепты имеют как схожие, так и национально обусловленные черты. В содержании частных концептов *терроризм* и *политические режимы*, вербализованных в российском и американском политических дискурсах, не было обнаружено больших отличий. Данное совпадение свидетельствует об общности восприятия наиболее важных проблем современного политического мира – терроризма и воинственных политических режимов. Различия в понимании зла представителей русской и американской лингвокультур выявляются при рассмотрении содержания остальных частных концептов. Политический дискурс той или иной страны вербализует те признаки концептов, которые наиболее значимы или злободневны в настоящий исторический период для политической ситуации в государстве.

Кроме фреймовой структуры в понятийный компонент входит ряд дополнительных (потенциальных) концептуальных признаков, также способствующих выявлению особенностей исследуемых концептов и их места в современной российской и американской картине политического мира.

В обеих лингвокультурах зло – *градуированный феномен*, что вербализуется сочетаниями «меньшее зло»/ «lesser evil», «наибольшее зло»/ «greater evil», передающими размер, интенсивность, важность проявлений зла. Зло может изменяться с течением времени, что репрезентирует признак *временной обусловленности зла*, например, «борьба с новым злом» и «the new evil of the world». Как для русских, так и для американцев зло является чем-то *непостижимым, трудно объяснимым феноменом*, который вызывает у человека сильные негативные чувства и эмоции. Несмотря на это, зло признается *необходимым фактором* в жизни человека. Еще одним общим признаком для обоих концептов является *национальная и религиозная обусловленность*, что означает, что зло есть характерная особенность определенного этноса или религии (чаще всего называется ислам).

В американском дискурсе, в отличие от российского, объективирован *признак реальности зла*. Можно предположить, что американцам, привыкшим к спокойной, размеренной жизни, трудно осознать, что ужасные проявления зла, например, терроризм, возможны в реальном мире, а не только в виртуальном мире телевидения и информационных технологий.

Представители русской лингвокультуры склонны воспринимать зло как *нечто неизбежное, абсолютное*, ни от чего или ни от кого не зависящее. В понимании русских зло — *универсальный феномен*, хотя его проявления локализируются в разных точках планеты.

Образные признаки концептов *зло* и *evil*, выделенные посредством анализа метафорических реализаций их языковых воплощений, наиболее ярко отражают особенности концептуализации зла в политическом дискурсе двух стран. Как отмечает А.П. Чудинов, сопоставительные исследования метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволяет «лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой – специфические признаки того или иного национального политического дискурса».

Наиболее распространенной универсальной метафорой в анализируемых дискурсах является модель «**зло – это человек**». Зло способно на человеческие поступки и обладает некоторыми качествами, характерными для людей, например: *В России победило Зло, богато в России только Зло.* (CP 6.05.04) и *We can be confident, too, that **evil may be present, and it may be strong, but it will not prevail.*** (DSN 30.03.02)

Однако в отличие от российского восприятия, зло в американском дискурсе наделяется некоторыми анатомическими особенностями — *You know the difference between good and evil because you have **seen evil's face.*** (President Bush Welcomes Romania to NATO 11.23.02)

Также особенностью американского политического дискурса является метафорическое представление зла как лидера, работодателя — *America will never forget the "**servants of evil**" behind the Sept. 11 attacks, President Bush said Wednesday...* (SPT 11.09.03)

Наиболее типичны как для российского, так и для американского политического дискурса образы зла, связанные с войной. С помощью военных метафор зло предстает в виде военного захватчика. Сравним: *"Преступные деяния нацистов были остановлены и это было победой международных сил, объединенных в борьбе против гитлеровского зла, стремившегося подчинить себе весь мир", — сказал Александр Квасьяневский.* (Из. 27.01.05) и *Past crises are supposed to fade into the background as the Bush administration pushes obdurately forward across the sands of Kuwait in its grandiose plan to "**liberate**" Baghdad from evil, but yesterday's bad guys can't seem to leave the good guys alone.* (uE 14.03.03)

Широко представлена в анализируемых дискурсах метафора «**зло – военный противник**»: *И почему агрессивный сепаратизм является благом только вне России – в Молдове, Азербайджане, Грузии, в то время как сама Россия военными методами борется с этим злом.* (НВ 6.01.02) и *All of us here today understand this: We do not fight Islam, we **fight against evil.*** (President Bush: "No nation can be neutral in this conflict" 6.11.01)

В американском политическом дискурсе нередко используется и другой военный образ – оружие: *"We must never simply **fight evil with evil,**" says Republican Senator John McCain, himself a torture victim during the Vietnam War.* (NYT 29.11.05)

Универсальной для обоих дискурсов является метафорическая модель «**зло – вещество**». Зло концептуализируется как жидкое или газообразное вещество,

которое трудно локализовать. Сравним: **Зло, однажды выпущенное из ящика Пандоры, трудно локализовать в рамках административных границ Чечни.** (МН №42 за 2002) и *"In the Second World War, we learned **there is no isolation from evil,**" Bush told the U.N. last month. "That evil has returned, and (our) cause is renewed."* (LAW 12.12.01)

Модель «**зло – растение**» репрезентирует зло как сорняк, растущий в саду, который необходимо вырывать с корнем. Сравним: *Но чтобы «**выкорчевать с корнями злобную идеологию**» этого меньшинства, Великобритании потребуется международное содействие в тех неназванных странах, где временами насилию учат «в весьма раннем возрасте» – очевидный намек на пакистанские медресе, которые давно уже являются общепризнанным **рассадником подобного зла.*** (ПЖ 18.07.05) и *Now is the time -- now is the time **to root out evil** so that our children and grandchildren can live with freedom as the beacon all around the world.* (President Unveils Back to Work Plan 10.04.01).

По справедливому утверждению Т.В. Шмелевой, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс», в котором функционируют одинаковые языковые средства, ставшие универсальными для различных лингвокультур. Это замечание, в частности, относится к выражениям «evil empire»/ «империя зла» и «axis of evil»/ «ось зла», являющимся основой метафорической модели «**зло — страна**», характерной как для американского, так и для российского политического дискурса.

Что касается специфических черт российского восприятия зла, то особенности проявляются в использовании таких моделей как «**зло – сверхъестественное существо**» (*Но бен Ладен с некоторых пор – это почти **бесплотный дух, некая квинтэссенция зла.** У него нет адреса, существует он, похоже, только в электронной версии, он везде и нигде.* (Саддам Хусейн как зеркало мирового несовершенства Г. Кунадзе// НВ 06.10.02)) и «**зло — болезнь**» (*Житинкин прав: есть очарование зла (но не он это «открыл»). Именно поэтому сословия в капстранах не пересекаются: нельзя общаться со **Злом — заразно.** (О порядочности. Откуда берутся люди чести? И.Г.Воронцов// СР 06.05.04)), нехарактерных для американского политического дискурса.*

В отличие от российского политического дискурса в американском дискурсе зло предстает как некий материальный предмет, который можно увидеть и почувствовать (*Base officials*

also pointed out the area's infamous sights: where American Taliban member John Walker Lindh was held. Where a firefight happened a few weeks ago. Where Osama Bin Laden's troops had trained nearby. "You could **sense the evil**," Ellis said. (Heaven in time of war: 6,700 ribeyes // SPT 07.02.02)) и как (вражеский) корабль (In the four years since September the 11th, **the evil that reached our shores** has reappeared on other days, in other places -- in Mombasa and Casablanca and Riyadh and Jakarta and Istanbul and Madrid and Beslan and Taba and Netanya and Baghdad, and elsewhere. (President Commemorates Veterans Day, Discusses War on Terror 11.11.05 <http://www.whitehouse.gov/news/releases2005/11/20051111-1.html>)). Образ зла в виде корабля в американском дискурсе, представляется, основан на объективном факторе – географическом положении США, с двух сторон омываемых океаном.

Что касается ценностной составляющей исследуемых концептов, то следует сказать, что зло как в российской, так и в американской картине современного политического мира играет значительную роль. Наличие большого числа однокоренных слов лексемы «зло» и синонимов лексемы «evil» свидетельствует о важном месте вербализованных ими концептов в российской и американской лингвокультуре. Интерпретативный анализ и анализ сочетаемости лексем – имен концептов позволяет сделать вывод о том, что, сохранив базовые признаки, практически универсальные для всех народов, и традиционные культурно специфичные черты, концепты **зло** и **evil** с изменением общественной жизни, внутренней и внешней политической ситуации приобретают все новые признаки, как универсальные для цивилизованного мира, так и специфические для определенного национального политического дискурса.

Подведем основные итоги.

Зло и **evil** – универсальные концепты, в настоящее время наиболее полно реализующиеся в политическом дискурсе, в котором посредством языковой репрезентации отражается не только политическая ситуация двух стран, но и особенности мировоззрения, стереотипов и языкового поведения носителей русской и американской культур.

Концепты **зло** и **evil** являются мегаконцептами, объединяющими определенный набор частных концептов. В качестве совпадающих в двух культурах выступают концепты *терроризм, экстремизм, политический режим, власть, политические выборы, война, коррупция, негативные экономические процессы, негативные социальные процессы,*

наркотики и моральное зло. Специфическими частными концептами в русской политической картине мира являются *государство, законы, преступность, реформы, бизнес, чужие культурные традиции*, в американской – *торговля людьми*.

Сопоставительный анализ репрезентации концептов *зло* и *evil* в двух национально-языковых системах выявляет их общие и дифференциальные концептуальные признаки.

Дефиниционные признаки, выявляемые в ходе анализа словарных толкований имен концептов (*зло* и *evil*), позволяют реконструировать прототипическую ситуацию: источник зла – непредвиденное событие или некое состояние человека, способствующее причинению физического или психологического вреда. Особенность русской лингвокультуры – необходимость ответа на проявление зла.

Энциклопедические концептуальные признаки сопоставляемых концептов эксплицируются в ассоциативном эксперименте. Общие признаки – *'жестокость', 'убийство', 'причинение вреда', 'ненависть'*, национально-специфические – *'обман', 'несправедливость', 'предательство', 'боль', 'преступления', 'война'* для концепта *зло* и *'безнравственность', 'инфернальность', 'предубеждение'* для концепта *evil*.

Потенциальные (периферийные) концептуальные признаки, выявляемые через исследование контекстной сочетаемости имен концептов *зло* и *evil*, квалифицируются как универсальные (*'градуированность размера' и 'степень важности', 'непостижимость', 'необходимость', 'временная, национальная и религиозная обусловленность'*) и дифференциальные: для русской ЯКМ – *'неизбежность', 'абсолютность', 'универсальность'*, для американской – *'реальность'*.

1. Сопоставительное изучение репрезентации концептов *зло* и *evil* в российском и американском политическом дискурсе позволяет выявить их основные компоненты и описать их национальную специфику.

Понятийный компонент концептов *зло* и *evil* может быть представлен в виде фрейма «причинение зла». При совпадении структуры фрейма (общего набора слотов) различия обнаруживаются в характере их вербальной репрезентации в русских и американских СМИ.

Универсальные **образные** параллели: *«зло – военный противник», «зло – растение», «зло – вещество», «зло – страна»*. Для русской ЯКМ характерны модели *«зло – сверхъестественное существо», «зло – болезнь»*; для

американской – «зло – лидер», «зло – работодатель», «зло – захватчики», «зло – оружие», «зло – материальный объект».

Значимостная/ ценностная составляющая концептов указывает на их место в современной политической картине мира. Зло является общечеловеческой антиценностью, оппозицию которой составляет добро. По этой шкале «добро – зло» человек оценивает все происходящее внутри и вокруг него. Концепты **зло** и **evil** в настоящее время активизируются в связи с изменениями культурных, национальных, религиозных и политических факторов. Это проявляется в высокой словообразовательной продуктивности, в большом количестве лексико-семантических вариантов лексем-имен концептов, а также в создании идеологем («evil empire»/ «империя зла» и «axis of evil»/ «ось зла»), в частом использовании имени концептов для психологического воздействия и манипуляции обществом.

Литература

Тихонова С.А. Репрезентация образного компонента концептов «зло» и «evil» в российском и американском политическом дискурсе// Омский научный вестник. – 2006. – № 8 (44). – С. 183-187.

Тихонова С.А. (Дедова С.А.) Содержание понятийного компонента концепта «зло» в политическом дискурсе// Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 16. / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. – С. 52-61.

Тихонова С.А. Концепты «зло» и «evil» в русском и американском политическом дискурсе (понятийный компонент)// LINGUISTICA JUVENIS. Язык и культура: Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 7. – Екатеринбург, 2006. – С.202-209.

Тихонова С.А. Репрезентация картины мира в политическом медиа-дискурсе// Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 14 октября 2005 г. Стерлитамакская государственная педагогическая академия (Респ. Башкортостан)/ Отв. ред. Н.В. Пятаева: В 2-х т. — Стерлитамак: СГПА, 2006. – Т.1. – С. 157-159.

Тихонова С.А. Репрезентация концепта «терроризм» в политическом дискурсе (на материале российских СМИ) // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – С.176-183.

Тихонова С.А. Концепт «зло» в российском политическом дискурсе (понятийный компонент) // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.)/ Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ (Серия

«Концептуальные исследования». Вып. 8). – Кемерово, 2006. – С. 446-452.

Тихонова С.А. Концепты *ZLO* и *EVIL* в российской и американской политической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.

**Ю.В. Крылов
(Новосибирск)**

ЗЛОСТЬ

Цель данной работы – моделирование концепта «Злость», воплощенного в русском языке, а также описание языковых и ментальных областей его пересечения с другими концептами в эмотивной картине мира.

При моделировании семантического поля эмоции «Злость» нами были выявлены разные типы эмотивных единиц: 1) слова с лексическим значением, позволяющими четко идентифицировать эмоциональное состояние (злость, гнев, раздражение); 2) слова, называющие состояния, осложненные дополнительными переживаниями (ехидничать, язвить); 3) слова, в значении которых семантика злости находится на периферии (роптать, досадовать).

Слова первой группы позволяют достаточно четко опознать эмоциональное состояние и сходны с понятием «опорных слов», предложенным Э. В. Кузнецовой (Кузнецова 1973: 86). Они составят основу, словарь эмоции, поскольку наиболее точно передают ее значение (*злость, раздражение, возмущение, негодование, ярость* и т. д.).

К периферии поля могут быть отнесены эмотивно-оценочные единицы (лексические и фразеологические), которые помимо экспрессивной функции также с достаточной точностью дифференцируют эмоцию субъекта (*взбеситься, взвиться, вцепиться в горло* и т. д.).

В исследовании решался вопрос о выборе эмотива-идентификатора поля эмоции. Необходимость выбора обусловлена сложившейся традицией (влияние англоязычной литературы) использования для названия исследуемой эмоции слова **гнев**. Центр «поля» может быть представлен наиболее употребительными, наиболее простыми по своим лексическим значениям словами. Чем более специализированным является значение слова, тем реже оно используется, тем более тяготеет к периферии.

С опорой на материалы Нового объяснительного словаря синонимов под редакцией Ю. Д. Апресяна (Апресян 1999), а также других словарей синонимов и с учетом частотных словарей (Штейнфельдт 1973, Засорина 1977, Шаров 2001) в качестве названия поля и его центрального идентификатора было взято слово **злость**.

Злость в отличие от **гнева** не осложняется семантикой обязательной высококогнитивной оценки и, как следствие, особой значимости каузатора эмоции. Об этом свидетельствуют невозможность употребления слова **гнев** в сочетании с животными (в противоположность **злости** — собака злилась) или в сочетании с «незначительным» каузатором (**гневаться** за недосоленный суп, небольшое опоздание). Помимо этого в значении слова **гнев** выделяется сема социального и возрастного статуса субъекта эмоции: отец гневается на сына, а не наоборот.

Анализ семантики слова **гнев** показывает, что в эмотивном словаре оно номинирует лишь малую часть понятия, которое в психологии описывается тем же словом, т.е. для позиции идентификатора является слишком специализированным. Следовательно, семантическое поле, «отправной точкой» которого является слово **гнев**, предполагает большое количество ограничений для включения в него эмотивов, которые на самом деле в сознании человека могут обозначать описываемую эмоцию или соотносится с ней.

Выбор в качестве идентификатора слова **злость** позволяет включить в СП единицы со значением «неудовольствие», которые Л. Г. Бабенко выделяют в отдельную область. Основанием для объединения служит наличие в словах группы «неудовольствие», кроме семы отрицательной эмотивной оценки, семантического компонента эмоционального состояния, являющегося вариантом эмоции **злость**.

С учетом анализа семантики слова «злость», можно предложить следующее описание: эмоция предполагает низкокогнитивную, непосредственную эмотивную оценку ситуации, в результате чего может переживаться не только человеком и не зависит от статусов субъекта и объекта эмоции; проявляется непосредственно в момент осознания причины, которая не обязательно должна быть серьезной (порой достаточно мелочи); не требует обязательного вербального проявления; имеет широкий диапазон эмоционального накала; требует скорого разрешения путем выражения агрессии.

Эмоциональное состояние, обозначаемое глаголом **злиться** и его синонимами, имеет ряд признаков, на основании которых

носители языка осознают наличие именно этой эмоции и отличают ее от других эмоций.

В качестве **интегральных признаков** семантического поля «Злость» нами были выделены и описаны следующие: отрицательная оценка эмоции; «температура» эмоции, причина появления эмоции, стремление к причинению вреда, объектные отношения.

Дифференциальными признаками, разграничивающими семантику единиц внутри поля, являются: интенсивность, форма проявления, социальный компонент.

1. Отрицательная оценка положения дел. Оценка в качестве первого признака поля «Злость» выделяется, поскольку, с одной стороны, – это характеристика, присущая любой эмоции, характеристика, разделяющая все эмоциональные состояния на две макрогруппы: положительных и отрицательных эмоций, с другой стороны, оценка является наиболее ярким, значимым признаком эмоции (злость – это плохо: такая аксиома только подтверждается возможными исключениями). Поле злости входит в состав макрополя отрицательных эмоциональных состояний.

2. Причина эмоции. Семантический признак «характеристика раздражителя-каузатора эмоции» может проявляться в двух вариантах: «существенная, важная причина» (*гневаться, негодовать, возмущаться*) и «незначительная, мелкая» (*досадовать, раздражаться, сорваться*). Кроме этих случаев, наблюдается и нейтрализация этого признака: эмотивная единица может одинаково успешно выражать эмоцию, вызванную как мелочью, так и существенной причиной (*сердиться, обозлиться*).

3. Холодные и горячие эмоции (Изард 1991). Ю. Д. Апресян (Апресян 1999) разделяет эмоции на первичные, например, *страх, злоба, удовольствие, радость*, которые «предполагают не столько интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего для субъекта, сколько непосредственное ощущение, что оно таково» и вторичные, «окультуренные» эмоции, такие как, *надежда, гнев, возмущение, отчаяние*. Эти эмоции «мотивированы интеллектуальной оценкой ситуации как желательной или нежелательной для субъекта» [Апресян 1995: 70]. Деление базируется на различении двух видов оценки: высококогнитивной и низкокогнитивной. Психологи отмечают, что злость имеет двоякую природу оценки (Ортони, Клоур, Коллинз 1995): низкокогнитивную (злость, злоба, раздражение, бешенство, неистовство) и высококогнитивную (гнев, возмущение, недовольство, презрение).

4. Стремление причинить вред. В результате сопоставления

страха и злости можно выделить такой дифференциальный признак, как стремление изменить объект эмоции. Субъект оценивает, справится ли он или нет с преградой. Страх, в свою очередь, это еще и неизвестность, неопределенность, т.е. отсутствие возможности точно определить значимость преграды.

Этот смысловой компонент может быть выделен в большинстве единиц семантического поля **злости**. На основании именно этой характеристики к полю были отнесены такие спорные и периферийные единицы, как: *брать за горло, ехидство (ехидничать), желчь, издевка (издеваться), колкость (колоть), куражиться, наброситься, сарказм, язвительность (язвить)* и некоторые др.

5. Объектная ориентированность характеризует ЭС с точки зрения направленности на объект или замкнутости на самом субъекте эмоции: к объектно ориентированным (по преимуществу) относят эмоции **злости/гнева, отвращения, презрения** (Изард). Замыкаются на субъекте переживания такие эмоции, как **страх, стыд, вина, депрессия** и другие

6. Семантика интенсивности. Разные авторы различают разное количество степеней интенсивности ЭС, от двух (эмоция – аффект), до трех-четырех. В ситуации переживания **злости**, вслед за Е.М. Вольф (1996), нами выделяется четыре подкласса лексических единиц: 1) досадовать, раздражаться, роптать; 2) сердиться, злиться; 3) возмущаться, негодовать, гневаться; 4) беситься, свирепеть, приходиться в ярость.

Единицы поля, дифференцируемые по интенсивности, могут быть поделены на те, в которых сочетается семантика интенсивности и семантика эмоции злость (*разъяриться, взорваться, свирепость* и пр.), и те, которые утрачивают эмотивную семантику злости (частичная десемантизация): *лютый мороз, бешено скакать, яростно желать*.

7. Форма проявления. Обязательное словесное выражение эмоционального состояния зависит от уровня когнитивности и сложности переживаемых состояний: *бешенство, буйство, ожесточаться, злость (злиться), лютость (лютовать), раздражение (раздражаться), свирепость (освирепеть), сердитость (сердиться), хмуриться, ярость (разъяриться)* возможно и без слов, тогда как *взорваться, возмущение (возмущаться), глумление/глумиться, гнев (гневаться), ехидство (ехидничать), злорадствовать, издевка (издеваться), кипятиться, колкость (колоть), куражиться, негодование (негодовать), недовольство (неудовольствие),*

ощетиниться, раздражение (раздражаться), язвительность (язвить) обязательно влечет вербальное выражение ЭС.

8. Впервые в данном исследовании выделен дифференциальный признак СП «Злость» **«социальный компонент»**. Большинство элементов СП «Злость» не имеют корреляции по данной характеристике. *Разозлиться* или **ожесточиться** может как субъект с высоким статусом по отношению к объекту, так и наоборот. *Язвить* и *ехидничать* также может подчиненный в адрес начальника и наоборот. Однако есть единицы, для которых данный компонент будет определяющим (*гнев, ропот* и пр.).

Следует также отметить, что субъект эмоции может характеризоваться с точки зрения единичности/множественности (совокупности лиц). Данную особенность семантики выделяет и описывает Ю. Д. Апресян (Апресян 1999): человек злиться/ толпа ропщет. В семантическом поле «Злость» только небольшая группа слов допускает семантику множественности субъекта: *ропот, недовольство, ярость, неистовость, буйство, возмущение, брожение*. Семантика остальных единиц поля не позволяет использовать конструкции типа *собрание гневается, отряд досадует.

9. **Семантика снятия ответственности.** Вставая перед необходимостью называния эмоции, носитель языка неосознанно пытается снять ответственность, вину за переживаемое состояние, тем более демонстрируемое, поэтому в семантике многих компонентов СП «Злость» присутствует компонент, который можно назвать как «снятие с себя ответственности за испытываемое состояние». Данный компонент особо актуален для семантики ФЕ: «Какая муха тебя укусила?» означает: «Что с тобой случилось? Почему ты себя так ведешь? Это *необычное* твое поведение, значит *кто-то, что-то другое* (не ты) виновато в таком поведении».

В результате описания семантических признаков поля эмоции «Злость» в работе были намечены области пересечения данного поля со смежными семантическими полями.

1. **Злость и обида, зависть.** Если проанализировать значение эмотивов **досада, ропот, сетование**, то станет очевидным, что в их семантике присутствуют семы обиды или зависти. Ср: **Досада, сетование** – это *раздражение*, вызванное *обидой* («чувство раздражения, неудовольствия вследствие неудачи, обиды» (ТСУ)). **Ропот** – это *недовольство*, выраженное в *приглушенной* форме (ТСУ). **Зависть** — чувство *досады*, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей и т.п. другого;

желание обладать тем, что у другого (ТСУ), т.е. язык фиксирует взаимосвязь разных ЭС. С точки зрения психологии (научной картины мира), данные эмоции не просто могут соседствовать, но и порождать друг друга. Обида часто переходит в неудовольствие и далее в злость. И наоборот: злость вызывает обиду на каузатора эмоции. Такая связь отмечается и у К. Изарда (Изард 1991: 146), и у Ортони (Ортони, Клоур, Коллинз. 1995: 335).

2. Злость и удовольствие. Другая большая семантическая группа в пределах периферии поля эмоции злости также имеет сложную семантическую структуру. Это эмотивы: *колкость, издевка, издевательство, надругательство, глумление, яд, желчь, насмешливость, язвительность, ядовитость, ехидство, колючесть, колкость, едкость, сатиричность, саркастичность, зубоскальство, издевка, сарказм, насмешка*. Во всех этих словах фиксируется *злость*, переживаемая совместно с *удовольствием* («злая насмешка, обидная шутка, то, что говорится не всерьез, ради развлечения, веселья» (ТСУ)).

3. Злость и отвращение, презрение: данные чувства соседствуют достаточно часто, например: *Видны были только два глаза, полные злости и презрения, устремленные на Михайлу* (А. П. Чехов. Маска.). Как отмечают психологи, они могут порождать друг друга. К. Изард вообще относит *злость, отвращение и презрение* к одной группе эмоций, связанных с агрессией. Различие между ними в языке наблюдается только в оценке значимости, статуса адресата. Если в *злости* причина состояния оценивается как достойная внимания и изменения путем воздействия, то *отвращение* подразумевает, что каузатор настолько низок по статусу или неприятен, что «не заслуживает» затрат на его изменение.

4. Злость и горе, страдание (отчаяние): горе – это эмоция, которая часто возникает в результате события, наносящего ущерб. Нереализованное, неснятое чувство *злости* вызывает *страдание*, а *страдание*, в свою очередь, может привести к *гневу* как способу разрешения причины *страдания*. *Гнев, злость* могут являться выходом из ряда других эмоциональных состояний: *растерянность, страх* и др. Данная связь обусловлена таким свойством группы эмоций *злости*, как способность концентрировать силы, собирать энергию для решительных действий субъекта: *Вид слез приводил его в растерянное состояние, и он терял совершенно способность соображения. Правитель его канцелярии и секретарь знали это и предуведомляли просительниц, чтоб отнюдь не плакали, если*

не хотят испортить свое дело. "Он **рассердится** и не станет вас слушать", — говорили они. И действительно, в этих случаях **душевное расстройство**, производимое в Алексее Александровиче слезами, **выражалось** торопливым **гневом**. (Л.Н. Толстой. А. Каренина.)

Когнитивный анализ представляет собой исследование этимологии слов-названий эмоции, описание метафор образа эмоции и экспликацию сценария. Целесообразно начать с этимологических словарей – внутренняя форма сохраняет древние слои в структуре концепта.

1. Обращает внимание тот факт, что в основе этимологически новых значений лежат сходные семантические признаки. Одна из основных сем – это **«недоброкачественность, испорченность»**. В происхождении таких слов, как **негодование** (*неподходящий, непригодный*), **злость** (*черствый, бесчеловечный, фальшивый, наглый, грубый*) и **гнев** (*гнить, гнилой, гнилье, яд*) некоторые лингвисты отмечают мотивированность идеей испорченности, недоброкачественности.

2. Четко прослеживается сема **болезненности**. Она как бы появляется в результате «столкновения с недоброкачественностью», т.е. связана причинно-следственными связями: гниль порождает болезнь, черствость мешает в жизни.

3. Слово **ярость** (*огненный, сильный, несмешанный (о вине), чистый*) получило привычную для нас семантику после метафорического переноса наименования на основе семы «сильный». Эмоция, обозначаемая этим словом, несомненно, выделяется по силе в синонимическом ряду с доминантой **злость**. Нельзя оставить без внимания возможную связь со стихией огня. Помимо **ярости** эта же стихия прослеживается в этимологии слова **гнев** (*гореть от гнетить*).

4. Анализ развития значения слова **сердиться** (*сердце, сердцевина*) позволяет говорить о **месте концентрации эмоции** в представлении носителей языка. Злость, раздражение мы переживаем «*всем сердцем*». Вместе с тем язык предлагает определенный «выбор» места концентрации в организме человека этой эмоции: *желчь разлилась, желчный, и в печенках сидит; вот где сидит* (с характерным жестом в районе горла); *иметь зуб* на кого-либо. Но все эти элементы поля, прежде всего, передают семантику переполнения, насыщенности определенным состоянием: удар по горлу, как и разлитие желчи – это признаки пресыщения, переедания или излишнего употребления спиртного. Таким образом, эмоция злости поражает разные органы человека.

5. Отсылка к тому, что в раздражении человек испытывает состояние, словно ему что-то мешает, и в результате этого он «идет кривым путем, петляет», позволяет высказать предположение, что злость – это некая преграда перед глазами. Человек, испытывающий злость, временно теряет способность видеть что-либо, кроме причины эмоции, он сосредоточивается на источнике помехи, раздражения и видит его только в черном цвете. Он словно бы теряет волю (см: **недовольство**), становится зависимым от своего состояния.

Таким образом, утраченная или угасающая внутренняя форма свидетельствует о важности следующих смысловых элементов: недоброкачественность, болезненность состояния; сила, интенсивность; место концентрации эмоции и нарушение зрения (ослепление).

Концепт-образ «Злость» включает целый ряд образных представлений, которые взаимодействуют друг с другом.

Злость – стихия (огонь, вода). Необычное, на первый взгляд, совмещение жидкости и огня в качестве образного представления одной эмоции объясняется тем, что и в том, и в другом случае в основе лежит идея высокой температуры (кипящая, бурлящая жидкость и пылающий, жгущий огонь): *вспыхнул гнев, подлить масла в огонь, тлеет злоба, разгорается злость, захлестнула злость, закипеть от ярости, наполниться раздражением, переполнить чашу терпения, лопаться от злости, выплеснуть ярость, кровь кипит от негодования, точка кипения, довести до белого каления, взволновать, остывать после вспышки гнева, кипеть/закипать от гнева*. Этот тип метафоры описан в работах многих исследователей (Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Шаховский).

Злость – «гроза». Был выделен уникальный для этой эмоции метафорический образ, объединяющий в себе воду и огонь, – **гроза, туча, гром**. Данная метафора, представляя эмоциональное состояние, актуализирует одновременно интенсивность, скорость протекания и неожиданность проявления. Таким образом, злость – это некое стихийное, неуправляемое состояние, которое неожиданно охватывает и подчиняет человека, что соотносимо с мгновенной вспышкой (молнией) и горением. Ср. метафорическую интерпретацию ЭС в дискурсе: *взгляд туманится гневом и начинает извергать молнии; гнев, настоящий гнев засверкал в его глазах; метать громы и молнии: воспламеняется гневом; загоревшимися гневом черными глазами; пылающее от гнева лицо; судя по глазам, гроза была не за горами*.

Вспомогательными метафорами в данном случае являются «туча»: *чернее тучи; нахмурился; собираются тучи; на его лицо набежали тучи;* «гром»: *грохотать, кричать, орать, прогреметь, громоыхать* – таким образом характеризуется речь разгневанного человека: громкая, полная экспрессии речь, характеризующая интенсивность переживания.

Злость – «болезнь». В соответствии с этой метафорой люди, не способные контролировать или облегчить давление злости, начинают в результате срыва вести себя буйно, похоже на сумасшедших (ср. (Лакофф 2004)). *Вспыхнул от гнева, жар, краска гнева залила лицо, краснеть, красный как рак, багровый, жаркий спор, бледный, загорелись глаза от гнева, разгорячился, лицо побагровело, довести до белого каления, с пеной у рта.* Данные метафоры показывают осознаваемую носителями связь между интенсивной, «горячей» эмоцией злости и повышением внутреннего давления и субъективного ощущения температуры тела.

Эмоция злости влияет в целом и на поведенческие особенности субъекта, и на его работоспособность. Это основание для выделения еще одной метафоры злости, которую ранее не отмечали исследователи: **злость-паралич:** *гримаса застыла на лице; злость сковала его; с трясущимися от бессильного гнева губами; она бледнеет и губы ее дрожат от гнева; скривиться.*

Злость – «ослепление». Данный тип метафоры ранее не описывался в лингвистических работах, хотя в психологии отмечается. При описании того, как выглядит разгневанный человек, отмечается особенность взгляда (Дарвин 1953), которая заключается в том, что взгляд сосредоточен на объекте гнева. К. Изард также отмечает такую особенность, называя это «суженным в гневе зрением». Язык содержит следующие метафоры: *ослепленный злобой; гнев ослепил меня; закатив глаза; ничего не видя перед собой; налитые кровью глаза; гнев застилал глаза; глаза косят от злости.* Связь нарушения зрения с эмоцией злости может быть обоснована тем, что при интенсивных переживаниях все внимание сосредоточивается на каузаторе эмоции. Т.е., все, что не имеет отношения к причине эмоции, выпадает из поля зрения.

Злость – «противник». В рамках этой метафоры **злость** рассматривается как отрицательная эмоция, как противник. Эмоция приводит к нежелательным физиологическим эффектам, нарушает нормальное существование человека и представляет опасность как для субъекта, так и для окружающих. Данная

метафора актуализирует проблему контроля своего психологического состояния и опасность потери самоконтроля: *сдерживать гнев, злость обуревают, захватывает раздражение, бороться со злостью, сдерживать раздражение, овладеть собой, одолеть негодование, не поддаваться злобе, одолел гнев, охватило безумие, противостоять своему гневу, скрутить злость.*

Злость – «животное». Очень близкая метафора к метафоре «противник», потому что животное в данном случае представляет противника, с которым надо совладать. В человеке как бы сидит животное, которое тот умирляет. Если же контроль потерян, то животное вырывается наружу: *озверел, будить зверя; аспид, гаденыш, гадюка, ехида, ехидина, ехидна, жаба, змееныш, змей, змеюка, змея мегера, пиявка, скорпион, собака, спрут, фурия; лаяться, каркать, шипеть, рычать, обуздать злость.*

Злость – «сила». Для русской картины мира такой тип метафоры достаточно актуален, тем не менее, он не выделяется в исследовании английского языка (Лакофф 2004). Особенно важной эта функция эмоции является в работе: в каких-то случаях злость с точки зрения русской языковой картины мира оправдана, так как она помогает в работе, в управлении, в достижении какой-либо цели. В данном случае злость выступает аналогом уверенности, сосредоточенности, появления сил: *сердитого невзлюбили, а милостивого с кругу сбили.* Доброта тут противопоставлена сердитости по основанию самостоятельности, независимости (с кругу сбили) поступков. *Туча не без грома, хозяин не без гнева.* Хозяину, тому, кто управляет, присуща злость как проявление власти. *Хорошая злость помогает в работе, это еще мой учитель говорил.* (В. Шукшин. Пьедестал). Выявленный образ эмоции осложняется и образным представлением человека, переживающего эмоциональное состояние: это человек с красным, налитым кровью лицом, глаза его сверкают и ничего не видят, кроме объекта гнева. Речь этого человека громкая, отрывистая, дикция искажена и напоминает так же звуки животного. Фигура его с одной стороны скованна, с другой стороны для этого человека характерны резкие движения. Поза его напоминает позу животного, хищника при подготовке к нападению. Поведение может быть сопоставлено с поведением буйного сумасшедшего или дикого зверя. Такой человек оценивается как однозначно опасный.

Попытки экспликации эмотивного сценария уже предпринимались, однако дополнение и уточнение образных

представлений о эмоции **злость**, привлечение широкого языкового материала позволяет, как кажется, дополнить и пересмотреть некоторые элементы концепта-сценария. Кроме того, это совершенно необходимый шаг в изучение пограничных зон в ментальном лексиконе эмоций.

1.Причина злости. Причина злости зачастую может быть незначительной (*муху проглотил, орать из-за ерунды, буря в стакане воды*), может заключаться в переполнении, чрезмерности чего-то (*вот где сидит*) или физическом дискомфорте (*вожжа под хвост попала*). Этимологический анализ также указывает на значимость данного элемента когнитивного сценария: значения слов **возмущение, гнев, раздражение** могут быть объяснены с точки зрения актуализации семы «причины эмоции», помехи, яда, того, что мутит. Данный параметр не отмечается в исследованиях эмотивных концептов (Арутюнова 1997, Лакофф 2004, Валиева 2003, Маркина 2003), между тем как языковой материал однозначно указывает на значимость причины эмоции злости для носителя языка.

2.Событие, наносящее ущерб. Злость может возникнуть как реакция на последствия событий или действия субъекта-агента. Происходит некое событие, приносящее вред или ущерб субъекту. В таком случае в основу оценки положена идея желательности/нежелательности события или действия для субъекта, т.е. событие само по себе не является стимулом к эмоции. А то, как это событие оценивается субъектом, – это основание к разворачиванию эмотивного сценария. *Он решился попросить у власти дозволения припасть к общей кормушке, но власть сие предложение отвергла, после чего он от обиды и злости, как это у нас часто бывает, и стал героем-борцом.* (Э. Радзинский. Чаадаев). **Обида и злость** – это эмоции, которые находятся в тесных причинно-следственных связях

3.Возникновение злости. По мере нарастания эмоции субъект начинает испытывать физиологический дискомфорт: повышение температуры тела, увеличение внутреннего давления и двигательное возбуждение. Когда эмоция становится очень интенсивной, она толкает субъекта к совершению акта воздействия. Но акты наказания являются опасными и неприемлемыми в культуре человеческих отношений, поэтому субъект пытается держать свое эмоциональное состояние под контролем. Ср.: *Но всякий раз, когда он замечал под этими окнами кого-нибудь другого, знакомого или незнакомого, без разницы, его вдруг захлестывала самая настоящая злость, резкая, как ожог, смутная и какая-то тоскливо неразрешимая...* (Евгений Шкловский. Чужие окна).

4. Попытка контроля. Субъект пытается сдержать свой гнев, поскольку проявление этой эмоции чревато нарушением норм поведения в обществе. Ср. например: *обуздать гнев, копить в себе раздражение приходится сдерживать злость, ярость копится.*

5. Потеря контроля. Человек может противодействовать охватившим его эмоциям только до определенной степени. Когда сила гнева переходит эту границу, человек переполняется эмоциональным напряжением и теряет контроль над собой. Гнев начинает обуславливать его поведение и принуждает пытаться осуществить акт наказания: *пошел в разнос, сорвался, злость захлестнула, выплеснул раздражение.*

6. Акт наказания. Субъект эмоции совершает акт наказания; объектом является виновник причиненного ущерба. После этого сила гнева падает до нуля. На этом этапе сценария важным является именно избавление от излишнего напряжения, выплеск энергии. Это объясняется тем, что эмоциональное состояние злости характеризуется кратковременностью. Его, как правило, не переживают долгое время, как, например, горе. Такие случаи являются исключением. Если злость становится постоянным качеством человека, чертой характера, то это однозначно осуждается социумом. Значит, основная задача – выплеснуть злую энергию. Этим объясняется, что субъект может выражать злость не только по отношению к каузатору, но к любому, попавшему под горячую руку объекту: *Утром ветер ослаб, но волны катились высокие — поседевший Байкал сердито шумел, хлестал каменистый берег, точно на нем хотел выместить теперь всю злость, какую накопил за тревожную ночь* (В. Шукшин. Митька Ермаков).

Анализ семантического поля «Злость» и сопредельных эмотивных лексических парадигм показал существование на языковом и речевом уровнях совмещения, наложения и взаимодействия разных эмоциональных состояний, т.е. в наивной картине мира имеются представления о «жизни» эмоций, сходные с выводами психологов. Таким образом, представление о связи, взаимодействии и взаимообусловленности эмоций – это существенный фактор эмотивной картины мира. Эти смысловые отношения актуализируются не только с помощью отдельных лексических единиц (досада, ропот, сарказм, насмешка, ирония, колкость и пр.), не только путем сопоставления имен эмоций в высказывании, но и в организации эмотивных метафор, являющихся сквозными, универсальными для единиц сопредельных семантических полей: («стихия воды»: **злость**, **страх**, **обида**, **горе** – захлестнули, накатили; «болезнь»: **злость**,

обида, страх – побледнел, задрожал, душит; «противник»: **злость, обида, страх** – побороть, справиться, берет верх и пр.)

Кроме универсальных образов-метафор, существуют и уникальные, позволяющие наметить границы:

1) одним из основных отличительных признаков эмоции злость является метафора собирания, концентрации сил. Ни у одной другой эмоции данная особенность не наблюдается;

2) сближение между концептами объективируется в общих метафорах стихий. Но при внимательном рассмотрении каждая эмоция описывается через определенный вид стихии: злость – гроза, обида – медленный огонь, горе – туман;

3) злость характеризуется кратким временем существования: гроза, вспышка, выплеск. Злость накатывает и отпускает, действуя относительно недолгое время, тогда как горе, обида чаще всего раскрываются через метафоры, обозначающие длительности состояния: тлеет, копится, грызет, точит, сочится.

Другим основанием для разграничения концептов-«соседей» явился анализ эмотивного сценария «Злость», который позволяет описать ситуации, когда злость переходит в удовольствие или стыд или же когда обида трансформируется в злость. При этом следует уточнить, что одна эмоция, порождая другую, вовсе не обязательно сама сходит на нет. Рассмотрим эти варианты.

1.Эмоция – причина возникновения эмоциональной ситуации «Злость». Из выделенных нами во второй главе эмоций, которые встречаются со злостью, причиной этого чувства может стать **обида**. Обида является реакцией свойственной типу субъекта с низким социальным статусом. Он обманывается в своих ожиданиях, в результате чего сперва возникает обида, а потом желание исправить положение. *И уж не ревность и не досада, а настоящая ненависть к его шагам, неискреннему смеху и голосу овладела Ольгой Михайловной.* (А. П. Чехов. Именины.) В ЛЗ слова досада присутствует сема обиды: **ДОСАДА:** 1. Чувство неудовольствия, раздражения, вызванное неудачей, обидой и т.п. (ТСОШ) В данном примере досада сменяется ненавистью, т.е. состоянием, которое уже не подразумевает обиды. Другим эмоциональным состоянием, являющимся частой причиной для злости, является **зависть**. Данная эмоция предполагает оценку ситуации как несправедливой по отношению к субъекту: *...думала Таня с завистью на грани злости.* (Ю. Нагибин. Другая жизнь).

2.Эмоция – результат проживания сценария злости. Другим элементом сценария злости может стать появление эмоции **раскаяния, стыда и обиды**. Действие в сценарии злости подчинено деструктивным силам и направлено не обязательно на

виновника эмоции. Кроме того, само по себе действие может нарушать правила поведения, быть грубым, жестоким, угрожать жизни и здоровью. *Но и все, казалось, ощущали нечто в этом же роде. Девушкам было очень неловко и стыдно. Лизавета Прокофьевна сдерживала в себе чрезвычайный гнев и тоже, может быть, горько раскаивалась, что ввязалась в дело; теперь она молчала.* (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Злость в дискурсе часто соседствует с **удовольствием**. Соседство объясняется тем, что злость, как показал анализ, эмоция, сопровождающаяся дискомфортом. Человек испытывает физическое страдание, его переполняет стихия, от которой хочется избавиться. Если это удастся, то наступает облегчение. Тем неожиданнее было, когда вдруг с непостижимою быстротой изменилось разом все лицо его, доселе гневное и свирепое, сжатые губы раздвинулись и Дмитрий Федорович залился вдруг самым неудержимым, самым неподдельным смехом. Он буквально залился смехом, он долгое время даже не мог говорить от смеха. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы.)

Злость совмещается с **горем**. *В печали, возмущении я ворочался с боку на бок по ночам. Я чувствовал себя оскорбленным.* (М. Булгаков. Театральный роман.) Объяснение такого соседства дают когнитивные психологи (Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. , 1995): горе и злость (гнев) имеют одну причину – оценку последствий как нежелательную. Если события «для себя» имеют нерелевантные перспективы, то горе или злость могут иметь тенденцию к одновременному зарождению. Далее разница в сценарии между этими эмоциями будет заключаться в концентрации сил и кратковременности для **злости** и трате сил и долговременности для **горя**. Такое различие легко увидеть на примере анализа сочетаний *обессилел от горя, страдания высосали силы, печаль подкосила его*.

Подведем основные итоги.

Словом-идентификатором семантического поля изучаемой эмоции является лексическая единица **злость** как эмотивная единица, наиболее употребляемая в речи, образующая большое количество грамматических конструкций с семантикой эмоционального состояния, а также участвующая в выражении эмоционального состояния, эмоционального отношения и качественной характеристики субъекта.

Семантическое поле «Злость» включает лексические и фразеологические единицы, называющие эмоцию **злость**, носителя этой эмоции, эмотивно-оценочную лексику, а также слова и выражения, описывающие физиологические симптомы эмоции, речевое поведение, мимику, жесты и пр.

Дифференциальные признаки семантического поля «Злость», отграничивающие его от смежных лексических парадигм, имеют следующие основания: семантика отрицательной оценки, причина возникновения эмоции, деление на горячие/холодные эмоции, объектная ориентированность эмоции, стремление причинить вред. Признаками, отличающими лексические единицы друг от друга внутри поля, являются: интенсивность, форма проявления, социальный компонент и семантика снятия ответственности.

Эмотивная информация концептуализируется в эмотивной картине мира как концепт-образ и концепт-сценарий. Образ представляет собой сложный комплекс, в котором взаимодействуют (накладываются) представления об эмоции (общие: *жар, огонь, холод, вода* – и уникальные метафоры: *гроза, туча, гром, ослепление, паралич*) и о человеке, переживающем это эмоциональное состояние (*озверел, глаза косят от злости, побегрел*). Ментальный сценарий включает представление о субъекте эмоции (человек, животное), предикате, объекте-адресате (социальный статус), объекте-каузаторе (его важность, значимость), а также о протекании и выходе из ЭС **злость**.

Языковые и ментальные структуры содержат информацию о взаимодействии и пересеканности эмоциональных состояний (эмоции сопровождают, порождают друг друга): на границах семантического поля имеются эмотивные единицы со сложной эмотивной семантикой (*досада, ропот, сарказм, колкость, насмешка* и пр.); по данным дискурса, эмотивный концепт «Злость» соотносим в эмотивной картине мира с концептами «Обиды», «Ревности», «Зависти», «Презрения», «Отвращения» и «Горя». Эти эмоциональные состояния находятся с эмоцией **злости** в причинно-следственных отношениях: они могут провоцировать **злость**, являться ее следствием или сочетаться с ней. В результате проживания эмоции **злость** возникают предпосылки для реализации эмотивных сценариев «Удовольствие» или «Раскаяние» и «Стыд».

Литература

Крылов, Ю.В. Статус слов «гнев»/«злость» в семантическом поле эмоций / Ю.В. Крылов // Сибирский филологический журнал. – Барнаул, Иркутск, Кемерово, Новосибирск, Томск, 2006. – №4. – С. 96-99.

Крылов, Ю.В. Экспликация фрагмента эмотивной картины мира (на примере эмоциональной ситуации гнева – злости) / Ю.В. Крылов // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Вторых Филологических чтений. 29 ноября – 1 декабря 2001.

– Новосибирск, 2002. – С. 26-28.

Крылов, Ю.В. Объем понятия «гнев» в научной и наивной картинах мира / Ю.В. Крылов // Проблемы интерпретационной лингвистики. Взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности: межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск, 2002. – С. 20-29.

Крылов, Ю.В. Описание фразеологических единств со значением эмоционального состояния гнева / Ю.В. Крылов // Молодая филология: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2002. – Вып. 4. Ч. 2. – С. 152-163.

Крылов, Ю.В. Периферийные компоненты поля эмоции Злости с синкретичным состоянием эмоционального состояния / Ю.В. Крылов // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих Филологических чтений. 28-29 ноября 2002. – Новосибирск, 2002. – С. 38-43.

Крылов, Ю.В. Языковая интерпретация эмоционального состояния в художественном тексте / Ю.В. Крылов // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Четвертых Филологических чтений. 23-24 ноября 2003. – Новосибирск, 2003. – Т. 1. – С. 201-209.

Крылов, Ю.В. Эмотивный концепт «злость» в русской языковой картине мира: идентификация и разграничение ментальных и языковых структур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

**О.В. Кошманова
(Астрахань)**

СКРОМНОСТЬ

Цель данной работы состоит в комплексной характеристике концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах.

Понятийное функционирование концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах затрагивает как общие признаковые составляющие, это: поведение, положительные/ отрицательные черты личности, так и национально-специфичные: 1) признак «образ жизни», указывающий на перманентность изучаемого эмоционального состояния, релевантен для русской лингвокультуры, как и «качество, свойство»; американские словарные источники фиксируют несколько иной признак «качество, состояние», реализуемый в поведении посредством «поступков», либо внешней формы самопрезентации («одежды»), что отлично от русской лексикографии, диагностирующей «скромность» индивида по его «поступкам» и вербальным проявлениям («словам»); 2) признак «положительные черты личности»

русского и английского языков заключает сдержанность, пристойность, умеренность, отсутствие тщеславия и простоту, фарси – сдержанность и отсутствие тщеславия; 3) «отрицательные черты личности» это: застенчивость, смиренность, неприязнительность, отсутствие популярности в русском языке, смиренность, сексуальная скованность – в английском. Следует уточнить, что деление качеств на отрицательные и положительные несколько условно и отлично от системы оценок, принятой в Иране, где доминирует религия Ислам и поощряются покорность и смиренность членов общества, входящие в поле «скромность»; 4) признаки «обстановка», «величина», «низкие финансовые показатели» релевантны для русского и американского языкового восприятия, различия наблюдаются в признаках «тон», «должность» в русской лексикографии, «общепринятые нормы поведения» — в американской, что свидетельствует о существовании определенных правил поведения, соблюдение которых дефинируется как «скромность» в США; 5) как уже было упомянуто, в русской лексикографии присутствует признак «должность, ранг», а также «низкие финансовые показатели», выводящие низкий уровень благосостояния скромных людей, либо простоту, низкую стоимость предметов материального мира, называемых «скромными»; 6) признак «неприязнительность, довольствие малым», слабо освещенный в английском языке, характерен для русской лингвокультуры, в отличие от признака «отсутствие сексуальности», зафиксированном в английском языке, но не представленном в русском.

Информация, заключенная в этимологических словарях, фиксирует исходное значение слова «скромность» русской лингвокультуры применительно к человеку как умение владеть собой, своими чувствами, т.е. *сдержанность*, американской — умение разумно ограничивать себя во всем, т.е. *умеренность*. Этимологическая сводка «скромности»/«فروتتي» (форутâни) дает комплекс значений с ведущими семами: «местоположение субъекта, предмета», с наклоном «вниз», либо положением «внизу», и пребывание под ч.-л. руководством, надзором, что раскрывает истоки изучаемого концепта в иранской лингвокультуре: *внешне — положение корпуса, тела внизу, с наклоном вниз, внутренне — личность с самосознанием подчинения, нахождения ниже остальных.*

По данным лексикографических источников синонимический ряд слова «скромность» включает существительные: *простота (незатейливость), посредственность, сдержанность,*

умеренность, воздержанность (производное от воздержанный (воздержный – устар.)), непритязательность, невзыскательность, застенчивость, кротость, робость, стыдливость, покорность, безропотность, благовоспитанность, благонравие, воспитанность, приличность, пристойность, неяркость, незначительность, скудность (21 единица); «modesty» сопровождают синонимы: *reserve, reticence, restraint, humbleness, humility, lowliness, meekness, bashfulness, shyness, coyness, timidity, diffidence, unambitiousness, unassuming nature, demureness, decorum, decency, propriety, unpretentiousness, self-effacement, chastity, purity, seemliness, simplicity, moderation* (25 единиц); синонимический ряд скромности/ فروتنی персидского языка фиксирует 13 единиц: تواضع، خضوع، خشوع، حیا، افتادگی، خاکساری، خودداری، شکسته نفسی، شرمساری، خجالت، فرمانبرداری، کمرویی، تذلل.

Обращение к составляющим синонимического ряда номинанта концепта «скромность», при включении номинанта концепта, существенным образом расширяет признаковую базу изучаемого образования, в результате чего мы можем констатировать, что в понятийном моделировании концепта «скромность» русской, американской и иранской лингвокультур участвуют следующие общие признаковые элементы: «симптоматика/ семиотика»: «Dr. Battius continued, *bowing with sufficient meekness*» (Cooper) — «Продолжил Доктор Баттиус, кланяясь с *полным смирением*»/ «Он, казалось, был очень *стыдлив*, потому что каждая малость заставляла его краснеть до самых ушей» (Л. Толстой)/ «به تواضع» "به تواضع — قامت خم کرده و سر فرو داشته و پیکر چنبر نموده است" — По скромности стан опустил, голову наклонил и свернулся клубком (орг. Табиан), «локализация»: «Спокойствие, *кротость* и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не рождалось в душе его» (Карамзин)/ «Nobility was in her guise; *purity was in her glance...*» (Henry) — «Аристократизм был в ее облике, *чистота во взгляде...*», «искусственный характер»: «به استهزا تواضع کرد گونی» — Шутя *притворился скромным* (Амир Хосроу Дехлеви), «возрастная специфика»: «*Adults acted with the simplicity and grace of children*» (Emerson) — «*Взрослые вели себя с простотой и привлекательностью детей*», «дифференциация по половому признаку» (*virgin, maiden coyness* – женская *стыдливость*), «религиозность» (*святая простота, Christian purity* – христианская *чистота*), «межгендерное взаимодействие»: «*Стыдливость умирает, любовь торжествует*» (Карамзин), «положительная/ отрицательная оценка» (*culpable reticence* – осуждаемая *сдержанность*), «градуированный вид»

(*deeper reserve/ gloomiest reserve* — более глубокая, самая мрачная/ сильнейшая застенчивость), «преходящее состояние»: «دیگر خوددار نیستی... زود عصبانی شدی». مرد سعی کرد آرام باشد». — Ты уже не сдержан, быстро разозлился. Мужчина старался сохранить спокойствие (Бабак Тахти), «перманентное состояние» (*умеренная жизнь, врожденная умеренность*), «эмоциональная природа»: «Самые искренние люди бывают часто самыми сдержанными людьми, и самые сильные чувства этих людей никогда не выражаются ими» (Писарев), «взаимоотношения со своим «Я»»: «هرگز به جان فرا نرسی بی فروتنی». — Без скромности тебе не достичь своей сущности (Эсфахани), «этикет» «I wish to speak with all respect of persons, but sometimes I must pinch myself to keep awake, and preserve *the due decorum*» (Emerson) — «Я бы хотел вести себя лицепрятно, но я должен щипать себя, чтобы не уснуть и не нарушить *соответствующие приличия*», «категория «другого»»: «فروتنی نمایی: در مقابل تواضع و فروتنی نمایش:» — Для них, перед ними скромность показывает, «элемент сопротивления/проявление воли, отсутствие воли/доминанта чужой воли» (*рабская, собачья покорность*), «компонента страха»: «با فروتنی ترسایانه ای پاسخ داد». — Ответил с пугливой скромностью (<http://library.tebyan.net/books>), «отсутствие смелости»: «He hesitated, *awkward and bashful, shifted his weight from one leg to the other, then blunderingly gripped my hand in a hearty shake*» (London) — «Он колебался, неловкий и нерешительный, переминаясь с ноги на ногу, затем неумело сжал мою руку в сердечном приветствии», «характеристика живой/неживой природы»: «فیالکة - بینفشه در رکوع آمد چو سنبل در خشوع آمد». — Фиалка поклонилась, как только гиацинт отвесил поклон (Балхи), «органическая природа, зооморфные/флороморфные признаки»: «Though *timid, and shy as the young of the deer, on so many occasions, this right-feeling girl was always intrepid in the cause of humanity*» (Cooper) — «Даже будучи робкой и стеснительной, как детеныши оленей, во многих ситуациях эта справедливая девушка всегда проявляла бесстрашие во имя человечества», и «военная служба, смелость», свидетельствующие об универсальности определенных черт концепта, включающих как черты психологической направленности (идентификация своего «Я», зависимость функционирования концепта от психофизиологических особенностей развития индивида, темпоральность, глубина эмоционального состояния), так и этико-социальной (определение индивидом своей социальной роли и следование установленным правилам, выбор «социальной маски» и значимость оценки окружающих), внешне соматически и

семиотически подкрепляемых, вызывающих как положительную, так и отрицательную реакцию, а также соотносимые как с человеческой природой, так и предметами живой/неживой природы. Следующие признаки понятийно сближают функционирование концепта в русской и американской лингвокультурах, устанавливая глубокую интенсивность и деструктивный характер эмоционального состояния, национальную принадлежность и нравственную основу изучаемого образования, наделяя концепт физическими свойствами и цветовым сопровождением: «болезненные проявления» (*painfully shy* – болезненно застенчив, *struggle with shyness* – борьба с застенчивостью, *shyness of ticklish nerves* – застенчивость раздраженных нервов), «национальная специфика»: «У немцев встречается противная простота практических недорослей, у англичан — простота от нерасторопности ума, оттого, что они всё как будто спросонья, не могут порядком прийти в себя. Зато французы постоянно исполнены задних мыслей, заняты своей ролью. Рядом с отсутствием простоты у них другой недостаток: все они прескверные актеры и не умеют скрыть игры» (Герцен)/ «*Frenchman is naturally ferocious and timid*» (Cooper) — «Французы обычно свирепы и робки», «нравственная природа»: «Берг был исправный, храбрый офицер, на отличном счету у начальства, и скромный нравственный молодой человек с блестящей карьерой впереди и даже прочным положением в обществе» (Толстой), «межличностная дистанция»: «*But she was coy, and ever she fluttered near to me but never near enough*» (London) — «Но она была скромна, и если и порхала и рядом, то никогда не приближалась», «коммуникативный провал»: «*Jones isn't a talker, and is diffident in society...*» (Twain) — «Джонс совсем не оратор, и он застенчив в обществе», «отсутствие таланта»: «Не бездарная посредственность, на горе республике, сидела у микроскопа. Нет, сидел профессор Персиков!» (Булгаков), «физические свойства (температура)» (*холодная сдержанность*), «цветовое наполнение»: «*She was white from head to foot; a symbol of purity*» (Meredith) — «Она была бела с головы до ног, символ чистоты». Близость языкового воплощения концепта американской и иранской лингвокультур фиксируется посредством признаков, затрагивающих как коммуникативную природу концепта, его метафизическую насыщенность, так и личностные особенности реализации данного образования: «высокий уровень умственного развития»: «فروتن بود هر که دارد خرد / سپهرش همی در خرد پرورد» — Скромнен тот, кто мудр, сама судьба воспитывает его в мудрости

(Фирдоуси), русская «скромность» может включать как высокие способности, так и низкую умственную активность, в связи с чем определен признак «уровень умственного развития»: «У ней был *благовоспитанный и приличный*, но *глуповатый муж* и не было детей» (Тургенев), «речевые акты»: "اما بتواضع فروتر نشستم و گفتیم..." — *Скромно сел пониже и сказал...*(Саади), «элемент наигранности (*to play a coy girl – прикидываться скромницей, demure grin – деланно-застенчивая усмешка, demure grimaces – притворно-скромные гримасы*), «военная служба, смелость»: «She was *timid and afraid*, but she *possessed courage*» (London) — «Она была робка и испуганна, но *обладала смелостью*», «связь с потусторонним миром» (*supernatural purity – сверхъестественная чистота/ transcendent simplicity – трансцендентная простота*), «элемент сравнения/превосходства»: «... she retained a *modesty so innate*, that it almost raised her to the unsuspecting purity of a *being superior to human infirmities*» (Cooper) — «Она сохранила такую внутреннюю *скромность*, которая *поднимала* ее до необычайной чистоты создания, не подверженного человеческим слабостям», причем, категория «сравнения» более присуща иранскому восприятию: "من در میان بندگانم کسی را از تو فروتن تر در برابر خود ندیدم" — Я среди людей не видел человека *скромнее, чем ты* (Ахмед Дейлами и Масуд Азербайджани), «превосходства» — американскому. Понятийное моделирование «скромности» русской и иранской лингвокультур пересекается в признаках: «результативный характер», «материальные потребности»: «Держалась их *зажиточность* только неустанным трудом, бережливостью и *воздержанной* их жизнью» (С.Скиталец) и «компонента ответственности за другого»: "من دوستي دارم که سفیه و نادان" — У меня есть невежественный и глупый друг, боюсь, однажды мне будет *стыдно* за него (Али Монфаред Назари), фиксирующих широко аспектную социальную направленность концепта и его продуктивный характер.

Контекстуальные столкновения номинанта «скромность» в определенной мере упорядочены и регулярны и представляют взаимодействие единиц, объективирующих концепт «скромность», с другими концептами по траектории дополнения, либо противопоставления, что позволяет выявить следующие релевантные отношения «скромности» с: *высокой* интеллектуальной деятельностью, достоинством, трудолюбием, *чистоплотностью*: «Но теперь она не была одна: у ней сидел Пандалевский, *скромный*, свежий, *чистый* и умиленный, как

всегда» (Тургенев), *низкой/высокой профессиональной реализацией, отсутствием таланта*, страхом, осторожностью, военной службой (мужеством), религиозными убеждениями и *склонностью к спиртным напиткам*: «Чудак, пойми, от скромности и водку пил: другие пьют, а ему как отстать? Ну, вот он и не мог отказать, — пустили его, хоть старухе и не хотелось» (Сологуб) в русской лингвокультуре; с *искренностью, шоу-представлением*: «He turned the leaves, comparing her modesty with the performance» (Meredith) — «Он перевернул страницы, сравнивая ее скромность с представлением», *пассивностью*: «...and his absence of eagerness, or in other words his modesty...» (James) — «...и отсутствие рвения, другими словами его скромность...», страхом, достоинством, интеллектом, красотой (любовью), *категорией превосходства*, военной службой, гордостью и религией в американской лингвокультуре; со страхом, религиозными убеждениями (плачем): "اشك های عاشقانه اشك" — "اشك های فروتنی". *Слеза любви – слеза скромности* (<http://library.tebyan.net>), любовью (добротой), процессом получения знаний (мудростью), надстройкой «*присутствие другого*», *глубокой внутренней локализацией, элементом сравнения с социумом и категорией пространства*: "اصلی ترین مانع: اصلی ترین مانع: در راه فروتنی «کبر» است". Главнейшая преграда на пути скромности – гордость (Ахмад Дейлми и Масуд Азербайджани) в иранской лингвокультуре (курсив для национально специфичных признаков). Базовые категории: религия, эмоция страха, высокий интеллект, достоинство – пронизывают образное моделирование концепта в русской, американской и иранской лингвокультурах, выводя значимость и позитивный статус образования «скромность».

Обращает на себя внимание дуальность «скромности» русского народа, связывающего данное эмоциональное состояние (качество, свойство) либо со слабостью (взаимодействие с алкоголесодержащей продукцией, неспособностью к самореализации и продуктивной деятельности, фиксируемой и американцами), либо с силой (внутренняя стойкость, высокая нравственность, способность к результативной деятельности), что слабо освещено в американской языковой культуре, восприятие «скромности» которой приравнивает ее к пассивности, неяркости индивида, его неспособности к самопрезентации и саморекламе, что претит успешной жизни носителя эмоции и высокой социальной оценке. Англоязычному языковому сообществу более свойственно выстраивать модели поведения согласно принятым в социуме

правилам «внешней однообразности», включающим приемы «ложной скромности», как способа привлечь внимание собеседника, либо завуалировать имеющиеся свойства личности. Образ формирования и функционирования «скромности» в языковом восприятии иранского народа отличается интенсивностью как внутреннего, так и внешнего протекания. Неразрывное религиозное и обыденное мировосприятие иранцев воплощает вид «скромности», сознательно культивируемый лично и подкрепляемый внешними устоявшимися в обществе семиотическими индикаторами.

Анализ публицистической литературы позволил сделать следующие заключения о функционировании концепта «скромность» в восприятии русских людей: признак «социальная принадлежность» может быть расширен за счет отнесенности концепта, иногда иронично, к следующим социальным группам: «группе власть имущих», представителям области «финансов», «шоу-бизнеса», «спорта». Причем, если в последнем пункте прослеживается одобрение и похвала в связи с наличием скромности у представителей спорта, то специалисты, принадлежащие к профессиональной деятельности, связанной с денежными операциями, вызывают критику, порицание и саркастические комментарии авторов статей, в большинстве случаев выводящих главную идею в заголовок: «*Скромность* депутатов украшает» (Звезда от 04.03.04), «*Скромность* украшает чиновника» (Калининградская правда от 25.01.05), «*Скромность* не порог. Президенту "Сибнефти" принадлежит пакет акций на сумму \$18» (Известия от 29.01.03). На базе выборки из публицистических изданий США мы установили, что изучаемый концепт активен в следующих областях: спорт, шоу-бизнес, мода («*Modesty makes comeback in fall fashions: Modesty is all the mode this back-to-school season*» — Возвращение *скромности* в осеннюю моду: *Скромность* — писк моды в этом школьном сезоне (Daily Herald; 15/08/04); «*Skin isn't in for girl fashions this fall. The latest fashion watchword is modesty*» (The Orlando Sentinel; 17/07/04) — Кожа не значит в модных тенденциях для девушек этой осенью. Последнее слово моды — *скромность*), государственная политика, управление, нравственное состояние общества, в частности, молодежи, и в сознании американцев скромность теснейшим образом переплетается с Исламской традицией: *Muslim's standards of modesty* (ABC news; 03/03/06) — стандарты *скромности* мусульман, *Islamic modesty* (Financial Times; 08/07/06) — *скромность* ислама, «Balancing Religious Sensitivity, Fashion Sense. Young Women Follow *Islam's Ancient*

Tenets on Modesty — but With a Modern Twist» (Washington Post; 29/08/05) — Совмещая религиозность и чувство стиля. Молодые девушки следуют древним догматам *скромности* Ислама, но с оттенком современности. В освещении прессы Ирана «скромность» приобретает следующие признаки и взаимосвязи: «национальная специфика», «военная служба, смелость», синтезируемый с самоотверженностью иранского народа и восприятием Исламской Революции; дополнительные взаимосвязи с искусством, спортом, политикой, в частности мероприятиями, проводимыми главами США как оппозитива политическому поведению правительства Ирана: او ادعا کرده است که «مي کوشد تا دیدگاه بوش را در ترکیب «فروتتي با قدرت» در سراسر جهان تقویت کند. — Он уверил, что постарается укрепить курс Буша в направлении единства «скромности и могущества» (Iran newspaper от 18 шахривара 1381г. – 09/09/02).

Анализ данных анкетирования позволил выявить основные характеристики внешнего образа и психологических особенностей скромного человека («скромник», «скромница»). Наиболее релевантные составляющие образа скромного юноши русской лингвокультуры представляют собой следующее: это молчаливый 19,4%, вежливый 17,6%, спокойный 16,7%, неуверенный 13,9%, стеснительный 10,1%, необщительный 9,3% юноша с высоким интеллектом 13,8% и тихим голосом 7,4%, одетый в неяркую 14% (преимущественно серую 7,4%), опрятную 13% одежду. «Скромница» — это: молчаливая 17,6%, умная 13%, дисциплинированная 13%, ненавязчивая 7,4%, милая 6,5%, симпатичная 6,5%, спокойная 6,5% «серая мышка» 5,5%, одетая не вызывающе 10,1%, неброско 8,3% (преимущественно нейтральный тон 11%) и умеренно, неярко покрашенная 9,2%.

Образ скромного иранского юноши представляет собой следующее: это воспитанный (культурный) 6,6%, добрый 5,5%, без зазнайства 6,6% и демонстрации своего превосходства 6,6%, знающий 5,5%, способный 4,4% и стыдливый 4,4% спортсмен 8,8%, которым являюсь я сам 13,2%. Типизированная иранская скромница обладает следующими характеристиками: терпеливая 9,9%, верующая (набожная) 6,6%, держащаяся с достоинством 6,6%, стеснительная 5,5%, очень вежливая 6,6%, подходящая для брака 22% особа.

Американцами выводится следующий образ «скромника»: polite 4,7%, not boisterous 7%, without arrogance 7%, humble 7%, conservative 7%, keeps his success in secret 7%, successful 4,7%, with his shirt buttoned up 4,7%, conservatively dressed 9,3%. Скромная американская девушка характеризуется следующим

образом: shy 11,6%, not flashy 4,7%, repressed 4,7%, chaste 7%, polite 9,3%, wearing a long skirt 4,7%, or conservative dress 13,9%, keeps most of her body covered 4,7%, quiet 7%, thankful 7%, reserved 9,3% .

Данные эксперимента свидетельствуют о значимости внешнего вида (одежды) для формирования и оценивания «скромности» для представителей американской лингвокультуры, меньшую степень распространенности в русском сознании (акцент на цветовые решения) и отсутствие в иранском. Иранская лингвокультура разграничивает внутренний и внешний мир, духовные и материальные ценности бытия людей, выводит более характерные проявления внутреннего «Я» индивида, подкрепляемые религиозными догматами. Статус религии в функционировании «скромности» действительно велик для иранского народа, менее значим для русского, и слабо фиксируем для американского. «Скромные люди» в представлении носителей русской лингвокультуры – это в большинстве знакомые и близкие люди, либо персонажи кинофильмов, для американской — представители шоу-бизнеса, либо обезличенные скромные люди, охарактеризованные посредством предметов одежды, для иранской – окружающие и они сами. Функционирование «скромности» в ситуациях межличностного взаимодействия, с привлечением образов кинематографа, литературы свойственно для русской и иранской культур; отлична представленность «скромности» иранских респондентов в ситуациях обращения к Богу, преодоления жизненных сложностей и процессах самопознания, русских – в ситуациях приема пищи, в обилии ссылок на зооморфные образы.

Актуализация концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах различна и фиксируема за счет следующих положений, характеризующих концепт как амбивалентное в оценочном плане образование:

1. Русская «скромность» ведет к получению материальных и духовных богатств, приближению к Богу, развитию положительных качеств личности и оценки социума: *Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать, Скромность украшает человека*. Базисом развития скромности выступают высокие умственные способности, внутреннее и внешнее величие индивида. Высокое/ низкое материальное положение, невысокие умственные способности являются факторами, ведущими к угасанию скромности *Умный смиряется, глупый надувается*. В ряду основных последствий несоблюдения скромности

наблюдаются: осуждение социума и достижение благосостояния. Отрицательное восприятие скромности высвечивается в возможности злоупотребления скромным индивидом, а также подкрепляется его зависимым, подчиненным положением: *Кто везет, того и погоняют*.

2. «Скромность» иранской лингвокультуры освещается сквозь призму религиозных догматов, уточняя необходимость скромности в общении с Богом, женам в присутствии мужа, постулируется бережное, уважительное отношение к скромным людям, а также необратимость потери столь ценного качества: *آبی که از چشم رفت کی آید باز* — Пролитая из глаз вода не возвращается (человек, потерявший стыд, не обретет его вновь).

3. Американская «скромность» оказывает благотворное влияние на коммуникативного партнера, является способом сокрыть эмоции с одной стороны, и сопровождается страхом, осторожностью, препятствует достижению цели с другой: *Once bitten twice shy* (однажды совершив ошибку будь осторожен при подобных обстоятельствах).

Общность функционирования «скромности» в паремиологическом фонде русского, английского и персидского языков наблюдается в восприятии скромности как слабости с одной стороны (модель «укрощенного животного»), и как качества, несущего потенциальную опасность для окружающих с другой: *В тихом омуте черти водятся/ Still waters run deep*. В английском и русском языках «скромность» является препятствием к достижению цели: *Faint heart never won fair lady/ Стыдливому удачи не видать*. В русском и фарси нескромность отдаляет индивида от близких людей и является качеством (состоянием) недостойного человека с низким умственным развитием. *Кто зазнается, тот без друзей остается/ تکبر بود عادت جاهلان* — Надменность – свойство невежд (Саади).

Образное воплощение концепта во фразеологическом фонде русского, английского и персидского языков несет полярные коннотации. Основные отличия концепта «скромность» состоят в активном привлечении образов стихий, природы, построения метафор «намеренное отделение плоти» в иранской лингвокультуре, проводящей аналогии «потеря прямой эмоции (качества, состояния) – потеря части тела»: *ریش خود را بدست دیگر می دادم* — покоряться, подчиняться чужой воле (букв. отдавать свою бороду в чужие руки); различно восприятие элемента «земля», который в американской лингвокультуре несет яркую негативную окраску, в фарси же и русском языке является метафорическим уровнем семиотического выражения своего статуса. Помимо

этого, элемент «земля» является основой сущего, рождающим жизнь в мировидении иранского народа, в связи с чем невозможна диада, присущая американскому сознанию, — «земля – грязь» и соответствующая негативная оценка. Американскому языковому сознанию, помимо схожей зооморфной представленности, свойственно выделять образ собаки как отрицательно коннотируемый символ демонстрации слабости, чрезмерной покорности и управляемости: *to dance attendance on, come to heel* — *беспрекословно подчиняться, повиноваться*. Схожие черты в функционировании концепта «скромность» в данных лингвокультурах наблюдаются в наличие общего признака «страх», вскрывающего психологизм изучаемого состояния, а также метафорическом внешнем маркере поведения носителей «скромности» с элементом «опущение»: *повергаться к стопам/ crawl on one's knees, beg smb. on bended knee/ زانو بر (به) زمین زدن* (- преклоняться; идти на унижения, унижаться; сдаваться, покоряться (букв. смиренно преклонять колени до земли).

Подведем основные итоги.

1. Концепт «скромность» входит в число лингвокультурных концептов, содержание которых сводится к признанию приоритета общества по отношению к индивидууму. «Скромность» является социо-этическим регулятивом поведения, представляющим осознанное стремление и умение человека не выдвигать себя в центр внимания, сохраняя самоуважение.

2. Изучаемый концепт является многоплановым, кластерным образованием, включающим понятийные, ценностные и образные характеристики. Понятийное, образное и ценностное моделирование изучаемого концепта различно в русской, американской и иранской лингвокультурах, что связывается нами с системами ценностей, морально-этических норм и регулятивов жизнедеятельности, существующих в России, Америке и Иране, внедряющих и закрепляющих определенные образцы и модели поведения, регулирующих процессы мировосприятия, самоидентификации и социализации представителей социальных групп.

«Скромность» русской лингвокультуры имеет двойственную природу. Анализируя психологические свойства данного образования, мы установили два направления развертывания концепта: скромность – сила – достоинство, скромность – слабость – комплекс. Первая ветвь образования базируется на самосознании индивида, характеризующемся сформированным морально – этическим кодексом, самоуважением и готовностью принять ответственность за свои действия, позитивной

социальной идентичностью и закрепленным социальным статусом (взаимосвязи с «высокой интеллектуальной деятельностью», «трудолюбием»). Второе направление вытекает из отсутствия гармонии в воображаемом и реальном статусе индивида, неуверенности, страха, неспособности завязывать интерперсональные контакты и боязни социальной оценки. Понятийная взаимосвязь с концептом «алкоголесодержащая продукция» отражает возможные способы выхода из гнетущего состояния, которое подобно болезни сковывает индивида. «Скромность – слабость» обуславливает следующие взаимосвязи: «низкая профессиональная реализация», «отсутствие таланта». Кроме того, понятийная специфика фиксируется за счет признаков непритязательность и сдержанность, выводимого из этимологической сводки, и рассмотрения «скромности» как составляющей образа мысли, поведения и жизни индивида.

Внутренняя, истинная «скромность» иранской лингвокультуры подразумевает опущение статуса своего «Я» до максимально низкого уровня перед Богом и осознание своей ничтожности перед окружающими (основные понятийные составляющие – покорность, смиренность); симбиоз таких концептов, как «плач», «путь», «смерть», «любовь» со «скромностью» служит основанием для констатирования глубины и интенсивности образования «скромность».

Основными понятийными составляющими «скромности» в современном сознании американцев выступают пассивность и некоммуникабельность, скромность соотносится с умеренностью. В качестве типичного признака этого концепта выделяется отсутствие у женщин стремления казаться сексуально привлекательными и демонстрация «скромности» как способа привлечь внимание. Несмотря на то, что в обществе «скромность» отличается функциональной неприменимостью, случаи истинной «скромности» редки, существуют определенные социумом внешние правила «скромности», тесно переплетающиеся с вежливым поведением и частично обусловленные религиозными догматами, в связи с чем образное моделирование концепта «modesty» включает в основном внешние составляющие: манера поведения, форма одежды, речь, соответствие общепринятым этикетным нормам. Взаимосвязи концепта с «шоу-представлением», «категорией превосходства», «искренностью» (точнее, ее отсутствием) подтверждают это.

Этноспецифические образные характеристики концепта «скромность» русской лингвокультуры затрагивают поведение молодого человека или девушки, одиноко стоящих в углу с опущенными глазами, не стремящихся привлечь к себе внимание в силу страха перед ситуацией межличностного общения, либо особой организации самовосприятия и мировидения, не требующей активной самопрезентации для достижения внутреннего удовлетворения.

Иранская «скромность» фиксируется как в сердце, душе индивида, так и находит выражение во внешнем облике и невербальном поведении (образные характеристики: молчание, тихий голос, опущенные глаза, почтительный полупоклон с рукой на сердце). Внешняя «скромность» при обязательной маркированной индикации собственного статуса иранской культуры, направленная на принижение собственного статуса и повышение статуса коммуникативного партнера, является нормой поведения как вышестоящих, так и нижестоящих, обеспечивающей продуктивное функционирование личности.

На значимость концепта в языковом сознании указывают множественные образные характеристики, выявленные при анализе контекстуального употребления «скромности», паремиологического фонда языков и данных эксперимента. В качестве основы для метафорического переосмысления «скромности» для трех языков выступают имена животных, чье укрощенное поведение, неспособность противостоять и безбидность объективируют одну из сторон концепта. Помимо зооморфных и орнитологических образов, концепт широко представлен вегетативной тематикой, флороморфизмами, «скромность» наделяется также цветом и физическими (предметными) свойствами. Распространено осмысление «скромности» с привлечением метафор «от тела», элементы «потери», «опущения» символизируют означенную эмоцию (качество, состояние). Воплощение концепта «скромность» в языковой картине современного общества России и Ирана, кроме того, осуществляется посредством образов, закрепленных в кинофильмах, литературе и искусстве, указывая на актуальность изучаемого образования.

Мировосприятие иранцев строится с опорой на религию Ислам, доминанту общественного сознания и образа жизни, поощряющего и культивирующего «скромность» мусульман, отсюда положительная оценочность «скромности», прочная фиксация качества (состояния, эмоции) в системе неоспоримых регулятивов поведения, желание оставаться скромным в душе и

во внешних проявлениях. «Скромность» воспитывает духовно сильную, позитивную и социально востребованную личность, нацеливает ее на познание бытия и путь совершенствования. Определенная сила религиозных устоев, ориентирование общества на соблюдение морали и нравственности и поступки согласно совести подкрепляют аксиологический статус «скромности» в русской картине мира. Американское мировосприятие базируется на принципах воспитания независимого, сильного индивидуалиста. «Скромность» идет вразрез с социальными установками на броскую самоподачу и саморекламу, первенство, кипучую деятельность и активный отдых. В связи с чем отмечаем, что «скромность» как культурная ценность фиксируется в иранской лингвокультуре, амбивалентность оценки прослеживается в русской; для американцев скромность выступает регулятивом идеального поведения и реальным качеством личности, в идеале это качество является безусловно положительным, но в реальности мешает достижению успеха и благосостояния.

Понимание концепта «скромность» в американском и иранском сознании является полярно противоположным, это обусловлено императивами индивидуалистической культуры у американцев и религиозно-окрашенной коллективистской культуры у иранцев. Осмысление «скромности» в русском языковом сознании занимает промежуточное положение в ряду представленных лингвокультур.

Литература

Кошманова О.В. Психологический аспект концепта «скромность» (контекстуальный анализ) / О.В. Кошманова // Южно-Российский вестник по геологии, географии и глобальной энергии. Научно-технический журнал. 2006. № 8 (2). Спецвыпуск. Гуманитарные науки. С.176-181.

Кошманова О.В. Ценностная характеристика концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах / О.В. Кошманова / Язык, перевод и межкультурная коммуникация: Материалы региональной научной конф. 13-14 октября 2005 г. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. – С.117-121.

Кошманова О.В. Представления о скромности в религиозном и обыденном сознании (Иран, Россия). / О.В. Кошманова // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное: Материалы международной конференции 27-24 апреля 2006 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006 65-69 с.

Кошманова О.В. Контекстуальное осмысление концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах. / О.В. Кошманова // Этнокультурная концептология: Материалы постоянно

действующего семинара 18-20 апреля 2007 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007 г. С.15-122.

Кошманова О.В. Концепт «скромность» в религиозном дискурсе (Библия, Коран) / О.В. Кошманова // Международная научная конференция СПбГУ Востоковедение и африканистика в Университетах Санкт — Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. (4-6 апреля 2006 г.):Тез. докл. СПб., 2006. С. 252.

Кошманова О.В. Контекстуальное воплощение «скромности» в иранской и русской лингвокультурах / О.В. Кошманова // Современная иранистика на Северном Кавказе: Материалы международной научной конференции ИЦТ ДГУ. Махачкала: ДГУ. 2006. С. 152.

Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

**И.А. Долгова
(Волгоград)**

ТЕРПЕНИЕ

Цель данной работы состоит в определении и комплексной характеристике понятийных, образных и оценочных признаков концептуального поля «терпение» в английской и русской лингвокультурах.

В тематическом поле, организованном вокруг концепта «терпение», проявляются его различные корреляты — нетерпение, выдержка, смирение, страдание, толерантность и др. Каждый из этих коррелятов в свою очередь образует систему многомерных концептуальных диад.

Центральным признаком в понятийном содержании концепта «терпение» является признак «способность к самоконтролю». Такая способность проявляется у людей только в неблагоприятной ситуации. Соответственно уточняются пассивные и активные характеристики поведения человека в таких ситуациях. К первым можно отнести страдание, оно не требует волевых усилий, представляя собой эмоциональное переживание боли, лишений и трудностей. Страдание детально уточняется в языке. Ко вторым относится волевая реакция человека на неблагоприятные обстоятельства, включающая рациональный компонент (понимание того, что с нежелательными обстоятельствами придется смириться) и эмоционально-волевой компонент (активизация самоконтроля). Названные характеристики представляют собой фрейм концепта «терпение». Под фреймом, вслед за М.Минским, мы понимаем «структурированный образ ...в виде сети, состоящей из узлов и

связей между ними” (Минский, 1979: 7). В этом фрейме выделяются следующие исходные узлы: НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА и ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ. Второй узел уточняется двумя производными узлами: ПАССИВНАЯ РЕАКЦИЯ и АКТИВНАЯ РЕАКЦИЯ. Пассивная реакция конкретизируется в виде терминала СТРАДАНИЕ, активная реакция распадается на терминалы СМИРЕНИЕ и ВЫДЕРЖКА.

Названные терминалы образуют тематическое поле “терпение”. В лингвистике полевая модель языка применялась неоднократно. В науке о языке поле определяется как “совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений” (Кузнецов, 1990: 380).

Термин “поле” предполагает наличие интегрального признака, вокруг которого организованы все единицы поля, и множества дифференциальных признаков, позволяющих противопоставить все единицы. Обычно говорят о семантическом или функционально-семантическом поле. В лингвистических работах фигурируют также термины “тематическая группа” и “лексико-семантическая группа”. На наш взгляд, термин “группа” предполагает выделение и описание совокупности содержательных языковых единиц (в случае лексико-семантической группы релевантным оказывается не только предметно-содержательное значение слов, но и их частеречная принадлежность, для тематической группы этот признак не важен), в то время как термин “поле” акцентирует внимание на взаимосвязях этих единиц. Единицей тематического поля является слово в его отдельном значении. Предполагается, что многозначное слово может входить в разные поля. В этом плане тематическое поле концептов представляет собой объединение смысловых образований по тематическому признаку.

Терпение представляет собой способность человека переживать физические и моральные страдания, и в качестве концепта соотносится с широким классом способностей в целом.

Способности, как известно, относятся к ведению психологии, в рамках которой разграничиваются природная одаренность и умение (возможность) производить какие-либо действия (Ребер, 2000, с.300). В отличие от исключительных способностей, свойственных отдельным людям (языковые, математические, музыкальные, спортивные и другие способности), естественные способности присущи всем, при этом можно противопоставить

сенсорные, интеллектуальные и волевые способности. Поскольку внутренняя возможность перенести нечто неприятное связана, с одной стороны, с сенсорными способностями (если человек не чувствует боли, то нельзя говорить о способности боль перетерпеть), и с другой стороны, с волей человека, его самоконтролем, то терпение можно отнести в психологическом плане к сенсорно-волевым способностям человека. Самоконтроль вырабатывается помимовольно и осознанно под влиянием окружающей среды и, прежде всего, социума. В этом смысле терпение является социально обусловленным качеством человека.

Для выявления понятийных характеристик концепта «терпение» обратимся к словарным дефинициям, толкующим данный концепт.

В толковых словарях английского языка «patience» (терпение) определяется следующим образом:

Patience – 1) the ability to continue waiting or doing something for a long time without becoming angry or anxious; 2) the ability to accept trouble and other people's annoying behaviour without complaining or becoming angry (LDCE);

Patience – the ability to wait, or continue doing something despite difficulties, or suffer without complaining or becoming annoyed (CIDE);

Patience – a. (The capacity for) calm endurance of pain, trouble, inconvenience, etc. Formerly also foll. by *of* pain etc. b. Forbearance under provocation, esp. tolerance of the faults or limitations of other people. c. (The capacity for) calm self-possessed waiting. d. Constancy in exertion or effort; perseverance (SOED).

В приведенных словарных дефинициях выделяются следующие признаки: 1) способность, 2) ждать, 3) делать что-либо неприятное, 4) испытывать страдания, 5) в течение долгого времени, 6) несмотря на препятствия, 7) без жалоб, 8) без потери самообладания (спокойно), 9) прилагая усилия.

В толковых словарях русского языка рассматриваемый концепт определяется так:

Терпение – 1. Способность терпеть = стойко и безропотно переносить физические и моральные страдания, лишения. 2. Способность долго, настойчиво, упорно делать что-л. (БТС);

Терпение — способность спокойно, сдержанно ожидать благоприятных результатов какой-либо деятельности, жизненных перемен и т.п., способность решительно и упорно делать что-либо, пока не будет достигнут нужный результат (ТСРЯ);

Терпение — состояние и свойство по гл. *терпеть* = выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; || крепиться, перемогаться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; || ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; || снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; || не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать (Даль).

Эти дефиниции можно привести к следующему набору признаков: 1) способность, 2) переносить страдания, 3) ждать, 4) делать что-либо (неинтересное), 5) безропотно и смиренно (без жалоб и протеста), 6) долго, 7) сдержанно, спокойно, 8) настойчиво, прилагая усилия, 9) не противодействуя чему-л. отрицательному.

Как можно видеть, признаковый состав основного содержания концепта «терпение», зафиксированного в словарных определениях, почти полностью совпадает в английском и русском языках.

Этимологически английское слово *patience* восходит к идее страдания (латинское *patio* – страдание), русское слово *терпение* – к идее оцепенения, неподвижности (Фасмер). Англичане в силу исторических причин утратили исконное германское обозначение терпения в качестве основного имени концепта, но в ближайших его наименованиях это обозначение сохранилось (др.-англ. *beagan* – *beag* — переносить, носить, рождать, терпеть). Англичане концептуализировали идею терпения как «носить в себе». По-русски мы также говорим о том, что невозможно или необходимо вынести что-либо. Вместе с тем основной способ обозначения данного концепта в русском языке сводится к внешней форме проявления терпения – застыть. Развивая тезис Н.А. Красавского о том, что наименования эмоций исторически обусловлены способами их выражения (Красавский, 2001, с.126), мы можем констатировать более архаичный способ обозначения концепта «терпение» в русском языке по сравнению с английским (по-русски – внешняя, а по-английски – внутренняя форма проявления терпения).

В англоязычных синонимических словарях и тезаурусах рассматриваемый концепт уточняется следующим образом:

Patience, long-suffering, longanimity, forbearance, resignation can all mean the power to endure or a capacity for enduring without complaint something which is disagreeable or requires effort. **Patience** stresses calmness or composure, not only under suffering or under provocation, but in awaiting an outcome that seems unduly or inordinately delayed, or in performing a task that

makes severe demands upon one's attention. **Long-suffering** implies extraordinary patience under provocation or trial and suggests undue meekness or submissiveness, **longanimity** often names a virtue and so is chiefly found in abstract use. **Forbearance** implies restraint in the expression of one's feelings or in exacting punishment or one's due; it often suggests toleration, for the sake of peace. **Resignation** implies a submission to suffering or evil or an acceptance of it because it must be endured or cannot be escaped (WNDS).

Слова *patience* — терпение, *long-suffering* — долготерпение, *longanimity* – (книжн.) — долготерпение, *forbearance* – выдержка, терпение, *resignation* смирение, покорность обозначают способность переносить без жалоб нечто неприятное или требующее усилий. *Patience* подчеркивает спокойствие и собранность не только во время страдания или провокации, но и в ожидании чего-либо (когда приходится чересчур долго ждать) или при выполнении заданий, требующих высокой концентрации внимания. *Long-suffering* предполагает исключительное терпение в случае провокации или испытания и подразумевает излишнюю смиренность и покорность, *longanimity* используется для наименования терпения как религиозной добродетели в особом контексте. *Forbearance* имплицитно проявление сдержанности в выражении чувств или при получении наказания и часто предполагает терпимость ради сохранения мира. *Resignation* подразумевает покорность страданию или злу или принятие его, поскольку его следует вынести или невозможно избежать.

В английских тезаурусах к словам *patience* и *patient* приводятся следующие синонимы:

1) calmness, composure, cool (slang), equanimity, even temper, forbearance, imperturbability, restraint, serenity, sufferance, tolerance, toleration; 2) constancy, diligence, endurance, fortitude, long-suffering, perseverance, persistence, resignation, stoicism, submission (CCT);

patient 1) (enduring without complaint) syn. submissive, meek, forbearing, mild-tempered, composed, tranquil, serene, long-suffering, unruffled, imperturbable, passive, cold-blooded, easy-doing, philosophic, tolerant, gentle, unresentful; ant. irritable, violent, resentful; 2) (quietly persistent in an activity) syn. steady, dependable, calm, reliable, placid, stable, composed, unwavering, imperturbable, quiet, serene, unimpassioned, dispassionate, enduring; ant. restless, irrepensible, feverish (WNWT).

Толкования синонимов и тематически близкие слова в тезаурусах уточняют семантику английского концепта «patience»

в следующих направлениях: 1) интенсивность терпения, 2) неподобающая кротость и готовность подчиниться, 3) отнесенность к религиозным добродетелям, 4) сдержанность, высокая степень самоконтроля, 5) фаталистическая безысходность, 6) внешняя невозмутимость, 7) внутренняя философская гармония с миром, 8) настойчивость, упорство.

Интерпретируя концепт «терпение» в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, Е.В.Урысон определяет его как «способность человека, подвергающегося воздействию неприятных факторов, которые выводят его из внутреннего равновесия или причиняют ему физическую боль, постоянным усилием воли сохранять контроль над своим поведением» (НОСС, с.439). К этому слову примыкают близкие по смыслу единицы, обозначающие способность человека сохранять контроль не только над собой, но и над ситуацией: **выдержка, самообладание, хладнокровие, настойчивость, упорство, стойкость**. В словах «настойчивость» и «упорство» акцентируются усилия для достижения цели, в слове «стойкость» — для того, чтобы выстоять, не отказаться от убеждений, принципов и т.д. В русском языке противопоставляются терпение и терпеливость (временная и постоянная характеристика, сопоставимость с нормой, сопоставимость с некоторым ресурсом – запастись терпением, потерять терпение). По мнению исследователя, все ситуации, в которых актуализируется семантика терпения, распадаются на два класса: отсутствие и наличие внешней цели, ради которой субъект испытывает страдания, неприятные переживания, ждет, преодолевает монотонность работы. Терпение и терпеливость различаются по степени усилий субъекта (большие усилия ассоциируются с терпением и меньшие – с терпеливостью) (НОСС).

В идеографическом словаре русского языка «терпение» фигурирует под рубриками «Жизнь человека: Преодоление трудностей: Сила духа» и соотносится с тяжелыми условиями, неудовлетворенностью, вынужденностью, нетерпением, выдержкой, самообладанием, умением не показывать вида, стойкостью, мужеством, сильным характером, упорством и решительностью (ИСРЯ, с.490). З.Е. Александрова в «Словаре синонимов русского языка» соотносит слово «терпеть» с двумя рядами единиц: 1) *выносить, сносить, переносить (муки, испытания), выдерживать (обычно с отрицанием), переваривать (разг.), проглатывать (разг.)*; 2) *сдерживаться,*

крепиться, удерживаться от чего-л., воздерживаться от чего-л., перемогаться (разг.) (МСС).

С учетом приведенного выше синонимического толкования рассматриваемого концепта по словарю В.И.Даля можно представить синонимическое уточнение концепта «терпение» в русском семантическом пространстве следующим образом: 1) интенсивность терпения, 2) постоянное качество личности, 3) присутствие духа в беде и опасности, 4) сдержанность, высокая степень самоконтроля, 5) надежда, 6) умение не показывать вида, 7) необходимость смиряться с обстоятельствами, 8) упорство и решительность.

Сравнение признаков, соотносимых с концептом «терпение» в синонимических и идеографических словарях английского и русского языков, показывает, что эти признаки в значительной мере совпадают, однако существуют определенные различия, которые затрагивают оценочное своеобразие сопоставляемых картин мира. В английских словарях прослеживается смысловая линия «чрезмерное, неподобающее терпение», в русских словарях эта идея не выражена. По-английски в ряде случаев терпение ассоциируется с фаталистической безысходностью (идея безысходности вызывает у носителей английской культуры протест). В русском языковом сознании отчетливо прослеживается ассоциация терпения и мужества (это значит, что объектом терпения по-английски выступают менее значимые обстоятельства, чем соответствующие объекты в русском коллективном языковом сознании). Специфически русской ассоциацией в связи с терпением является надежда. На наш взгляд, отношение к физическим страданиям в русской и английской лингвокультурах принципиально не различается, но отношение к моральным страданиям имеет некоторые отличия в сравниваемых концептуальных полях: в английском языковом сознании можно увидеть очень широкую амплитуду по отношению к терпению – от полного неприятия до философской гармонии, в русской языковой картине мира эта амплитуда не столь широка.

Аналогичным образом в работе рассматриваются понятийные характеристики концептов «страдание», «смирение», «выдержка» и «толерантность» / «терпимость». На основании проведенного анализа делаются следующие выводы.

Тематическое поле концептов представляет собой группу смысловых образований, объединенную общими признаками, при этом системообразующим признаком такого поля является

референциальный признак. Единицы такого поля структурированы на основе объективной тематической близости.

Центральной единицей тематического поля концептов является концепт, референциальный признак (или группа таких признаков) которого является интегральным для всего поля. Этот признак является доминантой поля.

В рамках поля концептов выделяются подгруппы концептов, объединенные классифицирующим признаком. Минимальной группой является диада концептов. Классифицирующие признаки (субдоминанты) наиболее важны для выделения этнокультурных характеристик тематического поля в целом. В составе поля выделяются также индивидуальные остаточные (резидуальные) признаки концептов, образующих поле.

Тематическое концептуальное поле "терпение" в английском и русском языках в понятийном аспекте моделируется как структурированное иерархическое образование, включающее признаки "неблагоприятные обстоятельства", "реакция на неблагоприятные обстоятельства", конкретизирующиеся как "терпение", "страдание", "смирение", "выдержка", "терпимость" / "толерантность".

Понятийные характеристики концепта "терпение" имеют много общего в английском и русском языках. Характеристики физического терпения практически совпадают, характеристики морального терпения обнаруживают определенные различия. Англоязычная специфика понимания терпения состоит в критике чрезмерного терпения и фатализма, соответственно подчеркивается ценность индивидуальных усилий человека. Специфика понимания терпения в русском языковом сознании заключается в подчеркивании связи между терпением и мужеством, тем самым подчеркивается мотивация терпения.

Понятийные характеристики концепта «страдание» в основном совпадают в английском и русском языках (физическая и душевная боль и наличие шкалы интенсивности страданий). Основные различия состоят в следующем: 1) в английском языке четко выражена идея необходимости выдержать страдания, в русском языке это не прослеживается, 2) в русском языке детально представлены характеристики страдания – беспокойство, изнурительность, длительность, гнетущее чувство, в английском языке это не выражено.

Понятийные характеристики концепта «смирение» обнаруживают черты сходства и различия в английском и русском языках. Сходство состоит в осознанном безоговорочном принятии неблагоприятных обстоятельств, различие сводится к

следующим моментам: 1) англичане акцентируют в смирении внешнее спокойствие и внутреннюю несгибаемость, критически характеризуя слабохарактерность, 2) русские на первый план выносят в смирении внутреннее осознанное подчинение судьбе, уточняя разные характеристики подчинения (добровольность, готовность к подчинению, интенсивность выражения подчинения).

Концепт «выдержка» имеет общие и отличительные признаки в английском и русском языках. К общим признакам относится способность (или умение) контролировать себя в неблагоприятных обстоятельствах. Основные различия в содержании данного концепта сводятся к следующим моментам: 1) в английском языке подчеркивается внутренняя борьба субъекта с самим собой – человек заставляет себя сдержаться, вопреки своему желанию, акцентируется длительность неблагоприятных обстоятельств и отсутствие жалоб (субъект никого не зовет на помощь, он должен сам справиться с трудностями); 2) в русском языке выдержка проявляется в том, что человек не поддается душевной слабости, не сдается и демонстрирует невозмутимость.

Особенность понимания толерантности англичанами состоит в признании права другого вести себя по-своему, что так же базируется на приоритете индивидуализма. Отрицательная оценка терпимости в русской лингвокультуре основана на признании абсолютных ценностей и нежелательности компромиссов. Концепт «толерантность» является импортируемым в русскую лингвокультуру, этот концепт ограничен использованием только в определенных типах институционального дискурса (политическом, публицистическом, научном).

Логика рассмотрения сочетаемости имен концепта «Терпение» предполагает выявление тех действий или состояний, которые требуют терпения, установление характеристик терпения и нетерпения и характеристик смежных концептов.

Наиболее частотным действием, которое требует терпения, является ожидание:

For most of the following day, the team of operators waited patiently for the temperature to drop. — Большую часть следующего дня команда операторов терпеливо ждала понижения температуры.

Обучение требует терпения от преподавателя:

My dear Miss Resker, said Mr Appin patiently, we teach little children and very slow, stupid adults in that way. — «Дорогая мисс Рескер, — терпеливо сказал мистер Аппин, — мы таким способом учим маленьких детей и очень туго соображающих, тупых взрослых».

В данном примере мы видим, что герой фактически уже теряет терпение, объясняя даме, что происходит, и неявно оскорбляя ее.

Терпение является идеалом, к которому призывают:

He appealed on national television for patience, and on Jan. 26 promised a rescue plan for the economy. — Выступая по национальному телевидению, он призвал всех к терпению и пообещал 26 января план спасения для экономики.

Призывая народ к терпению, лидер страны тем самым признает, что народу предстоит период определенных лишений и трудностей.

Терпение противопоставлено нетерпению, которое обозначается в языке как отсутствие или потеря терпения.

Существуют типичные проявления нетерпения:

Lisa drummed her fingers impatiently on the phone table. Луиза нетерпеливо барабанила пальцами по телефонному столику.

Нетерпение приводит к потере контроля над собой:

But Warnick became over-eager, and his impatience triggered the series of errors which brought his downfall. — Но Уорник проявил излишний пыл, и его нетерпение вызвало серию ошибок, которые привели к его падению.

Особую роль в тонкой дифференциации контекстного смысла играет биномиальная сочетаемость, т.е. употребление определенного слова в координативной паре с другим словом.

Концепт «терпение» уточняется в биномиальной сочетаемости словами двух типов: к первым относятся слова, которые имеют устойчивые общие или смежные смысловые признаки, ко вторым – слова, в содержании которых такие признаки определяются окказионально.

Терпение тесно связано с выдержкой:

The letters between Miller and Bartram show what could be achieved by patience and forbearance two hundred years ago. — Письма между Миллером и Бартрамом показывают, чего можно было достичь с помощью терпения и выдержки двести лет назад.

Выдержка является одним из компонентов терпения.

В корпусе наших примеров встречаются случаи совместного употребления имен терпения и толерантности:

'A little courtesy, tolerance and patience will help to ease the strife,' a spokesman said.

«Немного вежливости, толерантность и терпение помогут смягчить это столкновение», сказал представитель правительства.

Для нейтрализации конфликта нужно терпение, уважительное отношение к оппонентам и вежливое поведение.

Примеры сочетаемости наречия «терпеливо» с глаголами в английском языке свидетельствуют о том, что терпение обычно

сочетается с ожиданием, повторением, обучением, объяснением, выслушиванием, лечением, уходом, попытками что-либо сделать, пребыванием на одном месте или однообразными движениями, длительными и сложными действиями.

Сочетаемость характеристики слов, обозначающих нетерпение в английском языке, свидетельствуют о том, что нетерпение градуируется, имеет определенные способы выражения в речи, мимике, телодвижениях, признается недостатком, ведущим к тяжелым последствиям, но иногда воспринимается как выражение безразличия и получает положительную оценку. Демонстрируемое нетерпение может быть статусным знаком вышестоящего. Люди теряют терпение из-за неразумного или безответственного поведения кого-либо.

Биномальная сочетаемость слов, обозначающих концепт «терпение» в английском языке, свидетельствует о том, что уточнение этого концепта может быть восполняющим и дополнительным. В первом случае семантические признаки сочетающихся слов обнаруживают совпадение или смежность (терпение + выдержка, настойчивость, оптимизм, забота, время, толерантность, прилежание, кротость, понимание, практика, энергия), во втором случае – ситуативную связь (терпение + умение, доверие, определенный тип мышления, координация движения, лень и др.).

Образные характеристики концепта «терпение» в русском языке были установлены на основе анализа произведений русской художественной литературы и публицистики, представленных в электронном виде.

Терпение является одной из постоянных характеристик ожидания:

Секретарь посольства не ложился спать, терпеливо выжидая возвращения посла (В.Пикуль).

В нашем корпусе примеров детально характеризуются неблагоприятные обстоятельства, которые вынужден терпеть человек:

Невероятные бедствия и лишения приходилось терпеть. Скажу только, что из нашей группы я один благополучно (если не считать отмороженных ног) добрался до мыса Флоры (В.Каверин).

Исследователь-полярник рассказывает о том, что ему и его товарищам пришлось пережить.

Постоянной характеристикой терпения является его дефицит.

Почему? Да потому, что терпения не хватает. Хочется, чтобы все сделалось сразу. Желательно — само собой (В.Михайлов).

Отсутствие терпения сопряжено с нежеланием проявлять усилия.

Нетерпение в русском языке часто выражается имперсонально:

Ах, как и мне самому не терпится сейчас же, ночью, отправиться в пирамиду Хирена, захватив с собой счетчик Гейгера! (Г.Голубев).

Имперсонально выраженное нетерпение обозначает интенсивное желание (*не терпится = хочется*).

Биноминальная сочетаемость слова «терпение» в русском языке раскрывает следующие смысловые оттенки рассматриваемого концепта.

Терпение сочетается с мужеством:

Я стремился на Север, к профессии полярного летчика, потому что это была профессия, которая требовала от меня терпения, мужества и любви к своей стране и своему делу (В.Каверин).

Терпение связано с настойчивостью:

- Что ж делать? Поддаться и тосковать?

- Ничего, — сказал он, — вооружаться твердостью и терпеливо, настойчиво идти своим путем (И.А.Гончаров).

Эта характеристика терпения соответствует его понятийным признакам (волевой компонент терпения).

Терпение характеризуется отсутствием протеста:

...люди молчаливо терпели тягость работы, подчиняясь угрожающим окрикам и жестам наблюдавших за ними жрецов (И.Ефремов).

Молчание в данном контексте сопряжено с подчинением.

Отношение к терпению в русской лингвокультуре отличается оценочной амбивалентностью:

- Надо потерпеть. Русь всегда была сильна терпением.

- На терпеливых ездят (В.Михайлов).

В этом диалоге сталкиваются две позиции: с одной стороны, терпение признается необходимостью и добродетелью, но, с другой стороны, отмечается, что излишняя терпеливость заслуживает презрения, поскольку свидетельствует о слабости характера.

Сочетаемые характеристики слов, обозначающих терпение в русском языке, свидетельствуют о том, что терпение связано с ожиданием, однообразными действиями, отношением ко времени, лишениями, холодом, голодом, жаждой, вызывающим поведением, невоспитанностью, несправедливостью, непорядочностью, выражением позиции вышестоящего. Акцентируется дефицит терпения. Отсутствие терпения связано с нежеланием проявлять усилия. Нетерпение тесно связано с выражением интенсивного желания и часто оформляется в виде имперсональной конструкции. В проанализированном корпусе примеров на русском языке глаголы

вербальной и невербальной коммуникации преимущественно сочетаются с наречием «нетерпеливо». Терпение и нетерпение градуируются. Терпение признается добродетелью, но излишнее терпение оценивается отрицательно, поскольку ассоциируется со слабохарактерностью.

Биноминальная сочетаемость слов, обозначающих терпение, показывает, что восполняющими смысловыми уточнениями рассматриваемого концепта являются мужество, доброта, внимание, настойчивость, подчиненность, дотошность, энергичность, бодрость, в качестве дополнительных признаков выступают участие, любовь к своей стране и др.

Сравнение сочетаемостных характеристик английских и русских способов выражения концепта «терпение» показывает, что в значительной мере эти характеристики совпадают. Основные различия состоят в следующем: в английском языке терпение ассоциируется с попытками что-то сделать, в русском языке – с физическими и нравственными страданиями, мужеством и жертвенной добротой.

Аналогичным образом рассматриваются в работе образные характеристики других концептов, образующий поле «терпение». Результаты анализа обобщаются в следующих выводах:

Образные характеристики концептов, образующих поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах, установлены на основе анализа сочетаемости слов *patience, терпение, suffering, страдание, resignation, смирение, endurance, выдержка, tolerance, терпимость / толерантность*.

Смысловым ядром данного концептуального поля является признаковый комплекс «принятие неблагоприятных обстоятельств как неизбежности и связанное с этим волевое усилие». Сочетаемость основных имен концептов данного поля уточняет типичные неблагоприятные обстоятельства (объектная сочетаемость): ожидание, скучные занятия, физическая и душевная боль, дискомфорт, унижение и др. Переживание страдания часто сопряжено с индикацией социального неравенства. Различные характеристики смирения раскрывают осознание неизбежности неблагоприятного исхода событий и бесполезности сопротивления. Противопоставляются конкретное терпение в той или иной ситуации и абстрактная терпимость как качество личности и принцип поведения.

Многие единицы рассматриваемого поля характеризуются градуальностью (большим либо меньшим проявлением качества). Недостаток терпения, смирения, выдержки и терпимости осуждается, поскольку свидетельствует о неумении или

нежелании контролировать свои эмоции, избыток терпения и смирения часто квалифицируется как слабость характера. Релевантным признаком всех единиц поля является их использование в утвердительной либо отрицательной конструкции.

Параллельная (биномиальная) сочетаемость имен концептов анализируемого поля раскрывает два типа семантических связей слов в контексте: восполняющая сочетаемость (повторение в сочетаниях тех признаков, которые есть в составе концептов) и дополнительная сочетаемость (новые признаки, ассоциативно связанные с признаками исходных концептов). Важными восполняющими признаками, не зафиксированными в словарных дефинициях, но выраженными в сочетаниях рассматриваемых слов, оказались “время”, “понимание”, “мужество”, “жалоба”, “утешение”, “сочувствие”, “сила” и др. Дополнительная сочетаемость весьма вариативна (“умение”, “лень”, “праведность”, “любовь”, “сообразительность” и др.).

Сравнение образных характеристик анализируемых концептов в составе поля “терпение” показало значительное совпадение концептов “терпение”, “страдание” и “толерантность” / “терпимость” и меньшее совпадение концептов “смирение” и “выдержка”. Основные различия в содержании рассматриваемых концептов в англоязычном и русском языковом сознании состоят в следующем: у англичан терпение связано с попытками что-то сделать, у русских – с жертвенностью, у англичан страдание ассоциируется прежде всего с жестоким обращением с людьми и отсутствием средств к существованию, у русских – с необходимостью пострадать за кого-то и неизбежностью страданий, у англичан “смирение” сопряжено с внутренней борьбой и стойкостью субъекта, у русских – с выражением подчиненности и осознанием смирения как праведности, у англичан выдержка связана с переживанием унижения, у русских – с необходимостью вынести внешнее давление, у англичан толерантность сопряжена с волевым усилием заставить себя терпеть что-либо, у русских терпимость (и толерантность) связана с неприятной необходимостью идти на компромисс.

Обратимся к оценочным высказываниям (поговорки и афоризмы), в которых выражено вариативное отношение к терпению, страданию, смирению, выдержке и толерантности / терпимости.

Многие речения утверждают безусловную ценность терпения:
Patience is a virtue. – Терпение – добродетель.

Терпение необходимо, чтобы выжить:

The world is for him who has patience – Этот мир для тех, у кого есть терпение.

Отмечается, что терпение свойственно не всем:

Patience is a flower that grows not in every garden. – Терпение – это цветок, который растет не в каждом саду.

Терпение ассоциируется с ситуацией болезни:

Patience is a remedy for every disease. — Терпение – это лекарство от любой болезни.

Отмечено, что нужно относиться к друзьям с терпением:

Have patience with a friend rather than lose him forever. – Будь терпелив к другу, иначе потеряешь его навсегда.

Констатируется необходимость терпения для бедняков:

*Patience is virtue of the poor. – Терпение есть добродетель бедняков.
He that will be served, must be patient – Имея слуг, надо быть терпеливым.*

Говорится о границах терпения:

Patience is a good nag, but she'll bolt. – Терпение – хорошая лошадка, но она может и рвануть.

Терпение всегда получает вознаграждение:

Patient men win the day – Терпеливым достается успех.

Вместе с тем лишнее терпение в паремиологии осуждается:

The string of a man's sack of patience is generally tied with a slip knot – Веревка на мешке терпения обычно завязана скользящим узлом (удавкой).

Опасно испытывать терпение людей:

Patience provoked turns to fury – Лопнувшее терпение переходит в ярость.

Таким образом, в английской паремиологии терпение характеризуется как 1) добродетель, 2) свойственная немногим, 3) необходимая, чтобы выжить, 4) необходимая при болезнях, 5) нужная беднякам, 6) нужная тем, кто пользуется услугами, 7) необходимая невыдержанным людям, 8) имеющая пределы, 9) приводящая к успеху и выгоде, 10) более важная, чем знания, 11) помогающая защититься. Осуждается чрезмерное терпение, поскольку оно наносит вред человеку. Осуждается также испытание чье-либо терпения.

Нетерпение приносит вред человеку, поскольку заставляет его зря переживать:

A watched pot never boils – Котелок, за которым наблюдают, никак не закипает.

Осуждается нетерпение тех, кто не хочет ждать:

First creep, than go – Сначала научись ползать, а затем иди.

Нетерпение подвергается критике, так как оно вызывает лишние переживания и вступает в конфликт с реальностью.

В англоязычной афористике эти идеи развиваются следующим образом:

Терпение – высшее качество человека:

Patience is a nobler motion than any deed (C. Bartol) – Терпение более благородно, чем любой подвиг.

Терпение эффективнее, чем сила:

Our patience will achieve more than our force (E. Burke) — Наше терпение достигнет большего, чем наша сила.

Люди, не имеющие терпения, заслуживают жалости:

How poor are they that have no patience! (W. Shakespeare) – Как бедны те, у кого нет терпения!

Требуется терпение для мирной домашней жизни:

It takes patience to appreciate domestic bliss; volatile spirits prefer unhappiness (J. Santayana) – Требуется терпение, чтобы оценить домашний рай; непостоянные души предпочитают быть несчастными.

Нельзя испытывать терпение людей, особенно – терпеливых людей:

Beware the fury of a patient man (J. Dryden). — Бойтесь ярости терпеливого человека.

В терпении есть элемент робости:

Patience, that blending of moral courage with physical timidity (T. Hardy) – Терпение, эта смесь душевной смелости и физической робости.

Людям свойственно призывать других к терпению, но самим терпеть не хочется:

All commend patience, but none can endure to suffer (T. Fuller) – Все хвалят терпение, но никто не может выдержать страданий.

Терпение часто обусловлено прагматическим расчетом:

I am extraordinarily patient, provided I get my own way in the end (M. Thatcher). – Я необычайно терпелива при условии, что в итоге все будет по-моему.

В афоризмах мы сталкиваемся с осуждением нетерпения.

Нетерпение разрушает человека:

Patience is the support of weakness; impatience is the ruin of strength (C. Colton) – Терпение это поддержка слабости, нетерпение – разрушение силы.

В английской афористике подтверждается и детально уточняется высокая оценка терпения, критически оценивается нетерпение, осуждается излишнее терпение и имитация терпения, скептически оценивается терпение у нищих, отмечается, что некоторым людям терпение необходимо даже для того, чтобы быть счастливыми, констатируется, что терпение приходит к людям слишком поздно, обращается внимание на то, что нельзя испытывать терпение людей.

В русской паремиологии концепт “терпение” связывается со спасением, т.е. высшим благом:

За терпенье дает бог спасенье. Терпенье – лучше спасенья. Без терпенья нет спасенья.

Терпение приводит к успеху:

Терпенье и труд все перетрут. Терпя, в люди выходят.

Необходимо перетерпеть то, с чем справиться иначе невозможно:

С бедою не перекоряйся, терпи! Терпи, голова, в кости скована.

Терпение необходимо для достижения поставленных целей:

Терпи, казак, атаманом будешь. Терпеть не беда, было б чего ждать.

Терпение связано с умением:

Терпенье дает уменье. Без терпенья нет уменья. Не везде сила: где уменье, а где терпенье.

В пословицах осуждается нетерпеливость:

Торопливый дважды одно дело делает. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Дай всякому делу перебродить на своих дрожжах.

Есть пределы терпения:

Терпя, и камень треснет. Тут и у святого терпенье лопнет. Терпит брага долго, а через край пойдет — не уймешь. Русский терпелив до зачина.

Перетерпев, люди привыкают к неприятностям:

Лихо терпеть, а стерпится слюбится.

Таким образом, в русской паремиологии терпение характеризуется как 1) благо, 2) связанное со спасением, 3) успехом, 4) достижением поставленных целей, 5) умением, 6) надеждой, 7) смирением, 8) привычкой, 9) имеющее пределы. Нетерпеливость осуждается.

В русской афористике рассматриваемый концепт получает следующую интерпретацию.

Терпение является необходимым условием успеха:

Единственное условие, от которого зависит успех, есть терпение (Л.Н.Толстой).

Терпение – один из отличительных признаков человека:

Человек — это животное, отличающееся от обезьяны терпением, от попугая — инициативой, от бегемота — беспокойством, а от муравья — размерами (В.Гаврилов).

Терпение характеризуется оценочной амбивалентностью:

В понятии "терпение" — две грани. С одной стороны, положительная — способность ожидать, не теряя надежды, настойчиво идя к поставленной цели. С другой стороны, отрицательная — неспособность сопротивляться, снося все оскорбления, обиды, рабски подчиняясь обстоятельствам. Первое — признак силы, второе — слабости (И.Шевелев).

Существует мера терпения:

Терпение – прекрасная черта в характере народа, но только терпение в меру. Терпение не в меру грозит превращением народа в население (П.Горелик).

Терпение может быть напрасным:

Говорят: "Терпение всегда вознаграждается". Это неправда! Несбывшиеся надежды — вот расплата за наше терпение (О.Попцов).

Терпение связано с великодушием:

В своих трудах и страдании прилично человеку иметь терпение, к людским же винам и погрешностям великодушие (Екатерина Вторая).

Терпение требует больших усилий:

Чтобы сохранить ангельский характер, нужно дьявольское терпение (Г.Малкин).

Терпение связано со страхом:

Не так ли многие, хоть стыдно им признаться, С умом людей — боятся, И терпят при себе охотней дураков (И. А. Крылов).

В русской афористике дается высокая оценка терпению, но вместе с тем отмечается отрицательная сторона терпеливого потворства злу. Терпение связано с великодушием и добротой. Осуждается нетерпение, если оно свидетельствует о потере самоконтроля, но критически оценивается и чрезмерное терпение. Уточняются ситуации, требующие терпения (семейная жизнь и уход за больными). Констатируется, что терпение требуется зависимым людям (женщинам и беднякам).

Сравнение английских и русских оценочных характеристик концепта "терпение" свидетельствует о том, что в значительной мере эти характеристики совпадают относительно необходимости терпения, ненужности лишнего терпения, требования контролировать себя. Основные различия в оценочной квалификации рассматриваемого концепта в сравниваемых лингвокультурах сводятся к следующим моментам: в английских оценочных высказываниях констатируется необходимость терпеливо относиться к слугам и отмечается, что люди обычно овладевают терпением поздно, в русских оценочных высказываниях актуализируется связь терпения и спасения, а также терпения и умения и подчеркивается то, что терпение, особенно чрезмерное терпение, свойственно русскому народу.

Оценочные характеристики концептуального поля "терпение" в английском и русском языках свидетельствуют о несомненной важности концептов, образующих это поле, для сравниваемых лингвокультур.

Оценочные высказывания – пословицы и афоризмы – характеризуют терпение в англоязычном и русском сознании как необходимое качество для выживания, как несомненную добродетель, которая встречается не очень часто. Отрицательно

оценивается нетерпение и излишнее терпение. Англичане ставят на первый план самоконтроль человека и констатируют, что терпение необходимо, в первую очередь, бедным. В русском сознании терпение сопряжено со спасением, с одной стороны, и умением, с другой. Отмечается, что терпение необходимо женщинам.

Страдание оценивается в паремиологическом фонде и в высказываниях афористов как неизбежное зло. Вместе с тем отмечается, что страдания очищают душу. Констатируются причины страданий – грехи, многие знания, гордыня, горе. Страдания посланы судьбой. Англичане считают, что страдания следует переносить незаметно (требование самоконтроля). Следует сочувствовать страданиям других людей. В русском сознании страдания сопряжены с учением (паронимически притягиваются друг к другу учение и мучение). Русские люди считают, что страдания часто намеренно причиняются народу властью. Вызывают одобрение и сочувствие те, кто страдает за правое дело.

Смирение оценивается в англоязычном и русском языковом сознании как добродетель, противопоставленная главному греху – гордыне. Этот концепт очень значим для русской лингвокультуры и является прямым выражением религиозного отношения к Богу, себе и людям. Вместе с тем отмечается ненужность излишнего смирения. В английских пословицах и афоризмах подчеркивается необходимость усилий для достижения смирения. Констатируется, что мысли о смерти приводят к смирению. В русских оценочных речениях акцентируется идея смирения как проявления силы характера и отмечается, что смирение необходимо тем, кто занимает подчиненное место в жизни.

Выдержка высоко оценивается в английской и русской лингвокультурах, хотя более значима, судя по соотношению оценочных высказываний, для англоязычного мира. Англичане отмечают необходимость выдержки для трезвой объективной оценки жизни, русские ассоциируют выдержку с ответственностью.

Толерантность (терпимость) является одним из важнейших ценностных ориентиров современного англоязычного сообщества. Этот концепт функционирует не в обиходном, а в институциональном сознании и коммуникативном поведении. Англичане и американцы ассоциируют толерантность с независимостью, множественностью и разнообразием стилей жизни (diversity) и самоуважением. Толерантность обусловлена

образовательным уровнем и финансовой независимостью. В русской лингвокультуре этот концепт оценивается амбивалентно: с одной стороны, отмечается важность терпимого отношения к тем, кто отличается от нас, с другой стороны, констатируется, что терпимость может быть проявлением слабости, равнодушия или лицемерия.

Подведем основные итоги.

Концептуальное поле “терпение” представляет собой взаимосвязанное и взаимообусловленное единство концептов “терпение”, “страдание”, “смирение”, “выдержка”, “толерантность” / “терпимость”. Концепт “терпение” выступает в качестве смыслового ядра данного поля. Модель проанализированного поля представляет собой фрейм, в котором устанавливаются следующие направления смыслового уточнения терпения: 1) терпение — способность к самоконтролю в неблагоприятной ситуации, 2) страдание – пассивная эмоциональная реакция на неблагоприятные обстоятельства, 3) смирение – активная рациональная реакция на неблагоприятные обстоятельства в виде отказа от сопротивления, 4) выдержка – активная волевая реакция на неблагоприятные обстоятельства в виде готовности к преодолению трудностей, 5) толерантность / терпимость – активная волевая реакция на неприятные обстоятельства в виде согласия с иными образами мысли и поведения.

Понятийные характеристики концептов, образующих поле “терпение” в значительной мере совпадают в английском и русском языковом сознании. Это объясняется общечеловеческой типовой реакцией на неблагоприятные обстоятельства. Этнокультурные различия в нюансах такой реакции объясняются, прежде всего, теми доминантами поведения, которые определяют специфику английского и русского национального характера.

Осмысление терпения у англичан приводит к критике чрезмерного терпения и фатализма, у русских – к акцентированию связи между терпением и мужеством. Иначе говоря, англичанину свойственно ставить вопрос: “Почему я должен это терпеть?”, а русский человек констатирует: “Если нужно, перетерплю”. Концептуализация страдания в англоязычном сознании приводит к выводу о необходимости выдержать страдания (волевое усилие), в русском сознании детально характеризуются разновидности страдания (изнурительность, гнетущее чувство, беспокойство и др.). В русском языке существует концептуальная диада “страдание” – “мучение”, различие между семантикой этих слов состоит в

акцентировании имперсональности в страдании и каузативности в мучении. Смирение осмысливается англичанами как отказ от сопротивления при внутренней несгибаемости, подчеркивается внешнее спокойствие (самоконтроль), русские же понимают смирение как добровольное, внутренне осознанное подчинение судьбе. Выдержка концептуализируется в англоязычном сознании как волевое усилие человека, который заставляет себя держаться и никого не зовет на помощь, в русской лингвокультуре акцентируется то, что человек не поддается слабости и показывает невозмутимость. Видна параллель между выдержкой по-русски и смирением по-английски. Толерантность в англоязычном мире осмысливается как признание права другого человека вести себя по-своему, хоть это может и не нравиться говорящему, в русском сознании толерантность / терпимость может оцениваться отрицательно, поскольку предполагает необходимость компромисса.

Образные характеристики концептов, составляющих поле "терпение", сводятся к детальным описаниям ситуаций, связанных с принятием неблагоприятных обстоятельств как неизбежности. Уточняются типичные неблагоприятные обстоятельства (ожидание, скучные занятия, физическая и душевная боль, дискомфорт, унижение и др.). Сочетаемость слов, обозначающих концепты в составе проанализированного поля, свидетельствует о том, что многие единицы этого поля характеризуются градуальностью. При этом осуждается недостаток терпения, смирения, выдержки и терпимости (отсутствие самоконтроля) и избыток этих качеств (слабость характера). Сочетаемость имен концептов позволила выявить повторение тех признаков, которые устанавливаются в значениях этих слов (восполняющая сочетаемость), и новые признаки, ассоциативно связанные с признаками исходных концептов (дополнительная сочетаемость). Сравнение образных характеристик концептов в рассматриваемом поле показало, что англичане ассоциируют терпение с попытками что-то изменить, а русские – с жертвенностью, страдание по-английски связано с жестоким обращением и бедностью, по-русски – с необходимостью пострадать за правое дело и неизбежностью страданий, смирение воспринимается англичанами как внутренняя борьба с сами собой, русские воспринимают смирение как праведность, англичанам требуется выдержка более всего при переживании унижения, русским она нужна, чтобы перенести внешние неблагоприятные обстоятельства, толерантность ассоциируется у англичан с необходимостью

заставить себя вынести общение с неприятными людьми, у русских – с необходимостью идти на неприятный компромисс.

Оценочные характеристики концептов, образующих поле “терпение”, свидетельствуют об актуальности этих концептов для англоязычной и русской лингвокультур. В значительной мере эти характеристики совпадают. Наиболее существенные отличия сводятся к следующим моментам: англичане акцентируют в терпении самоконтроль, русские – возможность спасения, страдание по-английски требуется переносить незаметно, русские выделяют в страдании необходимость пострадать за кого-то или за что-то, смирение играет исключительно важную роль в русской оценочной картине мира и связано со спасением, англичане этот концепт воспринимают критически, хотя резко осуждают гордыню, выдержка у англичан обусловлена трезвым подходом к жизни, у русских – пониманием ответственности, толерантность по-английски является одним из важнейших ориентиров поведения, связана с независимостью и самоуважением, русские относятся к толерантности / терпимости неоднозначно, отмечая, что иногда она может быть знаком слабости.

Основное различие в понимании ситуации, в которой проявляется реакция человека на неблагоприятные обстоятельства, сводится, как показывает выполненное исследование, к противопоставлению установок Деятеля и Созерцателя. Деятель проявляет силу воли, стараясь контролировать себя, трезво учитывает обстоятельства и с трудом смиряется с неизбежностью. Созерцатель старается войти в гармонию с обстоятельствами, с готовностью терпит неблагоприятные обстоятельства и живет в условиях контраста между должным и данным мироустройством. Позиция Деятеля соответствует культурным доминантам англоязычного мира, позиция Созерцателя традиционно свойственна России, хотя отношение к терпению у современных носителей русской лингвокультуры меняется в направлении позиции Деятеля.

Литература

Долгова, И.А. Лингвокультурный концепт «толерантность» / И.А. Долгова // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса. Волгоград: Перемена, 2003. С.61-64.

Долгова, И.А. Tolerance / И.А. Долгова // American Values Reconsidered. Волгоград: Перемена, 2004. С.147-150.

Долгова, И.А. Концепт «терпение» в английской и русской лингвокультурах: понятийные характеристики / И.А. Долгова //

Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти проф. Р.К. Миньяр-Белоручева. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С.308-312.

Долгова, И.А. Языковые показатели интолерантных высказываний / И.А. Долгова // Антропологическая лингвистика. Вып. 6. Волгоград: Колледж, 2006. С.46-50.

Долгова, И.А. Концепты «терпение» и «толерантность» в английском и русском языковом сознании / И.А. Долгова // Журнал: Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2006. № 3 (16). С. 61-64.

Долгова И.А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 26 с.

Е.Ю. Бутенко
(Ростов-на-Дону)

СТРАХ

Целью данной работы является исследование концептуализации понятия «страх» в культурно значимых областях немецкой и русской лингвокультур.

Исследование концептов является одним из важнейших направлений проблемного поиска лингвокультурологии. Концепты – культурно-ментально-языковые единицы, которые, в отличие от понятий, мыслятся и переживаются. Концепты включают в себя понятийный, ценностный и образный компоненты. В структуру концепта, кроме понятия, входит все то, что делает его фактом культуры: этимология, история, современные ассоциации, оценки и т.д.

В современном языкознании в отдельную парадигму выделяют изучение концептов класса «эмоции». Эмоции символизируются вербально и невербально. Концепты эмоций имеют различный характер вербализации: могут называться, описываться и выражаться посредством языковых знаков. По замечанию Н.А. Красавского, словная (лексемная) и сверхсловная (словосочетания) номинации при анализе эмоциональной концептосферы наиболее информативны, так как служат способом порождения, развития и хранения смыслов (Красавский 2001).

Понимание концептов в современной лингвистике весьма вариативно, что приводит к различию предлагаемых методов исследования. В зависимости от непосредственного предмета исследования концептуальный анализ может осуществляться в

разных формах. В настоящей работе мы рассматриваем *нозматические характеристики лексики, номинирующей концепт СТРАХ как совокупность культурных смыслов в разных культурных областях в двух лингвокультурах.*

Для описания концептов как культурных смыслов мы привлекаем методологический аппарат филологической герменевтики (Г.И.Богин), базирующейся на системно-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) Г.П.Щедровицкого. Для филологической герменевтики смысл есть исходное понятие по отношению к значению. Смыслы возникают только в конкретной ситуации, в то время как значение внеконтекстно. Значение состоит из предустановленного набора сем, а смысл строится из интенционально релевантных нозм. Нозма – минимальная смысловая единица с функцией установления связи и отношений между элементами коммуникативной и деятельностной ситуации, которая необходима для смыслообразования.

При исследовании понятия «страх» в соответствующих лингвокультурах мы применяем схему мыследеятельности Г.П.Щедровицкого, которая наполняется следующими смыслами. При фиксации рефлексии в поясе МД (мыследействования) у слов-понятий реализуются словарные значения. При фиксации рефлексии в поясе М-К (мысли-коммуникации) обсуждение понятия разворачивается в некотором контексте, в результате слово может приобретать дополнительные коннотации, аксиологическую характеристику. Пояс М (чистого мышления) есть выражение идей и базовых культурных смыслов. Слова-понятия обсуждаются в модусе «Что есть X по сути?». Тем самым, в нашей работе к процедуре концептуального анализа, традиционной для лингвокультурологии, мы добавляем анализ нозматических свойств лексики в соответствии с ее статусом – принадлежностью к определенной лингвокультурной области и с уровнем рефлексии, приведшим к появлению той или иной нозмы.

Избранная нами процедура анализа состоит из следующих этапов: 1) нахождение слову толкования, которое оно имеет в соответствующей лингвокультуре как целом; 2) исследование отдельных лингвокультурных областей (философия и художественная литература) в рассматриваемых лингвокультурах с целью выявления контекстных употреблений номинантов понятия «страх»; 3) анализ мифологии, фольклора, фразеологических единиц, паремий с исследуемой лексикой; 4) анализ слов, входящих в рассматриваемое понятие, в

отношении обращенной на значения рефлексии лингвистической и выводящей к смыслам рефлексии ноэматической с помощью герменевтико-интерпретационного метода; 5) межъязыковое сопоставление, выявляющее специфические особенности понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах.

Изучение онтологических оснований концепта СТРАХ в европейской культурной традиции позволяет выявить, что страх – один из истоков формирования мифологической модели картины мира, причина ее медленной трансформации в более четкоотрефлексированную мифолого-религиозную модель. Для Средневековья чрезвычайно актуальными были «фобикокультурные» смыслы, в христианской картине мира происходит интенсификация «страха Господня», страх – важнейшая составляющая религиозного сознания. Смена теоцентрической модели мира антропоцентрической, избавление от мифолого-религиозных представлений не лишила актуальности эмоцию страха для психологии современного человека. Интеллектуализация бытия не избавила человека от переживания страха смерти, социальных страхов.

Современные номинации понятия «страх» в архаичной и средневековой картинах мира не были четко дифференцированы языковым сознанием их носителей. Активная деятельность церкви приводит к христианизации языка, особенно его семантики, трансформации значений многих слов в европейских языках. Концепт СТРАХ, корреспондирующий с чувством вины и греха человека, положительно оцениваемый церковью, транслировался на всех европейских языках.

Концепт СТРАХ в европейской культуре – это, прежде всего «страх Божий», четко осознаваемое ощущение жизни через отношение к смерти (страх смерти). Страх перед Богом и смертью – это основа сознания и способ человеческого существования. Идея «страха Божьего» стала возможной в состоянии рефлексии и поиска активной встречи человеческой культуры, самого человека с миром неведомым, божественным. Эта идея является уникальной и фундаментальной в европейской культуре.

При анализе языкового материала в различных лингвокультурных областях сравниваемых лингвокультур мы рассматривали случаи высказываний, в которых встречается концепт СТРАХ, как свернутую в виде текстов мыследеятельность: М (мышление), М-К (мысль-коммуникация), МД (мыследействие). В результате анализа было выявлено значительное совпадение понятийных сфер, используемых

немцами и русскими при толковании страха. В то же время обнаружилась национально-культурная специфика нозматических характеристик лексики, передающей концепт СТРАХ в исследуемых лингвокультурах.

ANGST – центральный концепт немецкой лингвокультуры, содержание которого сформулировано носителями языка и отражает специфику немецкой языковой картины мира. Этот концепт весьма приблизительно соответствует словам со значением *страх* в других языках, поскольку в концепте ANGST содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности. Слово *Angst* является наиболее частотным в обыденной речи; за ним следуют *Furcht, Schreck, Schrecken, Entsetzen*.

Особое богатство смыслов понятие «Angst» реализует в философии экзистенциализма. В результате анализа работы Сёрена Кьеркегора “Der Begriff Angst” (немецкого перевода “Begrabet Angst” – «Понятие страха») и философского трактата Мартина Хайдеггера “Sein und Zeit” («Бытие и время») было выявлено, что в философии экзистенциализма у понятия «страх» – «Angst» реализуются следующие нозмы: «первородный грех», «невинность», «неведение», «дух», «Ничто», «смерть», «действительность свободы», «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия», «чуждая сила», «головокружение свободы», «стыд и любовь», «выражение совершенства человеческой природы», «грех как отсутствие сознания греха», «будущее», «бездуховность», «вина», «самопроявление свободы и возможности» (Кьеркегор); «Ничто, т.е. мир как таковой», «само бытие-в-мире»; «Ничто и Нигде», «бытие-не-по-себе»; «освобожденность для собственности» бытия присутствия «как возможности»; «один из основообразов бытия-в-мире»; «Ничто» — как «брошенность в смерть» — «ужас перед смертью» — «само бытие-в-мире», «есть напрямую способность присутствия быть»; «угрожаемость самого себя», «бытие к смерти»; «оставленность присутствия на самого себя» — «умение-быть-в-мире»; «вот», «само присутствие» — «будущее» (Хайдеггер).

Философия экзистенциализма прежде всего различила два существенно важных феномена: ситуативный страх-боязнь – и страх-тревогу, страх-ужас, страх-тоску. В отличие от пестрого многообразия ситуативных страхов, *страх-ужас* – *фундаментальное экзистенциальное переживание*. Он – не просто боязнь мира, он – его своеобразное открытие, разверзание, верный знак того, что ты добрался до сути. То

особое место, которое понятие «Angst» (а не «Furcht») занимает в немецкой философии, показывает, что концепт, закодированный в слове *Angst*, играет исключительно важную роль в немецкой лингвокультуре в целом.

В текстах немецкой художественной литературы, помимо случаев реализации приводимых словарями значений слова, наиболее характерным является то, что проявляются дополнительные смысловые коннотации, аксиологические характеристики; как правило, за счет личностных переживаний описываемых событий. Наиболее характерными являются следующие нозмы: «человек, живое существо» с нейтральной или положительной оценкой (со страхом можно подружиться, он может предостерегать, советовать) и негативной характеристикой (агрессивное, сжирающее человека существо); «каузатор действий, поступков человека»; «непонимание причин появления»; «интенсивность, сила», «отрицательная психологическая направленность» страха подчеркнута соматическим оформлением; «болезненное состояние, лихорадка, боль»; «природная сила» (*Angst* сравнивается с культурно-релевантными понятиями (первоэлементами) – «вода», «огонь», «воздух»); «контейнер»; «смерть»; «вещь, предмет, имеющий размер, вес, вкус»; «смертоносный яд».

Концептуализация понятия «страх» в немецкой мифологии и фольклоре осуществляется посредством реализации следующих нозм: «природные силы», «войны», «смерть», «иррациональные, нечистые силы», «страх – неизвестное – будущее». Рыцарский эпос добавил нозмы «страх поруганной чести, страх потерять доброе имя», «страх перед сверхъестественными существами».

Анализ фразеологических и паремиологических единиц с исследуемой лексикой, в которых эксплицитно отражена специфика познавательного и эмоционального опыта этноса, является традиционным для лингвокультурологии. В нашей работе данный анализ позволил выявить реализацию следующих нозм: «эмоциональное и физическое состояние человека», «интенсивность переживания», «могущество, сила страха», «способ избежания переживания страха», «психическая действенность страха», «преувеличение значимости страха», «практическая нецелесообразность переживания», «практическая целесообразность страха», «страх – смерть», «страх Божьего наказания», «страх неудачи», страх –

вышестоящие», «единица стоимости», «страх – трусость», «отсутствие страха».

Как можно судить, в немецком языковом сознании концепт ANGST имеет противоречивую оценку. С одной стороны, ANGST воспринимается как нечто плохое, вызывающее отрицательное отношение, как неблагоприятный фактор, который может лишить человека покоя. С другой стороны, ANGST мыслится человекоподобно, с ним можно подружиться, он может предостерегать, советовать, что говорит о *позитивном отношении к страху в немецкой лингвокультуре*. Специфичными являются нозматические характеристики *«могущество, сила страха», «практическая целесообразность страха».*

Концептуализация понятия «страх» в русской лингвокультуре также проявляет большое нозматическое богатство. Следует подчеркнуть, однако, что страх в русском языковом сознании, в отличие от немецкого, не является «популярной» эмоцией, не является основной «темой» жизни и культуры. Слово *страх* – символ, культурный термин, способный замещать конкретные оттенки чувства, выражает эмоцию собирательно, отчужденно от переживания человеком, тем самым, объективируя смысл самой эмоции. В русской лингвокультуре параметр ожидания чего-либо плохого репрезентируется, помимо лексемы *страх*, также, прежде всего, лексемами *тревога* и *тоска*.

В русской религиозной философии мы обнаружили многочисленные случаи проблематизации понятия «страх» и смогли наблюдать следующий тип смыслообразования: «приращение» смыслов исходного понятия осуществляется вследствие перевыражения одних концептов через другие. Представив этот процесс в виде цепочек нозм, мы выделили в каждом случае нозму-доминанту:

- *страх – Бог – грех – тоска – смерть*: доминирующая нозма – *богооставленность* (Бердяев);
- *страх – смерть – Бог*: доминирующая нозма – *благоговение* (Франк);
- *страх – свобода – грех – знание*: доминирующая нозма – *Ничто* (Шестов);
- *страх – грех – смерть – Бог – вера*: доминирующая нозма – *спасение* (Леонтьев);
- *страх – Бог*: доминирующая нозма – *смирение* (Трубецкой);
- *страх – тайна – Бог*: доминирующая нозма – *культ, религия* (Флоренский).

Концепт СТРАХ в русской религиозной философии относится к религиозному опыту, и все многообразие выражаемых в философских текстах нозем принадлежит смысловому полю доминирующих нозем.

В текстах русской художественной литературы понятие «страх» обнаруживает следующие нозематические характеристики: «живое существо», «с активным (агрессивным) человекоподобным действием»; «каузатор действий и поступков человека»; «неконтролируемость и непонимание причин появления»; «отрицательная знаковая направленность»; «каузатор сильной, ярко выраженной физиологической реакции»; «страх – холод»; «гиперактивное соматическое выражение, с акцентом на упоминании сердца и души»; «болезнь»; природная сила (сравнивается с культурно-релевантными понятиями (первозлементами) – «вода», «огонь», «воздух»); «яд»; «контейнер (наполняемость страхом)»; «смерть»; «жизнь»; «любовь»; «разум побеждает страх».

Концептуализация понятия «страх» в русской мифологии и фольклоре осуществляется посредством реализации следующих нозем: «природные силы, стихии», «смерть», «болезнь», «зло, злые силы» (мифологические чудовища, вражеские захватчики), «нечистая сила» (враждебные, злые духи).

Анализ фразеологических и паремиологических средств концептуализации понятия «страх» позволил выявить реализацию таких нозем, как: «эмоциональное и физическое состояние человека»; «психическая действенность страха»; «интенсивность переживания»; «страх – смерть»; «страх – судьба, Бог»; «регулятор поступков людей»; «практическая нецелесообразность страха»; «осознанность страха»; «преувеличение значимости страха»; «преодолеть страх помогают сознание поддержки со стороны других, активные действия»; «страх – трусость»; «смелость, мужество как способность побороть страх».

Подчеркнем, что именно в мифологии, фольклоре, фразеологических и паремиологических единицах заключена совокупность мнений и оценок, выработанных народом как лингвокультурной общностью. В русской лингвокультуре оценка понятия «страх» в мифологии, фольклоре, ФЕ и пословично-поговорочных текстах в основном *этически негативная*. Преодоление страха оценивается положительно, о чем свидетельствуют нозематические характеристики: «разум

побеждает страх», «преодолеть страх помогают сознание поддержки со стороны других, активные действия».

Таким образом, в ходе исследования были рассмотрены особенности концептуализации понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах, что позволило в какой-то мере судить о культурном статусе данных понятий и о тенденциях смыслообразования в различающихся лингвокультурных областях в двух лингвокультурах.

Проведенное исследование позволило продемонстрировать функционирование концепта СТРАХ в двух лингвокультурах как совершаемые мыслительные акты разного уровня рефлексии. Это в свою очередь указывает на тенденции смыслообразования в отдельных лингвокультурных областях каждой из двух лингвокультур и на смыслообразование в отношении концепта СТРАХ в каждой лингвокультуре как целом. О тенденциях смыслообразования в отдельных лингвокультурных областях говорит состав выявленных в них нозм, о тенденциях смыслообразования в отношении концепта СТРАХ в лингвокультуре как целом – нозмы-доминанты. Отметим также, что для обеих исследуемых лингвокультур характерна вербализация эмоциональной и аксиологической рефлексии, что, вероятно, является типичным для европейских лингвокультур.

Подведем основные итоги.

ANGST принадлежит к базовым концептам немецкой лингвокультуры, что подтверждается культурным тезаурусом, зафиксировавшим осмысление концепта носителями языка. СТРАХ в русском языковом сознании, в отличие от немецкого, не является основной «темой» жизни и культуры, но также относится к культурнозначимым концептам, о чем свидетельствует его представленность на различных уровнях рефлексии.

Слово *Angst* является центральным в концептуализации понятия «страх» в немецкой лингвокультуре и связывается практически с любой реалией, может иметь позитивную оценку, признание практической целесообразности. Анализ концептуализации понятия «страх» в русской лингвокультуре выявляет общее негативное отношение к страху русского сознания, указывает на выраженный сенсорный тип оценки, характерный для русского менталитета.

Выявленные нозмы составляют следующую системную иерархию:

а) нозма – культурная основа, указывающая на некоторые базовые культурные смыслы, в немецкой лингвокультуре –

«Ничто – само бытие в мире – бытие к смерти», в русской лингвокультуре – «Бог»;

б) обширный ряд нозем-доминант, воспроизводящих стереотипы и константы культуры, составляют как общие для сопоставляемых языков ноземы, что иллюстрирует принципиальную общность способов вербального освоения мира двумя этносами, так и специфичные ноземы, характеризующие самобытность смыслообразования и различия менталитета немцев и русских;

в) список периферийных нозем, устойчивых тематических направлений развертывания нозем-доминант, в обеих лингвокультурах объемный и остается открытым, так как ассоциативность мышления приводит к непрерывному рождению в языке образных номинаций.

Литература

Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой лингвокультуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 2. – С.95-100.

Бутенко Е.Ю. Выявление соотношения концепта и понятия «страх» // Вопросы экономики и права: Сб. статей аспирантов и соискателей. / Отв. ред. В.Ю. Наливайский. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2005. – Вып.3. – С.152-160.

Бутенко Е.Ю. Концепт «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: переводческий аспект // Язык и культура в эпоху глобализации: проблемы лингвистики и методики: Материалы региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава / Отв. ред. Т.В. Евсюкова. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2005. – С.29-30.

Бутенко Е.Ю. Философский аспект рассмотрения концепта «страх»: трактовка понятия “Angst” Кьеркегором // Вопросы социально-гуманитарных наук: Научно-практический журнал. РГЭУ «РИНХ». – 2006. – № 5-6. – С.42-45.

Бутенко Е.Ю. Концепт «страх» в русской религиозной философии // Вопросы экономики и права: Сб. статей аспирантов и соискателей. / Отв. ред. В.Ю. Наливайский. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2006. – Вып. 4. – С.146-153.

Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой художественной литературе // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков в вузе: Материалы региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава / Отв. ред. Т.В. Евсюкова. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2006. – С.24-26.

Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.

**И.В. Корогодина
(Иркутск)**

АНТИПАТИЯ

Предметом настоящего исследования является концепт ABNEIGUNG, отражающий совокупность знаний носителей языка об антипатии и вербализованный набором языковых единиц современного немецкого языка.

Целью исследования является анализ концепта ABNEIGUNG, описание его содержания, представленного значениями языковых единиц современного немецкого языка, и выявление места данного концепта в концептосфере личностной пристрастности.

Цель и предмет исследования определили необходимость решения следующих задач:

1. Определить суть феномена «антипатия»/«Abneigung» на основе критического анализа философских, психологических и лингвистических исследований.

2. Установить функции антипатии.

3. Дать дефиницию концепта ABNEIGUNG.

4. Выявить лексемы, обозначающие антипатию в современном немецком языке, и обосновать выбор имени концепта.

5. Выявить и описать ядерные и периферийные признаки концепта ABNEIGUNG.

6. Исследовать метафоры, репрезентирующие концепт ABNEIGUNG. Теоретическую основу исследования составляют следующие положения:

1. Окружающая нас реальная действительность отражается в виде различных форм мыслей, которые закрепляются и выражаются в языке. Всё в языке соответствует мысли как оригиналу и отражает ее в своих формах (Кривоносов 1993:3-9). В языке человек находит «знак, с помощью которого его мысль сможет достичь отчётливости и ясности» (Гумбольдт 1984:301), Языковым знаком, отражающим в наипростейшем виде единство мышления и языка, является слово — «внешнее выражение мысли, её одеяние» (Выготский 1999:279).

2. Языковой знак служит наименованию «некоторой абстракции как результата познавательной деятельности человека» (Колшанский 1976:12). Наименованию подлежат не

столько сами вещи, сколько мысли об этих вещах. Номинация должна поэтому рассматриваться как языковое закрепление набора знаний об объекте реальной действительности.

3. Средством доступа ко всем ментальным процессам, которые происходят в голове человека и обеспечивают его адекватное существование в мире и познание этого мира, является язык. Именно язык, несмотря на действующие в нём процессы исторических изменений, даёт возможность «осуществить реконструкции концепта, определить его национальную специфику и место в обыденном сознании человека» (Арутюнова 1994:11). Концепты определяются как «ментальные репрезентации знаний в сознании людей, как оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённые в человеческой психике» (КСКТ 1996:90).

Материалом для исследования послужили: 1) данные немецкоязычных словарей (Duden 1985, 1996, Wahrig 1972, DaF 1998, Meyers Universallexikon 1978 и др.) и сайтов (www.wortschatz.uni-leipzig.de, [http://de.wikipedia.org/...](http://de.wikipedia.org/)); 2) тексты из немецкоязычных периодических изданий: журналы «Der Spiegel», «Focus», «Stern», газеты «Die Welt», «Frankfurter allgemeine Zeitung», а также образцы текстов XXI в. с Интернет-сайтов: www.netzeitung.de, www.welt.de, www.jungwelt.de; 3) данные опроса информантов, проведённого за период 2004 — 2005 гг.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: анализ словарных дефиниций, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, контекстуальный анализ, рецептивный и свободный ассоциативный эксперименты.

Эмоции относятся к явлениям мира, всё ещё недостаточно изученным человеком. Имея объективное содержание и осмысленный характер, эмоции являются могучей динамической силой в жизни человека и общества. Они представляют собой «валентные реакции (желательно / нежелательно, одобрение / неодобрение, нравится / не нравится) на фрагменты мира — события, агентов или объекты» (Ортони 1996:328).

При этом человек предстаёт не только как биологическая особь, использующая эмоции как «соматическую реакцию», необходимую для выживания, но и как особь чувствующая, сопереживающая (Homo senties), познающая окружающую действительность и мир себе подобных через призму личностной пристрастности — через сферу своих оценок, эмоций, желаний.

Процесс познания индивидом окружающего мира представлен совокупностью «трех актов восприятия, оценки, эмоций» (Arnold 1960:177). При восприятии человек «соотносит свои ощущения с тем, что обнаруживает в окружающем его мире» (КСКТ 1996:19), оценивает обнаруженное по шкале *хорошо/плохо*. Это ведёт к возникновению эмоции как валентной реакции на последствия событий, поступки агентов, аспекты объектов и способствует формированию субъективного отношения к ним. Человек, познавая мир, всегда эмоционально окрашивает его.

Эмоции делятся на положительные и отрицательные. Антипатия является отрицательной эмоцией, диффузной и противоречивой. Она определяется как: а) сложное *чувство* индивида, направленное на конкретное лицо (вернее — против него) (ФЭС 2000:30); б) *чувство* неприязни, нерасположения к кому-нибудь (Antipathie — Bezeichnung eines Gefühls der Abneigung, des Widerwillens) (Claus 1981:38); г) аффект (ФЭС 2000:30); д) душевное *состояние* (Antipathie — Gemütsstimmung) (Duden 1989:161); е) продиктованное чувствами нерасположение, негативное душевное *переживание*, эмоция (Antipathie — gefühlsmäßige Abneigung, Widerwille; Seelenstimmung, Gemütsbewegung) (Knaurs 1983:174); ж) негативное отношение индивидуума к определённым предметам или свойствам (Ортони 1996:368).

Поскольку в научной литературе нет единого понимания и чёткого терминологического разграничения в употреблении родственных понятий «эмоция», «чувство», «аффект», «состояние», «отношение», считаем возможным для определения антипатии использовать, вслед за отечественными лингвистами-эмотологами (Шаховский 1983, 1987, 1995; Красавский 2001), термин «эмоция» как собирательное понятие, под которым понимаются «все психические переживания человека — аффекты, чувства, состояния» (Красавский 2001: 71).

Определения антипатии, данные толковыми словарями немецкого языка, отмечают её обобщающее собирательное значение. В толковом словаре Дудена антипатии даётся следующее определение: Abneigung = ... Ekel = Feindschaft = Feindseligkeit = Greuel = Hass = Widerwille = Abscheu (Duden 1985:48). В данном определении Abneigung (антипатия) как эмоция включает в себя: ощущения/состояния (Ekel, Abscheu, Greuel, Widerwille (отвращение)), отношения (Feindschaft, Feindseligkeit (вражда)), чувство (Hass (ненависть)).

В рабочем порядке представляется возможным определить антипатию как *комплексную эмоцию, отражающую негативное отношение человека к фрагментам мира.*

Отражая негативное отношение человека к поступкам агентов, антипатия регулирует его действия и поведение. Проявление антипатии накладывает ограничение на взаимодействие индивидов в процессе их жизнедеятельности и способствует осознанию возможности конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в процессе их дальнейшего общения. Исходя из этого, можно говорить о регулятивной функции антипатии, о её способности предотвращать возникновение психологического дискомфорта, конфликтных ситуаций.

Рассмотрим пример, в котором проявляется регулятивная функция антипатии:

Oliver Kahn und Jens Lehmann werden in diesem Jahr nicht mehr gemeinsam im Aufgebot der deutschen Fußball-Nationalmannschaft stehen. Mit dieser Trennung zog Bundes-trainer Jürgen Klinsman am Mittwoch die Konsequenzen aus dem seit Monaten schwelenden Konflikt der beiden Torhüter ... Denn Kahn und Lehmann hatten in der Vergangenheit *ihre gegenseitige Abneigung* trotz großer Mühe kaum verbergen können (Kahn und Lehmann werden getrennt. — www.netzeitung.de). — Взаимная антипатия Оливера Кана и Йенса Леманна явилась сигналом для предотвращения назревающего конфликта, который мог затронуть не только противоборствующие стороны, но и других членов сборной Германии по футболу. Чтобы сохранить стабильность рабочей атмосферы, тренер решает лишить вратарей возможности играть вместе.

Наряду с регулятивной функцией антипатия обладает и познавательной функцией, которая проявляется при интерпретации человеком фрагментов мира, способствуя формированию умозаключения, мнения, отношения к явлению, вызывающему негативное переживание — антипатию.

Рассмотрим пример, раскрывающий познавательную функцию антипатии: Seit dem 11. September 2001 verändert. Strenge Einreiseregeln sollen vor Terror schützen ... Ob es mehr hätten sein können oder ob die *Abneigung* gegen die Abgabe von Fingerab-drücken vor Ort potezielle USA-Besucher von der Reise abhält, kann niemand beziffern (USA-Einreise. www.netzeitung.de). — Конкретное событие, в данном случае процедура снятия отпечатков пальцев, представляет собой тот самый фрагмент мира, который оценивается как нежелательный, способствуя возникновению у людей негативного мнения, сопровождающегося негативной эмоцией — антипатией.

Регулятивная и познавательная функции антипатии тесно переплетены с личностно-пристрастной функцией, которая

отражает специфическое восприятие человеком мира и себя в этом мире. По мнению Ю.М.Малиновича, социально-ценностные ориентации, эмоционально-волевые устремления и познавательные установки говорящего входят в область семантики личностной пристрастности (Малинович 1987:4).

Приведём пример, в котором реализуется личностно-пристрастная функция антипатии: «Sisi» (eine Abkürzung des Vornamens von Elisabeth, Kaiserin von Österreich und Königin von Ungarn) war eine der schönsten und klügsten Frauen ihrer Zeit ... Sie blieb wegen ihrer *Abneigung* gegen das höfische Leben eine Außenseiterin am kaiserlichen Hof («Sissi» hieß eigentlich «Sisi». — www.netzeitung.de). — Негативное отношение королевы Австрии и Венгрии Элизабет к балам противоречит общественному мнению, подчёркивая её личностную пристрастность к этому развлекательному событию.

Определив основные функции рассматриваемой эмоции, перейдём к описанию её ментальной сущности в виде концепта, «структура которого может быть представлена тремя составляющими: понятийной, ценностной, образной» (Карасик 2002:129).

Ценностная составляющая концепта ABNEIGUNG представлена аксиологическими значениями, которые подразделяются на общеоценочные и частнооценочные. Общеоценочные значения составляют итог процедуры оценивания. Они являются универсальными, «гиперонимическими, объединяя в себе гипонимические (частные) оценки» (Гак 1997:90-91). Гиперонимическая (обобщающая) оценка концепта ABNEIGUNG представлена общеоценочным предикатом *плохо*. Она состоит из гипонимических (частных) оценок — сенсорных, сублимированных, рационалистических.

Ярко выраженной характеристикой концепта ABNEIGUNG является преобладание личностно-пристрастных суждений при оценивании фрагментов мира. Истинная субъективность, личностная пристрастность индивида проявляется при оценивании аспектов объектов, так как «вкусы, запахи и звуки воспринимаются индивидуально» (Арутюнова 1999:208), и их субъективная оценка может противоречить мнению большинства. В приведённом ниже примере реализуется негативная личностная пристрастность автора к козам, козьему сыру и молоку. Вкус и запах козьего сыра, молока автор оценивает как неприятные, в этом проявляется вкусовой аспект сенсорной оценки. Автор испытывает личную неприязнь ко всем продуктам питания от коз. — Ich habe eine gewisse *Abneigung* gegen die meckernden Tiere: Sie würden zu sehr stinken, ihre Käse zu streng

schmecken und die Milch erst recht ungenießbar sein. Aber die Bewohner von Schöllkrippen halten Ziegen für richtig possierliche neugierige Tiere ... (Freizeittipps. Ziegenfest. — www.welt.de).

Принимая во внимание ярко выраженную личностно-пристрастную окрашенность концепта ABNEIGUNG, представляется возможным отнести его к эмоциональным концептам, репрезентирующим знания об эмоциях, которые выражают «пристрастное отношение человека к тем/иным фрагментам мира» (Красавский 2001:60). Эмоциональный концепт ABNEIGUNG входит в концептосферу эмоций немецкой культуры, которая представляет собой совокупность эмоциональных концептов, отражающих эмоциональный фон нации. Концептосфера эмоций, в свою очередь, является непосредственной составляющей концептосферы личностной пристрастности, отражающей субъективное видение человеком реального мира.

Языковые средства, используемые в процессе передачи знаний о концепте, выступают как средства его объективации. Рассмотрим их.

Антипатия в современном немецком языке представлена несколькими языковыми знаками: *Abneigung*, *Antipathie*, *Widerwille*, *Aversion*. Базовой номинативной единицей была выбрана лексема *Abneigung*. Она нейтральна, не несёт сниженных или разговорно-бытовых коннотаций, является общеупотребительной, способна заменить собой любое из своих альтернативных обозначений, выражает весь объём содержания эмоционального концепта и представляет собой гипероним по отношению к ряду гипонимов (*Antipathie*, *Widerwille*, *Aversion*), каждый из которых выражает лишь часть содержания эмоционального концепта ABNEIGUNG.

Критическое осмысление теоретического материала позволило сформулировать рабочее определение концепта ABNEIGUNG как многомерного смыслового образования, репрезентирующего всю совокупность знаний об эмоции «антипатия», структура которого представлена понятийной, ценностной, образной составляющими.

К ядру эмоционального концепта ABNEIGUNG относятся концептуальные признаки EMOTION (эмоция), WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL (отвращение), HASS (ненависть). Рассмотрим ядерные признаки эмоционального концепта ABNEIGUNG:

EMOTION — Die Mehrheit der Menschen in arabischen Ländern, beeinflusst von den dortigen Massenmedien, könne nun nicht anders, als «*Abneigung* und Hass für den Westen» zu *empfinden* (Vatikan:

US-Folterskandal hat schlimmere Folge ... -www.netzeitung.de). — Синтагматическая сочетаемость лексемы *Abneigung* с глаголом чувственного восприятия *empfinden* способствует экспликации семантического компонента *Emotion* лексемы *Abneigung*, который соответствует ядерному концептуальному признаку EMOTION. Словосочетание *Abneigung empfinden* выражает антипатию большинства людей в арабских странах к политике западных государств.

WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL — Die Stoiber nachgesagte *Abneigung* gegen Bier, die begründeten Vermutungen, bei seinen Auftritten befinde sich in dem Humpen am Rednerpult, in Wirklichkeit hätten lassen müssen: das kann ein rechter Bayer nicht sein, der ein Bier nicht trinken tut (Der Chaoszerstoiber. — www.netzeitung.de). — Лексема *Abneigung* актуализирует отвращение, неприязнь баварского премьер-министра Эдмунда Штойбера к пиву. Штойбер оценивает пиво как непривлекательный, в плане вкусовых качеств, для себя объект, что отражает вкусовой аспект (*невкусный, то, что не нравится*) сенсорной оценки, связанный с неприятным физическим ощущением.

HASS — Italienische Medien berichten, dass der Regierungsschef (Silvio Berlusconi) gerade auf der Piazza flanierte, als er angegriffen wurde. ... Der Täter begründete die Attacke mit *seiner starken Abneigung* gegen den Politiker ... (Die Attacke gegen Berlusconi. — www.netzeitung.de) — Лексема *Abneigung* выражает чувство ненависти по отношению к действиям политика Сильвио Берлускони, на которого напали во время его прогулки по Пизе. Чувство ненависти побудило преступника к физическому насилию. Ненависть как аффективная форма антипатии характеризуется всплеском негативных переживаний, негативных эмоциональных оценок (нежелательный, неприятный), принадлежащих к сенсорной группе.

Ядерные концептуальные признаки EMOTION, WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL соответствуют физиологическим характеристикам антипатии, включающим в себя психический (EMOTION) и физиологический (WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL) аспекты.

Ядерный концептуальный признак HASS связан с поведенческими характеристиками антипатии. Он характеризует субъект в состоянии крайнего аффекта, которое проявляется в неконтролируемости его действий — нанесении телесных повреждений. При актуализации ядерных признаков WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL, HASS проявляются частнооценочные значения сенсорной группы, представляющие

ценностную составляющую эмоционального концепта ABNEIGUNG.

К периферии эмоционального концепта ABNEIGUNG относятся концептуальные признаки EMPÖRUNG (возмущение), ÄRGER (гнев), MISSTRAUEN (недоверие), ANGST (страх), NEID (зависть). Они отмечены меньшей частотностью языковых объективации, которая свойственна периферийным концептуальным признакам. Периферийные признаки EMPÖRUNG, ÄRGER, MISSTRAUEN можно отнести к ближней периферии эмоционального концепта ABNEIGUNG, так как они реализуются не только в контекстных вариациях лексемы *Abneigung*, но и при её определении информантами.

Рассмотрим пример актуализации концептуального признака EMPÖRUNG и связанных с ним частнооценочных значений: US-Präsident George W. Bush macht mit seiner *Abneigung* gegen gleichgeschlechtliche Ehen Wahlkampf. ... Die Öffentlichkeit setzt sich massiv für ein bundesstaatliches Verbot von gleichgeschlechtlichen Ehen (Verbot von Homo-Ehen. — www.netzeitung.de). — Негодование президента США Дж. Буша, выраженное лексемой *Abneigung*, направлено против события — принятия закона о легализации однополых браков. Публичное выступление Дж. Буша можно рассматривать как его отрицательную реакцию на принятие вышеупомянутого закона. Такой закон противоречит моральным и этическим нормам общества. Дж. Буш оценивает данное событие как *аморальное, безнравственное* в рамках этической категории сублимированных оценок. В периферийном концептуальном признаке EMPÖRUNG находит отражение эффективность субъекта — высокая степень его заинтересованности, проявляющаяся в публичных выступлениях против определённого факта реальной действительности.

Приведём пример реализации концептуального признака ÄRGER и связанных с ним частнооценочных значений: In der DDR zählte Dynamo stets zu den Begünstigten, Union fühlte sich als Unterdrücker. Aus diesem Ungleichgewicht resultiert zwischen den Fans beider Klubs *eine innige Abneigung* ... Schließlich steckt in dem Duell hohe Brisanz ... Die Polizei ist jedenfalls gewarnt (Einst kickte Jurgen Piepenburg ... — www.netzeitung.de). — Гнев, выраженный лексемой *Abneigung*, направлен против агентов, против фанатов другого клуба. Противоречия между фанатами обоих клубов достигли своего предела, и ситуация становится взрывоопасной. Гнев фанатов грозит выйти из-под контроля и привести к беспорядкам на стадионе, поэтому полиция предупреждена. Фанаты оценивают выигрыш команды-соперницы и проигрыш своих игроков как событие печальное, неприятное, что обнаруживает

эмоциональную оценку сенсорной труппы. Вышеприведенный пример актуализации периферийного признака ÄRGER акцентирует внимание на неконтролируемости действий субъектов, испытывающих гнев — нарушение общественного порядка (Die Polizei ist jedenfalls gewarnt), что соответствует поведенческим и экспрессивным характеристикам антипатии.

В приведенном ниже примере актуализируется концептуальный признак MISSTRAUEN: Die Deutschen bleiben Europa-skeptisch und sehen die Arbeit der EU-Behörden zunehmend distanziert. ... Überwiegend abgelehnt werden auch neue Erweiterungsrunden (40 Prozent), wobei diese deutsche *Abneigung* im EU-Vergleich nur noch von Frankreich und Österreich überboten wird ... Im Vergleich zum «Eurobarometer» 2004 sind die Deutschen auch gegenüber europäischen Organisationen *skeptischer* geworden (Die Deutschen bleiben Europa — skeptisch. — www.netzeitung.de). — Недоверие, выраженное лексемой *Abneigung*, направлено против конкретных политических событий, новых переговоров по расширению Европейского союза. В ближайшее контекстное окружение лексемы *Abneigung* входит лексема *skeptisch*, употребление которой указывает на интенсивность, усиление недоверия, выраженного лексемой *Abneigung*. Недоверие немцев к Евросоюзу основывается на анализе работы его учреждений. При экспликации недоверия немцев к расширению Евросоюза проявляются частные оценки (*нецелесообразный, неэффективный*) рационалистической группы. Выявление у эмоционального концепта ABNEIGUNG признака MISSTRAUEN обращает внимание на рациональный аспект антипатии, предполагающий длительный интеллектуальный процесс, включающий анализ и оценку ситуации.

Периферийные концептуальные признаки ANGST, NEID проявляются только в контекстных вариациях, что свидетельствует о самой невысокой частотности их языковых репрезентаций и позволяет отнести их к дальней периферии эмоционального концепта ABNEIGUNG.

Рассмотрим, каким образом проявляется концептуальный признак ANGST: Als der Internet-Gigant Yahoo im Frühjahr die Fotoseite Flickr übernahm, galt dies als kleine Sensation. ... Doch die Begeisterung, dass Flickr künftig dank Yahoo auf stabilem finanziellen Boden steht, verwandelte sich inzwischen in *Abneigung*: Die Flickr-User *fürchten* vom Portal-Riesen vereinnahmt zu werden (Flickr-Nutzer gegen Yahoo. www.netzeitung.de). — Лексема *Abneigung* выражает чувство страха/боязни пользователей фотостраницы Фликер быть «поглощёнными» сетевым гигантом Yahoo. Страх, выраженный лексемой *Abneigung*, вызван последствиями определённого

события — вступлением во владение вебстраницей Фликер сетевого гиганта Yahoo. Пользователи вебстраницы Фликер боятся прогнозируемого ими будущего, они оценивают его как внушающее страх, что говорит о том, что при экспликации их страха лексемой *Abneigung* проявляется рациональный аспект антипатии. Наряду с ним проявляются также частные оценки эмоциональной категории группы сенсорных оценок. В периферийном концептуальном признаке ANGST, как и в признаке MISSTRAUEN, заложена характеристика интеллектуальной деятельности человека, направленной на анализ последствий событий или поступков агентов.

Обратимся к примеру, в котором реализуется концептуальный признак NEID и связанные с ним частные оценки: ... Die französische Sportzeitung «L'Equipe» hat Lance Armstrong mit sechs positiven Dopingproben aus dem Jahr 1999 konfrontiert, in dem er zum ersten Mal die Tour de France gewonnen hat ... Als Motiv hinter den Beschuldigungen vermutet Armstrong die *Abneigung* vieler Franzosen gegen ihn. «Der Radsport in Frankreich erlebt eine seiner größten Fiauten» (Armstrong und das alte Europa. — www.welt.de). — Зависть французов, выраженная лексемой *Abneigung*, направлена против велосипедиста Ланса Армстронга, который в 1999 выиграл велогонку «Тур де Франс». Сам Армстронг утверждает, что французы завидуют его победе, так как сами ею не обладают, велосипедный спорт Франции переживает один из своих величайших застоев. При выражении зависти французов к успеху Армстронга лексемой *Abneigung* проявляются эмоциональные оценки сенсорной группы. Отличительной характеристикой зависти является её переживание по отношению к субъекту, его благосостоянию как материальному (имущество), так и идеальному (успех). Именно этот фактор предполагает ориентированность признака NEID на действия агентов и отсутствие событийной (по отношению к последствиям событий) и объектной (по отношению к аспектам объектов) ориентированности.

Таким образом, понятийная составляющая эмоционального концепта ABNEIGUNG имеет признаковую структуру, которая состоит из ядерных концептуальных признаков EMOTION, WIDERWILLE, ABSCHEU, EKEL, HASS и периферийных концептуальных признаков EMPÖRUNG, ÄRGER, MISSTRAUEN, ANGST, NEID. Ядерные концептуальные признаки отражают типичные, универсальные представления носителей языка об антипатии. Концептуальные признаки ближней периферии EMPÖRUNG, ÄRGER, MISSTRAUEN и дальней периферии ANGST, NEID свидетельствуют о синхронном развитии

эмоционального концепта ABNEIGUNG, вариативности его содержания и лабильности его структуры.

Ценностная составляющая эмоционального концепта ABNEIGUNG представлена обобщающей оценкой *плохо*, которая включает в себя частные оценки — сенсорные, сублимированные и рационалистические. Среди частных оценок, образующих ценностную составляющую эмоционального концепта ABNEIGUNG, значительно преобладают личностно-пристрастные оценки, относящиеся к группе сенсорных оценок, что подчёркивает эмоциональный статус антипатии и обосновывает её рассмотрение в терминах эмоционального концепта.

Концептуальная метафора является способом переосмысления трудноуловимого, духовного, эмоционального мира через призму конкретного непосредственно наблюдаемого. При концептуализации знаний об эмоциях концептуальная метафора обуславливает структурирование эмоциональных концептов в терминах либо конкретных концептов, либо физических ощущений. При этом конкретные концепты выступают как «область-источник», абстрактные (эмоциональные) концепты — как «область-мишень» познания, а концептуальные метафоры представляют собой устойчивые соответствия между ними (Лакофф 2004 6:11).

Языковые метафоры, вербализующие концептуальные метафоры эмоционального концепта ABNEIGUNG, относятся к определённому уровню языковой иерархии: чаще всего — это метафоры-слова, реже — метафоры-словосочетания и метафоры-предложения, которые по типу переноса классифицируются как односторонние семасиологические, односторонние ономасиологические метафоры-слова, метафоры-словосочетания и метафоры-предложения с полным метафорическим переносом, двусторонние метафорические словосочетания, по критерию стилистической значимости — как узуальные и окказиональные метафоры (Гак 1988, Хахалова 1998).

В результате проведённого исследования удалось установить, что образная составляющая эмоционального концепта ABNEIGUNG представлена совокупностью концептуальных метафор: ABNEIGUNG ist HINDERNIS (препятствие), ABNEIGUNG ist TREIBENDE KRAFT (движущая сила), ABNEIGUNG ist MECHANISMUS (механизм), ABNEIGUNG ist FEUER (огонь), ABNEIGUNG ist KRANKHEIT (болезнь), ABNEIGUNG ist PFLANZENWELT (растительный мир), ABNEIGUNG ist RAUMINHALT (создание объёма), ABNEIGUNG ist LEBEWESEN

(живое существо), ABNEIGUNG ist KÄLTE (холод), ABNEIGUNG ist BINDEMittel (связующее средство), ABNEIGUNG ist HILFSMITTEL (вспомогательное средство), ABNEIGUNG ist POSITIVE MENSCHLICHE BEZIEHUNGEN (человеческие отношения со знаком «+»), ABNEIGUNG ist UNANGENEHME SENSORTISCHE EMPFINDUNGEN (неприятные чувственные ощущения) и ABNEIGUNG ist UNANGENEHME INNERLICHE EMPFINDUNGEN (неприятные внутренние ощущения).

Концептуальная метафора ABNEIGUNG ist HINDERNIS структурирована наглядными образами каменной стены (*die Mauern ... durch Abneigung ... aufbauen, die Mauer in den Köpfen sieht noch ...*), спортивного барьера (*die Abneigung überwinden, ... diese Hürden ... senken ... ab*), пропасти (*... die Kluft zwischen Ost und West werde vertieft*).

Концептуальная метафора ABNEIGUNG ist TREIBENDE KRAFT включает в себя как наглядный образ внешней силы, под воздействием которой вещество меняет свои физические свойства (Jede Figur durchläuft *angetrieben* von ... *Abneigung* verschiedene Aggregatzustände), так и абстрактные образы — образ эмоций как движущей силы (*... von persönlicher Abneigung getrieben*) и образ убеждений как рациональной движущей силы (*Abneigung gegen den Nationalsozialismus ... habe ihn bewogen*). Выделение концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist MECHANISMUS обусловлено её логической взаимосвязью с концептуальной метафорой ABNEIGUNG ist TREIBENDE KRAFT, так как её содержание отражают наглядные образы бура (*Eine tiefe Abneigung bohrte sich*) и бульдозера (*Ariel Sharon hinterlässt ... breite Spur eines Bulldozers*), которые дополняют образ внешней движущей силы, отражающий часть содержания концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist TREIBENDE KRAFT.

Интенсивность антипатии подчёркивается концептуальной метафорой ABNEIGUNG ist FEUER, раскрывающей своё содержание через наглядные образы горящего пламени (*... die Abneigung anfachen, geschürte Abneigung, die Abneigung ist glühend*) и пожара (*Die ... Abneigung ... ist ausgebrochen*). Языковые актуализации концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist KRANKHEIT указывают на пагубность, вредоносность антипатии и выявляют наглядные образы злокачественной опухоли (*virulente Abneigung*), человека с психическими отклонениями (*manische Abneigung*), инородного тела (*... der deutsche Osten ist... Fremdkörper*), боли в желудке (*Die Vorstellung ... ruft ... heftiges Magengrimmen hervor*), составляющие её содержание.

Концептуальная метафора ABNEIGUNG ist PFLANZENWELT содержит следующий набор образов: образ выросшего растения (*natürlich gewachsene Abneigung*), образ дерева (*Abneigung ist tief verwurzelt*) и образ созревшего плода (*die Abneigung ernten*).

В концептуальной метафоре ABNEIGUNG ist RAUMINHALT находит своё отражение восприятие человека как «вместилища» эмоций, что обнаруживает наглядные образы человека как «сосуда», наполненного жидкостью (*die Abneigung ausgießen, sich mit Abneigung füllen*), и человека как «кипящего котла» (*die Abneigung freien Lauf lassen*). Концептуальная метафора ABNEIGUNG ist RAUMINHALT отражает не только представление человека как «вместилища», «контейнера» эмоций, но и восприятие самого эмоционального состояния, в данном случае антипатии, как «контейнера», в который погружается человек. Данное восприятие антипатии способствует проявлению набора наглядных образов — образа водоёма (*tiefe Abneigung*), бездонной пропасти (*abgrundtiefe Abneigung*), закрытого помещения (*sich in Abneigung verbergen*), образа болота (*versinkend im Sumpf eines Rachenfeldzuges*), трясины (*sich die Finger am Morast schmutzig machen*) и сопряжённого с ними образа грязной жижи, а также образа ада (*in die Nölle schicken*) и сопряжённого с ним образа непроглядной тьмы, которые раскрывают содержание концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist RAUMINHALT, иллюстрируя антипатию как «контейнер».

Вхождение концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist LEBEWESEN в образную составляющую эмоционального концепта ABNEIGUNG обусловлено способностью человека осмысливать опыт взаимодействия с неодушевлёнными субстанциями в терминах деятельности людей. При вербализации концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist LEBEWESEN её содержание проявляется в виде наглядных образов человека говорящего (*Abneigung spricht*), человека воспринимающего речь (*Abneigung heraushören*), человека мыслящего (*verständliche, intellektuelle Abneigung*), человека за трапезой (*die Abneigung speist sich*).

Отражением содержания концептуальной метафоры ABNEIGUNG ist KÄLTE являются образы замораживающего холода (*kalte Abneigung*) и тающего льда (*die Abneigung schmilzt*). Языковые репрезентации концептуальных метафор ABNEIGUNG ist BINDEMittel, ABNEIGUNG ist HILFsmittel, ABNEIGUNG ist POSITIVE MENSCHLICHE BEZIEHUNGEN отражают ситуации, в которых антипатия оценивается положительно и рассматривается как связующее, объединяющее средство

(*Abneigung ist Bindemittel in Abneigung vereint sein, Abneigung verbindet*), вспомогательное средство (*Abneigung hilft*) или как проявление позитивных человеческих отношений (*vertraute Abneigung, sich auf Abneigung verlassen*).

При концептуализации антипатия наделяется такими физиологическими характеристиками, как неприятный запах (*Es riecht nach Abneigung*), неприятный вкус (*Gerhard Schröder ist auf deutsche Konzerne sauer*), неприятные внутренние ощущения: тошнота (*Ich ekele mich davor*), рвотный рефлекс (*alle drei sind öffentliches Gleit-und Brechmittel*), нехватка воздуха (*Abneigung ist eine Art «Würgereflex»*), которые находят своё отражение в концептуальных метафорах ABNEIGUNG ist UNANGENEHME SENSORISCHE EMPFINDUNGEN и ABNEIGUNG ist UNANGENEHME INNERLICHE EMPFINDUNGEN.

Языковые репрезентации концептуальных метафор ABNEIGUNG ist RAUMINHALT, ABNEIGUNG ist UNANGENEHME SENSORISCHE EMPFINDUNGEN, ABNEIGUNG ist UNANGENEHME INNERLICHE EMPFINDUNGEN обнаруживают всепоглощающий характер антипатии. Антипатия может наполнять не только сердце (*in herzlicher Abneigung verbunden*), головной мозг (*Abneigung bohrt sich in Hirnwinkungen*) и взгляд человека (*Sein Blick füllt sich mit Abneigung*), но и его дыхательные пути (*Es riecht nach Abneigung*), полость рта (*Gerhard Schröder ist sauer ...*) и органы пищеварения (*Ich ekele mich davor,... öffentliches Gleit-und Brechmittel*).

Как показывает анализ эмпирического материала, наиболее часто реализуемыми концептуальными метафорами эмоционального концепта ABNEIGUNG являются ABNEIGUNG ist HINDERNIS, ABNEIGUNG ist RAUMINHALT, ABNEIGUNG ist UNANGENEHME INNERLICHE EMPFINDUNGEN. Концептуальные метафоры ABNEIGUNG ist MECHANISMUS, ABNEIGUNG ist KÄLTE отмечены наименьшим числом языковых реализаций.

Подведем основные итоги.

1. Антипатия является комплексной эмоцией, которая отражает негативное пристрастное отношение человека к фрагментам мира.

2. Три ведущими функциями антипатии являются регулятивная, познавательная и личностно-пристрастная.

3. Концепт ABNEIGUNG является одним из эмоциональных концептов и входит в концептосферу личностной пристрастности.

4. Языковая объективация концепта ABNEIGUNG осуществляется лексемой *Abneigung* и разными вариантами её употребления.

5. Структура концепта ABNEIGUNG представлена тремя составляющими: понятийной, ценностной, образной. Понятийную составляющую образуют ядерные и периферийные признаки концепта ABNEIGUNG. Ценностная составляющая представлена общей и частными негативными оценками с преобладанием личностно-пристрастных сенсорных оценок. Образная составляющая репрезентирована совокупностью концептуальных метафор.

Литература

Корогодина И.В. Вторичная языковая картина (Текст) / И.В. Корогодина // Филология. История. Межкультурная коммуникация: тезисы докладов региональной конференции молодых учёных (Иркутск, 26 февраля 2003 г.) Иркутск: ИГЛУ, 2003.-С. 53-54.

Корогодина И.В. Симпатия как единица концептосферы личностной пристрастности (Текст) / И.В. Корогодина // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI: материалы II региональной научно-практической конференции / под ред. И.Д. Лаптевой, А. В. Колмогоровой, А.А. Куриленко. — Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2005. — С. 52-57.

Корогодина И.В. Когнитивная функция симпатии как базисной единицы концептосферы личностной пристрастности (Текст) / И.В. Корогодина // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X научно-практической конференции, Иркутск, 14-18 июня 2005 г. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. — Ч. 1. — С. 216-221.

Корогодина, И.В. Концепт «Abneigung» как важнейший компонент концептосферы личностной пристрастности (Текст) / И.В. Корогодина // Языковая реальность познания: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика / отв. ред. проф. С.А. Хахалова. — Иркутск: ИГЛУ, 2005. — № 6. — С. 4-16.

Корогодина И.В. Языковая репрезентация концептуального признака ÄRGER концепта ABNEIGUNG (Текст) / И.В. Корогодина // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: материалы III региональной научно-практической конференции / под ред. И.Д. Лаптевой, А.В. Колмогоровой, А.А. Куриленко. — Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2006. — С. 60-64.

Корогодина И.В. Языковые репрезентации концепта ABNEIGUNG (Текст) / И. В. Корогодина // Лингвистика. Лингводидактика. Информатика: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 27 февраля — 3 марта 2006 г.). — Иркутск: ИГЛУ, 2006. — С. 35-36.

Корогодина И.В. Антипатия как эмоция, выражающая реакцию отстранения: философский, психологический, лингвистический аспекты (Текст) / И.В. Корогодина // Известия ИГЭА. — 2006. — №4. — С. 112-115.

Корогодина И.В. Структура концепта ABNEIGUNG (Текст) / И.В. Корогодина // Вестник ИргТУ. — 2006. — Т. 2. -№4. С. 143-144.

Корогодина И.В. Концепт ABNEIGUNG и способы его объективации в современном немецком языке: автореф. дис....канд. филол. наук, Иркутск, 2007. 18 с.

ГАРМОНИЯ

Цель данной работы – выяснить структуру и определить комбинаторику лексикализованного в современном английском языке концепта ГАРМОНИЯ.

Онтологически гармоничность является качеством и существует, подобно любому другому качеству, воплощенной в своих носителях. Реальные предпосылки существования гармонии связаны с математическим (числовым) нематематическим проявлениями гармоничности. Математическое проявление гармоничности описывается при помощи двух ключевых понятий – “золотой пропорции” (“золотого сечения”) и “чисел Фибоначчи” (И.Ш. Шевелев, Р. Smith, Н.А. Васютинский, В. Массинга, А.П. Стахов, О.Н. Гринбаум). Нематематические предпосылки гармонии имеют в своей основе качественное различие двух (или нескольких) носителей гармоничности, принадлежащих к одному классу людей, объектов или свойств. Восприятие гармоничности опирается на бинарную связь между объектами, которые являются одновременно подобными и различными (P.Smith). При помощи понятия бинарности можно объяснить также и принцип чисел Фибоначчи (P.Smith), и идею “золотого сечения”. Таким образом, и математические, и нематематические предпосылки гармонии определяются онтологией гармоничности как качества, которое возникает благодаря связи между объектами, являющимися одновременно подобными и различными.

Этимологически слово *harmony* – ключевая лексема, обозначающая концепт ГАРМОНИЯ в английском языке – восходит к индоевропейскому корню *ar-, который имел значение “связывать” (H.Frisk, E.Klein). Таким образом, первичные представления о гармоничности опирались именно на идею связи. В мифологическом сознании и ритуальной практике первичный смысл, положенный в основу номинации гармоничности, уточнялся путем развития представлений о типе этой связи; связь интерпретировалась как: а) связь подобного разного (миф о двух близнецах и миф о Гармонии); б) связь между частями целого (обряд посева костей); в) связь между разными и в то же время похожими частями целого (лук и лира в мифе об Аполлоне). Тот факт, что в мифах гармоничность

воплощалась именно в образах живых существ или материальных предметов, обусловлено особенностями мифологического мышления, в котором свойство предмета мыслилось как двойник этого предмета (О.М.Фрейденберг).

Научное познание гармоничности осуществляется исследователями двумя способами: 1) с фокусированием внимания на характере того специфического отношения, которое составляет основу гармоничности, при максимальной типизации носителей гармоничности – преимущественно в работах общепhilosophического плана (Ф.Гегель, В.Т.Мещеряков, И.С.Молкин, В.П.Шестаков и др.); 2) с акцентом как на характере отношения, так и на его носителях – преимущественно в работах специальнонаучного плана (С.М.Горбунова, Л.А.Лешукова, О.А.Осетрова, А.А.Саенко, P.Smith и др.). В первом случае гармоничность описывается при помощи ряда понятий, отображающих ее рационально-логический аспект. Во втором случае изучение гармоничности предусматривает, кроме рационально-логической характеристики, также раскрытие того, как гармоничность воплощается в конкретных носителях, мотивируя возникновение определенной ментальной картинки. Рационально-логическое и картинно-образное представления гармоничности дополняются в научных работах метафорическим осмыслением этого качества, а также рассмотрением ее аксиологического аспекта.

Наивная концептуализация гармоничности носителями современного английского языка, представленная в семантике лексемы *harmony* и ее производных, подобно научному познанию этого качества, также связана с рационально-логической, картинно-образной, метафорической репрезентациями гармоничности и с оценочным отношением к ней. Так, на основании анализа данных толковых словарей среди нетерминологических ЛСВ лексемы *harmony* и ее производных, которые в своей совокупности отображают наивное знание говорящих о гармоничности, была выявлена определенная специализация значений. Так, сосуществуют ЛСВ2 (“combination of parts to form an orderly whole”), фиксирующий прежде всего рационально-логическое знание об этом качестве как связи частей в целом, и ЛСВ1 (“agreement”), связанный преимущественно с картинно-образными представлениями о гармоничности в человеческих сообществах. Оценочная сема в составе ЛСВ4 (“tuneful sound”) указывает на отношение говорящих к гармоничности, в частности, гармонического звучания. Свидетельством метафорического осмысления

гармоничности являются зафиксированные в толковых словарях типичные фразы *in harmony*, *out of harmony*, воспринимаемые как таковые благодаря тому, что пребывание в определенном состоянии, согласно Дж.Лакоффу, на концептуальном уровне метафорически описывается как нахождение в пространстве.

Под **моделью** лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ в диссертации понимается структурный аналог наличных в английском языке способов вербализации наивных знаний и представлений говорящих о гармоничности. В концептологии применяются следующие основные модели для описания концептов: *фреймовая* – базирующаяся на понятии фрейма, введенного в научный обиход М.Минским (эта модель приобрела распространение в отечественной когнитивной лингвистике благодаря концепции С.А.Жаботинской о пяти базовых фреймах); *покомпонентная*, предполагающая выделение определенных составляющих того или иного концепта (В.И.Карасик, Е.Б.Кузьмина и др.); *схемная*, имеющая ряд разновидностей, связанных, в частности, с опорой на концептуальные метафоры (G.Lakoff, M.Johnson и другие) или на образ-схемы (M.Johnson); *полевая* (В.Г.Никонова, А.А.Аргуткина); и *послойная* (Ю.С.Степанов, Н.Н.Болдырев, И.А.Тарасова). Чаще всего модели, при помощи которых описываются отдельные концепты, являются гибридными, объединяя несколько из названных выше моделей, например, полевую и фреймовую (И.Ю.Онищук), послойную, фреймовую и схемную (А.В.Полина), фреймовую и послойную (У.А.Карпенко), покомпонентную и схемную (А.А.Огаркова, Я.В.Прихода) и т.п. Принимая во внимание тот факт, что наивные знания и представления носителей современного английского языка о гармоничности являются разноплановыми и чрезвычайно многогранными, для построения модели лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ в реферируемой работе осуществлен синтез фреймовой, схемной, покомпонентной и послойной моделей.

Структура концепта ГАРМОНИЯ смоделирована в работе как состоящая из **ядра** и **модусов**. Ядро является структурой хранения наиболее существенной информации о гармоничности; модусы (М.В.Никитин) – формами структурирования различных по своему характеру знаний и представлений об этом качестве (рационально-логических, картинно-образных, метафорических), а также фиксации оценочного отношения к ней. Хотя картинно-образный модус и модус фиктивности (метафорическая концептуализация гармоничности) являются образными по своей природе, они последовательно разграничиваются в работе как

имеющие разный характер. Первый предусматривает непосредственное знание о гармоничности как воплощенной в своих конкретных носителях, второй – знание о гармоничности, опосредованное знанием о каком-либо другом феномене действительности. Относительно художественных концептов похожую мысль о необходимости разграничения наглядных и метафорических представлений обосновывает И.А.Тарасова. Упорядочение модусов в составе единой структуры концепта ГАРМОНИЯ представлено в реферируемой работе в виде **слоев**. В рамках каждого из модусов выделены составляющие, которые, в зависимости от уровня их обобщенности, представлены как принадлежащие к *свернутому*, схематизированному *формату* знания или к его *развернутому*, детализированному *формату*. В зависимости от характера составляющих каждого из модусов, способы их упорядочения смоделированы на основе **фреймовой** или **схемной** моделей. **Комбинаторные потенциалы** концепта ГАРМОНИЯ обобщены в работе следующим образом: **ГАРМОНИЯ + X**, где X – любой концепт, с которым концепт ГАРМОНИЯ способен соединиться, а значок “+” символизирует комбинирование концептов.

При анализе языкового материала мы исходили из того, что в каждом из рассмотренных текстовых фрагментов актуализируется определенная часть содержания концепта ГАРМОНИЯ, которую можно рассматривать как фокус внимания (R.Langacker). Дополнительно выделенную на этом фоне наиболее значимую информацию принято толковать как профилированную (R.Langacker). Когнитивный процесс профилирования – отбора релевантных для говорящего концептуальных составляющих актуализируемого концепта – соотносится с речевым процессом поддержания сем (И.А.Стернин). Последний выражается в том, что в тексте при помощи отдельного слова или словосочетания дублируется актуализированная сема или весь смысл другого слова (И.А.Стернин), в нашем случае – ключевых слов, обозначающих гармонию. Например, в следующем текстовом фрагменте *But the **harmony** of the whole is always maintained, though there can be changes of emphasis* (BNC) концепт ГАРМОНИЯ актуализирован при помощи ключевой леммы *harmony*. Профилированной является составляющая этого концепта **целое**, поскольку соответствующая сема слова *harmony* поддержана при помощи слова *whole* в словосочетании *harmony of the whole* (“гармония целого”).

В составе концепта ГАРМОНИЯ нами выделены первичные, вторичные и третичный модусы. К **первичным** принадлежат

рационально-логический и картинно-образный модусы, связанные соответственно с понятийным и наглядно-чувственным аспектами концептуализации гармоничности. Составляющие **рационально-логического модуса** концепта ГАРМОНИЯ, актуализированные в корпусе исследованного материала, можно обобщенно представить как: **целое, часть(и), подобное, разное, единство, порядок/ упорядоченность, завершенность/ полнота, прилаженность/ соответствие, существование, пребывание, функционирование**. Лексические единицы, при помощи которых эти составляющие профилируются, находятся в устойчивых семантических и/ или синтаксических связях, что позволяет сделать вывод о наличии определенной концептуальной структуры, мотивирующей эти связи. Например: *the woman is more concerned that the differing elements in her life should be in **harmonious relation to one another**, and that the circle of light in which she is centred includes them all* (BNC). В приведенном текстовом фрагменте концепт ГАРМОНИЯ актуализирован при помощи лексемы *harmonious*. При этом дополнительно высвечены такие составляющие рационально-логического модуса исследуемого концепта: 1) **разное**, 2) **подобное**, 3) **целое**, 4) **части**, 5) **связь**, которые профилируются при помощи соответствующих слов и словосочетаний: 1) *differing*, 2) *in her life* (разные части жизни подобны между собой тем, что все они являются частями одного целого – жизни), 3) *her life*, 4) *elements*, 5) *relation to one another*. Указанные слова и словосочетания объединены семантическими и синтаксическими связями (“*разные и в то же время подобные части целого связаны одна с другой*”), на основании чего выводим такую концептуальную структуру: **роли: носители гармоничности=разные и одновременно подобные часть(и), целое; способ существования: (носители гармоничности) существуют как связанные**.

Систематизировав связи между лексемами, профилирующими составляющие рационально-логического модуса концепта ГАРМОНИЯ в корпусе исследованного материала, мы представили содержание анализируемого концепта в его свернутом формате как совокупность двух фреймов: “**Гармония части(ей) и целого**” и “**Гармония подобного разного**”. В развернутом формате составляющая **существование** конкретизируется как **пребывание** (статический признак) или **функционирование** (динамический признак). Соответственно рационально-логический модус в своем развернутом формате включает четыре фрейма: “**Статическая гармония**

части(ей) и целого”, “Динамическая гармония части(ей) и целого”, “Статическая гармония подобного разного”, “Динамическая гармония подобного разного”.

Картинно-образный модус лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ – это упорядоченная совокупность конкретных, наглядных представлений о гармоничности. Источником этого знания являются непосредственные перцептивные (сенсорные) впечатления или тексты, в которых описаны перцептивные впечатления других. Считается, что такие представления хранятся в сознании говорящих в форме наглядно-конкретных образов (Н.Н.Болдырев). Например, в следующем фрагменте речь идет о гармоничности не как об абстрактном отношении, а как о сосуществовании между тропическим лесом и людьми, живущими в нем: *The Amazon rainforests alone are home to many unique animals and to one fifth of the world’s bird species. <...> Rainforest-dwelling people have learnt to live in harmony with their environment. Their unparalleled knowledge of the uses and properties of forest plants and wildlife will disappear with the forests* (BNC).

Картинно-образный модус концепта ГАРМОНИЯ в его развернутом, детализированном формате включает конкретизированные представления говорящих о гармоничности как существующей между разными категориями ее носителей, в частности, **“Гармония в семье”, “Гармония в небольшой социальной группе”, “Гармония человека и природы”**. Выделенные фреймы (в количестве 25) распадаются на четыре группы в зависимости от типов носителей гармоничности и характера связи между ними. В обобщенном виде картинно-образный модус концепта ГАРМОНИЯ предстает как совокупность четырех фреймов: 1) фреймы, связанные с динамическими образами: **“Гармоничная жизнь живых существ”, “Гармоничное взаимодействие материальных объектов”**; 2) фреймы, связанные со статическими образами: **“Гармония между материальными объектами”, “Гармония между материальным объектом и окружающей средой”**.

Ко **вторичным модусам** концепта ГАРМОНИЯ в работе причислены модус фиктивности и аксиологический модус. В первом случае гармоничность концептуализуется путем сопоставления с каким-то другим феноменом действительности; во втором на первый план выходит оценка гармоничности, предполагающая наличие знаний об этом качестве. Свернутый формат **модуса фиктивности** концепта ГАРМОНИЯ представлен метафорами, областью источника которых являются концепты суперординатного, т.е. самого высокого, уровня категоризации

(E.Rosch), например, ПРЕДМЕТ, а развернутый формат – метафорами, областью источника которых являются концепты базового уровня категоризации, например, ДОМ. В отличие от концептов базового уровня, которые истолковываются в терминах непосредственного физического опыта (G.Lakoff) и поэтому связаны с наглядными, картинными образами, концепты суперординатного уровня репрезентируют схематические представления. Поэтому свернутый формат модуса фиктивности представлен в работе обобщенной метафорической моделью **ГАРМОНИЯ ЕСТЬ X** (где X – концепт суперординатного уровня категоризации) в двух ее разновидностях: **ГАРМОНИЯ ЕСТЬ МЕСТО В ПРОСТРАНСТВЕ**, например: *Their bodies are in such harmony* (BNC), и **ГАРМОНИЯ ЕСТЬ ПРЕДМЕТ**, например: *the impact and interest of the contrast will give harmony to the group* (BNC). Эти две концептуальные метафоры соотносятся между собой по принципу дуальности (G.Lakoff), т.е. являются в равной мере характерными для осмысления статических качеств. Развернутый формат модуса фиктивности, выступающий как совокупность метафор типа **ГАРМОНИЯ ЕСТЬ Y** (где Y – концепт базового уровня категоризации), связан с более наглядными метафорическими образами гармоничности, например: **ГАРМОНИЯ ЕСТЬ ДОМ**: *Team worker: Builds harmony* (BNC).

Образная природа модуса фиктивности и картинно-образного модуса позволяет им сблизиться и взаимодействовать. В работе установлены два типа такого взаимодействия: метафорическая поддержка буквального образа гармоничности и использование буквального образа гармоничности для метафорической проекции в метафорах типа **ГАРМОНИЯ МЕЖДУ А И Б ЕСТЬ ГАРМОНИЯ МЕЖДУ В И Г**. Например, в следующем текстовом фрагменте буквальный образ гармонии между человеком и орудием труда дополняется метафорическим образом орудия труда как помощника человека: *The skilled operator is working in harmony with his tools and machines. <...> The human operator is pursuing an objective <...> and he achieves this with the assistance of the hardware at his disposal* (BNC). А в текстовом фрагменте *but the appearance of domestic harmony within the ani groups is deceptive* (BNC) гармония между птицами ани метафорически осмысливается как гармония в семье.

Для анализа **аксиологического модуса** концепта ГАРМОНИЯ были отобраны те текстовые фрагменты, в которых оценка гармоничности говорящими представлена эксплицитно. В нашем корпусе языкового материала гармоничность характеризуется только положительно. Детализация положительной оценки

гармоничности проводилась в работе в соответствии с разграничением четырех типов оценки – психологической, эстетической, этической и телеологической (вслед за Н.Д.Арутюновой), например, в первом из приведенных ниже текстовых фрагментов вербализована эстетическая оценка, а во втором – этическая: *It forms a composition both nostalgically satisfying and **harmoniously beautiful*** (BNC); *But concord and **harmony** were the professed and accepted norm for the conduct of relations* (BNC).

Третичный модус концепта ГАРМОНИЯ связан с тем, что говорящие приписывают гармоничности определенную значимость, которая в обобщенном виде представлена оценкой “важно”. В развернутом формате эта оценка уточняется согласно одному из двух параметров – утилитарно-практическому или культурному, которые, в соответствии с концепцией семиотической природы культуры (У.Есо, А.Я.Гуревич, Б.А.Успенский, Ю.М.Лотман, В.Н.Телия), ассоциируются с повседневной, предметно-практической деятельностью людей или с их семиотической культурной деятельностью. Так, в следующем фрагменте вербализованы утилитарно-практические представления говорящих о гармоничности между артефактами, которые эффективно функционируют: *someone got the handling, ride and steering working in harmony rather than against each other* (BNC). Когда гармоничность наделяется культурной значимостью, семиотизация гармоничности может происходить в двух направлениях: семантическом и символическом. Семантическая семиотизация связана с культурно значимыми оппозициями между носителями гармоничности, в том числе с противопоставлением “живые :: мертвые”, принадлежащим к универсальным семиотическим оппозициям (Т.В.Цивьян), например: *Here the living and the dead were in harmony* (BNC). Символами гармоничности являются те ее носители, которым она приписывается как существенное и характерное свойство, например, символом гармонического общества считается античное общество: *Instead, a highly romanticised view of Ancient Greek society became a powerful ideal: a society united in harmony by the bonds of religion and culture* (BNC).

В процессе моделирования **ядра** лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ мы использовали понятие образ-схемы, поскольку именно эта концептуальная структура соединяет логическое и образное (M.Johnson) и поэтому способна разворачиваться как в рационально-логический, так и в картинно-образный модусы исследуемого концепта. В нашем корпусе данных фигурируют шесть образ-схем: **баланс, слияние, собрание/ группа, часть-целое, связь, прилаженность/**

соответствие. Из них образ-схема **связь** (выделенная М.Джонсоном) профилируется в 63% проанализированных контекстов и поэтому считается нами ядром. Как структурный компонент концепта ГАРМОНИЯ эта образ-схема конкретизируется благодаря знанию о носителях гармоничности и поэтому выступает как **связь подобного разного**.

Выделенные модусы и ядро в своей совокупности формируют инвариантную структуру концепта ГАРМОНИЯ как типизированного представления носителей современного английского языка о гармоничности.

Систематизируя и обобщая контекстуальные связи, в которые концепт ГАРМОНИЯ вступает с другими вербализованными концептами, можно выделить две его основные **комбинаторные потенции** как способность соединяться с: 1) концептом НОСИТЕЛЬ ГАРМОНИЧНОСТИ и 2) концептом СВОЙСТВО. Первая комбинаторная потенция реализуется в проанализированном корпусе материала как обозначение одного или нескольких носителей гармоничности. Таким носителем чаще всего выступает ЦЕЛОЕ, например: *the sharp divisions of tone gradually mellow into a more **harmonious whole*** (BNC). Комбинаторная потенция **ГАРМОНИЯ + ЕЕ СВОЙСТВО** реализуется как обозначение меры, статического или динамического свойств гармоничности, например: **ГАРМОНИЯ + ЕЕ МЕРА**: *more harmonious* (BNC), *perfect harmony* (BNC).

Способ **контекстуального воплощения** инвариантной структуры концепта ГАРМОНИЯ зависит от того, какие именно и как именно реализуются комбинаторные потенции этого концепта. Подобная реализация может происходить **без изменений** структуры концепта или с определенными её **модификациями**. В первом случае характер контекстуального воплощения концепта ГАРМОНИЯ определяется тем, сколько его компонентов и какие именно компоненты профилируются, приобретая в контексте особую значимость. Сравним, например, *continuous effort to be devoted to **harmonizing** and integrating the practices of academic components* (BNC) и *We believed it was possible to live <...> in **harmony with each other and Nature*** (A.S.Byatt, Possession). В первом из приведенных выше фрагментов профилируется один фрейм **“Гармония части(ей) и целого”**. Такой тип контекстуальной реализации концепта ГАРМОНИЯ можно назвать *простым*. Во втором фрагменте, кроме фрейма рационально-логического модуса **“Гармония подобного разного”**, профилируются два фрейма картинно-образного модуса, а именно **“Гармония между друзьями”** и **“Гармония человека и природы”**, т.е. происходит

более *сложная* по своему характеру реализация концепта ГАРМОНИЯ.

Контекстуальные **модификации** инвариантной структуры концепта ГАРМОНИЯ являются следствием действия двух процессов, а именно: 1) **изменений в функциональной значимости** его отдельных структурных компонентов или 2) **наращивания** структуры концепта за счет появления дополнительных компонентов его содержания. Изменения функциональной значимости связаны с контекстуальным высвечиванием или затемнением тех или иных составляющих исследуемого концепта. Так, например, в приведенном ниже отрывке из романа А.Брукнер "Visitors" – *the tall narrow house at the far end of the New Kings Road, in which she and her mother and father had passed their harmonious but largely silent days* – существенный компонент фрейма "**Гармония в семье**" **хорошее общение** подается как нерелевантный для ситуации, о которой рассказывается. В многочисленных примерах из Британского национального корпуса унификационные процессы в ЕС характеризуются как гармоничные, что можно объяснить влиянием на европейское сознание культурно значимого идеала гармоничного античного общества. В то же время ни в одном из проанализированных нами текстовых фрагментов, где идет речь о гармонизации в ЕС, культурная значимость гармоничности не упоминается, например: *the EC intends a two-pronged effort; first to harmonize national laws and then to introduce Community-wide design rights* (BNC).

Нарращивание инвариантной структуры концепта ГАРМОНИЯ происходит за счет обогащения его содержания: 1) при появлении новых смыслов, например "**жить в гармонии – это гармонично петь**", который возникает в результате интеграции фреймов "**Гармоническая профессиональная деятельность хора**" и "**Гармоническая жизнь подводных созданий**" в следующем текстовом фрагменте: *The harmony of these underwater choirs is broken by predatory fish, which hunt by listening for their prey* (BNC); или 2) благодаря привлечению дополнительной информации, не вытекающей из содержания самого концепта. Например, в романе Н.Райта "Seeds of Discord" актуализированный фрейм "**Гармония в обществе**" обогащается компонентом **спасение**: *Imagine <...> Prime Minister Margaret Thatcher descending the steps of Number Ten Downing Street like the Second Coming, a long sought-for saviour promising to harmonise the discord.*

Сдвиги в комбинаторике лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ проявляются либо в **значимой нереализованности**

его потенциальных комбинаторных связей с концептами, репрезентирующими носителей гармоничности, либо как следствие *перенасыщенности* его *комбинаторики*. В первом случае гармоничность осмысливается говорящими исключительно как предмет, например: *Which is what we mean when we talk of true **harmony**. But it is not only an abstract thing* (BNC). Поскольку такая концептуализация гармоничности характерна для философских и научных исследований (когда гармоничность в большей или меньшей степени абстрагируется от носителей) и для мифов о гармонии (где гармония персонифицируется или представляется как предмет), то значимая незаполненность позиции НОСИТЕЛЬ (НОСИТЕЛИ) ГАРМОНИЧНОСТИ является сигналом того, что наряду с вербализацией наивных знаний говорящих о гармоничности актуализируется и часть научных или мифологических представлений об этом качестве. Перенасыщение комбинаторики концепта ГАРМОНИЯ связано со специфическими контекстами, где упоминаются пифагорийские представления о гармонии сфер, когда гармоничность приписывается только носителям одного типа – небесным сферам, создающим своим движением прекрасную музыку, например: *I have the **harmony of the spheres** all around me, and every word that drops from your lips is sweet as honey* (BNC).

Взаимно детерминируя друг друга, структура и комбинаторика концепта ГАРМОНИЯ определяют те его основные свойства, которые в реферируемой работе обозначаются как **аспекты контекстуальной реализации**, а именно: антропоцентричность / экологичность, абстрактность / конкретность, конвенциональность / гибкость. **Антропоцентричность** лексикализованного средствами английского языка концепта ГАРМОНИЯ проявляется в совокупности таких его черт как, субъективность (характеристика объектов как гармоничных зависит от говорящего), предметное воплощение (тесная связь с обозначениями носителей гармоничности), тяготение концепта ГАРМОНИЯ к взаимодействию прежде всего с концептами, фиксирующими представления о человеке и способе его жизни, и социоморфизм (О.А.Донских, А.Н.Кочергин) как использование представлений о гармонии в человеческих сообществах для концептуализации гармоничности в мире природы. Опираясь на понимание экологии, вслед за Ф.Капрой, как глубинного принципа связи всех феноменов во вселенной, способность лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ ассоциироваться в сознании человека с практически всеми мыслимыми объектами,

существами и качествами в их различных комбинациях можно назвать его **экологичностью**.

Абстрактность/ конкретность концепта ГАРМОНИЯ рассматривается в работе как такое его свойство, которое имеет два аспекта: *онтологический* (связанный с существованием гармоничности как воплощенной в своих носителях) и *перцептивный* (связанный с возможностью/ невозможностью восприятия гармоничности при помощи органов чувств). Концепт ГАРМОНИЯ является *онтологически абстрактным* поскольку гармоничность не имеет самостоятельного, отдельного от носителей существования. *Перцептивная абстрактность/ конкретность* концепта ГАРМОНИЯ зависит от того, можно ли воспринимать носителей гармоничности непосредственно при помощи органов чувств (*перцептивная конкретность*) или нет (*перцептивная абстрактность*). Например, в следующем текстовом фрагменте идет речь о гармонии цветов, которую можно увидеть. Соответственно, концепт ГАРМОНИЯ проявляет здесь черты перцептивной конкретности: *Green, purple and gold in harmony* (BNC). В другом фрагменте концепт ГАРМОНИЯ воплощается в своей перцептивной абстрактности, поскольку гармоничность приписывается нематериальному объекту – абстрагированному от своих носителей неравенству: *The myths of continuity and harmonious inequality all persist more comfortably well away from industry or the inner city* (BNC).

Свойство лексикализованного в английском языке концепта ГАРМОНИЯ реализовать в контексте свою инвариантную структуру и типичные комбинаторные потенции связывается в реферируемой работе с преимущественной **конвенциональностью** этого концепта для носителей английского языка. Наряду с этим в художественном осмыслении присутствует определенная индивидуализация образа гармоничности, которая принципиально не изменяет инвариантную структуру исследуемого концепта, но свидетельствует о его способности быть **гибким** в отображении индивидуального опыта познания гармоничности.

Подведем основные итоги.

Если прибегнуть к популярной в современной лингвистике метафоре архитектуры относительно концептуальной системы человека, концепт ГАРМОНИЯ можно представить как величественное и сложное строение. Концептуализация гармоничности носителями современного английского языка осуществляется разными способами, в зависимости от чего формируется его структура, смоделированная в работе как

интегрированная совокупность определенных подструктур, или модусов, которые отображают, с разной степенью детализации, понятийные, картинно-образные, метафорические, оценочные и ценностные знания и представления говорящих о гармоничности. Наиболее существенная знания о гармоничности составляют ядро концепта ГАРМОНИЯ, структурированное в виде образ-схемы **связь подобного разного**.

К основным комбинаторным потенциям концепта ГАРМОНИЯ принадлежат его способность соединяться с концептом НОСИТЕЛЬ ГАРМОНИЧНОСТИ и концептом СВОЙСТВО. То, какие именно комбинаторные потенции этого концепта реализуются и как именно они реализуются, определяет способ контекстуального воплощения инвариантной структуры концепта ГАРМОНИЯ, которое может осуществляться либо без изменений, либо с определенными модификациями. Последние обусловлены изменениями в функциональной значимости отдельных составляющих концепта ГАРМОНИЯ или наращиванием структуры этого концепта благодаря появлению дополнительных компонентов его содержания. Сдвиги в комбинаторике лексикализованного концепта ГАРМОНИЯ связаны со значимой нереализованностью его способности соединяться с концептом НОСИТЕЛЬ ГАРМОНИЧНОСТИ, а также с перенасыщенностью его комбинаторики, когда гармоничность приписывается носителям только одного типа. Вербализуясь в текстовых фрагментах в единстве своих структуры и комбинаторики, концепт ГАРМОНИЯ проявляет такие свойства, как антропоцентричность и экологичность, абстрактность и конкретность, конвенциональность и гибкость.

Семантика и сочетаемостные свойства лексемы *harmony* и ее производных детерминируются структурой и комбинаторикой концепта ГАРМОНИЯ. Так, ЛСВ1 названных слов имеет четыре модификации, коррелирующие с четырьмя фреймами картинно-образного модуса в его свернутом формате, а ЛСВ2 – две модификации, мотивированные двумя фреймами рационально-логического модуса в его свернутом формате. Валентностные связи лексемы *harmony* и ее производных обусловлены способностью концепта ГАРМОНИЯ комбинироваться с концептом НОСИТЕЛЬ ГАРМОНИЧНОСТИ, а невалентностные – открытостью концепта ГАРМОНИЯ к соединению с концептом СВОЙСТВО.

Литература

Лунева Т.В. Культурний компонент семантики лексичних одиниць у системі мови: до проблеми визначення й методу дослідження // Проблеми семантики слова, речення та тексту: Зб. наук. пр. / Київськ. нац. лінгв. ун-т. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2002. – Вип. 8. – С. 201-207.

Лунева Т.В. Абстрактність лексичних значень слів, які вербалізують концепт ГАРМОНІЯ: лінгвокогнітивний погляд (на матеріалі сучасної англійської мови) // Проблеми семантики слова, речення та тексту: Зб. наук. пр. / Київськ. нац. лінгв. ун-т. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2003. – Вип. 10. – С. 59-70.

Лунева Т.В. Образний компонент концепту *гармонія* та мовні засоби його втілення (на матеріалі сучасної англійської мови) // Вісник Київського лінгвістичного університету. – Серія Філологія. – Т. 6, №2. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2003. – С. 140-144.

Лунева Т.В. Особливості актуалізації культурного концепту “гармонія сфер” у науково-популярній книзі “Незакінчена симфонія Ейнштейна // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: Зб. наук. пр. – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2003. – Вип. 2. – С. 217-226.

Лунева Т.В. Семантико-когнітивні особливості проявів логічного та образного модусів концепту ГАРМОНІЯ в художньому тексті (на матеріалі англійської прози др. п. XX століття) // Наука і сучасність: Зб. наук. пр. Національного педагогічного університету ім. М.П.Драгоманова. – Т. XXXIX. – К.: Логос, 2003. – С. 224-229.

Лунева Т.В. Комбінаторика лексикалізованого концепту ГАРМОНІЯ (на матеріалі сучасних англійських текстів) // Лінгвістика: Зб. наук. пр. ЛНПУ ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер, 2005. – №3(6). – С. 14-22.

Лунева Т.В. Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: категорії опису та принципи моделювання // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. – Серія Лінгвістика: Зб. наук. пр. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – Вип. II. – С. 363-371.

Лунева Т.В. Основні властивості лексикалізованого концепту ГАРМОНІЯ (на матеріалі сучасних англійських текстів) // Наукові записки. – Серія філологічна. – Острог: Вид-во НаУ “Острозька академія”, 2006. – Вип. 6. – С. 170-183.

Лунева Т.В. До проблеми концептуального аналізу: міфологічний компонент концепту “гармонія” в англійській мові // Актуальні проблеми менталінгвістики: Наук. зб.: В 2 ч. – Черкаси: Видавничий відділ ЧДУ, 2001. – Ч. I. – С. 13-17.

Лунева Т.В. Семантико-когнітивні особливості актуалізації значення розчленованої номінативної одиниці *the harmony of the spheres* у художньому тексті (на матеріалі оповідання С.Рушді “The Harmony of the Spheres”) // Рідний край: Науковий, публіцистичний, художньо-літературний альманах. – Полтава: Видавничий центр ПДПУ, 2002. – №2 (7). – С. 76-84.

Лунева Т.В. Культурно обумовлена реалізація концепту “гармонія” в сучасній англійській мові // Мова і культура. – Вип. VI. – Т. 5. Ч. 2.

Національні мови в їхній специфіці та взаємодії. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. – С. 145-154.

Лунева Т.В. Метафоричне втілення концепту ГАРМОНІЯ в англомовних художніх текстах: довільність чи закономірність? // Рідний край: Науковий, публіцистичний, художньо-літературний альманах. – Полтава: Видавничий центр ПДПУ, 2004. – №2 (11). – С. 71-75.

Лунева Т.В. The Concept “Harmony” in the English Language: Cognitive and Cultural Perspectives // Матеріали Другої міжнародної наукової конференції дослідників англійської мови “Прагматика у межах та поза межами” 28-29 травня 2001 р. – Харків: Видавничий центр Харків. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна, 2001. – С. 29-31.

Лунева Т.В. Антические мифы как источник изменений в семантической структуре слова *harmony* в художественном тексте (на материале романа Дж.М.Котзее “Disgrace”) // Филология и культура: Материалы IV Международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С. 471-472.

Лунева Т.В. Семантико-когнітивний аналіз сполучуваності з інтенсифікаторами лексем, які об’єктивують концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові (на прикладі іменника *harmony*) // Матеріали Міжнародної науково-методичної конференції “Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика – на шляху до інтеграції”. – Харків: Харків. нац. ун-т ім. В.Н.Каразіна. – 2003. – С. 104-105.

Лунева Т.В. Contextual Interaction of Different Meanings of the Word *harmony* // Тези доповідей 8-ої національної науково-методичної конференції “Інноваційні ідеї та вирішальні завдання у викладанні англійської мови як іноземної”. – Хмельницький: Редакційно-видавничий центр Технологічного ун-ту Поділля, 2003. – С. 22.

Лунева Т.В. Cognitive Research on the Positive Evaluation of the Concept HARMONY by English Language Speakers // Розвиток міжкультурного взаєморозуміння за допомогою викладання англійської мови: тези доповідей. – Горлівка: Вид-во ГДПІІМ, 2004. – С. 223-224.

Лунева Т.В. Структура лексикалізованого концепту ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові // Матеріали V Всеукраїнської наукової конференції “Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація”. – Харків: Харків. нац. ун-т ім. В.Н.Каразіна, 2005. – С. 116-117.

Лунева Т.В. Гармонія в наукових студіях і в тлумачних словниках сучасної англійської мови // Всеукраїнський науковий форум: “Сучасна англїстика: Стереотипність і творчість”: Тези доповідей. – Харків: Торсінг Плюс, 2006. – С. 97-99.

Лунёва Т.В. Лексикализованный концепт ГАРМОНИЯ в современном английском языке: структура и комбинаторика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006.

М.Ю. Шевченко
(Воронеж)

КУЛЬТУРНЫЙ

Способы объективации концептов в последние десятилетия активно исследуются таким направлением языкознания как когнитивная лингвистика. Языковой материал является одним из наиболее удобных и объективных средств доступа к концептам как мыслительным единицам, важным инструментом исследования содержания и структуры концептов.

Настоящее исследование выполнено в рамках *лингвокогнитивного подхода* к языку, разрабатываемого научной школой Воронежского университета (З.Д.Попова, И.А.Стернин). Теоретической основой работы стали также исследования А.П.Бабушкина (2000, 2001), Н.Н.Болдырева (2000, 2001, 2004), А.А.Залевской (2000, 2001, 2003), В.И.Карасика (2001, 2002, 2004, 2005), Г.Г.Слышкина (2000, 2004), С.Г.Воркачева (1993, 1995, 2000, 2001, 2002, 2005), В.М.Топоровой (1993, 1996, 1998, 1999, 2000), А.В.Рудаковой (2000, 2001), М.В.Пименовой (2001, 2004, 2005), В.В.Красных (2000, 2003).

Объектом исследования является языковая объективация концепта «культурный» в сознании носителя языка.

Предметом исследования является содержание и структура концепта «культурный» в русском языке.

Проведенное исследование выполнено в рамках *лингвокогнитивной концептологии*.

Целью исследования является системное описание языковых средств объективации концепта в лексико-фразеологической системе современного русского языка и моделирование на этой основе структуры концепта «культурный» посредством комплексной методики, включающей исследование лексико-фразеологического поля ключевой лексики, психолингвистические эксперименты, подбор симиляров, анализ афористических высказываний.

В работе были использованы следующие методы: 1) экспериментальные методики (свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, методика субъективных дефиниций); 2) методика выявления симиляров ключевой лексики и др.; 3) количественные методы.

Языковым материалом исследования послужили словарные дефиниции, субъективные дефиниции, симиляры ключевой лексики, афористические высказывания. Общий корпус проанализированных лексических и фразеологических единиц составил около 4000. В качестве материала исследования выступали также результаты свободного и направленного ассоциативных экспериментов. Всего по различным экспериментальным методикам было опрошено 2460 человек.

В настоящей работе под концептом понимается то содержательное наполнение этого термина, которое предложено З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: концепт—это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания (Попова, Стернин 1999).

Важным понятием когнитивной лингвистики является понятие *концептосферы* — области знаний, составленной из концептов как ее единиц. В структуре концепта выявляются когнитивные классификационные признаки (когнитивные классификаторы), представляющие собой аспекты концептуализации явления когнитивным сознанием. Они выполняют важную роль в упорядочении и структурной организации концептосферы.

Концептуализация — это процесс образования и формирования концептов в сознании (Болдырев 2004), осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта. Сознание человека, выделив в объективной или субъективной (мысленной) действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяя отдельные отличительные признаки и подводит ее под определенный класс явлений, что и представляет собой *концептуализацию*. Результат концептуализации — концепт.

Немаловажно для когнитивной лингвистики и понятие «картина мира». Разграничиваются следующие виды: *когнитивная картина мира* — это ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом. *Опосредованная картина мира* — это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и художественная картины мира.

Итогом лингвоконцептологического описания концепта является его моделирование. Под лингвокогнитивным моделированием концепта понимается упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах в виде полевой структуры.

Моделирование концепта включает три взаимодополняющие, но выполняемые отдельно процедуры:

1. Описание макроструктуры концепта (отнесение выявленных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

2. Описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков,

концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификаторов);

3. Описание полевой организации концепта (выявление и описание когнитивных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Исследование показало, что на современном этапе развития русского языка для слова *культурный* релевантными являются следующие значения:

1. Характерный для высокого уровня материального и духовного развития.

2. Характеризующийся навыками поведения в обществе; образованный, просвещенный.

3. Характерный для лабораторного разведения растений, микроорганизмов.

4. Обработанный (о почве).

Нами было проведено исследование значения, манифестирующего морально-поведенческую и коммуникативную культуру человека (значение 2).

Было установлено, что лексический состав номинативного поля исследуемого концепта представлен 518 единицами, а фразеологический — 30.

В составе лексико-фразеологических средств объективации концепта «культурный», наряду с современными, выделяются устаревшие (7 единиц — 1,2%). С точки зрения стилистической принадлежности, преобладают нормативные, стилистически нейтральные номинативные единицы (92,1%); наименьшую представленность имеют книжные (4%), разговорные (3,6%) и просторечные (0,1%) единицы. Несколько лексических единиц передают экспрессию приподнятости, торжественности: ФЕ — светлая (золотая) голова (высок.) — 1 (0,1%), а также передают уважительное отношение к какому-либо лицу: мудрец (почтит.) — 1 (0,1%).

Методом когнитивной интерпретации были выделены когнитивные признаки, объективируемые лексико-фразеологическим полем: *нравственный* 55 (благородный/ благородно/ благородность, безупречный/ безупречно/ безупречность и т.д.); *добрый* 34 (беззлобный, благодушный и пр.); *вежливый* 30 (вежливость, вежливый, галантный/ галантно/ галантность и под.); *имеет опрятный внешний вид* 24 (аккуратный, ухоженный/ ухоженно/ ухоженность и пр.); *обладает утонченными манерами* 24 (изысканный/ изысканно/ изысканность, ФЕ — голубая кровь (устар., теперь ирон.) и т.д.);

умный 24 (интеллектуал/ интеллектуалка, высокоинтеллектуальный, умный и пр.); *приличный, пристойный* 22 (благовидный, приличный/ прилично, благопристойный и пр.); *внимательный, отзывчивый* 21 (бережный/ бережно/ бережность, внимательный, чуткий и пр.); *воспитанный* 18 (благовоспитанный/ благовоспитанно/ благовоспитанность (книжн.), благонравие, благонравный/ благонравие/ благонравность (устар.); *эрудированный* 18 (знаток, знающий, эрудит/ эрудитка и т.д.); *отличается благоразумием* 17 (благоразумный/ благоразумно/ благоразумность, разумный/ разумно/ разумность и т.д.); *уважает окружающих* 17 (благодарный, извиняющийся, почтительный/ почтительно/ почтительность и пр.); *сдержанный* 16 (ФЕ — владеть собой, воздержанный, выдержанный/ выдержанность и т.д.); *красиво говорит* 15 (красноречивый/ красноречиво, ФЕ — дар слова и пр.); *связанный с деятельностью по распространению культуры* 15 (культуртегер, культурработник и т.д.); *образованный* 14 (высокообразованный, образованный/ образованные/ образованность, просвещенный/ просвещенность и т.д.); *ответственный* 14 (дисциплинированный/ дисциплинированно/ дисциплинированность, ответственный/ ответственно/ ответственность и пр.); *дипломатичный* 13 (дипломат/ дипломатка (разг.), дипломатика (разг.) и пр.); *толерантный* 13 (лояльный/ лояльно/ лояльность, снисходительный/ снисходительно/ снисходительность и пр.); *посещает объекты культуры* 12 (библиотека, выставка и пр.); *является образцом* 12 (идеал, идеальный, образец, образцовый/ образцово и пр.); *любит читать* 10 (библиоман, библиофил, начитанный и под.); *общительный* 10 (коммуникабельный/ коммуникабельность, контактный и т.д.); *чрезмерно вежлив* 9 (галантерейный/ галантерейно/ галантерейность (ирон.) и т.д.), *не склонен к вражде и ссорам* 8 (бесконфликтный, мирный и пр.); *интеллигентный* 7 (интеллигент, интеллигентный и пр.); *красиво одевается* 7 (вкус, галстук, костюм и т.д.); *соблюдает общепринятые нормы и правила поведения* 7 (ФЕ — действовать в пределах (границах) дозволенного, ФЕ — не позволять себе лишнего и т.д.); *гуманный* 7 (высокогуманный, гуманист, человеколюбивый и пр.); *имеет педагогическое образование* 6 (педагог, учитель и т.д.); *назидательный* 6 (ригоризм (книжн.), ригорист/ ригористка (книжн.) и пр.); *грамотный* 5 (грамотный/ грамотно/ грамотность, ФЕ — читать-писать умеет и т.д.); *хороший* 5 (неплохой, положительный/ положительность и пр.); *эстетически развит* 5 (эстет/ эстетка,

эстетический/ эстетически и т.д.); демократичный 4 (демократичный, доступный, негордый, простой); имеет высшее образование 4 (высший, диплом, дипломированный, институтский); духовный 3 (духовность, духовный/ духовно); цивилизованный 3 (цивилизатор (обычно ирон.), цивилизованный, цивилизоваться); соблюдает правила этикета 2 (этикет/ этикетный).

Всего был выявлен 41 когнитивный признак.

Полевая стратификация когнитивных признаков, выявленных в лексико-фразеологической объективации, выглядит следующим образом:

ядро — 10%, 1 когнитивный признак (*нравственный*);

ближняя периферия — 33%, 7 когнитивных признаков (*добрый, вежливый, имеет опрятный внешний вид, обладает утонченными манерами, умный; приличный, пристойный; внимательный, отзывчивый*);

дальняя периферия — 39%, 15 когнитивных признаков (*воспитанный, эрудированный, отличается благоразумием, уважает окружающих, сдержанный, красиво говорит, связанный с деятельностью по распространению культуры, образованный, ответственный, дипломатичный, толерантный, посещает объекты культуры, является образцом, любит читать, общительный*);

крайняя периферия — 18%, 18 когнитивных признаков (*чрезмерно вежлив, не склонен к вражде и ссорам, интеллигентный, красиво одевается, соблюдает общепринятые нормы и правила поведения, гуманный, имеет педагогическое образование, назидательный, грамотный, хороший, эстетически развит, демократичный, имеет высшее образование, духовный, цивилизованный, соблюдает правила этикета 2*).

По результатам направленного ассоциативного эксперимента (культурный – какой?) было получено 892 реакции, которые объективировали следующие когнитивные признаки:

вежливый 157; воспитанный 105; образованный 73; соблюдает нормы и правила поведения 66; внимательный 57; умеет общаться 40; нравственный 39; добрый 38; грамотный 36; соблюдает правила этикета 34; умный 29; не совершает осуждаемых обществом поступков 23; находчивый 18; хороший 17; обладает чувством юмора 15; всесторонне развитый; живет интересами своей страны; уважает окружающих 14; эстетически развит 11; интеллигентный; приличный 10; цивилизованный 9; сдержанный; уважаемый 8; духовно богатый;

нравится окружающим; является образцом 6; религиозный 4; вызывает положительные эмоции; красиво одевается 3; ласковый; опрятный; ответственный; отсутствует в современном обществе; приятный; смелый; справедливый 2; гуманный 1; не склонен к вражде и ссорам; посещает объекты культуры; рассудительный; современный; толерантный 1. Выявлены всего 43 когнитивных признака.

Полевая стратификация когнитивных признаков, выявленных в ходе направленного ассоциативного эксперимента, выглядит следующим образом:

Ядро — 4,6 % от общего числа признаков, 2 когнитивных признака (*вежливый, воспитанный*).

Ближняя периферия — 18,6%, 8 когнитивных признаков (*образованный — соблюдает правила этикета*).

Дальняя периферия — 25,5%, 11 когнитивных признаков (*умный — приличный*).

Крайняя периферия — 51,1%, 22 когнитивных признака (*цивилизованный — толерантный*).

Метод свободного ассоциативного эксперимента позволил выявить следующие когнитивные признаки:

носитель признака 196; вежливый 94; образованный 75; воспитанный 66; посещает объекты культуры 27; участвует в общественных событиях 22; проявляется в языке 19; типичный представитель; любит читать 18; умный 17; является образцом 11; опрятный; связан с организацией 10; добрый 9; имеет отношение к литературе и искусству 7; всесторонне развитый; красиво одевается 5; нравственный; хороший 4; внимательный; общительный; ответственный; проявляется в музыкальной деятельности; редко встречается; соблюдает правила этикета 3; гуманный; знает нормы поведения; красивый; не совершает осуждаемых обществом поступков; пользуется уважением; приятный; цивилизованный; эстетически развит 2; милый 1; плохой; проявляется в особом тоне речи; распространен в городе 1. Всего 38 признаков.

Полевая стратификация когнитивных признаков, выявленных в ходе свободного ассоциативного эксперимента:

Ядро — 10,5 %, 4 когнитивных признака (*носитель признака — воспитанный*).

Ближняя периферия — 7,8%, 3 когнитивных признака (*интеллигентный — участвует в общественных событиях*).

Дальняя периферия — 18,4%, 7 признаков (*проявляется в языке — связан с организацией*).

Крайняя периферия — 63,1%, 24 когнитивных признака (*добрый — распространен в городе*).

Методом субъективных дефиниций были выявлены следующие когнитивные признаки:

вежливый 129; воспитанный 104; образованный 78; соблюдает общепринятые нормы и правила поведения 78; нравственный 60; соблюдает этикет 50; эрудированный 36; умеет общаться 35; интеллектуальный 24 интеллигентный 21; уважает окружающих 19; хороший 18; внимательный 15; не совершает осуждаемых обществом поступков 15; добрый 14; грамотный; опрятный; правильно говорит; приличный 10; живет интересами своей страны; цивилизованный 8; отвечает требованиям цивилизованного общества; сдержанный 7; духовно богатый; любит читать 6; отличается благоразумием 4; всегда здороваается; нравится окружающим; справедливый 3; ответственный; толерантный; является образцом 2; дипломатичный; красиво говорит; красиво одевается; находчивый; посещает объекты культуры; эстетически развит, является необходимым 1. Выявлено всего 39 признаков.

Полевая организация когнитивных признаков, выявленных в ходе психолингвистического эксперимента, выглядит так:

Ядро — 5,1 %, 2 когнитивных признака (*вежливый, воспитанный*).

Ближняя периферия — 15,3 %, 6 когнитивных признаков (*образованный — умеет общаться*).

Дальняя периферия — 28,2 %, 11 признаков (*интеллектуальный — приличный*).

Крайняя периферия — 51,2%, 20 когнитивных признаков (*живет интересами своей страны — является необходимым*).

Эксперимент «Подбор симиляров» позволил установить следующие когнитивные признаки:

вежливый 192; воспитанный 157; образованный 108; интеллектуальный 68; интеллигентный 65; нравственный 46; внимательный 35; эрудированный 31; добрый 18; эстетически развит 16; грамотный 15; умеет общаться 15; любит читать 11; является образцом 11; ответственный; отличается благоразумием; соблюдает общепринятые нормы и правила поведения; уважает окружающих 9; вызывает интерес; приятный; соблюдает правила этикета; цивилизованный 6; духовный; опрятный; хороший 5; гуманный; посещает культурные места; приветливый 3; дипломатичный;

пользуется уважением; правильно говорит; приличный; уравновешенный 2; красивый; обладает чувством юмора; редко встречается; современный 1. Выявлено 37 когнитивных признаков.

Полевая организация когнитивных признаков, выявленных в ходе данного эксперимента, представлена следующим образом:

Ядро — 8,1%, 3 когнитивных признака (*вежливый, воспитанный, образованный*).

Ближняя периферия — 13,5%. 5 когнитивных признаков (*интеллектуальный — эрудированный*).

Дальняя периферия — 16,2%, 6 признаков (*добрый — является образцом*).

Крайняя периферия — 62,1%, 23 когнитивных признака (*ответственный — современный*).

По результатам проведенных исследований и экспериментов была составлена сводная таблица когнитивных признаков, полученных в результате использования всего комплекса методик, с указанием индекса яркости каждого признака.

Анализ данной таблицы свидетельствует о том, что многие когнитивные признаки повторяются во всех экспериментах и имеют достаточно высокий индекс яркости: *вежливый (0,195), воспитанный (0,143), образованный (0,112), нравственный (0,071), соблюдает нормы и правила поведения (0,055), умный (0,053), интеллигентный (0,043), внимательный (0,042), добрый (0,037), эрудированный (0,033), умеет общаться (0,033), соблюдает правила этикета (0,032), опрятный (0,017), хороший (0,015), посещает объекты культуры (0,012), является образцом (0,013), эстетически развит (0,011), цивилизованный (0,01), ответственный (0,009), —19 признаков (27,1% от общего количества признаков).*

Только в ЛФП актуализированы такие признаки, как *связанный с деятельностью по распространению культуры (0,005), чрезмерно вежлив (0,003), имеет педагогическое образование (0,002), назидательный (0,002), демократичный (0,001), имеет высшее образование (0,001)*—6 признаков (8,5%).

Только в направленном ассоциативном эксперименте (НАЭ) выявлены такие признаки, как *религиозный (0,001), вызывает положительные эмоции (0,001), ласковый (0,001), отсутствует в современном обществе (0,0006), смелый (0,0006), современный (0,0004)*—6 признаков (8,5%).

В свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) наиболее ярко представлен признак *носитель признака (0,063)*. Только в этом эксперименте определяются следующие признаки:

участвует в общественных событиях (0,007), проявляется в языке (0,006), типичный представитель (0,005), связан с организацией (0,003), имеет отношение к литературе и искусству (0,002), красивый (0,0008), проявляется в музыкальной деятельности (0,0008), редко встречается (0,0008), милый (0,0002), плохой (0,0002), проявляется в особом тоне речи (0,0002), распространен в городе (0,0002) — 12 признаков (17,1%).

Метод субъективных дефиниций (СД) выявил незначительное число «своих» когнитивных признаков: *всегда здорова* (0,0008), *является необходимым* (0,0002) — 2 признака (2,8%).

Эксперимент по подбору симиларов (ПС) позволил выявить следующие только ему присущие когнитивные признаки: *вызывает интерес* (0,001), *приветливый* (0,0008) — 2 признака (2,8%).

По результатам исследования были выявлены когнитивные классификаторы, используемые русским когнитивным сознанием при концептуализации такого явления как «культурный».

Самый яркий когнитивный классификатор ЛФП — «Отношение к окружающим» (3,7% от общего количества классификаторов, представленных лексико-фразеологическим полем).

Самыми яркими в НАЭ для носителей языкового сознания являются когнитивные классификаторы «Степень вежливости», «Уровень воспитанности», «Соблюдение законов и правил» (9 % от общего количества классификаторов).

Из общего числа когнитивных классификаторов САЭ наиболее яркими являются следующие: «Носитель признака», что вполне логично, так как именно человек может или нет быть культурным в широком смысле этого слова; «Степень вежливости», «Уровень образования» и «Уровень воспитанности» (14,2 % от общего числа когнитивных классификаторов САЭ).

Самыми яркими для носителей языкового сознания в эксперименте на субъективную дефиницию являются когнитивные классификаторы «Соблюдение законов и правил», «Степень вежливости» и «Уровень воспитанности» (10% от общего числа когнитивных классификаторов рассматриваемого эксперимента).

Из общего числа когнитивных классификаторов, выявленных в ходе эксперимента по подбору симиларов, наиболее яркими являются классификаторы «Степень вежливости», «Уровень воспитанности» и «Уровень образования» (11,1 %).

Сопоставление свидетельствует о том, что многие когнитивные классификаторы повторяются во всех

экспериментах, из них первые 2 имеют высокий индекс яркости: **степень вежливости (0,199), уровень воспитанности (0,146), уровень образования (0,116), отношение к окружающим (0,116), степень интеллектуальности (0,088), соблюдение законов и правил (0,087), уровень нравственности (0,078), степень интеллигентности (0,043), общая оценка (0,019), необходимость для общества (0,013), эстетическая оценка (0,013), соответствие требованиям цивилизованного общества (0,01), верность долгу (0,009)** — 13 когнитивных классификаторов (30,9% от общего количества классификаторов).

Только в **ЛФП** выявлен такой классификатор, как *участие в распространении культуры (0,005)*—1 (2,3 %).

Только в **НАЭ** актуализированы следующие когнитивные классификаторы: *наличие предрассудков (0,001), вызываемые эмоции (0,0008), степень храбрости (0,0006)* — 3 классификатора (7,1%).

В **САЭ** высокий индекс яркости у классификатора *носитель признака — лицо (0,063)*. Только в этом эксперименте представлены такие классификаторы: *сфера проявления (0,007), участие в общественных событиях (0,007), типичный представитель (0,005), сфера распространенности (0,003)* — 4 классификатора (9,5 %).

Метод **субъективных дефиниций** не выявил когнитивных классификаторов, свойственных только ему.

Эксперимент по **подбору симиляров** позволил выявить когнитивные классификаторы: *вызываемый интерес (0,001)*—1 классификатор (2,3 %).

Нами был также проведен анализ афористического фонда: афоризмов, крылатых слов и выражений.

Были определены когнитивные признаки, полученные в результате анализа афористического фонда:

- Культура помогает человеку оставаться человеком* — 5.
- Чтение книг благотворно влияет на воспитание человека, развитие интеллектуальных и нравственных начал* — 4.
- Культура заключается в уважении к окружающим* — 4.
- Культурному человеку свойственен высокий интеллект*—3.
- Культура невозможна без образования и воспитания*—2.
- Культура и труд взаимосвязаны*—2.
- Культурному человеку присуще духовное богатство*—2.
- Необходимо знать историю культуры*—2.
- Ораторское искусство—часть культуры*—1.
- Толерантность—часть культуры*—1.
- Составляющей культуры не всегда является вежливость* — 1.

Культура помогает почувствовать наслаждение от достигнутого — 1.
Культурному человеку легче занять свой досуг — 1.
Культурный человек страдает от безнравственности — 1.
За внешней культурой может быть скрыто невежество — 1.
Культура — это отсутствие грубости — 1.
Культурный человек внимателен и отзывчив — 1.

В афористическом фонде зафиксированы 33 примера объективации концепта «культурный». 7 когнитивных признаков не встречаются в лексико-фразеологическом поле и в выше рассмотренных экспериментах и свойственны лишь афоризмам.

Всего в ходе исследования было обнаружено 77 когнитивных признаков. Наибольшим числом когнитивных признаков обладает лексико-фразеологическая объективация – 41, наименьшим – афористическая объективация — 17 когнитивных признаков. Обнаружены 43 повторяющихся когнитивных признака; 19 когнитивных признаков встречаются во всех исследованных полях.

Макрокомпонентная структура концепта «культурный» имеет следующий вид.

Образный компонент представлен 7 признаками и имеет следующую структуру:

Визуальный образ — 5 признаков: опрятный 51; красиво одевается 16; красивый 3; когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку 1, мужчина с усами 1.

Звуковой образ — 2 признака: проявляется в разговоре 24, проявляется в особом тоне речи 3.

Когнитивные (метафорические) образы отсутствуют, что свидетельствует: концепт метафорически не осмыслен русским когнитивным сознанием.

Информационное содержание представлено тремя когнитивными признаками: *вежливый, воспитанный и образованный.*

Энциклопедическая зона — 30 когнитивных признаков:

умный, эрудированный 269; интеллигентный 134; грамотный 66; любит читать 49; посещает объекты культуры 45; эстетически развит 35; цивилизованный 34; обладает утонченными манерами 24; духовно богатый 20; проявляется в языке 19; дипломатичный 16; красиво говорит 16; обладает чувством юмора 16; толерантный 16; связанный с деятельностью по распространению культуры 15; гуманный 12; правильно говорит 12; связан с какой-либо культурной организацией 10; чрезмерно вежлив 9; имеет отношение к

литературе и искусству 7; назидательный 6; религиозный 4; проявляется в музыкальной деятельности 3; редко встречается 3; отсутствует в современном обществе 2; смелый 2; современный 2; за внешней культурой может быть скрыто невежество 1; культура помогает почувствовать наслаждение от достигнутого 1; составляющей культуры не всегда является вежливость 1.

В интерпретационное поле концепта «культурный» входят следующие зоны:

Общеоценочная зона — 2 когнитивных признака (*хороший и плохой*).

Утилитарная зона— 18 когнитивных признаков: *соблюдает нормы и правила поведения 162; внимательный 132; умеет общаться 103; соблюдает правила этикета 95; уважает окружающих 61; приличный 44; является образцом 42; сдержанный 33; благоразумный 31; ответственный 30; находчивый 19; пользуется уважением 17; не склонен к вражде и ссорам 9; демократичный 4; всегда здороваётся 3; приветливый 3; вызывает интерес 6; отсутствие грубости 1.*

Регулятивная зона — 3 когнитивных признака: *не совершает осуждаемых обществом поступков 39; необходимо знать историю культуры 2; является необходимым 1.*

Социально-культурная зона—5 когнитивных признаков: *живет интересами своей страны 22; участвует в общественных событиях 22; культура и труд взаимосвязаны 2; характерно для города 1; характерно для Петербурга 1.*

Идентификационная зона—10 когнитивных признаков: *директор, специалист, студент, ученик, женщина, Чехов, чиновник, я, Миша, продавец 1.*

В анализируемом концепте, кроме общеоценочных, были выявлены когнитивные признаки, дающие концепту ту или иную оценку.

Нравственная оценка: *нравственный 210, добрый 113, справедливый 11.*

Интеллектуальная оценка: *умный 269.*

Эстетическая оценка: *опрятный 51, красивый 3.*

Эмоциональная оценка: *вызывает положительные эмоции 16.* Всего 7 признаков.

Категориальная структура концепта, которая представлена как перечень когнитивных классифицирующих признаков (классификаторов) по убыванию количества обобщаемых ими когнитивных признаков концепта (в скобках — индекс яркости классификатора) имеет следующий вид:

1. Степень вежливости 611 (0,199)—свидетельствует о высокой степени вежливости (иногда чрезмерно) культурного человека (*вежливый 602, чрезмерно вежлив 9*).

2. Уровень воспитанности 450 (0,146)—манифестирует воспитанность культурного человека (*воспитанный 450*).

3. Уровень образования 358 (0,116)

Характеризует с точки зрения образованности: *образованный—348, имеет педагогическое образование—6, имеет высшее образование—4*.

4. Отношение к окружающим 350 (0,116)—когнитивные признаки подчеркивают заботливость и внимание, терпимость и миролюбивость, а также доброе, приветливое и уважительное отношение культурного человека к окружающим его людям: *внимательный 131, добрый 113, уважает окружающих 60, толерантный 16, гуманный 12, не склонен к вражде и ссорам 9, демократичный 4, приветливый 3, ласковый 2*.

5. Степень интеллектуальности 269 (0,088) — признаки указывают на интеллектуальный потенциал культурного человека: *умный 162, эрудированный 104, высокий интеллект 3*.

6. Соблюдение законов и правил 268 (0,087) — характеризует культурного человека с точки зрения соблюдения норм и правил этики, культуры поведения: *соблюдает нормы и правила поведения 164, соблюдает правила этикета 98, назидательный 6*.

7. Уровень нравственности 224 (0,078) — признаки содержат позитивную морально-нравственную оценку, указывающую на благородство и высокую нравственность культурного человека: *нравственный 213, справедливый 11*.

8. Носитель признака 196 (0,063) — указывает на лица, характеризующиеся признаком *носитель признака 196*: человек, работник, мужчина, мальчик, гражданин, ребенок, директор, женщина, Миша, начальник, продавец, ребята, специалист, студент, субъект, ученик моего класса, Чехов, чиновник, я.

9. Степень интеллигентности 134 (0,043) — характеризует человека с точки зрения интеллигентности: *интеллигентный 134*.

10. Умение общаться 103 (0,033) — акцентируется внимание на умении культурного человека общаться с окружающими: *умеет общаться 103*.

11. Внимание к собственной внешности 70 (0,023)—фиксируется проявление внимания культурного человека к собственной внешности, умение одеваться со вкусом, опрятность: *опрятный 51, красиво одевается 16, красивый 3*.

12. Степень грамотности 66 (0,021) — признаки указывают на высокую степень грамотности: *грамотный 66*.

13. Общая оценка 60 (0,019) — дает общую оценочную характеристику культурному человеку: *хороший 49, приятный 10, плохой 1*.

14. Интерес к чтению 49 (0,015) — подчеркивает высокую степень начитанности: *любит читать 49*.

15. Соблюдение внешних приличий 44 (0,015) — подчеркивает соблюдение культурным человеком внешних приличий: *приличный 44*.

16. Необходимость для общества 43 (0,013) — указывает на необходимость для общества в качестве образца, примера: *является образцом 43*.

17. Эстетическая оценка 42 (0,013) — выявляет наличие эстетического начала в культурном человеке: *эстетически развит 35, имеет отношение к литературе и искусству 7*.

18. Наличие осуждаемых обществом поступков 39(0,012) — утверждает отсутствие у культурного человека поступков, осуждаемых окружающими: *не совершает осуждаемых обществом поступков 39*.

19. Посещение объектов культуры 39 (0,012) — признаки отражают связь человека с культурными объектами, учреждениями: *посещает объекты культуры 39*.

20. Способность находить выход из ситуации 35 (0,011) — фиксирует в сознании носителей языка умение найти выход из любой проблемной ситуации: *находчивый 19, дипломатичный 16*.

21. Соответствие требованиям цивилизованного общества 34 (0,01) — утверждает соответствие культурного человека основным требованиям цивилизованного общества: *цивилизованный 34*.

22. Умение держать себя в руках 33 (0,011) — указывает на спокойствие и сдержанность в любой ситуации: *сдержанный 33*.

23. Степень разумности 31 (0,01) — репрезентирует высокую степень разумности культурного человека: *благоразумный 31*.

24. Верность долгу 30 (0,009) — фиксируются выработанные в сознании и действиях культурного человека добросовестность и ответственность: *ответственный 30*.

25. Навыки речи 28 (0,009) — когнитивные признаки указывают, во-первых, на нормативную речь и, во-вторых, на умение красиво и правильно выражать свои мысли: *красиво говорит 16, правильно говорит 12*.

26. Степень аристократизма 24 (0,008) — классификатор заостряет внимание на изяществе аристократических манер, их

изысканности и утонченности: *обладает утонченными манерами 24.*

27. Сфера проявления 23 (0,007) — обращается внимание на сферу проявления, статус функционирования культурного человека: *проявляется в языке 19, проявляется в музыкальной деятельности 3, проявляется в особом тоне речи 1*

28. Участие в общественных событиях 22 (0,007) — когнитивные признаки отражают активную жизненную позицию: *участвует в общественных событиях 22.*

29. Характерные интересы 22 (0,007) — классификатор определяет характерные интересы культурного человека: *живет интересами своей страны 22.*

30. Степень духовности 20 (0,006) — подчеркивается высокая степень духовности: *духовно богатый 20.*

31. Типичный представитель 18 (0,005)—классификатор определяет типически представленных субъектов общества, обладающих культурностью: *директор, специалист, студент, ученик, женщина, Чехов, чиновник, я, Миша, продавец – 10.*

32. Вызываемое общественное уважение 17 (0,005)—фиксируется уважительное отношение со стороны окружающих, одобрение обществом его поступков: *пользуется уважением 17.*

33. Наличие чувства юмора 16 (0,005)—определяется необходимость и наличие чувства юмора у культурного человека: *обладает чувством юмора 16.*

34. Участие в распространении культуры 16 (0,005)—участники и средства, способствующие формированию культуры: *связанный с деятельностью по распространению культуры 16.*

35. Сфера распространенности 11 (0,003) — обращается внимание на сферу распространенности культурного человека: *связан с организацией 10, распространен в городе 1.*

36. Вызываемое общественное отношение 10 (0,002) — определяется позитивное отношение общества к человеку, обладающему внешней и внутренней культурой: *нравится окружающим 9, милый 1.*

37. Вызываемый интерес 6 (0,001) — указывает на степень интереса к культурному человеку со стороны носителей языка: *вызывает интерес 6.*

38. Частота встречаемости 5 (0,001) — отмечает редкость встречи с культурным человеком: *редко встречается 3, отсутствует в современном обществе 2.*

39. Наличие предрассудков 4 (0,001) — фиксирует наличие религиозных предрассудков: *религиозный 4.*

40. Вызываемые эмоции 3 (0,0008) — дает эмоционально-оценочную характеристику: *вызывает положительные эмоции 3.*

41. Временная отнесенность 2 (0,0004) — отмечается современность культурного человека: *современный 2.*

42. Степень храбрости 2 (0,0004) — делается акцент на высокой степени храбрости: *смелый 2.*

Полевая модель концепта «культурный» в русской концептосфере по результатам исследования имеет следующий вид:

Ядро

Центр ядра: *вежливый 602; воспитанный 450; умный, эрудированный 373; образованный 358.*

Остальные ядерные признаки: *нравственный 210; соблюдает нормы и правила поведения 162; интеллигентный 134; внимательный 132; добрый 113; умеет общаться 103.*

Ближняя периферия

грамотный 66; уважает окружающих 61; хороший 59; опрятный 51, любит читать 49; посещает объекты культуры 45; приличный 44; является образцом 42; не совершает осуждаемых обществом поступков 39; эстетически развит 35; цивилизованный 34; сдержанный 33; благоразумный 31; ответственный 30; обладает утонченными манерами 24; духовно богатый 22; живет интересами своей страны 22; участвует в общественных событиях 22; проявляется в языке, разговоре 21; находчивый 19; соблюдает правила этикета 19; пользуется уважением 17; вызывает положительные эмоции 16; толерантный 17; красиво одевается 16; дипломатичный 16; красиво говорит 16; обладает чувством юмора 16; связан с деятельностью по распространению культуры 15; гуманный 12; справедливый 11; связан с к-л. культурной организацией 10.

Дальняя периферия

чрезмерно вежлив 9; не склонен к вражде и ссорам 9; имеет отношение к литературе и искусству 7; назидательный 6; вызывает интерес 6; демократичный 4; религиозный 4; проявляется в музыкальной деятельности 4; редко встречается 3; проявляется в особом тоне речи 3; правильно говорит 3; всегда здоровается 3; приветливый 3; красивый 3; отсутствует в современном обществе 2; смелый 2; современный 2; необходимо знать историю культуры 2; культура и труд взаимосвязаны 2.

Крайняя периферия

внешняя культура может скрывать невежество 1; когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку 1; мужчина с

усами 1; отсутствие грубости 1; плохой 1; составляющей культуры не всегда является вежливость 1; характерно для города 1; характерно для директора 1; характерно для женщины 1; характерно для меня 1; характерно для Миши 1; характерно для Петербурга 1; характерно для продавца 1; характерно характерно для студента 1; характерно для ученика 1; характерно для Чехова 1; характерно для чиновника 1; является необходимым 1.

Исследование показало, что концепт культурный принадлежит к коммуникативно релевантным концептам русской концептосферы, относится к типу композитивных концептов, включает доминирующие признаки *вежливый, воспитанный, умный, образованный*, является оценочным по содержанию и не фиксирует ментального общественного требования «быть культурным» при положительно–оценочной концептуализации самого явления.

Литература

Шевченко М.Ю. Культурный и вежливый: сходство и различия. Вежливость как коммуникативная категория. Выпуск 17. Научное издание. — Воронеж, 2003. — С.63-65.

Шевченко М.Ю. Исследование категории «культурность»//Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов БГПИ 2004 года. — Борисоглебск, 2004. — С.78-79.

Шевченко М.Ю. Экспериментальное исследование концепта «культурность» в сознании студентов// Культура общения и ее формирование. Научное издание. — Выпуск 12. — Воронеж, 2004.—с.24-30.

Шевченко М.Ю. Категория «культурность» в восприятии студентов// Язык и национальное сознание. Научное издание. Выпуск 6. — Воронеж, 2004. — С.40-46.

Шевченко М.Ю. Развитие концепта «культура» в русской концептосфере (по данным словарей). // Культура общения и ее формирование. Научное издание. — Выпуск 13. — Воронеж, 2004. — С.77-85.

Шевченко М.Ю. К изучению ЛФП, объективирующего концепт *культурный* // Язык и национальное сознание. Научное издание. Выпуск 7. — Воронеж, 2005. — С.203-206.

Шевченко М.Ю. Концепт *культурный* в лексикографическом отражении// Язык и национальное сознание. Научное издание. Выпуск 8. — Воронеж, 2006. — С.124-129.

Шевченко М.Ю. Концепт *культурный* по данным направленного ассоциативного эксперимента// Язык и национальное сознание. Научное издание. Выпуск 8. — Воронеж, 2006. — С.129-133.

Шевченко М.Ю. Концепт *культурный* по данным экспериментального исследования// Культура общения и ее формирование. Научное издание. — Выпуск 16. — Воронеж, 2006. — С.181-184.

Шевченко М.Ю. Коммуникативные признаки концепта *культурный*// Коммуникативные исследования 2006. Научное издание. — Воронеж, 2006. — С.155-160.

Шевченко М.Ю. Когнитивная интерпретация как прием исследования в лингвоконцептологии // Язык и национальное сознание. Научное издание. Выпуск 9. — Воронеж, 2007. — С.178-183.

Шевченко М.Ю. Концепт *культурный* по данным направленного ассоциативного эксперимента// Культура общения и ее формирование. Научное издание. — Выпуск 18. — Воронеж, 2007. — С.175-180.

Шевченко М.Ю. Лексико-фразеологическая объективация концепта «культурный» в русском языке// Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов БГПИ 2006 г. — Борисоглебск, 2007. — С.39-43.

Шевченко М.Ю. Когнитивная интерпретация результатов экспериментальных исследований // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2007. №1. — С.110-113.

Шевченко М.Ю. Лексико-фразеологическая объективация концепта «Культурный» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 23 с.

**Е.А. Зацепина
(Воронеж)**

ВЕЖЛИВОСТЬ

Важнейшими задачами современной когнитивной лингвистики является исследование коммуникативно релевантных концептов русской концептосферы. К таким концептам относится концепт *вежливость*, выступающий как один из центральных концептов культуры.

Моделирование концепта, т.е. структурированное описание его содержания, осуществляется посредством когнитивной интерпретации результатов анализа языковых средств его объективации.

Объектом исследования является языковая объективация концепта *вежливость* в языковом сознании носителя русского языка.

Предметом исследования является структура и содержание концепта *вежливость* как элемента русской национальной концептосферы.

В исследовании был использован следующий языковой материал:

1) лексико-фразеологический материал, полученный методом сплошной выборки из лексикографических источников (толковых, синонимических, этимологических и фразеологических словарей): 368 лексем и 66 фразеологизмов;

2) языковой материал, полученный в результате использования комплекса экспериментальных методик: метода субъективных дефиниций (868 реакций), направленного ассоциативного эксперимента (1976 реакций), свободного ассоциативного эксперимента (524 реакции);

3) языковой материал, полученный методом сплошной выборки из художественной литературы (художественные тексты русских писателей конца XX — начала XXI века, объем выборки около 1,5 млн. словоупотреблений). Зафиксировано 136 примеров объективации концепта *вежливость* в русском художественном тексте русских писателей конца XX — начала XXI века.

Теоретической основой исследования послужило обоснованное в когнитивной лингвистике представление о том, что концепты как своеобразные кванты знания, которыми человек оперирует в процессе мышления, вербализуются в коммуникации номинативными средствами языка, через изучение семантики которых возможно описание и моделирование содержания и структуры концептов.

Цель работы состоит в описании содержания и структуры концепта *вежливость* лингвокогнитивными методами.

Для обеспечения достоверности результатов исследования была использована комплексная методика, включающая метод сплошной выборки, описательный метод, метод лингвокогнитивного анализа, метод когнитивной интерпретации, экспериментальные методы (свободный, направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций), количественные методы.

Исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода к языку, разрабатываемого научной школой Воронежского университета (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Центральным понятием современной когнитивной лингвистики является *концепт*.

Период становления термина «концепт» в науке был связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близким по значению и языковой форме терминами. В настоящее время термин находит широкое применение в различных областях лингвистической науки: он

вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии (Карасик, Слышкин 2001).

В науке встречается различное понимание концепта. Как отмечает Н.Е.Сулименко (2003), разные определения понятия «концепт» раскрывают понимание различных сторон, аспектов его существования.

Под термином «концепт» понимается дискретная комплексная единица человеческого мышления, включающая определенную совокупность знаний о том или ином явлении объективной или субъективной действительности и представленная в виде чувственных данных опыта, информационных данных, а также в виде мнений и представлений. Концепт может характеризоваться принадлежностью определенному индивиду или социуму в виде культурно-ценностного образования.

Концепт как единица концептосферы чаще всего имеет словесное выражение, однако вербализация – не обязательное условие.

Концепт может объективироваться в языке следующими вербальными средствами:

- лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка;
- прямыми номинациями (лексемами в прямом значении);
- косвенными, образными номинациями (лексемами в переносных значениях),
- свободными словосочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений;
- фразеологическими единицами;
- синтаксическими структурами;
- текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов);
- синонимическими средствами языка, в том числе эвфемизмами, единицами разных частей речи, словообразовательно связанными с основными лексическими средствами вербализации концепта (однокоренные слова);
- паремиями (поговорками, пословицами);
- бытующими афоризмами, раскрывающими разные стороны концепта;
- субъективными дефинициями;
- публицистическими и художественными текстами;
- ассоциатами на тот или иной словесный стимул (Язык и национальное сознание 2002).

Вопрос о структуре концепта является дискуссионным. Концепт представляет собой нежестко структурированную объемную единицу, что связано с его активной динамичной ролью в процессе мышления (Стернин 2002).

Большинство научных школ сходятся в определении основного состава концепта: образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Образ играет в структуре концепта очень важную роль. «Предметно-чувственные корни» имеют даже сугубо абстрактные лексемы. Чувственный образ образуют перцептивные когнитивные признаки, которые формируются в сознании носителя языка с помощью органов чувств и метафорического осмысления какого-либо предмета или явления.

Информационное содержание концепта включает основные, наиболее существенные для концептуализируемого предмета или явления когнитивные признаки.

Уточняют, конкретизируют и дополняют информационное ядро концепта когнитивные признаки энциклопедической зоны, отражающие исторические сведения, знания о видах и типах денотата концепта, сведения о частоте встречаемости концептуализируемого явления в реальной действительности.

Интерпретационное поле как составляющая концепта отличается неструктурированным характером и включает оценки, ценностное отношение к концепту, трактовки содержания концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием, т.е. рациональное и эмоционально-оценочное осмысление образа, информационного содержания и энциклопедических признаков концепта.

Содержание концепта образуется *когнитивными признаками*, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков (Попова, Стернин 2006). Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется, прежде всего, яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта.

В процессе лингвокогнитивного исследования когнитивная интерпретация как особый этап позволяет перейти от описания содержания значений к содержанию концептов, следовательно, когнитивная интерпретация — обязательный этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Семантико-когнитивный подход предполагает выполнение следующих основных этапов в ходе исследования:

- построение номинативного поля концепта посредством выявления всех языковых средств, объективирующие концепт в языке;

- анализ и детальное описание в семном виде семантики этих средств;

- осуществление когнитивной интерпретации результатов описания семантики языковых средств, благодаря чему выявляются когнитивные признаки и когнитивные классификаторы;

- описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков и их стратификация.

Завершающей стадией когнитивного исследования является моделирование концепта, которое проводится в несколько этапов:

- распределение выявленных когнитивных признаков по образному, информационному компонентам и интерпретационному полю, установление их соотношения в структуре концепта – описание макроструктуры концепта;

- иерархическое описание когнитивных классификаторов, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, — описание категориальной структуры концепта;

- выявление ядра, ближней, дальней и крайней периферии через описание когнитивных признаков и представление содержания концепта в виде полевой структуры – описание полевой организации концепта.

В исследовании мы использовали комплекс методик для анализа средств языковой объективации концепта *вежливость* в русском языковом сознании.

Ключевыми лексемами номинативного поля исследуемого концепта являются *вежливость*, *вежливый*.

Для смыслового анализа ключевых слов, объективирующих данный концепт, был использован анализ словарных дефиниций лексем *вежливый*, *вежливость* в диахроническом и синхроническом аспектах.

Лексема *вежливый* появилось в древнерусский период становления русского языка. Она образована с помощью суффикса –лив (современный лив) от неупотребимого сейчас вежа (знаток), которое, в свою очередь, является производным от глагола ведать (с помощью суффикса -J -; *d J >ж). Первоначальное значение слова – знающий, опытный.

Новое значение – знающий, как себя вести – появилось в XVI веке, таким образом произошла конкретизация значения и переход слова из чисто интеллектуальной сферы в социальную.

Анализ словарных дефиниций позволил выявить следующие семантические компоненты значения слова *вежливость*: учтивость, проявление воспитанности, соблюдение бытовых приличий, обходительность, любезность, отсутствие грубости, предупредительность, услужливость.

Был также использован анализ парадигматических отношений ключевых лексем, а также словообразовательного гнезда, что позволило пополнить описание лексико-фразеологическое поля ключевой лексемы.

Было описано лексико-фразеологическое поле репрезентантов концепта, в которое вошли 434 языковые единицы: 368 лексем и 66 фразеологизмов (держать себя в рамках (приличия), соблюдать светские приличия, визит вежливости, из вежливости, попасть в тон, в сдержанных выражениях, выбирать слова, выражения, наладить отношения, умение владеть собой, цирлих-манирлих, китайские церемонии, сахар-медович и др.).

С точки зрения стилистической принадлежности в лексико-фразеологическом поле *вежливость* в русском языке выделяются следующие группы:

1. Стилистически нейтральные лексические и фразеологические единицы (77,1%): *благожелательный* (*благожелательно*), *бесстрастный* (*бесстрастно*, *бесстрастность*), *благовидный*, *бережный* (*бережно*, *бережность*), *благопристойный* (*благопристойно*), *уделять внимание*, *окружать заботой*, *умение себя вести/держать*, *правила хорошего тона*, *оказать услугу*, *светский лев* и др.

2. Книжные лексические и фразеологические единицы (8,4%): *благовоспитанный* (*благовоспитанно*, *благовоспитанность*), *благодушие* (*благодушность*), *благость*, *благочинный*, *бережливый* (*бережливо*, *бережливость*), *вежливости*, *декорум*, *отдать честь*, *одолжить кого*, *петь дифирамбы*, *петь* (*воскликать*, *воздавать*) *осанну* и др.

3. Разговорные лексические и фразеологические единицы (14,5%): *деликатничать*, *деликатный* (*деликатно*, *деликатность*) (2 зн.), *дипломат* (2 зн.), *елей* (3 зн.), *елейный*, *лакейский*, *цирлих-манирлих*, *китайские церемонии*, *сахар-медович* и др.

Темпоральную характеристику (устаревшее) имеют лишь 5 % единиц: благочинный, бережливый (бережливо, бережливость), вежливости, галантерейный (2 зн.) (галантерейность), страха ради иудейска, одолжить кого и др.

Когнитивная интерпретация полученного материала позволяет выделить 15 когнитивных признаков концепта (в скобках указан индекс яркости, который вычисляется как отношение количества языковых единиц, объективирующих когнитивный признак, к общему количеству единиц поля): **бывает излишней 138 (0,31)** (*подобострастие, подобострастничать, подхалим, подхалимистый, подхалимничать, церемонный, церемонничать, церемониться, чопорный, чинный и др.*), **доброе отношение 67 (0,15)** (*душевный (3 зн.), отзывчивый, сердечный (4-5 зн.), сочувствие (1 зн.), сердобольный, участие (4 зн.) и др.*), **проявление учтивости, уважения 46 (0,1)** (*уважение, уважить, уважать, уважительный (2 зн.), учтивый и др.*), **приветливое отношение к окружающим 31 (0,07)** (*приветливый, приветить (привечать), приветствие (2 зн.), привечать, приветный, радушие и др.*), **соблюдение правил поведения, приличий 29 (0,07)** (*декорум, обычливый, обычливость, политес, приличие, приличия (2 зн.), приличествовать, приличный, пристойный и др.*), **проявляется в тактичном отношении 28 (0,07)** (*деликатный (2 зн.), корректный, лояльный (2 зн.), осторожный (3 зн.), такт (2 зн.), тактичный и др.*), **сдержанность в проявлении чувств 25 (0,06)** (*выдержанный (2 зн.), выдержка, невозмутимый (2 зн.), самообладание, сдержанный и др.*), **внимательное отношение 19 (0,04)** (*внимательный (3 зн.), внимание (2 зн.), забота (2 зн.), заботиться, заботливый и др.*), **проявление воспитанности 17 (0,04)** (*благовоспитанный, благонравный, воспитанный и др.*), **предупредительное отношение 14 (0,03)** (*любезность (3 зн.), любезный, любезничать, милый, предупредительный и др.*), **бывает изысканной 11 (0,03)** (*аристократизм, аристократический, куртуазный (куртуазность) и др.*), **бывает холодной 5 (0,01)** (*официоз (3 зн.), официальный (3 зн.) и др.*), **галантность по отношению к окружающим 4 (0,01)** (*галантный (галантность), рыцарская вежливость, дамский угодник*), **проявляется в обходительности 3 (0,007)** (*обходительный (обходительно, обходительность)*), **проявляется в вежливых словах 3 (0,007)** (*вежливости, комплимент, любезности (2 зн.)*).

Для описания концепта были также использованы экспериментальные методики: направленный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций, свободный ассоциативный эксперимент.

Метод субъективных дефиниций. Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос, содержащийся в следующей инструкции: «Вы участвуете в психолингвистическом

эксперименте. Мы исследуем значение слова вежливость. Закончите, пожалуйста, предложение Вежливость – это ... Спасибо за участие». Участниками эксперимента стали 510 информантов (210 мужчин и 300 женщин).

Всего было получено 868 реакций, разных – 261. По результатам эксперимента было построено ассоциативное поле. В дальнейшем компоненты поля (ассоциаты) подвергались когнитивной интерпретации, в результате которой были сформулированы когнитивные признаки концепта.

Направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос, содержащийся в следующей инструкции: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Закончите, пожалуйста, предложение «Вежливый человек – какой?». Приведите не менее трех определений. Спасибо за участие».

Участниками эксперимента стали 502 человека: 209 мужчин и 293 женщины. В ходе эксперимента было получено реакций 1976, различных – 216 единиц. По результатам эксперимента было построено ассоциативное поле, которое было в дальнейшем подвергнуто процедуре когнитивной интерпретации.

Свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие 604 человека, из них 414 женщин и 190 мужчин в возрасте от 17 до 80 лет. Эксперимент проводился в письменной форме.

Испытуемые получили следующую инструкцию: «Мы изучаем ассоциации, которые вызывают те или иные слова. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Работайте быстро, не раздумывайте долго. Если ни одно слово не приходит в голову, ставьте прочерк. Просим Вас не вносить никаких изменений в свои ответ: высота, общение, поведение, удивление, кактус, грубость, образование, анекдот, рассвет, поражение, вежливость, помощник, внешность, атлет, занятие.» Использование других лексем в качестве стимулов связано с необходимостью камуфлирования стимула, интересующего исследователя в ходе эксперимента.

Было получено 524 реакции, не дали реакций 79 человек (15% от числа испытуемых). На следующем этапе была проведена когнитивная интерпретация результатов.

Сходные когнитивные признаки, выявленные в результате разных экспериментов, обобщались, а количество реакций суммировалось. Например: доброе отношение к другим 161 (метод субъективных дефиниций) + с добротой относится к

окружающим 409 (НАЭ) + *доброе отношение к другим* 40 (САЭ) = *доброе отношение к другим* 610.

Приведем список когнитивных признаков, полученных в результате проведения трех экспериментов (с указанием их индекса яркости):

доброе отношение к другим 610 (0,18), наличие хорошего воспитания 334 (0,10), уважительное отношение к окружающим 311 (0,09), тактичность 265 (0,08), следствие общей культуры человека 217 (0,06), приветливость по отношению к окружающим 134 (0,04), внимание к окружающим 126 (0,04), соблюдение поведенческих норм 114 (0,03), является признаком порядочности 109 (0,03), высокий уровень интеллектуального развития 108 (0,03), сдержанность в проявлении эмоций 104 (0,03), является хорошей чертой 75 (0,02), вызывает приятные эмоции 62 (0,02), обходительность 61 (0,02), умение культурно общаться 58 (0,02), употребление вежливых слов 51 (0,02), осознается как признак нравственности 45 (0,013), предполагает умение понять 40 (0,011), отражает интеллигентность 38 (0,011), противоположность грубости 33 (0,01), общительность 28 (0,008), отражает скромность 25 (0,007), терпимость по отношению к окружающим 25 (0,007), аккуратность в одежде 23 (0,007), предупредительное отношение 21 (0,006), пунктуальность 19 (0,006), проявляется в уступчивости 17 (0,005), является человеческим качеством 17 (0,005), является редкостью 15 (0,004), не употреблять грубые слова 15 (0,004), проявляется в улыбке 14 (0,004), умение быть благодарным 12 (0,003), соблюдение норм литературного языка 11 (0,003), красивый человек 11 (0,003), является необходимостью 11 (0,003), является нормой 11 (0,003), проявляется в общении 10 (0,003), проявление ответственности 10 (0,003), связана с внутренним состоянием человека 10 (0,003), предполагает наличие честности 9 (0,003), может быть лицемерной 9 (0,003), является привилегией королей 7 (0,002), умение обходиться с дамами 8 (0,002), умение жить без конфликтов 8 (0,002), не делать людям зла 7 (0,002), отражает уважение к самому себе 7 (0,002), угодливость 6 (0,002), характерна для женщин 6 (0,002), направлена на пожилых людей 6 (0,002), простота 5 (0,001), проявление положительных эмоций 5 (0,001), зависит от характера человека 4 (0,001), имеет имя-эталон 4 (0,001), связано с состоянием влюбленности 4 (0,001), проявляется в отношениях между людьми 3 (0,0008), не нарушать норм общения 3 (0,0008), отражает мягкотелость 3 (0,0008), отражает практичность 3 (0,0008), отражает целеустремленность 3 (0,0008), проявляется в

тоне 3 (0,0008), качество школьника 3 (0,0008), характеризуется замкнутостью (0,00005), является умением (0,00005), проявляется в форме услуги (0,00005), характерна для людей определенной профессии (0,00005) и др.

Было также проведено исследование слов-репрезентантов концепта *вежливость* в художественном тексте. Материалом для исследования послужили тексты русских писателей конца XX — начала XXI века. Общая длина текстовой выборки – около 1,5 млн. словоупотреблений.

В результате анализа было зафиксировано 136 примеров, относящихся к объективации концепта *вежливость*.

Всего по результатам анализа художественных текстов было выявлено 40 когнитивных признака концепта *вежливость*, которые можно стратифицировать следующим образом (с указанием индекса яркости):

Ядро – 2 когнитивных признака (5% от общего количества признаков): *соблюдение правил поведения в обществе* – 20 примеров (0,15), *употребление вежливых слов* — 16 примеров (0,12).

Ближняя периферия – 4 когнитивных признака (10 % от общего количества признаков): *признак воспитанности* — 13 примеров (0,1), *встречается у людей некоторых профессий* — 11 примеров (0,08), *тактичность* — 11 примеров (0,08), *умение обходиться с женщинами* — 9 примеров (0,07).

Дальняя периферия – 9 когнитивных признаков (22,5% от общего количества признаков): *лишенная мягкости, формальная* 7 (0,05), *проявляется в общении* 6 (0,04), *вызывает негативные эмоции* 5 (0,04), *излишняя вежливость* 5 (0,04), *проявляется в тоне* 4 (0,03), *проявляется в улыбке* 4 (0,03), *облегчает человеку жизнь* 4 (0,03), *признак порядочности* 4 (0,03), *умение отказывать* 3 (0,02).

Крайняя периферия – 25 когнитивных признаков (62,5%): *почтительное отношение к другим* 2 (0,01), *может быть язвительной* 2 (0,01), *зависит от материального вознаграждения* 2 (0,01), *может быть фальшивой* 2 (0,01), *необходима по отношению к нижестоящим* 2 (0,01), *может предвещать опасность* 1 (0,007), *хорошее отношение к окружающим* 1 (0,007), *отсутствие грубых слов* 1 (0,007), *противопоставляется грубости* 1 (0,007), *вызывает положительные эмоции* 1 (0,007), *является признаком благородства* 1 (0,007), *изысканная* 1 (0,007), *выражается в обходительности* 1 (0,007), *предполагает определенный внешний вид* 1 (0,007), *является показателем культуры* 1

(0,007), характерна для людей дворянского происхождения 1 (0,007), может восприниматься негативно 1 (0,007), проявляется во взгляде 1 (0,007), необходима по отношению к матери 1 (0,007), является ценным качеством 1 (0,007), предполагает наличие скромности 1 (0,007), может иметь предел 1 (0,007), может осложнить человеку жизнь 1 (0,007), выражается в приветствии 1 (0,007).

По результатам проведенных исследований было осуществлено моделирование концепта *вежливость* в русском языковом сознании.

На первом этапе моделирования концепта когнитивные признаки, полученные из разных источников, унифицировались, т.е. приводились к единой формулировке. Например, признаки *может быть фальшивой, лицемерие, неискренняя* объединялись формулировкой *может быть фальшивой* как наиболее общей по содержанию. Индексы яркости в таком случае усреднялись.

Макроструктура концепта *вежливость* имеет следующий вид:

- **образный компонент** представлен 4 когнитивными признаками (*тактильный образ: свежесть 0,00002, что-то теплое 0,00002; зрительный образ: цветок 0,00002; когнитивный образ: ясность 0,00002*).

- **информационное содержание** достаточно объемное – в него входит 32 когнитивных признака: доброе отношение к другим 0,11, соблюдение правил поведения, приличий 0,08, тактичность 0,08, уважительное отношение к окружающим 0,06, употребление вежливых слов 0,05, приветливость по отношению к окружающим 0,04, сдержанность в проявлении эмоций 0,03, внимание к окружающим 0,03, умение культурно общаться 0,01, предупредительное отношение 0,01, обходительность 0,01, противоположность грубости 0,006, отсутствие грубых слов 0,004, умение обходиться с дамами 0,003, терпимость по отношению к окружающим 0,002, отражает пунктуальность 0,002, является человеческим качеством 0,002, умение быть благодарным 0,001, умение жить без конфликтов 0,0006, не делать людям зла 0,0006, отсутствие нарушений норм общения 0,0003, характеризуется целеустремленностью 0,0003, отражает простоту 0,0003, характеризуется мягкотелостью 0,0003, отражает практичность 0,0003, отражает зависимость 0,00002, характеризуется замкнутостью 0,00002, отражает щедрость 0,00002, отражает неопытность 0,00002, отражает верность 0,00002 и др.

- **энциклопедическая зона** представлена 53 когнитивными признаками: бывает излишней 0,12, проявление хорошего

воспитания 0,08, характерна для людей определенной профессии 0,03, следствие общей культуры человека 0,02, является признаком порядочности 0,02, бывает холодной 0,02, отражает высокий уровень интеллектуального развития 0,01, проявляется в общении 0,01, бывает изысканной 0,01, проявляется в улыбке 0,01, проявляется в тоне 0,01, проявляется во взгляде 0,002, проявляется в приветствии 0,002, осознается как признак нравственности 0,006, предполагает умение понять 0,003, отражает интеллигентность 0,003, отражает скромность 0,003, может быть язвительной 0,003, зависит от материального вознаграждения 0,003, может быть фальшивой 0,003, может проявляться в разной степени 0,003, проявляется в общительности 0,003, предполагает аккуратность в одежде 0,002 и др.

- **интерпретационное поле** концепта невелико и включает в себя когнитивные признаки, которые распределяются по следующим зонам:

утилитарная зона – 5 когнитивных признаков: *облегчает жизнь человека 0,01, может осложнить человеку жизнь 0,002, может предвещать опасность 0,002, помогает в общении 0,00002, может быть использована для преступления 0,00002;*

общеоценочная зона – 4 когнитивных признака: *вызывает негативные эмоции 0,01, вызывает приятные эмоции 0,01, является хорошей чертой 0,006, оценивается негативно 0,0003;*

регулятивная зона – 4 когнитивных признака: *является необходимостью 0,003, необходима по отношению к нижестоящим 0,003, необходима по отношению к матери 0,002, является нормой 0,001;*

идентификационная зона – 1 когнитивный признак: имеет имя-эталон 0,0003 (*Анна Михайловна, кот Леопольд, Елена Викторовна, Гордон*).

Концепт *вежливость* преимущественно неоценочный – 68 когнитивных признаков неоценочны и всего 35 признаков оценочные. Следует отметить, что, хотя в концепте преобладают положительно-оценочные признаки, среди неодобрительно-оценочных когнитивных признаков ярко выделяется признак *бывает излишней* с достаточно высоким индексом яркости – 0,12, что делает негативную акцентуацию оценочного слоя заметной.

Всего в исследуемом концепте было выявлено 24 когнитивных классификатора:

Условие проявления качества – 10 когнитивных признаков

Носитель качества – 9 когнитивных признаков
 Моральный уровень – 9 когнитивных признаков
 Типичное поведение – 7 когнитивных признаков
 Отношение к окружающим – 6 когнитивных признаков
 Типичная речевая деятельность – 6 когнитивных признаков
 Утилитарность качества – 6 когнитивных признаков
 Характеристика манеры общения – 5 когнитивных признаков
 Среда функционирования – 5 когнитивных признаков
 Характеристика внешнего вида носителя качества – 5 когнитивных признаков
 Интенсивность проявления качества – 4 когнитивных признака
 Уровень бесконфликтности носителя качества – 4 когнитивных признака
 Необходимость для общества – 4 когнитивных признака
 Вызываемый образ – 4 когнитивных признака
 Отсутствие качества – 3 когнитивных признака
 Вызываемые эмоции – 3 когнитивных признака
 Общая оценка – 2 когнитивных признака
 Культурные навыки носителя качества – 2 когнитивных признака
 Степень проявления эмоций – 2 когнитивных признака
 Категориальная принадлежность – 2 когнитивных признака
 Объект демонстрации качества – 2 когнитивных признака
 Степень распространенности – 1 когнитивный признак
 Уровень интеллигентности носителя качества – 1 когнитивный признак
 Уровень интеллектуального развития носителя качества – 1 когнитивный признак.

Наиболее широко представлены в структуре концепта когнитивные классификаторы *условие проявления качества* – 10 когнитивных признаков, *носители качества* – 9 когнитивных признаков, *моральный уровень* – 9 когнитивных признаков.

Однако учет индекса яркости признаков, входящих в классификаторы, позволяет говорить о наибольшей яркости следующих классификаторов:

- отношение к окружающим – 6 когнитивных признаков (ИЯ 0,3);
- интенсивность проявления качества – 4 когнитивных признака (ИЯ 0,15);
- наличие культурных навыков носителя качества – 2 когнитивных признака (ИЯ 0,1);
- типичная речевая деятельность – 6 когнитивных признаков (ИЯ 0,06).

Полевая стратификация когнитивных признаков концепта *вежливость* имеет следующую структуру: ядро – 6 когнитивных признаков, ближняя периферия – 8 когнитивных признаков, дальняя периферия – 28 когнитивных признаков, крайняя периферия – 68 когнитивных признаков.

Таким образом, методика семантико-когнитивного анализа, основанная на описании содержания и структуры концепта через семантику языковых средств его объективации и последующем моделировании структуры и содержания концепта, показала свою эффективность при описании концепта *вежливость*.

номинативное поле концепта *вежливость* образуют 368 лексем и 66 фразеосочетаний, выделенных из словарей; зафиксировано 136 примеров объективации концепта в художественном тексте; выделено 868 ассоциатов, полученных методом субъективных дефиниций, 1976 ассоциатов, полученных методом направленного ассоциативного эксперимента, 524 ассоциата, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента.

Комбинация анализа лексикографических данных, результатов психолингвистических экспериментов и текстового анализа позволили с достаточной полнотой описать содержание и структуру концепта. При этом в результате когнитивной интерпретации лексикографических данных выявлено 15 когнитивных признаков концепта, в результате психолингвистических экспериментов – 89 когнитивных признаков, на материале художественной объективации – 40. Таким образом, наиболее эффективным приемом лингвокогнитивного анализа оказывается психолингвистический эксперимент.

Исследование показало, что концепт *вежливость* обладает объемной когнитивной структурой, образованной 104-мя когнитивными признаками, которые представлены 24-мя когнитивными классификаторами.

Наиболее яркими когнитивными признаками в структуре концепта *вежливость* являются: *бывает излишней* 0,12, *доброе отношение к другим* 0,11, *тактичность* 0,08, *соблюдение правил поведения, приличий* 0,08, *наличие хорошего воспитания* 0,08.

Макроструктура концепта *вежливость* имеет следующий вид:

- образный компонент незначителен по объему и представлен 4 когнитивными признаками;
- информационное содержание достаточно объемное – в него входит 32 когнитивных признаков;

энциклопедическая зона концепта обширна и разнообразна – 53 когнитивных признака;

- интерпретационное поле крайне невелико, в нем представлены всего четыре зоны: утилитарная зона – 5 когнитивных признаков, регулятивная зона – 4 когнитивных признака, оценочная зона – 4 когнитивных признака, идентификационная зона – 1 признак.

В концепте нет социально-культурной зоны, отражающей связь концепта с явлениями культуры народа; слабо представлена идентификационная зона, в которой представлен персонифицированный эталон, прототип вежливости – например, имена конкретных людей (*Анна Михайловна, Елена Викторовна, Гордон*) или литературных персонажей (*кот Леопольд*), выступающих в общественном сознании эталонными носителями вежливости. Отсутствуют мифологическая и символическая зоны.

То, что интерпретационное поле такое незначительное по составу и объему, свидетельствует о том, что русское сознание мало размышляет над данным концептом, ограничиваясь его объективной концептуализацией как совокупности признаков.

Концепт не содержит яркой регулятивной зоны, отражающей концептуализацию императивного характера вежливости в обществе – «надо, необходимо, обязательно (быть вежливым)», незначительна и утилитарная зона – польза от вежливости концептуализирована крайне слабо.

Концепт *вежливость* имеет достаточно яркое ядро, образуемое когнитивными признаками, имеющими высокие показатели по индексу яркости: *бывает излишней 0,12, доброе отношение к другим 0,11, тактичность 0,08, соблюдение правил поведения, приличий 0,08, наличие хорошего воспитания 0,08.*

Ближняя периферия включает девять когнитивных признаков.

Дальняя и крайняя периферия концепта весьма обширны и включают многочисленные когнитивные признаки (40 признаков – дальняя и 50 признаков – крайняя периферия); при этом соответствующие признаки обладают, однако, низкой яркостью и представляют собой в основном индивидуальные когнитивные признаки, выделенные испытуемыми. Таким образом, концепт *вежливость* имеет яркое, хорошо очерченное ядро, что свидетельствует о его высокой концептуальной сформированности, когнитивной устойчивости и достаточно высоком уровне единообразия в концептосферах носителей языка.

Большой объем информационного содержания и энциклопедической зоны концепта свидетельствует о преимущественно рациональной, неоценочной концептуализации вежливости русским когнитивным сознанием. Концепт *вежливость* преимущественно неоценочный – 68 признаков неоценочные и всего 35 признаков оценочные.

В оценочном слое концепта не выявляется яркой позитивной или негативной оценочной акцентуации – количество тех и других признаков примерно одинаково (20 и 15), но по совокупному индексу яркости позитивные признаки преобладают. Следует, однако, отметить относительную яркость негативного когнитивного признака *является излишней* – он актуализирован примерно в трети зафиксированных языковых объективаций концепта и имеет высокий индекс яркости – 0,12, что делает негативную акцентуацию оценочного слоя заметной.

Большое номинативное поле концепта свидетельствует о его коммуникативной релевантности, востребованности – данный концепт часто актуализируется в речи, его обсуждают в коммуникации. Однако при этом концептуализация вежливости сосредоточена в основном на дифференциальных признаках концепта и формах проявления вежливости, т.е. преимущественно на признаках, позволяющих установить наличие или отсутствие факта вежливости, оставляя в стороне активное отношение к вежливости как социальной необходимости – соответствующие признаки представлены в концепты в малом количестве и их яркость невелика, они все периферийны.

Для русского когнитивного сознания характерна своего рода «пассивная» концептуализация вежливости, предполагающая преимущественно ее дифференциально-содержательную трактовку, но оставляющая в стороне интерпретационный аспект концептуализации, осмысление вежливости как личностного, социального и цивилизационного императива.

Наиболее яркими когнитивными классификаторами концепта являются условие проявления качества, носитель качества и моральный уровень носителя качества; таким образом, концептуализация вежливости русским сознанием осуществляется в первую очередь как концептуализация внешних по отношению к концепту факторов, обеспечивающих существование и функционирование концепта; вежливость осознается прежде всего как явление, существование которого зависит от условий *и качества* конкретных людей – носителей вежливости.

Вежливость фактически не концептуализируется как личностная или социальная необходимость, в русском когнитивном сознании она выступает как определенная форма поведения людей, обусловленная их воспитанием, образованием, профессией и т.д., а не как социальный и личностный императив.

Литература

Зацепина Е.А. Русские лексемы *грубость* и *вежливость* в этимологических и толковых словарях / Е.А. Зацепина // Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып.9. – С.38-40.

Зацепина Е.А. Концепты *вежливость* и *грубость* в русском коммуникативном сознании / Е.А. Зацепина //Язык и национальное сознание. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып.3. – С.49-56.

Зацепина Е.А. Наблюдения над гендерной спецификой концептов *вежливость*, *грубость* в русском сознании / Е.А. Зацепина //Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2003. – Вып.10. – С.99-103.

Зацепина Е.А. Гендерные особенности концептов *вежливость*, *грубость* в русском сознании / Е.А. Зацепина //Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж: Истоки, 2003. – Вып.17. – С.65-70.

Зацепина Е.А. К изучению концепта *вежливость* / Е.А. Зацепина //Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж: Истоки, 2003. – Вып.17. – С.57-61.

Зацепина Е.А. Исследование концептов *вежливость*, *грубость* методом свободного ассоциативного эксперимента / Е.А. Зацепина //Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып.13. – С.50-52.

Зацепина Е.А. Концепт *вежливый* (экспериментальное исследование) / Е.А. Зацепина //Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып.14. – С.186-189.

Зацепина Е.А. Методика выявления когнитивных признаков концептов *вежливость*, *грубость* (на основе словарных данных) / Е.А. Зацепина //Русский язык в синхронном и диахроническом аспекте: Межвузовский сборник научных статей.– Борисоглебск, 2005. – С.167-174.

Зацепина Е.А. Вежливый человек – какой? / Е.А. Зацепина //Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов БГПИ – Борисоглебск — 2005. – С.102-103.

Зацепина Е.А. *Вежливость и обычай* по данным русской паремиологии / Е.А. Зацепина //Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2006. – Вып.16. – С.171-173.

Зацепина Е.А. Определение психологически реального значения слова (на примере лексем *вежливость* и *грубость*) / Е.А. Зацепина

//Язык и национальное сознание. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2006. – Вып.8. – С.44-48.

Зацепина Е.А. О построении номинативного поля концепта *вежливый* / Е.А. Зацепина //Язык и национальное сознание. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып.9. – С.92-96.

Зацепина Е.А. Когнитивные признаки концепта *вежливость* / Е.А. Зацепина // Культура общения и ее формирование. Научное издание. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып.18. – С.132-134.

Зацепина Е.А. Номинативное поле как объективация концепта / Е.А.Зацепина //Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». — 2007, № 1. — С.36-38.

Зацепина Е.А. Лексико-фразеологическая объективация концепта *вежливость* в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2007. 21 с.

**Л.В. Адонина
(Воронеж)**

ЖЕНЩИНА

Целью данной работы является моделирование лингвистическими средствами концепта «женщина».

В настоящей работе концепт трактуется как оязыковленная ментальная единица сознания (единица мышления и хранения информации в сознании), представляющая собой «квант структурированного знания» (Попова, Стернин 2001), репрезентирующий культурно-национальную ментальность его носителей и объективируемый в языке лексемами, свободными и устойчивыми словосочетаниями, который может быть исследован на материале, полученном в результате свободного ассоциативного эксперимента, сплошной выборки из фразеологизмов, пословиц, поговорок и художественных текстов. Для выявления специфики концепта рассматривается соотношение терминов *концепт*, *понятие*, *лексическое значение*.

Исследование концепта «женщина» включает несколько этапов:

1. Построение номинативного поля концепта, а также выявление дополнительных средств вербализации концепта на основе анализа фразеологизмов, афоризмов, паремий и художественных текстов, предполагающее максимально полное выявление средств его языковой объективации.

2. Описание макрокомпонентной структуры концепта: отнесение выявленных когнитивных признаков и когнитивных классификаторов к образному, информационно-понятийному компонентам и интерпретационному полю концепта.

3. Описание категориальной структуры концепта «женщина»: выявление когнитивных классификаторов, получаемых на основе обобщения отдельных когнитивных признаков.

4. Описание концепта «женщина» в виде полевой структуры, состоящей из ядерной зоны (центральной ядерной зоны и околоядерной зоны) и периферийной (дальней, ближней и крайней периферий) зон.

5. Выявление групповой специфики концепта: особенностей языковой объективации концепта в гендерном и возрастном аспектах.

Стимульным материалом для эксперимента послужил список из 15 слов, входящих в ядерную зону русского языкового сознания. При их отборе был использован частотный принцип (путем пересечения данных трех частотных словарей — РАС, Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева и слов, вошедших в список Г. Кента — А. Розанова). Близкие по смыслу слова-стимулы были разнесены в разные места исходного списка. Испытуемым объяснялась суть свободного ассоциативного эксперимента и ставилась задача: «Написать первую, пришедшую в голову, реакцию на предъявленное слово». Ответ заносился интервьюерами в анкету.

Обработка результатов эксперимента включала несколько этапов:

1. Составление общей словарной статьи ассоциатов на стимул «женщина» по убыванию их яркости: от более частотных к менее частотным;

2. Распределение слов-реакций на стимул «женщина» по группам в зависимости от пола респондентов;

3. Распределение слов-реакций на стимул «женщина» по шести группам в зависимости от возраста респондентов и их половой принадлежности.

Ассоциативное поле исследуемого слова в сознании носителей русского языка по завершению обработки полученных результатов приобрело следующий вид:

Женщина — 3000: мужчина **306**; красивая **304**; мать **266**; человек **165**; и мужчина **130**; слабый пол **124**; красота **104**; жена **76**; с ребенком **73**; любимая **51**; русская **46**; молодая **37**; в белом **31**; я **30**; деловая **29**; добрая **25**; жизнь, прекрасная **24**; любовь **22**; дом **20**; врач, девушка, дети, моя, шикарная **18**; воспитательная **17**; баба, доброта **16**; грех,

кухня, домохозяйка **15**; глупая **14**; женственная, которая поет, мать моих детей **12**; чужая **11**; беззащитная, великолепная, гордость, забота **10**; Диана, загадка, знакомая, красавица, одинокая, святое, умная, верность **9**; верная, всегда в работе, глава семьи, друг человека, змея, женственность, коллега, привлекательная, ребенок, это женщина, роскошная, хозяйка **8**; забота о детях, заботливая, знойная, ласковая, легкомысленная, леди, люблю, надежность, семья **7**; заботится о других, женская логика, любит, любящая, мама, слабая, стирка **6**; героиня, любовница, милая, мудрая, очаг, очаровательная, секс, слезы, стирает, убирает, хранительница очага **5**, без мужа, готовит, женщина в белом, мадам, Мадонна, молодость, учительница, хозяйственная, Она, преданность **4**; бальзаковского возраста, болтливая, в возрасте, элегантная, дама, лиса, очарование, понимание, порок, преданная, привлекательность, ревнует, родная, сильная, симпатичная, уборка, счастливая, темпераментная, тепло, учитель **3**; авоська, активная, в черном, воспитатель, вся в делах, гуляющая, деликатная, домработница, загадочная, замужем, замужняя, злая, идеальная, изящество, интересная, исключительная, карьеристка, коварная, кокетка, кокетство, косметика, кулинария, легко обидеть, львица, обаятельная, парикмахерская, плачет, плачущая, подруга, работающая, сексуальная, сестра, склочная, склочность, сноха, сплетни, сплетницы, стерва, странная, стройная, сука, сумка, супружница, счастье, тайна, тайны, тварь, терпеливая, супруга, убирает дом, ум, утонченность, хитрость, хорошая, хорошенькая, цветок **2дп**; чувствительная **2**; авантюристка, актриса, агентство ОБДС (одна баба другой сказала), Алла Пугачева, англичанка, аромат, Афродита, баба как баба, бабушка, бабым умом сильна, беременная, бесплатный секс каждую ночь, блондинка, богиня, бойкая, болтает лишнее, в голубом, в красном, в неглиже, в платке, вежливая, везучая, великолепие, Венера, веселая, вечное, вечность, взрослая, вино, вкалывает, вкусная, влюбленность, вне конкуренции, волос длинный, ум короткий, высокая, вязание, гадюка, гармония, голая, голубь, Горгона, горячая, грациозность, грудастая, грустная, гибкая, глаза, дева, дивная, директор, длинноногая, длинный язык, дочь, дура, дурочка, душа, Ева, Екатерина вторая, Елена Прекрасная, Елизавета, жаркая, желание нравиться, Дашкова, женщина, журнал «Работница», завистливая, загнанная, зарабатывает, зарабатывает больше мужиков, зарабатывает деньги, землетрясение, зло, золотка, золото, Зыкина, и власть, измена, изумительная, изюминка, интеллект, исчадие ада, их много, как картинка, капризная, картина, Клара Лучко, кокетливая, кольцо, коммуникабельность, коня на скаку остановит, копуша, королева, корректная, кошка, кошки, красивые глаза, красotka, крики, кукла, курица, ладная, ласка, лебедь, легкость, лицо, лицо женского пола, лифчик, логика, любит читать романы, любить, магазин, макияж, мастерица, материнство, медсестра, мечтательность, милашка, миленькая, миловидная, мир, мода, Монро, мудрость, мужская логика, мягкая, на всю жизнь, надежда, наряды, наслаждение, Наташа Ростова, начальник, невезучая, невестка, нежная, нежность, независимость, непостоянство, несчастная, нимфа, ноги, ноги от ушей, носить на руках, обаяние,

обидчивая, обманщица, обнаженная, обольстительница, особь женского пола, отечество, пашет как лошадь, песня, платок, платье, платья, плач, повар, повариха, подружка, покорность, покупает всякую дрянь, полная, помада, предупредительная, приличная, прическа, приятельница, проворная, упорство, продажная, проститутка, простота, противница, психолог, пунктуальность, работает, радость, разбитная, разведенка, разведенная, разговоры, ранимая, раскрасавица, распутная, растрата, рестораны, робкая, родина, роза, роскошь, русалка, с крутыми бедрами, самостоятельная, самоуверенность, свекровка, свекровь, свет, святая, секс-бомба, сердечность, сердце, сила, скандал, скромность, слабое сердце, слабость, смех, совет, сожительница, соперница, сорока, соседка, сплетница, спокойная, спортсменка, спутница жизни, статная, статуя, страдание, сумки, тактичная, Татьяна Ларина, терпение, теща, тигра, транжирки, трата денег, тратит деньги, трудолюбивая, трудолюбие, туфли на шпильках, 8 марта, уверенность, удача, удовлетворенная, удовольствие, уже не девушка, уже не девушка, но еще не старуха, украинский борщ, украшение мужчины, улыбка, умелая, ураган, уставшая, усталость, ухоженная, учтивая, уют, уют в доме, фея, фигура, француженка, французские духи, фригидная, Хакамада, хозяйственная сумка, холодная, хочу, хранительница домашнего очага, хрупкая, хрусталь, худая, целовать, честность, чувственность, чувствительная душа, чуткость, чья-то мать, шоколад, шьет, элегантность, это человек, но чуть-чуть похуже мужика, юбка, юная, цыпочка, юрист, я свою Наталию узнаю по талии, яблоко, язык без костей, яркая 1; 7 отказов.

Далее результаты ассоциативного эксперимента были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации – были сформулированы когнитивные признаки, объективируемые сходными по семантике ассоциатами. Например:

красивая 487 (красивая 304, красота 104, прекрасная 24, красавица 9, привлекательная 8, роскошная 8, привлекательность 3, симпатичная 3, интересная 2, цветок 2, хорошенькая 2, Афродита 1, богиня 1, Венера 1, Елена Прекрасная 1, изумительная 1, как картинка 1, картина 1, красotka 1, королева 1, кукла 1, нимфа 1, раскрасавица 1, роза 1, роскошь 1, русалка 1, статуя 1, украшение мужчины 1, фея 1);

противопоставлена мужскому полу 435 (мужчина 30, и мужчина 130);

выступает в роли матери 285 (мать 266, мать моих детей 12, мама 6, чья-то мать 1);

относится к женскому полу 167 (слабый пол 124, баба 16, это женщина 8, леди 7, мадам 4, дама 3, баба как баба 1, особь женского пола 1, лицо женского пола 1, человек женского пола 1, женщина 1);

является человеком 166 (человек 165, это человек, но чуть-чуть похуже мужика 1);

имеет детей 104 (с ребенком 73, дети 18, ребенок 8, героиня 5);

выступает женой 81 (жена 76, супруга 2, супружница 2, спутница жизни 1) и т.д. Всего — 198 когнитивных признаков.

Наиболее значимыми для русского языкового сознания оказались признаки *красивая, противопоставлена мужскому полу, выступает в роли матери, относится к женскому полу, является человеком, имеет детей, выступает женой, любимая, молодая, производит очень хорошее внешнее впечатление, восхитительная, добрая, привлекает цветом одежды, привлекает цветом одежды, заботливая, сохраняет домашний очаг, деловая, продолжательница жизни, верная, грешная, женственная*. Признаки концепта довольно многочисленны, что указывает на значимость концепта «женщина» для носителей русского языка.

Макрокомпонентная структура концепта включает образный (14%), информационно-понятийный (36%) компоненты, энциклопедическую зону (14%) и интерпретационное поле (36%).

Образный компонент в структуре концепта «женщина» неоднороден: он включает перцептивные образные признаки (92,8%), являющиеся доминирующими, и когнитивные образные (метафорические) признаки (7,2%). Перцептивные образы, возникающие на основе визуальных, акустических, вкусовых и тактильных ощущений, имеют различную представленность: 86,6% — визуальные образы, 2,7% — тактильные образы, 2,1% — звуковые образы, 0,9% — вкусовые образы, 0,4% — обонятельные образы.

Например, **визуальные образные признаки**, акцентирующие внимание на внешнем облике женщины, отражают внимание носителей русского языка к **женской одежде (8)** — юбка 1, лифчик 1, туфли (на шпильках 1), наряды 1, платье 1, платья 1, в платке 1, платок 1; ее **цвету (35)** — в белом 31, в черном 2, в голубом 1, в красном 1; ее **отсутствию (3)** — в neglige 1, голая 1, обнаженная 1. Особое внимание уделяется женской **фигуре (7)** — стройная 2, фигура 1, полная 1, статная 1, ладная 1, худая 1, отдельным частям женского тела: **ногам (3)** — ноги 1, ноги от ушей 1, длинноногая 1; **бедрам (1)** — с крутыми бедрами 1; **груди (1)** — грудастая 1 и т.д. **Тактильные образы (13)** в структуре концепта «женщина» немногочисленны, однако, в целом, они отражают устоявшиеся в обществе стереотипы типичного женского образа — ласковая 7, тепло 3, нежная 1, нежность 1, мягкая 1. В структуре образного компонента концепта «женщина» присутствуют **вкусовые образы (4)**: от утонченных — шоколад 1 и вино 1 до прозаического украинского борща 1. **Обонятельные образы (2)** — аромат 1, французские духи 1 и **звуковые образы (10)** — болтливая 1, сплетни 1, сплетницы 1, агентство ОБДС (одна баба другой сказала) 1, болтает лишнее 1, длинный язык 1, разговоры 1, язык без костей 1, крики 1, песня 1 — немногочисленны.

Когнитивные образы, основанные на метафорическом уподоблении, образом сближении включают: зооморфные образы — 6 %, фитоморфные — 0,9%, образы природных явлений — 0,4%.

Наиболее сложными в структуре концепта «женщина» являются **зооморфные образы (28)**, отражающие различные характеристики женщины: например, гордость, самостоятельность и независимость от мужчины – «**кошка**» (2) (*кошки 1, кошка 1*); царственность, агрессивность, своенравие и грациозность – «**львица**» (2), «**тигра**» (1), хитрость — «**лиса**» (2), изящество – «**лебедь**» (1). **Зооморфный образ «друг человека» («собака»)** (8), **орнитологический образ (3) – «курица» (1)** отражает древнее представление мужчин, отрицающих человеческую сущность женщины. Имеющиеся в обыденном сознании представления о болтливости женщины подчеркивает единичный когнитивный образ «**сорока**» (1). Яркую отрицательную окраску имеют **зооморфные образы пресмыкающихся (9) – «змея» (8), «гадюка» (1)**, характеризующие женщину как злобное, ядовитое и хладнокровное существо.

К **фитоморфным образам (4)** относятся образ «**цветка**» (3) – *цветок 2, роза 1* и образ «**яблока**» (1) — *яблоко 1*.

Устойчивыми образами для создания метафорических выражений в описании внутреннего мира человека являются архетипы, в частности архетип стихии. Женщина характеризуется как обладающая живым, пылким темпераментом. **Образы природных явлений (2) – «ураган» (1), «землетрясение» (1)** – подчеркивают непредсказуемость женского характера и его разрушительное воздействие.

Информационно-понятийный компонент концепта «женщина» включает минимальное число когнитивных признаков, определяющих наиболее существенные отличительные черты концептуализируемого понятия: 36,8% — «противопоставлена мужскому полу» (*мужчина 306, и мужчина 130*), 24% — «выступает в роли матери» (*мать 266, мать моих детей 12, мама 6, чья-то мать 1*) 14% — «относится к женскому полу» (*слабый пол 124, баба 16, это женщина 8, леди 7, мадам 4, дама 3, баба как баба 1, особь женского пола 1, лицо женского пола 1, человек женского пола 1, женщина 1*), 14% — «является человеком» (*человек 165, это человек, но чуть-чуть похуже мужика 1*), 8,8% — «наличие детей» (*с ребенком 73, дети 18, ребенок 8, героиня 5*), 2,2% — «продолжательница жизни» (*жизнь*

24, вечность 2 (вечное 1, вечность 1), 0,2% — «рожает детей» (материнство 1, беременная 1).

Энциклопедическая зона концепта «женщина» объединяет когнитивные признаки, содержащие информацию о возрасте («молодая» (61) – *молодая 37, девушка 18, молодость 4, юная 1, дева 1*; «зрелая» (9) – *в возрасте 3, бальзаковского возраста 3, уже не девушка, но еще не старуха 1, уже не девушка 1, взрослая 1*), семейном статусе («выступает женой» (81) – *жена 76, супруга 2, супружница 2, спутница жизни 1; «одинокая» (15) – одинокая 9, без мужа 4, разведенка 1, разведенная 1*; «является любовницей» (5) – *любовница 5; «замужняя» (4) – замужем 2, замужняя 2*; «является сожительницей» (1) – *сожительница 1*), профессиональной принадлежности («деловая» (29) – *деловая 29*; «является врачом» (18) – *врач 18*; «является учителем» (7) – *учительница 4, учитель 3* и т.д.); отношению к труду («трудолюбивая» (12) – *всегда в работе 8, вся в делах 2, трудолюбивая 1, трудолюбие 1; хозяйственная 4*; «работает с большим напряжением, долго и много» (4) — *работающая 2, вкалывает 1, пашет как лошадь 1*; «работает» (1) – *работает 1*); типичном характере деятельности женщины («готовит пищу» (7) – *готовит 4, кулинария 2, украинский борщ 1*; «занимается стиркой» (11) – *стирка 6, стирает 5*; «занимается уборкой» (10) – *убирает дом 5, уборка 3, убирает 2*; «рукодельница» (2) – *шьет 1, вязание 1; любит читать 1 (любит читать романы 1)*), о степени родства («является родной» (3) – *родная 3*; «является снохой» (3) – *сноха 2, невестка 1*; «является свекровью» (2) – *свекровка 1, свекровь 1*; «является сестрой» (2) – *сестра 2*; «является дочерью» (1) – *дочь 1*; «является тещей» (1) – *теща 1* и т.д.

В интерпретационном поле концепта «женщина» отчетливо вычлениваются следующие зоны: 84% — оценочная зона 7% — утилитарная зона, 5% — социально-культурная зона, 3,8% — мифологическая зона, 0,2% — регулятивная зона.

Самой объемной в интерпретационном поле концепта «женщина» является оценочная зона, объединяющая когнитивные признаки, выражающие общую, эстетическую, эмоциональную, интеллектуальную, морально-нравственную, социальную оценку.

Общую оценку представляют взаимоисключающие антонимичные признаки. Например: «добрая» (*добрая 25*) – «злая» (*злая 2*), «наличие силы» (*сильная 3*) – «отсутствие силы» (*слабая 6*), «умная» (*умная 9*) – «глупая» (*глупая 14*) и т.д.

При оценочной характеристике характера женщины, проявляющегося в особенностях ее взаимоотношений с окружающими в обыденном сознании актуализируются признаки «заботливая» (35), «загадочная» (16), «хорошая» (3).

Оценке подвергаются моральные качества женщины: «верная» (24) – *верная преданная* 3, «гордая» (10) – *гордость* 10, «надежная» (7) – *надежность* 7, «сдержанная в обнаружении своих достоинств, заслуг» (1) – *скромность* 1, «честная» (1) – *честность* 1. Отрицательную оценку получили следующие моральные качества: «безнравственная» (6) – *тварь* 2, *стерва* 2, *сука* 2, «распутная» (4) – *гулящая* 2, *распутная* 1, *измена* 1, *порочная* 2 (*продажная* 1, *проститутка* 1), «коварная» (2); ее социальное поведение: «бойкая» (2) – (*бойкая* 1, *разбитная* 1).

Утилитарная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта «женщина». Например, женщина «готовит пищу» (22), «занимается стиркой» (11), «занимается уборкой» (10), «носит сумки» (6), «создает уют» (2), «является предметом сексуального интереса для мужчины» (6), «объектом желания» (2), «доставляет блаженство» (2), «может быть советчиком» (1).

Социально-культурная зона содержит информацию о женщине как феномене культуры, о ее участии в социально-культурных процессах. Например, «является эстрадной певицей» (18) – *которая поет* 12 <*Алла Борисовна Пугачева*>, *Алла Пугачева* 1, *Зыкина* 1, *Мадонна* 4; «является историческим лицом» (12) – *Диана* 9, *Елизавета* 1, *Екатерина вторая* 1, *Дашкова* 1, *Хакамада* 1; «является актрисой» (2) – *Монро* 1, *Клара Лучко* 1; «является литературным персонажем» (2) – *Татьяна Ларина* 1, *Наташа Ростова* 1; «является библейским персонажем» (1) – *Ева* 1; «является мифологической героиней» (7) – *Афродита* 1, *Венера* 1, *Елена Прекрасная* 1, *нимфа* 1, *русалка* 1, *фея* 1, *Горгона* 1 и т.д.

Мифологическая зона содержит признаки, отражающие божественное и демоническое в женщине: «грешная» (18) – *грех* 15, *порок* 3; «божественная» (10) – *святое* 9, *святая* 1.

Регулятивная зона объединяет когнитивные признаки, предписывающие, как нужно обращаться с женщиной: *целовать* 1; *любить* 1; *носить на руках* 1.

Символическая зона концепта «женщина» включает в себя когнитивные признаки «является символом мира» (*голубь* 1, *мир* 1) и «является символом отечества» (*родина* 1, *отечество* 1).

Анализ и обобщение близких по содержанию когнитивных признаков в структуре концепта «женщина» позволил выявить

когнитивные классификаторы, отражающие направления концептуализации женщины когнитивным сознанием русского народа:

пол (636 – 21.3%) – *противопоставлена мужскому полу 435; относится к женскому полу 167; указание на лицо 34;*

производимое внешнее впечатление (574 – 19.2%) – *красивая 487; производит очень хорошее внешнее впечатление 50; женственная 20; милая 8; изящная 4; элегантная 4; обладает яркой внешностью 1;*

репродуктивная функция женщины (417 – 14%) — *выступает в роли матери 285; имеет детей 104; продолжательница жизни 26; рождает детей 2;*

принадлежность к человеческому роду (175 – 5.9%) – *является человеком 166; не является человеком 9;*

характер (149 – 5%) – *добрая 41; заботливая 35; загадочная 16; ласковая 10; отвратительная 9; душевная 7; тактичная 6; склочная 5; злая 4; понимает людей 4; ревнует 3; хорошая 3; идеальная 2; странная 2; завистливая 1; мягкая 1;*

семейный статус (106 – 3.5%) — *выступает женой 81; одинокая 15; является любовницей 5; замужняя 4; является сожительницей 1;*

предмет любви мужчины (85 – 2.8%) — *любимая 80; выражение любви 1; влюбленная 1; является объектом любви 1; на всю жизнь 1; ее носят на руках 1*

и т.д. Всего 43 когнитивных классификатора.

Итогом лингвокогнитивного описания концепта «женщина» является полевое моделирование его структуры:

Ядро

Центральная ядерная зона

красивая 487; противопоставлена мужскому полу 435; выступает в роли матери 285; относится к женскому полу 167; является человеком 166; имеет детей 104; выступает женой 81; любимая 80;

Околяядерная зона

молодая 61; производит очень хорошее внешнее впечатление 50; русская 46; добрая 41; привлекает цветом одежды 38; заботливая 35; указание на лицо 34; сохранение домашнего очага 31; деловая 29;

Ближняя периферия

продолжательница жизни 26; верная 24; приготовление пищи 22; грешная 20; женственная 20; умная 20; принадлежащая мне 18; является врачом 18; является эстрадной певицей 18; является домохозяйкой 17; глупая 17; загадочная 16; страстная 16; хозяйка 16; одинокая 15; говорит лишнее 13; является историческим лицом 12; любит 12; трудолюбивая 12; очаровательная 12; божественная 11; занимается стиркой 11; принадлежащая другим 11; беззащитная 10;

гордая 10; занимается уборкой 10; идентифицируется по степени знакомства 10; ласковая 10; плаксивая 10;

Дальняя периферия

зрелая 9; не является человеком 9; отвратительная 9; милая 8; привлекает одеждой 8; является коллегой 8; душевная 7; легкомысленная 7; надежная 7; нелогичная 7; слабая 7; является основой семьи 7; является учителем 7; безнравственная 6; носит сумки 6; стремится заинтересовать собой, понравиться 6; тактичная 6; является предметом сексуального интереса для мужчины 6; расточительная 5; склочная 5; счастливая 5; хитрая 5; является любовницей 5; замужняя 4; злая 4; изящная 4; легко обидеть 4; полная 4; пользуется косметикой 4; понимает людей 4; работает с большим напряжением, долго и много 4; распутная 4; сильная 4; умеет дружить 4; хозяйственная 4; элегантная 4; активная 3; много зарабатывает 3; независимая 3; привлекает наготой 3; привлекает ногами 3; нуждается в прическе 3; ревнует 3; стройная 3; терпеливая 3; утомленная 3; хищная 3; хорошая 3; хрупкая 3; является родной 3; является снохой 3; бесстрастная 2; бойкая 2; везение 2; делает карьеру 2; доставляет блаженство 2; идеальная 2; коварная 2; любит читать 2; мастерица 2; объект желаний 2; понимает красивое, прекрасное 2; порочная 2; привлекает глазами 2; привлекает запахом 2; приносит счастье 2; рожает детей 2; рукодельница 2; создает уют 2; соперничает за мужчин с другими женщинами 2; странная 2; уверенная в себе 2; является актрисой 2; является воспитателем 2; является литературным персонажем 2; является поваром 2; является свекровью 2; является сестрой 2; является символом мира 2; является символом отечества 2;

Крайняя периферия

авантюристка 1; актриса 1; англичанка 1; ассоциируется с развлечением 1; блондинка 1; веселая 1; взаимоотношение с государством 1; влюбленная 1; воздействие на мужчину 1; вселяет надежду 1; выражение любви 1; высокая 1; гибкая 1; говорит быстро, громко 1; грустная 1; ее носят на руках 1; ее поздравляют в женский праздник 1; завистливая 1; занимается политикой 1; имеет волевой характер 1; капризная 1; коммуникабельная 1; копуша 1; крикливая 1; любит сладкое 1; любит украшения 1; мечтательная 1; многочисленны 1; модница 1; может обладать мужской логикой 1; мягкая 1; на всю жизнь 1; начальник 1; непостоянная 1; несчастная 1; обладает своеобразной живостью, остротой в характере 1; обманщица 1; отождествляется с песней 1; покорная 1; привлекает бедрами 1; привлекает грудью 1; привлекает лицом 1; привлекает фигурой 1; приличная 1; приносит удачу 1; проворная 1; простая 1; пунктуальная 1; работает 1; решительная 1; робкая 1; с ней легко общаться 1; самостоятельная 1; сдержанная в обнаружении своих достоинств, заслуг 1; смешливая 1; спокойная 1; страдает 1; улыбчивая 1; француженка 1; ходит за покупками 1; честная 1; является бабушкой 1; является библейским персонажем 1; является

директором 1; является дочерью 1; является золовкой 1; является медсестрой 1; является объектом любви 1; является психологом 1; является сожительницей 1; является спортсменкой 1; является тещей 1; является юристом 1.

Концепт «женщина» представляет собой единое ментальное образование, существующее в когнитивном сознании различных гендерных и возрастных групп. В отдельных групповых концептосферах концепт «женщина» объективируется одними и теми же языковыми средствами, что обеспечивает стабильность и устойчивость концепта в когнитивном сознании.

Маркерами общего когнитивного сознания, иллюстрирующими сходство представлений о женщине лицами мужского и женского пола, являются когнитивные признаки: «активная», «беззащитная», «безнравственная», «везение», «верная», «выступает в роли матери», «выступает женой», «глупая», «говорит лишнее», «гордая», «делает карьеру», «деловая», «добрая», «душевная», «женственная», «заботливая», «загадочная» и т.д. Всего 78 когнитивных признаков.

Сравнительный анализ когнитивных признаков, принадлежащих мужскому и женскому языковому сознанию, показал следующее:

- мужчины в большей степени, чем женщины, обращают внимание на внешний вид представительниц слабого пола, ее фигуру;

- более важным показателем для женщин, чем для мужчин, является половая дифференциация, обусловленная не только биологическими, но и социокультурными факторами;

- женщины чаще номинируют положительные черты характера, мужчины — отрицательные;

- мужчины чаще, чем женщины, номинируют женщин по возрасту;

- мужчины ассоциируют представительниц слабого пола с Отчеством, женщины – миром;

- мужчины признают за женщинами лидерство в сферах образования и здравоохранения, для женщин более важен семейный статус – статус жены;

- мужчины более критичны в оценке женщин, их социального поведения, умственных способностей, морально-нравственных качеств, статуса женщины, общественного положения;

- женщины чаще оценивают представительниц слабого пола как работающих и трудолюбивых;

- мужчины акцентируют внимание на способности женщины доставлять удовольствие;

- мужчины чаще отмечают излишнюю разговорчивость женщин;
- мужчины чаще акцентируют внимание на темпераменте женщин;
- женщинам важно этническое самосознание;
- женщины чаще ассоциируют представительниц слабого пола с историческим лицом, эстрадной певицей, актрисой; мужчины – библейским персонажем, политиком;
- мужчины указывают на подчиненное положение женщины, ее второстепенную роль, а также отказывают ей в праве называться человеком; женщины, напротив, акцентируют внимание на признании особой роли женщины, ее значимости как личности, человека;
- женщины указывают на способность женщины самостоятельно содержать семью, зарабатывать деньги, на ее высокий материальный статус, мужчины указывают на неумение женщины распоряжаться денежными средствами.

Гендерные различия наблюдаются также в категориальной структуре концепта «женщина». Классификаторы мужского когнитивного сознания более разнообразны (24 – в мужском и 20 – в женском), они имеют различный объем, а, следовательно, и различную ранговую структуру.

По количественным показателям соотношение ядерной и периферийной зон концепта в мужском и женском сознании имеет существенные расхождения: ядерная зона концепта «женщина» является более насыщенной в женской концептосфере, чем в мужской, соответственно в мужской фокус-группе периферия имеет большую концентрацию, чем в женской. Малая репрезентативность в женской концептосфере периферийной зоны, большая концентрация ядерной зоны свидетельствуют о том, что концепт, существующий в женском сознании, обладает стандартизированными характеристиками. Большая репрезентативность в концепте «женщина» мужской концептосферы периферийной зоны свидетельствует о том, что концепт, существующий в мужском сознании, обладает индивидуализированными характеристиками.

В тоже время количественные и качественные расхождения в объеме центральной ядерной зоны концепта в мужской и женской концептосфере незначительны, что подтверждает стабильность и устойчивость концепта в когнитивном и языковом сознании русского народа, его значимость для когнитивного сознания в целом.

Концепт «женщина» в мужской концептосфере имеет возрастную динамику. Общими для всех возрастов мужчин являются 29 когнитивных признаков: «выступает в роли матери», «выступает женой», «глупая», «говорит лишнее», «грешная», «добрая», «загадочная», «красивая», «легкомысленная», «любимая», «молодая», «привлекает одеждой», «привлекает цветом одежды», «готовит пищу», «принадлежащая мне» и т.д.

Для младшей возрастной группы актуальными являются признаки «ассоциируется с развлечением», «безнравственная», «говорит быстро, громко», «душевная», «идентифицируется по степени знакомства», «непостоянная», «нуждается в прическе», «покорная» и т.д. Всего 25 когнитивных признаков.

Для средней — «англичанка», «беззащитная», «блондинка», «везение», «воздействие на мужчину», «выражение любви», «доставляет блаженство», «идеальная», «особенности фигуры», «интеллект» и т.д. Всего 27 когнитивных признаков.

Для старшей являются актуальными признаки «веселая», «влюбленность», «вселяет надежду», «высокая», «гордая», «делает карьеру», «душевная», «ее носят на руках», «ее поздравляют в женский праздник», «заботливая», «замужняя» и т.д. Всего выявлено 52 когнитивных признака.

Для младшей и средней характерны признаки «активная», «бесстрастная», «деловая», «женственная», «нелогичная», «объект желаний», «пользуется косметикой», «привлекает ногами», «принадлежащая другим», «ревнует», «счастливая», «указание на лицо», «является коллегой», «является учителем».

Для младшей и старшей — «божественная», «зрелая», «милая», «носит сумки», «привлекает запахом», «русская», «хозяйка», «является родной».

Для средней и старшей — «верная», «злая», «идентифицируется по социальным отношениям», «изящная», «любит», «надежная», «одинокая», «очаровательная», «работает с большим напряжением, долго и много», «распутная», «слабая», «создает уют», «стройная», «хрупкая», «является врачом», «является историческим лицом».

Подавляющее большинство когнитивных классификаторов в трех возрастных концептосферах является идентичным: «возраст», «интеллектуальные качества», «мифологический образ», «моральные качества», «национальная принадлежность», «отношение к внешности отношение к труду», «персональная идентификация», «пол», «предмет любви мужчины», «принадлежность», «принадлежность к человеческому роду», «производимое внешнее впечатление»,

«профессиональная принадлежность», «репродуктивная функция женщины», «семейный статус», «социальная идентификация», «темперамент», «типичные черты характера», «типичный характер деятельности», «функции», «характер», «характерная одежда», «характерное коммуникативное поведение», «характерное социальное поведение», «характерное эмоциональное состояние», «характерные запоминающиеся части тела, лица». Небольшие расхождения в объеме когнитивных признаков и когнитивных классификаторов подчеркивает то, что в основе ментальной единицы лежат стереотипы, определяющие набор основных признаков, характеризующих женщину.

С возрастом число признаков, характеризующих женщину, увеличивается, образ женщины в большей степени становится индивидуализированным: в младшей возрастной группе присутствуют классификаторы, являющиеся типичными для всех возрастных групп, в средней возрастной группе добавляются признаки «количество», «характер воздействия на окружающих», «цвет волос», «эстетический вкус», в старшей — «гастрономические предпочтения», «праздник», «рост», «символический смысл».

В младшей и средней возрастных группах мужчин эксплицируются когнитивные классификаторы «отношение к деньгам», «функция в отношении мужчины». В младшей и старшей возрастных группах — «статус, общественное положение», «типичный запах». В средней и старшей — «привлекает фигурой», «характерное физическое состояние».

Возрастные различия, наблюдаемые в категориальной структуре концепта «женщина», незначительны. Классификаторы когнитивного сознания с увеличением возрастного показателя становятся более разнообразны (15 – в младшей, 18 – средней и 20 – в старшей возрастной группах), однако они имеют достаточно близкие показатели, практически одинаковый объем, схожую ранговую структуру. Доминирование классификаторов «производимое внешнее впечатление», «пол», «репродуктивная функция женщины» подтверждает положение о том, что ядро концепта «женщина» является инвариантным, независимо от возраста языковой личности.

Концепт «женщина» в женской концептосфере также имеет возрастную динамику. Общими для всех возрастов женщин являются 27 когнитивных признаков: «верная», «выступает в роли матери», «выступает женой», «гордая», «деловая», «добрая», «заботливая», «занимается уборкой», «красивая», «молодая»,

«имеет детей», «одинокая» «относится к женскому полу», «привлекает цветом одежды», «готовит пищу» и т.п.

Маркерами когнитивного сознания младшей возрастной группы являются 25 когнитивных признаков, средней – 11, старшей – 28. Такая количественная разница свидетельствует о том, что концепт «женщина» имеет возрастную динамику. Женщины среднего возраста имеют в своем сознании основной набор базовых признаков концепта. Женщины младшего и старшего возраста эксплицируют большее число когнитивных признаков.

Только в младшей возрастной группе актуализируется признаки: «авантюристка», «беззащитная», «безнравственная», «гибкая», «грустная», «загадочная», «замужняя», «идеальная», «изящная», «коварная», «любит», «мечтательная», «независимая», «отвратительная», «пользуется косметикой», «понимает красивое, прекрасное», «работает», «свекровь», «сильная», «стремится заинтересовать собой, понравиться», «стройная», «тактичная», «хищная», «ходит за покупками», «элегантная».

В средней — «активная», «завистливая», «злая», «много зарабатывает», «может обладать мужской логикой», «начальник», «нелогичная», «несчастливая», «плаксивая», «с ней легко общаться», «является воспитателем».

В старшей – признаки «бабушка», «бойкая», «везение», «коммуникабельная», «легко обидеть», «любит украшения», «милая», «отождествляется с песней», «полная», «привлекает одеждой», «проворная», «работает с большим напряжением, долго и много», «распутная», «салон красоты», «свекровь», «сестра», «сноха», «странная», «счастливая», «терпеливая», «утомленная», «хитрая», «хозяйственная», «хорошая», «является учителем», «является актрисой», «является литературным персонажем», «является символом мира».

Общими для младшей и старшей возрастных групп являются 10 признаков – «глупая», «говорит лишнее», «ласковая», «мастерица», «носит сумки», «очаровательная», «склочная», «соперничает за мужчин с другими женщинами», «умеет дружить», «является коллегой». Общими для младшей и средней возрастных групп – 6 признаков: «делает карьеру», «женственная», «занимается стиркой», «любит читать романы», «рожает детей», «элегантная».

Общими для средней и старшей возрастных групп являются 4 признака – «душевная», «зрелая», «является историческим лицом», «является эстрадной певицей». Возрастные различия

наблюдаются также в категориальной структуре концепта «женщина». Классификаторы когнитивного сознания с увеличением возрастного показателя становятся более разнообразны (16 – в младшей, 17 – средней и 18 – в старшей возрастных группах), однако они имеют достаточно близкие показатели, практически одинаковый объем, близкую ранговую структуру.

Доминирование классификаторов «принадлежность к человеческому роду», «пол», «репродуктивная функция женщины» подтверждает положение о том, что ядро концепта «женщина» является инвариантным, независимо от возраста языковой личности. В концептосферах младшей, средней и старшей возрастных групп женщин концепт имеет единую полевую структуру. По количественным показателям соотношение ядерной и периферийной зоны концепта не имеет существенных расхождений: ядерная зона концепта «женщина» является более насыщенной, чем периферия. Количественные и качественные расхождения в объеме ядерной и периферийной зоны концепта в концептосферах младшей, средней и старшей возрастных групп женщин незначительны.

Литература

Садретдинова (Адонина) Л.В. К вопросу о половой детерминированности языковой личности / Л.В. Садретдинова // Молодежь и наука: проблемы и перспективы. Доклады 3 межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 13-24 апреля 1999 г. – Томск: ТГПУ, 1999. – С.152-153

Садретдинова (Адонина) Л.В. Роль языка в создании гендерной идентичности: педагогический аспект / Л.В. Садретдинова // Сборник трудов 6 межрегиональной научно-практической конференции «Научное творчество молодежи». – Томск: Твердыня, 2002. – С.111-113

Садретдинова (Адонина) Л.В. Русские ассоциативные поля в гендерном аспекте / Л.В. Садретдинова // Вестник АСФКемГУ (гуманитарные науки). Сборник статей. – Томск: Твердыня, 2002. – С.196-204

Садретдинова (Адонина) Л.В. Гендерный аспект социализации личности / Л.В. Садретдинова // Образование и социализация личности в современном обществе: Материалы республиканской научно-практической конференции. Красноярск, 30 ноября — 1 декабря 1999 года. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – С. 70-72

Садретдинова (Адонина) Л.В. Гендерные отличия в ассоциировании мужчин и женщин / Л.В. Садретдинова // Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции «Научное творчество молодежи». – Томск: Твердыня, 2003. – С. 117 — 121

Садретдинова (Адонина) Л.В. Ассоциативное поле как форма репрезентации концепта / Л.В. Садретдинова // Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции «Научное творчество молодежи». – Томск: Твердыня, 2003. – С. 128 — 130

Садретдинова (Адонина) Л.В. Структура обыденного и научного сознания: постановка проблемы / Л.В. Садретдинова, О.С. Адонина // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 7. – С. 10-20

Адонина Л. В. Ассоциативное поле *женщина* в русском языковом сознании: гендерный аспект / Л.В. Адонина // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 8. – С. 105-115

Адонина Л. Ассоциативное поле концепта *женщина* в языковом сознании: гендерный аспект / Л.В. Адонина // *Studia methodologica*. – Тернопіль: ТНПУ, 2006. – Вып. 17. – С. 104-110.

Адонина Л. Образный компонент концепта *женщина* / Л.В. Адонина // *Studia methodologica*. – Тернопіль: ТНПУ, 2006. – Вып. 18. — С. 65-71

Адонина Л. Методика концептуального анализа (на примере концепта «женщина») / Л.В. Адонина // *Ученые записки ТНУ. – Симферополь, 2007. – Т.20(59). – №1. – С. 272-283*

Адонина Л. Когнитивное направление в отечественном языкознании / Л.В. Адонина // *Studia methodologica*. – Тернопіль: ТНПУ, 2007. — Вып. 20. — С. 25-30

Адонина Л. Номинативное поле концепта *женщина* / Л.В. Адонина // *Горизонты образования. — Севастополь: ТНПУ, 2006. — Вып. 4. — С. 56-66*

Адонина Л. В.Фразеология как предмет когнитивного сознания / Л.В. Адонина // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – Вып. 1. – С. 5-9*

Адонина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

**Г.А. Гуняшова
(Кемерово)**

СЕМЬЯ

Данная работа посвящена описанию особенностей социального концепта FAMILIE – СЕМЬЯ в немецкой языковой картине мира на материале текстов нормативного словарного дискурса (далее – НД) и публицистического дискурса (далее – ПД).

В рамках данного исследования, выполненного на стыке концептуальной лингвистики и лингвокультурологии, сформулировано рабочее определение понятия «концепт»: это многомерная культурно значимая единица коллективного

знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Одним из самых перспективных направлений являются концептуальные исследования, проводимые на материале разных типов дискурса. Предполагается, что концепты, как элементы картины мира носителей языка, актуализируются в разных типах дискурса по-разному. Исследование концепта FAMILIE осуществляется на материале текстов двух типов институционального дискурса: НД и ПД. Под «дискурсом» в данном исследовании понимается деятельностное культурное пространство, содержащее этнокультурно окрашенную ценностную информацию (знания), материализуемую устно или письменно, вербально и невербально.

Методика исследования концепта FAMILIE в немецкой ЯКМ включает четыре аналитических уровня исследования (номинативный – понятийный – концептуальный – лингвокультурологический) и направлена на экспликацию характера концепта, его структуры, языковых средств и способов его объективации с привлечением лингвокультурологического уровня анализа, фиксирующего и объясняющего аксиологию концепта в немецкой культуре и ценностные варианты концепта в разных типах дискурса. Основные этапы исследования концепта следующие: 1) толкование социального характера концепта на основе анализа словарных дефиниций номинативной доминанты лексемы Familie, выделение семного инвентаря понятия «Familie»; 2) анализ номинативного инвентаря концепта методом выделения лексико-тематических групп его номинаций, позволяющих проследить тенденции изменения концепта в сознании представителей немецкого этноса на основе анализа новых номинаций в ПД; 3) установление содержания концепта на основе описания его внешней и внутренней структур в НД и ПД; 4) сопоставление структур и метафорических инвариантов концепта FAMILIE, актуализованных в текстах НД и ПД, выделение дискурсивных особенностей восприятия семьи в немецкой ЯКМ. Основу исследования концепта FAMILIE составил концептуальный анализ, который в рамках данной работы заключается в установлении и описании базисных смыслов, выраженных на уровне внешней и внутренней структур концепта.

Анализ словарных толкований номинативной доминанты концепта лексемы Familie и метод компонентного дефиниционного анализа позволил выделить семный инвентарь понятия «Familie» 'семья человека'. Выявлены два основных значения человеческой семьи: 1) *Lebensgemeinschaft von Eltern*

und Kindern, 2) Gruppe aller miteinander (bluts)verwandten Personen, Sippe (GWdS) и одно переносное: семьёй обозначаются различные социальные коллективы людей, совместно проживающие и/или работающие, занимающиеся одним делом. Понятию «Familie» в словарных статьях приписывают более широкий и более узкий смыслы. Общие семы в двух прямых значениях 'родство' и 'социальная группа' обнаруживают отношения «части – целого» (меронимия): «семья как общность родителей и детей» входит в совокупность всех родственников. С другой стороны, сема 'совместная жизнь' разделяет эти значения, хотя совместная жизнь родителей и детей может включать и других родственников, бездетный брак в немецкой ЯКМ также входит в понятие «Familie». Такая диффузность значений приводит к тому, что слова Familie и Verwandtschaft употребляются часто как синонимы: eine einheitliche Auffassung darüber, was man als „Familie“ bezeichnet, gibt es weder im Alltag noch in der Wissenschaft (SL 2000: 67). Аксиологический аспект понятия, зафиксированный в «Brockhaus Enzyklopedie», отражает социальный статус 'ядерной' (нуклеарной) семьи – Kernfamilie / Kleinfamilie (общность родителей и детей) – как универсального устройства, самого маленького социального единства общества, общественная ценность которого обусловлена основополагающими функциями производства и воспроизводства социальной жизни, социализации личности. Таким образом, субсемы понятия «Familie» – 'Gemeinschaft' и 'Zusammenleben' определяют социальный характер концепта FAMILIE, конституируемый коллективной сущностью семьи, проявляющейся в совместном проживании, совместной деятельности и в системе межличностных отношений членов семейной группы, а также ролью и функциями семьи в обществе.

Номинативный инвентарь понятия «Familie» представлен множеством немецких номинаций с разной грамматической, словообразовательной и семантической характеристикой. Особое свойство немецкого языка, отличающее его от других языков, связано с чрезвычайной продуктивностью в нём словосложения. Большое количество определительных сложных слов, образованных на основе номинативной доминанты концепта лексемы Familie, а также других синонимичных номинаций (композигов со вторым компонентом -gemeinschaft, -ehe, -haushalt), а также многообразие других разноструктурных языковых средств, объективирующих данный концепт, отражают его детальную «проработанность» в немецком языковом

сознании – как в количестве понятийных сфер, с которыми корреспондирует концепт FAMILIE, так и в многоаспектности концепта в немецкой ЯКМ. Принципы выборки НС из минитекстов двух типов дискурса различны: из ПД извлекаются для анализа только те НС, которые не зафиксированы в НД, что позволяет рассмотреть номинативный инвентарь концепта как динамический процесс, связанный с изменениями в немецкой культуре, новыми тенденциями в восприятии и осмыслении семьи в немецкой ЯКМ. Согласно номинируемой теме выделяются 19 соподчинённых или перекрещивающихся ЛТГ НС, объединённых в три блока. Количественная наполняемость блоков и ЛТГ НС позволила выявить релевантные аспекты семейной сферы для немецкого этноса.

Все НС в **Блоке I** объединены темой – группа людей (blutsverwandte / verwandte Gemeinschaft), связанная родством, происхождением. Данный блок составляет устойчивую константную часть концепта, принципиально новых номинаций в ПД не обнаружено. Блок составляют четыре ЛТГ:

ЛТГ1. Кровное/некровное (по браку/сожителству) родство: Vater, Mutter, Tochter, Sohn, Großeltern и пр.; Mann, Frau, Schwiegereltern, Tante, Onkel и пр.

ЛТГ2. Родственные сообщества: Verwandte, Familienangehörige, Familien-mitglieder, Anhang, Verwandtschaftskreis, Sippenverband, Sippe, Clan, Leute и пр.

ЛТГ3. Происхождение от одного предка: Geschlecht, Dynastie, Haus, Stamm, Vaterfamilie, Herkunftsfamilie и пр.

ЛТГ4. Исторический тип семьи: Gruppen-, Paarungsfamilie, Monogamie, vorindustrielle Familie, Großfamilie, Zweigenerationenfamilie, Kleinfamilie и пр.

В **Блоке II** объединяются НС, актуализующие смысл концепта FAMILIE как формы жизни родителей и детей. Гиперсема трансформируется в направлении 'совместное проживание в семье' (Familienzusammenleben). Это самый объёмный блок, здесь выделены 12 ЛТГ:

ЛТГ5. Ячейка общества: die Keimzelle der Gesellschaft, die Zelle eines Volkes, des Staates, die Primärgruppe, die Kernfamilie, Reproduktionsgemeinschaft.

ЛТГ6. Социальное происхождение: Arbeiterfamilie, Bürgerfamilie, Grafen-familie, Offiziersfamilie, Proletarierfamilie, adlige, bäuerliche Familie и пр.

ЛТГ7. Национальное происхождение: Neu-England-Familie, deutsche Fa-milie, internationale Großfamilie, multikulturelle Familie, binationale Paare и пр.

ЛТГ8. Религиозное происхождение: streng katholisches Haus, christliche Familie, moslemische Familie, streng katholisches Haus и пр.

ЛТГ9. Профессиональная деятельность: Diplomatenfamilie, Gelehrtenfamilie, Künstlerfamilie, Handwerkerfamilie, Familie eines Arztes и пр.

ЛТГ10. Общественный статус: ein respektables, ehrenwertes, anständiges Haus, ordentliche Familie, rechtschaffene Familie, Aufsteigerfamilie и пр.

ЛТГ11. Состав/размер семьи (наличие родителей/детей): unvollständige Familie, Einheitsfamilie, Ein-Eltern-Familie, Ein-Kind-Familie, Alleinerziehende, eine kinderreiche Familie, Familie ohne Kinder, Teilfamilie и пр.

ЛТГ12 Характеристика семейной пары. Группа состоит из четырёх подгрупп: **ЛТГ12₁.** Брак/сожительство: Gattenfamilie, Ehepaar, Verheiratete, Ehe, un-verheiratete Paare, Probeehe, Partnerschaft, familienähnliche Gemeinschaft и пр.

ЛТГ12₂. Однополые сожительства: gleichgeschlechtliche Lebensgemeinschaften, homosexuelle (lesbische, schwule) Paare mit und ohne Kinder, Regenbogenfamilie, Homoehe и пр.

ЛТГ12₃. Продолжительность семейного союза: ewiger Bund, Bund fürs Leben, Scheidungsfamilie, Zweitehe, Erstfamilie, transitorische Lebensphase, Teilzeitgemeinschaft, feste Beziehung и пр.

ЛТГ12₄. Характеристика взаимоотношений в паре: Liebespaar, eine harmonische, glückliche Familie, Neigungsehe, partnerschaftliche Paare, Vernunftehe, Team, Gewaltfamilie, Gefühlsgemeinschaft, Karriere-Paare и пр.

ЛТГ13. Хозяйственно-экономический союз: Haus, Hausgemeinschaft, Haushalt mit fünf Personen, Haushaltsgemeinschaft, Familienhaushalt, Haushalt mit Kindern, Arbeits- und Wirtschaftsgemeinschaft, die kleinste Haushaltsgruppe и пр.

ЛТГ14. Распределение социальных ролей в семье: Hausfrauenehe, Doppelverdiener-Familie (Paar), Familie des Hauptverdieners, Ernährer-Ehe, Familie mit Hausmann, Familie mit Tagesmutter, das „Hotel-Mama“ и пр.

ЛТГ15. Генетическая связь родителей и детей: Pflegefamilie, Adoptiv-Familie, Patchworkfamilie, Fortsetzungsfamilie, zusammengesetzte Familie и пр.

ЛТГ16. Количество поколений, проживающих вместе: Zweigenerationen-, 3-Generationen-Familie, vier Generationen unter einem Dach, Alt-Jung-WG и пр.

ЛТГ17. Традиция/отказ от традиции: traditionelle, klassische Familie, eine traditionelle Großfamilie, eheähnliches Zusammenleben, innovative Lebensformen, Vielfamilie; Wechselfamilie, „postfamiliale Familie“ и пр.

Блок III. Неродственные социальные группы (nicht verwandte soziale Gruppen): Heime, Wohngemeinschaften, Gastfamilie, Schulfamilie, Komunne, Genossenschaft, Clique, Freunde, Band и пр.

Появление большого количества новых номинаций нуклеарной семьи, не зафиксированных в словарной норме, таких как Neigungsfamilie, Teilzeit-gemeinschaft, transitorische Lebensphase, Fernbeziehung, Pendlerehe, Flickenteppich (-decke), Ehe auf Probe, Doppelverdiener-Familie, Familie mit Hausmann и др., отражает направления переосмысления, изменений в восприятии семьи в современном языковом сознании представителей немецкой лингвокультуры. Переосмысление идёт в направлении отказа от традиционных параметров, конституирующих семью многие столетия – брака, союза на всю жизнь, союза мужчины и женщины и их традиционных полосоциальных ролей в семье.

Этимологический анализ лексемы Familie показал, что слово Familie образовалось от лат. famulus (Diener ‘слуги’) и означало первоначально ‘Gesinde, Sklavenschaft’. В основе архаичного содержания значения слова лежало понятие «совместной работы, службы хозяину». Слово заимствуется многими европейскими языками для обозначения *всех относящихся к дому*, включая хозяев дома, детей, родителей и слуг – ‘die ganze Hausgenossenschaft’ (EWD), ‘häusliche Gemeinschaft’ (DW). И только с XVIII столетия объединяющим признаком семейной группы становится факт происхождения, этим словом обозначают людей, родственных друг другу, в смысле ‘Geschlecht’, ‘Sippe’. Почти одновременно оно стало означать ‘Eheleute und ihre Kinder’, появляется обозначение для этого нового типа семьи – *Kleinfamilie*, в противовес которому вскоре возникает номинация *Großfamilie* со значением ‘großer Familienverband’ (der aus Vertretern mehrerer Generationen besteht) (GWdS). В основу данных номинаций положен признак ‘размер’, что отражает этническое мировидение. Таким образом, в качестве основного значения в синхронии закрепилось более позднее значение, а в качестве переносного от него – перенос названия на неродственные человеческие сообщества – этимологически более древнее. Критериями объединения группы людей в семью были поочерёдно разные понятия: работа (служба) → дом (домашнее хозяйство) → кровное родство → совместная жизнь родителей и детей.

На основании анализа концепта на понятийном уровне реконструируется его внешняя структура. Внешнюю структуру составляют сегменты концептосферы, выделенные на основе гипер- и субсем понятия «Familie». Выделены два субконцепта, представляющие первый уровень иерархизации структуры концепта: FAMILIE / Gemeinschaftsform и FAMILIE / Zusammenleben. Субконцепты не распадаются, они взаимосвязаны и цементируются в единую концептосферу набором концептуальных признаков. Субконцепты разложимы далее на микроконцепты, представляющие второй уровень членения внешней структуры и выделяемые на основе видовых сем субконцептов. Субконцепт FAMILIE / Gemeinschaftsform разложим на три микроконцепта: FAMILIE / Kleinfamilie, FAMILIE / Verwandte и FAMILIE / nicht verwandte Sozialgruppen. Субконцепт FAMILIE / Zusammenleben актуализирует два микроконцепта: FAMILIE / Zusammenleben in der Familie и FAMILIE / Zusammenleben im Sozium.

Описание внешней структуры концепта на уровне микроконцептов отражает актуальность и значимость нуклеарной семьи (Kernfamilie/Kleinfamilie) в немецком языковом сознании, её общественную ценность, обусловленную рождением и воспитанием детей. Многообразие форм нуклеарной семьи оценивается обществом по степени приближения к идеалу – традиционной семье, которая становится точкой отчёта в сравнениях и дифференциациях других современных (альтернативных) форм жизни. Выделены и описаны девять форм современной немецкой нуклеарной семьи: 1) традиционная семья (klassische Vater-Mutter-Kind-Familie) 2) внебрачные сожительства (nichteheliche Lebens-gemeinschaften); 3) семьи с одним родителем (Alleinerziehende); 4) лоскутные семьи (Patchworkfamilie); 5) смешанные браки/сожительства (binationale Verbindungen); 6) приёмные семьи (Adoptiv-Familie); 7) бездетные пары (kinderlose Partnerschaften); 8) однополые союзы (gleichgeschlechtliche Lebensgemein-schaften); 9) одноличных семьи (Ein-Personen-Haushalt). Многообразная вербальная представленность моделей 2, 4, 5, 7, 8, 9 свидетельствует об их актуальности и распространённости в современной немецкой ЯКМ.

Микроконцепт FAMILIE / Zusammenleben in der Familie отражает способ существования различных форм семьи: систему отношений, совместное проживание, ведение хозяйства, обеспечение жизнедеятельности семьи, организацию быта, свободного времени и т.д. Мобильность и гибкость в

профессиональной деятельности в условиях глобализации переносится и на семейные отношения: *Immer mehr Paare müssen mit dem Modell Wochenendbeziehung leben* (Z., 2005, №41, 65). Развод сегодня обычное дело, не осуждается и не порицается в обществе. Многочисленные разводы и создание новых семей прерывают совместное проживание генетических родителей со своими детьми. Важным является то, продолжают ли социальные связи в ситуации после развода. Где социальные связи оборваны, там конец и родственности, несмотря на кровное родство. Семейные отношения сортируются заново, следуя законам выбора, личной привязанности: Sie (Familienverhältnisse) nehmen den Charakter von „*Wahlverwandtschaften*“ an (B, 49). Смысл семьи, родства для каждого человека определяется в немецкой ЯКМ на основе личностных предпочтений, человек, его сознание решает, кто и чт.е. для него семья: ... ist es egal, wer nun mit wem blutsverwand ist. Was zählt, sind *Liebe, Zuneigung und gegenseitiger Respekt* (Eff, 2005, №3, 82).

Исследование синтагматических связей номинаций концепта, его смысловой дистрибуции позволяют выявить группы признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации. Общие концептуальные признаки цементируют сегменты в единую концептосферу. Концепт FAMILIE описывается признаками живой и неживой природы, выделяются блоки и группы типологических признаков: биоморфные, предметные, признаки вещества и продукта, блок событийных признаков, признаки социального пространства, блок релятивных признаков. Анализируется количественная и качественная представленность признаков в разных типах дискурса.

Биоморфный код представлен вегетативными, зооморфными (анималистскими и орнитологическими) и антропоморфными признаками. Наряду с универсальными вегетативными признаками дерева, его корней и ветвей, как символов родословных связей, орнитологических признаков гнезда, птенцов, анималистских признаков 'упряжка вьючных животных', 'плодовитость кроликов' выделяются и этноспецифичные натурморфные метафоры. Родственность происхождения, одинаковое образование и воспитание в шутку сравнивается с выходом из одной конюшни: *die beiden kommen aus demselben Stall* (GWdS). Выражение 'eine Kröte/-n schlucken' букв. 'проглотить жабу' актуализирует признак сложных интерперсональных отношений в браке: *Über die Kunst, in der Ehe*

Kröten zu schlucken (Bergsträßer Anzeiger 25. 11. 69, Frauenseite) (GWdS). Этноспецифичен метафорический образ жестокой матери 'Rabennutter' (мать-ворон). По народным поверьям, эта птица бросает своё потомство на произвол судьбы. Особенно актуален этот образ в немецкой ЯКМ в отношении женщины в силу традиционно другого понимания роли матери в семье. Это слово часто мелькает в публицистике в связи с вопросами профессиональной занятости женщины-матери. Недоверие к уходу и воспитанию детей вне семьи (Fremdbetreuung) глубоко архетипично, эта установка культуры уходит корнями в реформацию, в идеи М. Лютера: Haben Sie sich schon einmal gefragt, warum es den Begriff der Rabennutter eigentlich nur in Deutschland gibt? (IP8).

Детальную объективацию получили антропоморфные признаки концепта. Антропоцентричность в восприятии концепта FAMILIE в немецкой ЯКМ проявляется в уподоблении семьи как малой социальной группы людей одному человеку, приписыванию семейной группе антропоморфных характеристик человеческого тела, социально-статусных характеристик члена общества. Гендерно маркированными характеристиками семьи являются признаки социального происхождения, профессиональной деятельности семьи, которые определяются по мужчине. Биоморфный код концепта FAMILIE в количественном соотношении более презентативен в НД. Признаки, которые в большем количестве представлены в ПД, являются отражением актуальных моментов осмысления семьи в данный момент развития общества и культуры. Это признаки: 'национальность' (актуальность межнациональных браков), 'сила/слабость', 'болезнь, самочувствие' (отражение актуальности проблематики межличностных взаимоотношений в семье и осмысления семьи как современной формы совместной жизни), 'мать – ворон' (проблемы работающих матерей). Их частотность свидетельствует об озабоченности общества по поводу данных аспектов семьи.

Признаки неживой природы объединяются в группы предметных признаков (самые частотные) и признаков вещества, продукта. Предметные признаки отражают представления немецкого этноса о групповом характере семьи через образ составного, делимого на части предмета. Объединение частей в единое целое (часто волею судьбы и случая) и составляет один из основных прагматических смыслов семьи для немецкого языкового сознания: Aus den vom Schicksal zusammengewürfelten Fragmenten hat sich ein neues Ganzes gebildet (Eff, 2005, №11, 17).

Признак 'составной предмет' актуализируют яркие образные этноспецифические метафоры: 'гарнитур', 'пазл', '(составная) подвижная конструкция': *Eltern-Kinder-Puzzle*; *Ich suche das passende Puzzleteil* (fam., 2006, 3, 112); *Die Familie Kempowski, ich will mal so sagen, die gehörte nicht gerade zur allerersten Garnitur* (Kempowski, Zeit 29) (GWdS); *Das Familienmobile geriet aus dem Gleichgewicht* (Eff, 2005, 11, 14). Частотная метафора 'механизм' в описании концепта отражает главную суть работы любого механизма: нормально функционировать/быть сломанным: *Die Familie war offenkundig nicht intakt* (Schneider, Krise 157) (GWdS); *Mach so weiter, und die Familie geht ganz kaputt!* (NP, 2006, №8, 50). Частотны имущественные признаки: *eine Familie haben*; *meine, deine, eigene Familie* (GWdS), признаки 'деформация / хрупкость / разрушение': *die Risse im traditionellen Modell der Familie* (B, 23); *Was Hildegard ... zu schaffen macht, das ist der ... unaufhaltsam gewordene Zerfall der Familie* (Schreiber, Krise 168) (GWdS). Количественный перевес предметных признаков в ПД обусловлен появлением новых концептуальных признаков, не выявленных в НД: признаки 'форма/модель/контуры', 'цвет', 'картина', 'сеть', 'подвижная конструкция', которые во многом являются элементами научного осмысления феномена семья, проникающими в ПД: *die Palette möglicher Familien- und Lebensformen immer breiter wird* (B-G, 67); *wechselnde Familienformen* (B-G, 98); *Soll man am traditionellen Bild der Familie festhalten?* (B-G, 16).

Блок событийных признаков отражает взгляды немецкого этноса на семью как на определённый, протекающий в пространстве и времени, этап в жизни человека, связанный с проживанием, сосуществованием с другими людьми. Семья концептуализируется, с одной стороны, как процесс, связанный с созданием семьи (*Familiengründung*), актуализирующий некий событийно-временной сценарий жизни человека: *Beruf, Heirat, das erste Kind, hießen früher die Stationen hin zur eigenen Familie* (Fl., 2003, №6, 3); с другой – как динамический процесс (*Familienleben führen*), связанный с протеканием совместной жизни членов семьи, актуализирующий признаки развития, циклов, этапов, фаз (начала, середины, завершения) семейной жизни: *Der Lebenszyklus einer Familie wird in folgenden Hauptphasen gesehen* (P, 88); *Zu Beginn der Ehe tritt ferner leicht Angst auf* (W, 37). Концепт актуализирует признак относительного времени, отражающийся в понятии «семейного времени» (*Familienzeit*), которое для представителей немецкого этноса несёт важные культурные смыслы – семья требует времени, совместно проводимое время

сплачивает её членов, это гарантия успешного функционирования семьи: Die Zauberformel für ein geglücktes Familienleben lautet: „Mehr Zeit“ (Eff, 2005, №1, 68). Признак времени в описании концепта отражает его социальный характер, фиксируют состояние межличностных отношений в той или иной семье: Es gab *Zeiten*, da fühlte ich mich zu Hause wie ein Fremder (St., 2005, №24, 89); Das Zusammenleben ist auf Dauer angelegt und gilt darum auch für „*schlechte Tage*“ (Ир11). Новые аспекты восприятия семьи в немецкой ЯКМ отражаются в переосмыслении признаков ‘длительность совместного проживания’, ‘брачный возраст’. Временной характер союзов – принцип „*Solange es gut geht*“, „*Bis auf weiteres*“ (B-G, 38) – становится определяющим признаком отношений между мужчиной и женщиной сегодня и вездесущий язык тут же предлагает вербальные средства их номинаций – семья как транзитная фаза в жизни человека, как *временная* общность людей, как процесс возобновляющийся: Familie wird zur *transitorischen Lebensphase*, ja zur *Teilzeitgemeinschaft* (B-G, 56); Wie viele gründen noch eine Familie, wie viele lassen es so bleiben, wie viele *gründen mehrere Familie nacheinander* (B-G, 34). Отмечается тенденция повышения реального брачного возраста и замедления, откладывания создания семьи: *Verzögerung der Familiengründung* (Ир10). Идеал бюргерской семьи, который предписывал женщине временную последовательность этапов – сначала семья, а потом работа: ein *zeitliches Nacheinander* von Familie und Beruf (P, 166), сегодня трансформируется в новую временную формулу организации семейной жизни: ein *zeitliches Nebeneinander* von Familie und Beruf (P, 165). Самый частотный образ для передачи несовместимости понятий «семья» и «работа», прежде всего, для женщины, связан в немецком языковом сознании с метафорой ‘шпагата’ (гимнастическая фигура): ... während dort, wo Beruf und Familie nur *im Spagat* unter einen Hut zu bekommen sind – in Spanien, Italien und Deutschland – der Nachwuchs fehlt (St., 2005, №27, 30).

Продолжающиеся после развода семейные связи между родителями и детьми актуализируют темпоральные признаки с точки зрения осмысления временных отрезков совместного/раздельного существования членов семьи: *Trennungstage* – дни, когда члены семьи проживают отдельно от семьи; *Papa-Tage*; *Mama-Wochenendtage* – дни, которые дети проводят вместе с папой или мамой; *Kindertag* – день общения разведённых родителей со своими детьми: Bis heute hat Helmut einen „*Kindertag*“ pro Woche und verbringt manches Wochenende mit

ihnen (Eff, 2005, №3, 79). Соответственно номинируются и члены разведённой семьи, обозначения актуализируют временной аспект: *Alltags-Elternteil*, *Wochenend-Elternteil*; *Wochenend*пара gegen *Alltagsmama* (Eff, 2005, №2, 44). Частотный признак 'будущее семьи' отражает озабоченность общества судьбами семьи как репродуктивной ячейки общества: *Im Zug in die Zukunft sitzen immer weniger Familien und immer weniger Kinder* (Sp., 2006, №10, 88).

Пространственная репрезентация концепта самая объёмная, как по содержанию, так и количественно. Концепт актуализируется, с одной стороны, как субъект, занимающий определённое место, пространство во внешнем мире, а, с другой, как некое вместилище, внутреннее концептуальное пространство которого и нахождение семьи во внешнем пространстве (социуме) структурируется целым рядом ориентационных оппозиций. Выделяются признаки социального пространства семьи, объективированные пространственными метафорами, и реляционные признаки, отражающие социальное взаимодействие внутри семьи.

Через ориентационные метафоры «верх-низ», «близко-далеко», «впереди-сзади», «рядом-около», «внутри-снаружи» осмысляются важные культурно значимые смыслы концепта, его социальный характер: кровное родство, степень родственной и духовной близости, социальные отношения в семейной группе, значимость концепта для немецкого этноса. Внутреннее пространство семьи конституируется социальным характером концепта, обуславливающим его восприятие как контаминацию трёх типов пространств: физического, метафизического и социального: *Alle diese genannten Elemente stellen einen Lebensraum dar, in dem Kinder aufwachsen und sich auf die vielfältigen Herausforderungen und Aufgaben des Lebens vorbereiten können* (IP11); *Niemand in der Familie besucht die Malklasse in der Volkshochschule* (Fischer, Wohnungen 62) (GWdS); *in der Familie herrscht wieder Frieden, Freude, Eierkuchen* (GWdS). Концепт FAMILIE актуализирует признаки закрытого, частного, 'своего' пространства: *Familie ist ein privater Raum, dem öffentlichen Blick und der öffentlichen Kontrolle entzogen* (Fl., 2003, №6, 40), функционирование которого определяется механизмом социального взаимодействия его членов, межличностных (субъект-субъектных) отношений и чувственно-эмоциональной сферой: *Sicher ist jede Ehe und insbesondere jede Familie erfüllt von Schwierigkeiten, Belastungen und Krisen* (W, 10). Этническое своеобразие восприятия супружеской неверности

концептуализируется через выход из 'своего' пространства в 'чужое': fremdgehen (букв. 'пойти к чужим'); einen Seitensprung machen (букв. 'сделать прыжок в сторону'), из семьи можно выйти как из вагона поезда: Ehe-Aussteiger (Фос., 2006, №1, 84).

Социальное пространство семьи репрезентируется через образы внешнего физического мира, которые аксиологически насыщены и несут оценку социальных аспектов семьи уже в самом имени пространственных реалий: глобальные образы мира: Jeder von uns trägt den Wunsch in sich, die Familie möge eine heile Welt sein (P, 13); религиозно-мистические пространства рая/Familienparadies и ада/Hölle: Wenn es aber schlecht geht, kann Familie auch zu einer bürgerlichen Hölle werden, die aus großer und zugleich unausweichlicher Nähe besteht (Fl., 2003, №6, 41); дьявольский круг/ Teufelskreis: Teufelskreise im Beziehungsalltag (B, 12); образы больших природных пространств: im Feld der privaten Beziehungen (B-G, 65); Die Landschaft des Familienlebens hat sich geöffnet... (B-G, 26). Самым устойчивым образом в концептуализации семьи является образ дома, универсальный символический эквивалент семьи. Дом как реальное физическое пространство, в котором обитает семья, на основе метонимического и метафорического переносов воспринимается и как социальное, и как метафизическое пространство. Образ дома попадает в контекст интерпретации семейных отношений и осмысливается как метафора, отражающая этническое мировидение: es ist Qualm in der Küche/Bude; Feuer unter dem Dach haben; mit jmdm. um/über sieben Ecken verwandt sein (GWdS). Благочестивое изречение на стене дома, которое по традиции этноса украшало жилище, переосмысливается наивным сознанием в метафору семейных отношений, брака: bei jmdm. hängt der Haussegen schief (scherzh.; in jmds. Familie, Ehe hat es Streit gegeben, u. es herrscht noch eine gereizte Stimmung) (GWdS).

Межличностные отношения в социальном пространстве семьи концептуализируются: 1) через признаки интерперсональных отношений членов семьи и 2) через чувственно-эмоциональную сферу, отражающую степень удовлетворённости/неудовлетворённости качеством социального взаимодействия в семье. Парадигму интерперсональных и чувственно-эмоциональных признаков, релевантных для успешного интерперсонального взаимодействия членов семьи и отражающих ценностные смыслы семьи для представителей немецкого этноса составляют признаки 'любовь', 'доверие', 'уважение', 'взаимопонимание', 'взаимопомощь', 'поддержка', 'верность', 'ответственность', 'сплочённость'.

В силу исторических, социально-экономических преобразований в обществе произошли изменения и переосмысление семейно-статусных ролей. Язык фиксирует эти изменения. Если в НД была обнаружена только одна номинация, актуализирующая признак социальных ролей в семье – Hausfrauenehe, то ПД отличает довольно большое количество НС, называющих источник содержания семьи, её функционирования, распределения социальных ролей в паре: Doppel-verdiener-Familie (Paar), Karriere-Paare, Familie des Hauptverdieners, Ernährer-Ehe, Familie mit Hausmann, Familie mit Tagesmutter, das „Hotel-Mama“. Утверждаются и новые образцы распределения власти и ответственности в семье – демократизм, партнёрство, равноправие в семейных союзах.

Семья для человека в немецкой ЯКМ обладает большой ценностью, является важнейшим ориентиром в его жизненных планах и регулятором его поведения: *die Sorge für ihre Familie macht ihr Leben aus; ganz seiner Familie/für seine Familie leben* (GWdS). Семья воспринимается как объект заботы и ответственности, моральный и нравственный долг человека: *Was die traditionelle Familie an Zusammenhalt bietet, folgt ... häufig aus Pflicht, unter dem Druck von Gewissen, moralischem Zwang, sozialer Erwartung* (B, 101). Положительная оценка семьи превалирует в сознании немецкого этноса, её значимость для человека в социальном аспекте актуализируется через признаки заботы, защиты, опоры, надёжности, уверенности, спасения от одиночества: *Familie! Menschen, auf die wir uns verlassen können. ... für über 80% der Deutschen ist sie das bedeutendste Gut, das sie sich für ihr Leben wünschen – wichtiger noch als Beruf, Freunde oder Hobbys* (FiL, 2004, №7, 23). Качество семьи для немца определяет его удовлетворённость жизнью в целом: *Ehe und Familie sind ein „Leitbild gelingenden Lebens“* (IP11). Негативное отношение к семье является, как правило, результатом нарушения межличностных отношений в семье. Отношение к родственникам человек членит по степени близости и участия в его жизни, дальние родственники осмысляются через негативные коннотации. Современные тенденции развития общества вызывают новые тенденции в восприятии семьи. Человек (особенно женщина) часто воспринимает семью как препятствие для профессиональной карьеры, самореализации личности, как потерю свободы: *Die junge Generation heute fragt sich, warum sie ihre Möglichkeit der Teilhabe an Freizeit, Mobilität und Konsum durch eine Familie mit Kindern einschränken sollte* (Fi., 2003, №6, 41). Индивидуализм как ведущая тенденция развития современного

общества в последние десятилетия всё больше проникает и в сферу семейных отношений и актуализируется через признаки страха, риска соединения в пару, сознательного отказа от детей: *Die Angst vor Bindung verhindert bei manchen, sich überhaupt in eine Paarbeziehung einzulassen (W, 9).*

В реляциях 'общество → семья' отражается значимость концепта FAMILIE как ключевой ценности немецкого этноса, актуализируются посессорные и объектные признаки концепта, отражающие заботу и заинтересованность общества в позитивном функционировании семьи. Понятие «Familienfreundlichkeit» (der Familie (als sozialer Gruppe) dienlich, ihr entgegenkommend, sie fördernd (GWdS)) сегодня становится своеобразной национальной идеей, которая должна вывести страну из той демографической ямы, куда она попала: Familienfreundlichkeit ist ein *zentraler Standfaktor der Zukunft* (IP16). Отмечается консолидация государственных, политических, экономических и общественных сил в оказании помощи и содействия семье.

Деятельностные метафоры отражают представления немецкого этноса о семье как о сложном динамическом процессе, основу которого составляют различные виды деятельности, концептуализируемые в терминах пути, созидания, войны, экономического предприятия, игры, театра, государственной деятельности, школы и эксперимента. Концептуальные метафоры репрезентируют культурно значимые смыслы семьи: создание и функционирование гармоничной семьи – итог напряжённой созидательной деятельности, работы, совместных усилий всех членов этой малой социальной группы, успех семьи в её сплочённости, умении организовать функционирование семьи во внутреннем и внешнем социуме. Для ПД метафоры 'семья – игра', 'семья – экономическое предприятие' самые частотные, они отражают, с одной стороны, новые современные тенденции осмысления семьи, с другой, являются отражением традиционных для немцев ценностей – любви и стремления к порядку, отрицания стихийности и неуправляемости процессов, стремления упорядочить, отрегулировать, проконтролировать (игра, как известно, предусматривает правила, предприятие – чёткую организацию).

Сопоставительный анализ актуализации концепта FAMILIE в НД и ПД на различных аналитических уровнях демонстрирует их сходство (понятийное содержание, внешняя структура, наличие одинаковых типологических признаков) и различия (количественная представленность отдельных признаков,

появление новых признаков в рамках выделенных блоков и групп признаков, что объясняется спецификой дискурсов, а также комплексом экстралингвистических факторов социально-экономического, политического и культурного развития общества, отражающихся в семантическом пространстве языка.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Концепт FAMILIE относится к базовым концептам общечеловеческой и этнической, в частности, немецкой культуры. Выявленные в ходе исследования аксиологические характеристики концепта конституируют его как ключевую ценность немецкого этноса. Ценность концепта просматривается на всех аналитических уровнях его исследования.

Номинативная доминанта концепта FAMILIE лексема die Familie заимствуется из латинского языка (XV, XVI вв.) большинством европейских языков как название для группы людей, родственных друг другу, как форма совместной жизнедеятельности людей, главной функцией которой является воспроизводство жизни, продолжение человеческого рода. Универсальность номинации в европейской культуре отражает общечеловеческую сущность семьи, конституирует аксиологическую значимость концепта. Анализ номинативного инвентаря концепта, количественная представленность которого (более 840 номинаций) свидетельствует о его высокой номинативной плотности, и языковых средств и способов его объективации позволил выявить универсальные и этнические особенности концепта FAMILIE. Этноспецифическое своеобразие восприятия семьи отражается в немецких номинациях Kleinfamilie, Großfamilie, Familienangehörige, Anhang, Freundschaft, Weib und Kind, mit Kind und Kegel, Firma, Netzwerk и др. Универсальное для многих культур отождествление концептов HAUS и FAMILIE в немецком культурном коде связано и с древнегерманским концептом HEIM и его символикой родного социума, «своего» защищённого места, родины.

Понятийный уровень концепта отражает его сложный и многоаспектный характер, являющийся сосредоточением и пересечением биологических, психологических и социальных факторов данного феномена. Социальный характер концепта обуславливает его ценность в силу экзистенциональной значимости для человека и общества социальных форм жизни, продолжающих человеческий род и обеспечивающих социализацию личности.

В результате проведенного концептуального анализа было установлено, что концепт FAMILIE обладает сложной концептуальной структурой (внешней и внутренней). Выявленные в ходе исследования способы концептуализации немецкой семьи (номинативный инвентарь, словообразование/словосложение, синонимия, метафоризация, смысловая категоризация) отчасти универсальны, отчасти этноспецифичны. Ядро концепта отражает его общечеловеческую универсальность как одну из форм социальной общности людей. Периферия концепта, включающая объёмную интерпретационную часть, содержащую оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным и индивидуальным сознанием, отражает национальную картину мира. В осмыслении концепта FAMILIE в качестве источников концептуализации выступают сам человек, мир живой и неживой природы, категории пространства и времени, виды деятельности человека. Большая часть признаков, формирующих структуру концепта FAMILIE, имеет в немецкой ЯКМ ярко выраженный социальный и оценочный характер, ориентирована на человека, его социальную сущность.

Один из способов концептуализации семьи в немецкой ЯКМ, репрезентирующий комплекс ценностных характеристик – выражение концепта посредством метафоры и метонимии. Метафора выявляет как универсальные, сложившиеся в силу единства человеческого феномена и частичного совпадения объективной действительности, характерные для всех языков особенности, так и сугубо национальные черты. Культурно значимыми смыслами семьи для немецкого языкового сознания являются социальные аспекты этого явления: родство, степень родственной и духовной близости, социальные отношения в семейной группе, её сплочённость, общность, взаимопомощь, атмосфера защищённости и эмоционального комфорта. Наряду с универсальными для многих европейских культур метафорами семьи, передающими эти важные смыслы – метафорами гнезда, дома, дерева, круга, тихой пристани, нити и др., выделены также образные этноспецифичные метафоры – ‘Fels in der Brandung’ (скала в прибое), ‘das Mobile’ (подвижная конструкция), ‘die Garnitur’ (гарнитур), ‘das Puzzle’ (пазл), ‘die Falle’ (западня), ‘die Rabenmutter’ (мать-ворон), ‘der Spagat’ (гимнастическая фигура), ‘Regenbogenfamilie’ (семья-радуга) и др.

Самыми частотными новыми концептуальными признаками, отражающими появление новых смыслов в восприятии семьи в немецком языковом сознании, являются признаки: ‘форма/модель’, ‘цвет’, ‘картина’, ‘хрупкость’, ‘подвижная

конструкция', 'поскутное одеяло', 'произведение искусств', 'растворимое вещество', 'возобновляющийся процесс', 'семейное время', 'будущее', 'изменения', 'страх', 'риск' и др. Своеобразие все перечисленных способов концептуализации, большинства актуализируемых признаков концепта проявляется в ярко выраженной социальной сущности концепта.

В целом семья в немецком языковом сознании сохраняет свой традиционный статус как место, где родные люди, спаянность, защищённость, дом, любовь, ответственность, доверие и помощь. Решающим фактором в стремлении к созданию семьи, её сохранению являются факторы социального порядка, а не кровного родства. На смену экономико-правовому союзу, обеспечивающему передачу наследства, и институционально-правовому союзу, как ячейке общества, приходит новая и самая актуальная модель – *das Paarsein (die Familie) zur Maximierung des persönlichen Glücks* 'семья для максимизации личного счастья'.

Полностью концепт FAMILIE не может быть описан из-за своей глобальности, многосоставности и активной транслируемости во все сферы общественного бытия, что определяет наличие перспектив его дальнейшего изучения.

Литература

Гунышова, Г.А. Особенности концептуализации мира СЕМЬИ в современной лингвокультуре / Г.А. Гунышова, Л.А. Шарикова // Вестник Кузбасского государственного технического университета: научно-технический журнал. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2006. – № 6 (57). – С. 176-178.

Гунышова, Г.А. Исследование концепта FAMILIE в немецкой языковой картине мира методом свободного ассоциативного эксперимента / Г.А. Гунышова // Концепт и культура: материалы II международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.). – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. – С.303-311.

Гунышова, Г.А. Биоморфные признаки социального концепта FAMILIE в немецкой языковой картине мира / Г.А. Гунышова // Язык и межкультурная коммуникация: материалы 3-й межвузовской научно-практической конференции, 26-27 апреля 2006 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – С.50-55.

Гунышова, Г.А. Анализ словарных дефиниций ключевого слова немецкого концепта FAMILIE / Г.А. Гунышова // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I международной научной конференции «Изменяющаяся Россия:

новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.). – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 656-663. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).

Гуляшова, Г.А. Пространственный культурный код немецкого концепта «СЕМЬЯ» / Г.А. Гуляшова // VII межрегиональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов. Доклады аспирантов и молодых учёных / НФИ КемГУ. – Новокузнецк, 2007. – Ч. 1. – С. 141-147.

Гуляшова, Г.А. Предметные признаки концепта FAMILIE / Г.А. Гуляшова // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы II (XXXIV) международной научно-практической конференции / Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: ООО «ИНТ», 2007. – Вып. 8. – Т.1. – С. 30-33.

Гуляшова, Г.А. Смысловая характеристика «семьи» в её наименованиях в немецком языке / Л.А. Шарикова, Г.А. Гуляшова // Тезисы докладов IV международной научной конференции «Язык, культура, общество» МИИЯ РАН (27-30 сентября 2007). – М., 2007. – С. 237.

Гуляшова Г.А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира (на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

**И.А.Калюжная
(Волгоград)**

ДЕТСТВО

Цель работы заключается в сопоставительной характеристике концепта «детство» в немецкой и русской лингвокультурах.

Детство является многомерным психосоциальным и культурным феноменом. Рассматривая детство с онтологических позиций, его можно квалифицировать как объективно неизбежный период человеческой жизни, как одну из стадий развития индивида.

В психологии детство понимается как этап онтогенетического развития индивида. Этот этап начинается с рождения ребенка и заканчивается его непосредственным включением во взрослую жизнь.

Детство состоит из таких этапов, как *раннее детство* (frühe Kindheit) и собственно *детство* (die Kindheit). Раннее детство включает в себя *младенчество* (Säuglingsalter) – от рождения до 1 года), *ранний возраст* (Kleinkindalter) – 1-3 года. Собственно *детство* подразделяется на *дошкольный возраст* (Vorschulalter oder Kindergartenalter) от 3 лет до 6-7 лет и младший школьный возраст (Schulalter oder Grundschulalter) (6-7 — 12-13 лет). Периоды человеческой жизни после 12–13 лет психологами относятся к стадии *отрочества* (späte Kindheit).

Периодизация детского развития отражена в номинациях детей. Наиболее опредмеченным оказывается такой этап детства, как младенчество. В сопоставляемых лингвокультурах мы выявили ряд номинаций для новорожденных детей и младенцев. В русском языке к ним относятся, например, следующие слова с признаком 'младенческий возраст': *младенец, новорожденный, грудничок, лялька, люлечник, зыбун (устар.), пеленашка (устар.), качельник (устар.)*; в немецком языке – такие номинации для младенцев, как напр., *das Baby, der Säugling, das Brustkind, der Wurm, das Wickelkind*. Большое количество номинаций для новорожденных и грудных детей свидетельствует о том, что в сознании русских и немцев младенческий возраст квалифицируется как очень важный и ответственный.

Такие этапы детского развития, как *ранний возраст (Kleinkindalter)* и дошкольный возраст (*Vorschulalter oder Kindergartenalter*), не столь детально концептуализированы в обоих языках. *Младший школьный возраст (Schulalter oder Grundschulalter)* отражен в школьных номинациях детей – *школьник, первоклассник, второгодник, der Schüler, der ABC-Schütze, der Sitzbleiber*.

В «наивных» представлениях людей детство характеризуется определенной социальной неполноценностью. В этом отношении оно сопряжено со старостью (ср.: *Старый, что малый*). Значимый признак для обеих возрастных категорий – неспособность к труду (или ограничение определенных трудовых обязательств, напр., выход на пенсию), причем неспособность к труду мотивируется не состоянием здоровья, а принадлежностью к конкретной возрастной категории, что представляет собой неотъемлемую составляющую социальной роли пожилых людей и детей.

Детство в наивной картине мира обоих народов ассоциируется, прежде всего, с невинностью. При адресации данной характеристики к взрослому человеку может появляться негативная оценка, когда невинность интерпретируется уже как *инфантилизм*. Детская наивность и простодушие в русской культуре пересекаются с понятиями нравственной чистоты и непорочности. В немецком социуме детская наивность коррелирует с ограниченностью мышления и оценивается негативно. В немецкой лингвокультуре, кроме того, культурно-маркированной оказывается такая составляющая концепта «детство», как скромность (*die Bescheidenheit*).

Психологические характеристики детства выражаются в наличии эталонной оценки «*по-детски*», которая проявляется как интеллектуальная оценка или оценка поведения взрослого человека. Наличие такого рода эталонных оценок определяется культурной традицией носителей языка и является общим достоянием членов языкового коллектива. Сопроводив оценку обобщающим модификатором, говорящий неявно сообщает и о том, что разделяет существующую в данной культурной традиции систему оценочных стереотипов или, как минимум, знаком с ней. Представители обеих культур осмысливают ребенка как существо, зависимое от взрослых: *Беспомощный как младенец! Er hängt immer noch an Mutters Schürze!*

Интерпретация детства в религиозно-философском контексте многоаспектна: к детям относятся как к Божьему дару и благословлению, как к награде и утешению в жизни. Ветхий Завет и Евангелие содержат в себе то представление о детях, которое в дальнейшем стало архетипическим в традициях христианской культуры. Для религиозного восприятия детства особой ценностью обладает нравственная чистота и невинность детских душ. Именно поэтому дети в евангельском понимании – это символ подлинных учеников и наследников Царства Небесного, «*им подобным принадлежит Царство Небесное*» (Мф 19.14).

Дети – это основная цель христианского брака. По отношению к родителям детей следует рассматривать как их плоды, выращивать которые им поручено самим Богом.

Еще один аспект рассмотрения детства в религиозном контексте связан с деторождением, понимаемым как один из путей спасения и обретения человеком вечной жизни. Библейское восприятие детства основано на определении ребенка как существа, еще не достигшего полноты развития, духовно незрелого, нуждающегося в опеке и наставлении. Дитя, в соответствии с его библейской трактовкой, существо, еще не достигшее полноты развития: *глупость привязалась к сердцу его (Притч 22.15), своеобразие – его закон (Мф. 11.16-19)*. Понятие детства в евангельской традиции метафорически переосмыслено: под детьми понимается вся паства, включая новообращенных христиан, а еще более обобщенно – весь человеческий род.

Более полное описание лингвокультурного концепта «детство» предполагает, по нашему мнению, его рассмотрение в диахронии культуры. В мифологических представлениях дети – посланцы другого мира. Суеверия – это неотъемлемая часть культуры любого этноса, они являются своего рода архаичными

нормативами, регламентирующими действия индивида в обществе. В социумах существует множество разного рода суеверий, примет и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей. Возможно, это объясняется тем, что, согласно народным представлениям, дети, как и старики, находятся в опасной близости от границы, разделяющей жизнь и смерть: они более беззащитны перед силами зла по сравнению с полными сил взрослыми, поэтому обращение с ними обставляется многочисленными предписаниями и запретами.

Суеверия, обряды и приметы, относящиеся к детям, концептуализируют разные области жизни людей, в частности ожидание и рождение ребенка, его крещение и имянаречение. В сопоставляемых культурах в этом отношении обнаруживается больше совпадающих характеристик, чем отличительных. Но есть, вместе с тем, и ряд различий. В обеих культурах есть суеверия, обряды и приметы, в которых речь идет о подмене ребенка нечистой силой (*дету-подменыши* в русской культуре, *Wechselbalg*, *Kielkropf* или *Wasserkind* – в немецкой культуре). Однако среди немецкоязычных примеров в количественном отношении преобладают суеверия, связанные с подменой ребенка. Различия наблюдаются также в обрядах, приметах, суевериях связанных с крещением младенцев, что обусловлено различными историко-культурологическими факторами.

Важность семантической составляющей «возраст» в структуре концепта «детство» обусловила необходимость анализа «наивных» знаний человека о возрасте. Языковая картина мира русских и немцев содержит знания о возрасте как о сложной параметрической величине, определяющей существование человека во времени, как о характеристике его физического, душевного и социального состояния. Календарный возраст, сказывающийся, прежде всего, на физическом состоянии человека, и возраст психический, интеллектуальный могут отличаться друг от друга – ср.: *Сам стар, а душа молода. Alt an Jahren, an Verstand ein Kind.*

Возраст человека является его фундаментальной антропологической характеристикой. Каждая современная цивилизация, каждая культура имеет о нем свое представление, не редко обладающее этнически обусловленной спецификой, что выражается в ее языке, символах и ритуалах. Так, в частности, сама периодизация человеческой жизни может не совпадать в разных культурах.

Знания о возрасте в немецкой и русской картинах мира содержат много универсальных характеристик. Этнокультурная

специфика в представлении знаний о возрасте в исследуемых лингвокультурах состоит в качественных и количественных различиях оценки разных возрастных периодов. Так, анализ «возрастной» лексики в немецком и русском языках показал, что в немецкой культуре большую ценностную значимость имеет пожилой возраст, что обусловлено социально-экономическими факторами, в частности общественной активностью престарелых, их хорошим материальным благополучием, состоянием здоровья в современной Германии и т.п.

Являясь сложным самостоятельным организмом, представляя собой неотъемлемую стадию развития каждого индивида, а значит, и общества в целом, детство выступает как особый обобщенный субъект многоплановых, разнохарактерных отношений. Как особое явление социального мира оно имеет свои определенные ценностные характеристики. Отношение к детству в обществе регулируется рядом социальных норм. В современном мире разные культуры репрезентируют свое понимание детства как этапа человеческой жизни. Сегодня имеет место тенденция интерпретировать детство как социальный конструкт (D. Bickler, G. Gloger-Tippelt). Эта точка зрения основана, прежде всего, на том факте, что каждая культурно-историческая эпоха имела свое представление о детстве, а значит, проблематично и само абсолютно точное определение временных рамок детства как социально-психологической категории.

Детство детально концептуализируется в немецкой и русской лингвокультурах. Отношение к нему находит выражение в семантике языковых единиц в виде понятийно-ценностного и образного признаков. Концепт «детство» представляет универсальную онтологическую и параметрическую характеристику человека в социуме. Основное содержание концепта «детство» в русском и немецком сознании сводится к следующим признакам: а) понятийную сторону этого концепта составляет комбинация признаков: «возраст», «период жизни», «ранний», «незрелый», «молодой». Ценностную сторону концепта «детство», как показал языковой материал, составляет преимущественно положительно-оценочное отношение русских и немцев к детству как периоду жизни человека: *Die Kindheit ist die Zeit der Freiheit und Entdeckungen. Детство – самое прекрасное время в жизни.*

Языковой материал позволяет заключить, что концепт «детство» входит в состав интегрирующего суперконцепта «человек». Суперконцепт – это наиболее объемная по значению

ментальная единица, состоящая из единиц более низкого порядка – макроконцептов и концептов (см.: Убийко 2004). Через эксплицитные и имплицитные компоненты он коррелирует со всеми сферами действительности, поскольку языковой образ человека глобален и многомерен.

Основные параметры суперконцепта «человек» связаны с его отношением к миру, что преломляется в концептах взаимодействия человека с внешней действительностью и в концептах внутреннего мира человека. Все эти параметры можно отнести и к концепту «ребенок». Выход на концепт «детство» может осуществляться путем апелляции к концепту «ребенок».

При анализе концепта «ребенок» в качестве базисной мы берем методику системного описания человека, предложенную Ю.Д. Апресяном (Апресян 1995), представляющую собой перечень признаков, существенных для характеристики человека. Реализация различных видов оценки в номинациях детей позволяет выделить в концептуальной сфере «ребенок» следующие тематические блоки: 1) ребенок как живое существо; 2) внутренний мир ребенка; 3) ребенок как социальное существо; 4) ребенок в системе социальных отношений.

Критерием для выбора лексем, репрезентирующих концепт «ребенок», служили стилистические пометы «*о реб.*», «*б.частью о детях*» и т.п. Рассматривая единицы номинации как знаки культурных концептов, мы выявляли национально-культурные особенности представления концепта «ребенок» в немецком и русском языках. Проведенный анализ показал, что признаки, положенные в основу номинации детей, являются общими для русской и немецкой лингвокультур. Различия касаются преимущественно количественного соотношения номинантов детей. Универсальными для сопоставляемых языков можно считать номинации детей на основе следующих признаков: 1. маленький по возрасту (*малолетка, der Purzel*); 2. маленький по росту (*кроха, der Stöpsel*); 3. подвижный (*егоза, das Quecksilber*); 4. часто плачущий (*пукля, das Quakelchen*); 5. любящий баловаться, шалить (*озорник, der Racker*).

Специфика описываемого концепта заключается в том, что в немецком языке было выявлено больше номинаций детей, возникших на основе оценки умственных способностей человека и отсутствия у него опыта (*das Dummchen, das Dummerchen, das Doofi; der Pimpf, der/das Kleindoofi – глупыш, несмышлениш, несмысля, дурачок*).

Обозначения детей на основе социального признака также более широко представлены в немецком языке, напр.,

Schlüsselkinder. Среди социальных обозначений детей для немецкой лингвокультуры релевантными оказываются следующие семантические признаки: 1) способ появления ребенка на свет: *ein Kind aus der Retorte* (ребенок из пробирки); *Samenbank-Kinder* (дети, появившиеся на свет в результате искусственного оплодотворения); 2) социальное поведение: *S-Bahn-Surfer* (ребенок или подросток, с риском для жизни виснувший на всем ходу на вагоне городской электрички или метро); *der Trebegänger, Treber* – берл. убежавший из дома, приюта, интерната, *der Buttje(r)* – уличный мальчишка.

В особую группу мы относим номинации детей, описывающие признак их принадлежности к социальным институтам: *октябренок, пионер, школьник, детсадовец, дошкольник*. В немецком языке также широко представлены данные номинанты детей: *das Kindergartenkind, das Schulkind, der Pennäler*. Все они характеризуют принадлежность ребенка к соответствующему социальному институту, а возраст описывается косвенно – через параметры самого института. Номинации детей, основанные на данном типе оценки, в сопоставляемых лингвокультурах представлены в количественном отношении примерно одинаково.

Одним из способов исследования образного компонента лингвокультурного концепта является анализ метафор, его опредметивших. Метафора – важнейшая номинативная техника, которой пользуется человек; она позволяет вербально оформлять те мыслительные конструкты человеческого сознания, которые трудно эксплицировать с помощью прямого обозначения. Концепт «детство» вербализуется преимущественно посредством антропоморфных, зооморфных (детство *убегает, ускользает, уносится прочь, geht weg*; подобно живому существу оно может спать: *die Kindheit schläft* или стучать в дверь: *klopft an die Tür*; с ним можно *расстаться*) и флористических метафор (*цветущее детство, die Blumen der Kindheit*). Продуктивность антропоморфной метафоры мы видим в ее антропоцентричном характере – сам выбор того или иного основания для нее связан со способностью человека соизмерять все новое (в том числе и трудно соизмеримое) по своему образу и подобию. Активное употребление зооморфных и флористических метафор мы объясняем богатым образно-коннотативным потенциалом номинаций животных и растений в немецкой и русской культурах. Среди немецкоязычных примеров, выражающих концепт «детство», по сравнению с русскоязычными, чаще встречается хроматическая метафора (напр., *graue Kindheit*).

Исследование концепта «детство» в диахронии показало, что семейно-родовые номинации детей в обоих языках появились раньше других номинаций. В IX–XI веках в немецком и русском языках начинают употребляться стилистически нейтральные наименования – «*das Kind*» и «*дитя*». Анализ показал, что немецкая лексема «*die Kindheit*» и, соответственно, русская лексема «*детство*», имеющие абстрактные значения, являются дериватами слов «*das Kind*» и «*дитя*». Появление слов, номинирующих реальные объекты, как правило, предвляло в языке появление слов, обозначающих некие абстракции. Специфика этих слов заключается в том, что лексема «*das Kind*» происходит от индогерманского корня, имеющего значение «то, что рождено», в то время как русская лексема «*дитя*» – от индоевропейского корня со значением «вскармливать грудью». Примерно в одно и то же время в сопоставляемых языках возникли слова, обозначающие незаконнорожденных детей (XIII – XV век). При рассмотрении слов, номинирующих эту категорию детей, в социумах наблюдается двойственность их оценки. Часто негативная оценка наименований незаконнорожденных детей заключена в их внутренней форме. Так, лексема «*Bankert*», появившаяся в немецком языке в XV веке в значении «*uneheliches Kind*», имеет первичное значение «*auf der Bank geboren – im Gegensatz zum im Ehebett*». Еще раньше, в XIII веке, для называния детей, рожденных вне брака, в немецком языке употреблялось слово «*Bastard*», заимствованное из французского и имевшее сначала значение «*anerkannter Sohn eines Adligen und einer nicht mit diesem verheirateten Frau oder einer verheirateten Frau niedrigeren Standes*». Позже это слово перешло и в русский язык, трансформировавшись в *бастрюк*, *бастрык* – «выродок, незаконнорожденный ребенок».

Номинации ребенка, рожденного вне брака, как правило, имели отрицательную коннотацию: «*Beikind*», «*Nebenkind*», «*Jungferkind*», «*Fallkind*», «*Hurkind*», «*Pfaffenkind*». В языковом осмыслении такой ребенок, так же как и приемный ребенок, позиционируется как *не-свой*, *чужой*: *armes Kindferner* или *halbes Kind*. При этом лишь в некоторых случаях преобладает позитивная оценка: *Liebkindlein*, *Hübschkind*.

Изучение языкового обозначения и выражения концепта «детство» показало его специфику в русском и немецком языках, выявило связь этого концепта с другими концептами двух лингвокультур. Для верификации этих данных мы провели эксперимент (анкетирование). Немецким и русским респондентам (по 50 разностатусных и разновозрастных участников с каждой

стороны) была предложена анкета, выявляющая ценностные установки немецкого и русского социумов в отношении к категории детства и к детям как членам общества. Цель анкетирования заключалась в установлении этнокультурной специфики ценностных ориентаций, связанных с определением категории детства, у представителей русской и немецкой лингвокультурных общностей.

Анализ результатов анкетирования показал, что детство в понимании немцев характеризуется большей продолжительностью (до 14–16 лет), тогда как русские информанты определили границу детства – 12 лет.

Для русских информантов воспоминания о детстве связаны, главным образом, с праздниками, с какими-то особенными событиями в их жизни, тогда как для немцев – с повседневной жизнью, с семьей и школой. Русское сознание ассоциативно связывает детство с *беззаботностью*; немецкое сознание в качестве ассоциативного признака выделяет *защищенность*.

Такая характеристика, как «вести себя по-детски», в русском обществе оценивается осуждающе, отрицательно, в то время как в немецком социуме оценивается скорее положительно.

Немцы не идеализируют детство, образ «идеального» ребенка, судя по данным анкетирования, не релевантен для них. В русском сознании присутствует эталонный образ ребенка, его внешность при этом оказывается значимой. В качестве этноспецифических для русского сознания можно отметить следующие признаки, характеризующие детей: *доброта* (45%), *искренность* (31%), *совестливость* (11%), *бескорыстность* (4%). Для немецкого сознания более релевантными являются следующие признаки: *Offenheit für Neues* (28%), *Lebenslust* (18%), *lernbegierig, wissbegierig* (30%).

Дети, как известно, являются высшей человеческой ценностью, поэтому существует целый корпус универсальных текстов, где сформулированы морально-этические и нравственные позиции членов общества по отношению к ним.

Во фразеологизмах обоих языков акцентируется отношение к детям с точки зрения моральных ценностных норм. Анализ фразеологизмов, актуализирующих концепт «детство», обнаружил как сходства, так и различия в понимании детства русскими и немцами. Так, приоритетной ценностью для немецкого сознания является семейное воспитание детей, получение ими образования. Мысль о том, что воспитание ребенок изначально получает в семье, для немецкого сознания более релевантна,

чем для русского: ср. *eine (gute) Kinderstube haben* означает «получить (хорошее) воспитание».

Культурологически значимыми для немцев являются суждения об интеллектуальном потенциале их детей. Многие немецкие устойчивые выражения (напр., *das ist nichts für kleine Kinder; das ist zum Kinderkriegen, so ein kluges Kind!*) демонстрируют иронично-снихождительное отношение взрослых к способностям детей и их возможностям. В русском же социуме большее внимание акцентируется на поведенческом аспекте детей – *вести себя как малый ребенок*.

В немецкой картине мира образ детства как начального периода жизни ассоциируется с детскими башмачками (*die Kinderschuhe*): *die Kinderschuhe abstreifen, aus den Kinderschuhen herauskommen*. В русской картине мира *пеленки* выступают как необходимый атрибут ухода за маленькими детьми и представляют собой образ для появления фразеологизмов: *вырасти из пеленок*. В сознании людей, носителей различных культур маленький ребенок обладает чистой душой и светлыми помыслами (ср.: *unschuldig sein wie ein neugeborenes Kind; быть невинным, как младенец*). Ребенок, особенно младенец – это идеал нравственной чистоты, средоточие самых лучших нравственно-этических качеств человека: *ein unbeschriebenes Blatt; чист как думя*.

Изучение устойчивых сравнений помогает выявить такие составляющие концепта, как образы и представления, что является крайне важным для лингвокультурологического исследования.

Анализ образов, заключенных в устойчивых сравнениях, показывает, что в роли объекта, с которым произведено сопоставление, выступают преимущественно образы отдельных объектов, такие как: представители животного мира (*как котята, wie die Kücken*), представители растительного мира (*как тепличное растение, wie die Blumen*), мифологические и исторические персонажи (*как чертенок, wie ein Posaunenengel, как Иисус*), детские игрушки (*как пупсик, wie eine Puppe*), продукты питания и их качества (*ребенок слаще меда, wie ein Pfannkuchen*), взрослый человек (*как старичок, wie die Eltern*).

В афористических высказываниях четко сформулированы морально-этические и нравственные позиции членов общества по отношению к детям. Отношение к детям, наиболее часто получающее ценностную характеристику в афоризмах, подвержено более всего разноаспектному рассмотрению их авторов.

Для того чтобы результаты исследования были более объективными, нами были отобраны изречения авторов, принадлежащих разным эпохам и разным социальным группам. Самое большое количество афоризмов, в которых вербализуется исследуемый концепт, выявляет специфику решения известной проблемы «отцов и детей» в границах семьи и лишь затем – в масштабах социума. Большой корпус афористических высказываний представляют собой назидания по поводу воспитания детей. Воспитание детей понимается как трудное и ответственное дело: *Проповедовать с амвона, увлекать с трибуны, учить с кафедры гораздо легче, чем воспитывать одного ребенка* (А.И. Герцен).

Дети должны получить от родителей не только знания о жизни, родители должны внушить детям уверенность в себе, воодушевлять и поддерживать их: *Zwei Dinge sollen Kinder von ihren Eltern bekommen: Wurzeln und Flügel* (J.W. Goethe).

В немецкой картине мира настоящее более релевантно для человека и, в частности, для ребенка, чем абстрактное будущее (его самого или другого человека): главное, чтобы ребенок чувствовал себя счастливым сегодня и сейчас: *Man darf um keinen Preis die Gegenwart der Kinder irgendeiner Zukunft opfern* (P. Schuhmacher).

Концепт «ребенок», рассматриваемый в философском аспекте, в немецких афоризмах по сравнению с русскими более репрезентирован. Связь исследуемого концепта с проблемами бытия, с вопросами вечности и божественной сути эксплицируется в значительном количестве немецких высказываний: напр., *Kleine Kinder sind das Lächeln Gottes* (M. Poisel).

В обеих лингвокультурах концепт «детство» обнаруживает пересечение с концептом «будущее» (11% в русском, 6% – в немецком). Эта связь эксплицируется в афоризмах разноаспектно: 1. Дети предстают как воплощение помыслов и намерений их родителей (в будущем): *Желание всех отцов — осуществить в своих сыновьях то, чего недостает им самим* (И. Гете); 2. Дети воспринимаются как будущие судьи, как люди, которые в скором времени подвергнут оценке дела своих родителей: *Дети – это завтрашние судьи наши* (М. Горький); 3. Дети – это олицетворение связи между будущим и настоящим: *Kinder sind nicht nur die Hoffnung auf Morgen, sondern auch die Freude im Heute* (D. Wieser); 4. Будущее родителей зависит от их детей: *Das süße Kind, jetzt dein Spielzeug, warte nur, balde bist du es ihm* (M. Hinrich).

Корпус пословиц русского и немецкого языков, объективирующих описываемый концепт, достаточно полно отражает специфику оценочных предпочтений, норм и стереотипов поведения в отношении к детству. Некоторые из них

являются универсальными для обеих культур. Так, например, сюда относятся высказывания со следующими ценностными установками: 1. Рождение и воспитание детей связано с трудностями и материальными затратами; 2. Хорошие дети – награда родителям; 3. Детей следует учить и воспитывать; 4. Материнская любовь очень важна для детей; 5. Родители – самое дорогое в жизни, родителей необходимо почитать; 6. Свой ребенок – самый лучший, каков бы он ни был. И в русском, и немецком языках есть высказывания о детях-сиротах. В обеих культурах высказывается сочувствие к их тяжелой участи: *Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет. Findelkinder, arme Kinder.*

В немецких и русских поговорках высказывается также мнение о том, что Бог покровительствует сиротам: *За сиротой сам бог с калитой. Ein Kind wird liebkost von seiner Mutter, eine Waise wird liebkost von Gott.*

Отношение к многодетности обычно оценивается положительно (*У кого детей много, тот не забыт от бога. Viel Kinder, viel Segen.*).

Анализ немецких и русских поговорок показал, что в обоих языках есть единицы, в которых объективируются ценностные установки, связанные с детьми и детством в целом. Моральные и утилитарные нормы, выраженные в поговороческих единицах внутри одной и той же культуры, как и в разных культурах, могут совпадать и диаметрально различаться по своим оценкам поведения ребенка. Культурные доминанты языка носят относительный характер и устанавливаются при сравнении культур по признаку количества ценностно-маркированных суждений. Отсутствие или незначительное число поговорок на определенную тему свидетельствует о ее неактуальности для ценностной картины мира того или иного народа.

Наибольшее число примеров эксплицирует социальные нормы во взаимоотношениях детей и родителей (42% в русском и 38% в немецком языке). В сопоставляемых социумах ребенок выступает, прежде всего, как объект воспитания, поэтому в нашей выборке значительная часть примеров представляет собой ценностные высказывания о методах и способах воспитания детей: *Was man in der Wiege lernt, das bleibt. Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станет, так не научишь.*

Культурологически значимыми для немецкого народа выступают изречения, содержащие мысль о том, что дети очень зависимы от семейного уклада и родители обязательно должны быть для них образцом для подражания: *Der Vater war ein*

Weltweiser, aus dem Sohn wurde ein besseres Weiser. Kinder achten mehr darauf, was Eltern tun, als was sie sagen.

В русском социуме физиологические характеристики ребенка признаются важнейшим показателем его полноценного развития (в особенности, вес ребенка и его внешность): *Родился сын, что белый сыр*. Негативную оценку получает излишняя худоба ребенка: с пометкой «неодобр.» в словарях даются устойчивые выражения, касающиеся худенького, тщедушного ребенка: *худой, тощий как ощипанный куренок; тощий, щуплый как котенок*. В немецком языке подобные примеры нами не выявлены.

Этнокультурная специфика паремиологических единиц проявляется в том, что русскими пословицами выражена идея целесообразности физического наказания детей как одного из способов их воспитания (*Кулаком да в спину – то и приголубье сыну. Розгой в могилу ребенка не вгонишь, а калачом не выманишь. Наказуй детей в юности, упокоят тя на старости*).

Национально специфичными являются и высказывания о плохих (неудачных) детях. Подобные суждения представлены преимущественно в русском языке: *В глупом сыне и отец не волен*. В немецкой культуре избегают квалифицировать детей как «плохих» или «неудачных», демонстрируя, вероятно, тем самым большую толерантность при их оценке. Для немецкого языкового сознания культурологически значимыми являются следующие ценностные установки: умные и хорошие дети не всегда вырастают хорошими людьми: *Wunderkinder werden selten Wundermenschen*. Кроме того, в немецкой культуре релевантна мысль о том, что родители дают детям больше, чем получают взамен (в том числе и в утилитарном аспекте): *Eine Mutter kann eher zehn Kinder ernähren als zehn Kinder eine Mutter*. Русское сознание воспринимает данное положение дел как очевидное и соответствующее норме.

При сравнении результатов анкетирования и содержания пословиц и поговорок можно отметить, что в понимании детства в диахронии и на современном этапе наблюдается ряд отличий. Так, в немецких прецедентных текстах есть суждения, которые эксплицируют мысль о том, что детей трудно понять (*Ihrer drei werden nicht verstehen: der Bettler, der Schuldner und das Kind*). Опрос немецкоязычных респондентов показал, что они оценивают современных детей как открытых для общения и понимания.

В корпусе паремиологических единиц русского языка нами выявлены такие универсальные высказывания, в которых дети выступают обузой для семьи и отношение к появлению нового ребенка скорее негативное, чем позитивное: *Ждал бедняк теленка, а Бог дал ребенка. Был бы коваль да ковалиха – будет и этого лиха*

(детей). Данная ценностная установка не является актуальной для современных носителей культуры. Участники анкетирования демонстрировали положительное отношение к детям, к появлению детей в семье, ребенок характеризуется как отдельная личность, имеющая свежий взгляд на мир, креативным способностям у которой взрослым есть чему поучиться. Осуждаются, согласно анкете, те дети, которые общению со сверстниками предпочитают телевизор и Интернет. Изменилась оценка интеллектуальных способностей детей: если раньше они оценивались невысоко: *Малый, что старый, а старый, что глупый*, то в современном обществе носителями обеих культур дети оцениваются как эрудированные, много знающие, разбирающиеся, например, в сложных вопросах техники.

Ценностные установки о том, что дети это – временные гости в семье (*Сын да дочь – домашние гости*), и о том, что лучше иметь сына, а не дочь (*Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям надобится. Wer Tochter hat, kriegt wohl Söhne*) в современном обществе претерпели изменения. Изменения в понимании феномена детства в сопоставляемых культурах могут объясняться сменой социально-экономических условий жизни людей. Многие ценностные установки, связанные с характеристиками детства, сегодня более не актуальны (например, такие как «дети всегда хотят есть» – *Kinder, Schweine und Hühner sind nie satt*). Релевантная ранее для русского сознания мысль о необходимости физических наказаний ребенка в современную эпоху детоцентризма спорна.

Таким образом, в ценностной картине мира феномен детства занимает значительное место. Характеристики отношения к детству находят отражение в различных проявлениях культуры народа, в том числе, и в языке на разных этапах его существования.

Детство – это антропоцентрически ориентированный тип концепта. Ярко выраженные антропоцентрические характеристики этого концепта обусловлены высоким индексом его социально-психологической релевантности для современных европейских культур, в частности немецкой и русской. Исследуемый концепт представляет собой сложное когнитивное образование, включающее в себя онтологические, параметрические и социально-психологические характеристики.

Рассмотрение трех составляющих концепта «детство» (понятийной, ценностной и образной) позволяет нам сделать следующее заключение.

Понятийный компонент концепта «детство» является универсальным для сопоставляемых лингвокультур. Различия касаются преимущественно образной и ценностной сторон данного концепта. Специфика концепта «детство» в немецкой и русской лингвокультурах выражается в большей или меньшей актуальности его определенных сторон, в степени проявления оценочного отношения, в специфике ассоциативных связей. Выявленные сходства и различия в характеристиках концепта «детство» в немецкой и русской лингвокультурах обусловлены, прежде всего, ходом культурно-исторического развития разных наций, социально-экономическими условиями их жизни.

Резюмируем.

1. Концепт «детство» представляет собой конкретизацию концепта «человек» по параметру «возраст» с выделением базовых этапов детства и типичных характеристик поведения ребенка.

2. Основное содержание концепта «детство» в русском и немецком сознании сводится к следующим признакам:

а) понятийную сторону этого концепта составляет комбинация признаков: «возраст», «период жизни», «ранний», «незрелый», «молодой»;

б) образную сторону данного концепта формируют устойчивые ассоциации детства с антропоморфизмами, зоонимами и флоронимами;

в) ценностную сторону этого концепта составляет преимущественно положительно-оценочное отношение русских и немцев к детству как периоду жизни человека.

3. Основные отличия в репрезентации концепта «детство» в сопоставляемых лингвокультурах заключаются в следующем:

а) в немецком социуме обязательным условием полноценного развития индивида считается семейное воспитание ребенка: родители должны быть примером для своих детей;

б) в русском социуме физиологические характеристики ребенка признаются важнейшим показателем его полноценного развития (в особенности, вес ребенка и его внешность);

в) в немецком социуме социальной нормой считается право ребенка на самовыражение, в то время как в русском обществе поведение ребенка ограничено более жесткими предписаниями;

г) в русском лингвокультурном сообществе детские и школьные годы активно ассоциированы прежде всего с понятиями праздника, посещения родственников и гастрономией (Новый год, мандарины, поездка в деревню к бабушке, мама, малиновое варенье); в немецком же языковом сознании

актуализированы преимущественно такие понятия, как «школа», «детская комната», «родители»;

д) в русском обществе важнейшим условием успешного воспитания ребенка признается материнская любовь; в немецком – участие в воспитании всей семьи;

е) русское сознание связывает детство с беззаботностью; немецкое сознание в качестве ассоциативного признака выделяет защищенность;

ж) носители немецкой лингвокультуры отмечают большую по времени продолжительность детства как начального этапа человеческой жизни по сравнению с носителями русской лингвокультуры;

з) для русского сознания важной характеристикой детей являются нравственные качества детей, в частности доброта; для немецкого сознания более существенными являются интеллектуальные показатели детей.

4. Ведущим средством выражения концепта «детство» служат метафорические номинации, в особенности такие их классы, как антропоморфная, зооморфная и флористическая. Высокая продуктивность и частотность употребления этих метафор при объективации рассматриваемого концепта объясняются социально-психологической значимостью поступков и активных действий самого человека, богатой образно-коннотативной системой зоонимов и флоронимов в немецком и русском языках.

Литература

Калюжная, И.А. Этимолого-культурологический анализ вербальных репрезентаций концепта «детство» в немецком и русском языках / И.А. Калюжная // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2006. – №5. – С. 27-31.

Калюжная, И.А. Концепт «ребенок» в пословицах немецкого и русского языков / И.А. Калюжная // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. – Тезисы докл. Междунар. науч. конф. – Волгоград, Колледж, 2004. – С.47-48.

Калюжная, И.А. Понятийная составляющая лингвокультурного концепта «ребенок» в русском языке / И.А. Калюжная // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. – Материалы 5-ой Всеросс. науч. конф. – М.; Пенза; Институт языкознания РАН; ПГПУ им. Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С.7-8.

Калюжная, И.А. Формирование концепта «ребенок» в немецкой и русской лингвокультурах / И.А. Калюжная // Антропологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, лингвистической гендерологии, лингвистики текста, семантики и стилистики. – Вып. 3: Сб. науч. тр. – Волгоград, Колледж, 2004. – С.25-28.

Калюжная, И.А. Изучение концепта «ребенок» в социокультурном аспекте / И.А. Калюжная // Антропологическая лингвистика. – Вып. 4: Сб. науч. тр. – Волгоград, Колледж, 2005. – С. 102-105.

Калюжная, И.А. Концепт «ребенок» в устойчивых сравнениях русского языка / И.А. Калюжная // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 32-36.

Калюжная, И.А. Актуализация ценностной составляющей концепта «ребенок» в языке / И.А. Калюжная // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. – Материалы междунар. науч. конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун.-та, 2006. – С.60-62.

Калюжная, И.А. Образная составляющая концепта «детство» в немецкой и русской лингвокультурах / И.А. Калюжная // Аксиологическая лингвистика: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград, Колледж, 2006. – С.55-59.

Калюжная, И.А. Актуализация концепта «ребенок» в русских и немецких фразеологизмах / И.А. Калюжная // X региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г.Волгоград, 8-11 ноября 2005 г.: тезисы докл. – Волгоград: «Перемена», 2006. – С. 220-222.

Калюжная, И.А. Концепт «ребенок» в афоризмах немецкого и русского языков / И.А. Калюжная // Антропологическая лингвистика. Вып. 5. Волгоград, Колледж 2006. – С. 126-130.

Калюжная, И.А. Возраст человека и способы его концептуализации в немецком и русском языках / И.А. Калюжная // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. I. Тамбов: ТОГУП "Тамбовполиграфиздат", 2006. – С.214-217.

Калюжная И.А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

**В.Б. Крячко
(Волгоград)**

ВОЙНА

Целью исследования является сопоставительная характеристика концептосферы «война» в английской и русской лингвокультурах.

Концепт, представляющий собой в философской интерпретации «чистое бытие, где нет ни времени, ни пространства» (Колесов 2002), входит в предметный мир и систематизируется в нем через понятийную компоненту. Через понятие как форму понимания концепт фиксирует всю парадигму семантических отношений. Инструментом понимания концепта является фрейм. Под фреймом понимается «обобщенная

структура данных представления стереотипных ситуаций, модель для измерения и описания знаний, хранящихся в памяти людей» (Карасик 2004). В отличие от А.П. Бабушкина, рассматривающего фрейм как тип концепта (наряду с мыслительными картинками, схемами, сценариями), мы вслед за И.А. Тарасовой, считаем, что «корректнее трактовать фрейм не как концепт, а как один из способов его ментальной репрезентации» (Тарасова 2003). Можно сказать, что фрейм представляет собой рамочные условия, необходимые и достаточные для объективации концепта.

Понятийные характеристики концепта «война» для русской и английской лингвокультур представляют собой парадигму семантических отношений, рассматриваемых в обиходном сознании и в сознании профессиональных военных. Целью такой интерпретации является построение фрейма войны и сопоставление семантических признаков по позициям слотов.

В настоящее время в русской лингвокультуре нет общепринятого, зафиксированного в словарях фрейма войны, что, возможно, объясняется продолжающимися спорами над определением термина 'война'. С целью понятийной корректировки фрейм войны необходимо выводить из словарных статей различных источников. Существует различное понимание войны с дифференцированным по социальным группам фреймированием. Мы солидарны с В.Д. Рябчуком, определяющим войну как 1) «ремесло для невежд», 2) «искусство для посредственных», 3) «науку для людей выдающихся» (Рябчук 2003), и стратифицируем фрейм войны в бытовом/обыденном, профессиональном и научно-профессиональном аспектах. Общее непрофессиональное понимание войны, зафиксированное во многих словарях русского языка, мы полагаем устаревшим и недостаточным. В ряде словарей русского языка война определяется достаточно обобщенно. Это «вооруженная борьба между государствами, народами, общественными классами» (Лопатин 1997); «Вооруженная борьба между государствами и общественными классами» (ТСРЯ 1935); «Организованная вооруженная борьба между государствами и общественными классами» (СРЯ 1981) (маркированный признак – сема 'вооружение').

Научно-профессиональное (интеллектуальное) представление войны мы считаем избыточным и нецелесообразным. Фрейм войны в интерпретации Дж. Лакоффа и М. Джонсона также неприемлем, т.к. он базируется на переносных значениях («война – спор»). Понимание войны как «искусства для посредственных»

представляется нам более релевантным для изучения языка профессиональных военных и для выявления новых смысловых приращений в лексеме 'война'.

Новые сущностные признаки словесного знака 'война' расширяют объем значений (денотат) и позволяют вывести следующие семантические характеристики: жестокая, захватническая, справедливая, священная – характер; участники, противник – воюющие стороны; причина, начало, ход, окончание – политика; убитые, раненые, пленные, жертвы – потери; победа/поражение – следствие (КСРЯ 2001). Дополнительные семантические характеристики: цель, вооруженные силы (армия, оружие), боевые действия, (ВЭС 2002; СФТ 2004).

Английский фрейм войны в эксплицитно дефинируется в толковых словарях:

1. *A contest between nations or states carried on by force, whether for defence, for revenging insults and redressing wrongs, for the extension of commerce, for the acquisition of territory, for obtaining and establishing the superiority and dominion of one over the other, or for any other purpose; armed conflict of sovereign powers; declared and open hostilities (WRUD).* – Тяжба между народами и государствами, осуществляемая с позиции силы, с целью защиты (обороны), реванша за нанесенные обиды, расширения торговли, приобретения территории, установления превосходства и владычества (власти) одного над другим или с другой целью; вооруженный конфликт независимых государств; объявленная и открытая враждебность (перевод наш). Данное определение эксплицирует ряд значений лексемы 'война' (war), которые мы вслед за В.В. Колесовым предлагаем понимать как общее, символическое и переносное (Колесов 2002). В общем значении, создающем «понятийную рамку», можно сказать, что война – это соперничество, имеющее определенную цель.

2. *A condition of belligerency to be maintained by physical force (WRUD) – Условие состояния войны поддерживается физической силой (перевод наш). С точки зрения физической силы термин 'война' имеет два значения, имеющих символический характер: 1) средства, вооружение – *Implements of war*; 2) живая сила, армия – *Forces, army*.*

3. *A state of opposition or contest; an act of opposition; an inimical contest, act or action; enmity (WRUD) – Состояние оппозиции или соперничества; акция противостояния; враждебный спор, поступок или акция; враждебность (перевод наш). Данные значения, трактуемые в самом широком контексте, определяют*

категорию переносных значений лексемы война (war), выходящих за пределы понятийной рамки в сторону образа.

По подобному принципу соотношения «ближайшего» и «дальнейшего» значений построены определения войны и в других словарях: *war* – 1) *armed fighting between nations* – вооруженное сражение (драка) между народами – *The two nations have been at war*; 2) *an example or period of this* – состояние войны – *the American War of Independence*; 3) *a struggle between opposing forces or for a particular purpose* (LDCE) – борьба между противостоящими силами или для достижения определенной цели – *the war against disease*. Общее значение наводится лексемами *armed* (вооруженный) и *fighting* (сражение). Webster's School Dictionary фиксирует в обиходном сознании подобное понимание войны. *War* – 1) *a state or period of armed hostile conflict between states or nations* – состояние вооруженного враждебного конфликта между государствами и народами; 2) *a state of hostility, conflict, or antagonism* – состояние враждебности, конфликта или противоборства; 3) *a struggle between opposing forces or for a particular end (a war against disease)* (WSD) – борьба между противостоящими силами или за определенную цель (перевод наш). Общее значение в данном случае маркируется лексемами *armed* и *conflict*. В целом, ключевыми словами, формирующими понятийную рамку войны, являются: *purpose, character, enemies, Implements of war (arms), forces (army), preparation, battle, combat, fight(ing), offence, defence, victory/defeat*.

Обыденные представления о войне в сознании профессионального военного коррелируют в основном с ядром концепта – боем. В данной постановке проблема раскрывается с точки зрения «внутривидовой агрессивности / агрессии», которая по Э. Фромму делится на «доброкачественную» (справедливая война) и «злокачественную» (несправедливая война) (Фромм 1998), что актуализирует биологическую оппозицию «свой – чужой» как фактор сохранения социума, группы, корпорации, вида.

Обобщенная понятийная структура (фрейм) войны в уточненном виде представляет собой понятийную рамку, где в качестве слотов выступают гиперонимы-символы: цель (победа), подготовка сил и средств (армия, оружие), характер войны, военная акция (бой), следствие (победа-поражение). С учетом вышесказанного предлагается следующее определение войны. Война – это спланированная военная акция с использованием специально подготовленных сил и средств для достижения определенных целей,

имеющая деструктивные последствия.

Важным моментом с точки зрения образной составляющей является анализ сочетаемости слов с лексемой «война». В рамках нашего исследования интерес для нас представляют лексические, стилистические и семантические ограничения.

Контекстуальные характеристики рассматриваемого концепта в русской и английской художественной прозе не имеют существенных расхождений, представляя инвариант образной модели с вариантом сквозных сем, расширяющих смысловой ряд в сторону этнокультурного своеобразия. Образные характеристики войны выражаются тем полнее, чем дистанцированнее по отношению к ней находится субъект. Чем более вовлечен субъект в войну как реальность, как бой, тем менее эксплицитны ее описания: *People at a distance thought of the fighting as heroic and exciting in terms of cheering bayonet charges* (Aldington 1958) – *Издали людям кажется, будто сражение – это что-то героическое, волнующее: лихая штыковая атака.*

Бой как эпицентр войны вербализован эмотивной лексикой с ярко выраженной семой отрицательной оценки: *мясокомбинат, скотобойня. Говядина, свинина, человечина* (Крячко 2001); *мясорубка* (Некрасов 1991); *a shambles, the carnage* (Hemingway 1969) – настоящая бойня, резня. Резко снижается уровень нормативности используемой лексики, что можно рассматривать как показатель агрессивности. Значительную трудность вызывает построение четкого образа боя языковыми средствами. Очевидно, что концепт «бой» находится в области нечетких представлений, переживается личностью и на основании опыта воссоздается в образе. *Отдельные вскрики, глухие удары, выстрелы, матерщина...Что-то мягкое, теплое, липкое... Ночной бой. Самый сложный вид боя... Конца боя не видишь, его чувствуешь...Нельзя описать бой или рассказать о нем* (Некрасов 1971).

В качестве фактора сходства в понимании образных характеристик концепта «война» в русской и английской лингвокультурах отмечаем следующее: 1) концепт «война» является многоуровневой, разветвленной системой, имеющей в основе слотовый характер («бой», «оружие», «армия», «победа»); 2) каждый из слотов представляет собой микроконцепт со своей полевой структурой. В целом семантическая представленность образа войны в русской и английской синтагматике не имеет больших расхождений (война – акция, процесс, масштаб, пространство и время, враждебность).

В качестве фактора различия установлено следующее: 1) английскую образную модель отличают семы 'политика',

'деньги', 'развлечение/спорт', 'механизм', которые не являются сквозными: *War Bonds* – военный заем; *naval wars for commercial advantages* – морские войны за торговые пути; *wars – the sport of kings, eighteen century diversion of aristocracy* – в 18 веке война – спорт королей, развлечение аристократии (Aldington 1958); для русской образности сема 'деньги' актуальна на уровне слотов «оружие-армия» *стоимость танка, самолета, ракеты* (Крячко 2000); 2) русскую образную модель «война» отличает наличие сквозной семы 'жертва' ('жертвенность'): *не бывает войны без жертв* (Некрасов 1971); *воинский подвиг* (Крячко 2001) и большая повторяемость семы 'пассионарность' (в позициях «война», «бой», «армия»): *на войну пошел; азарт боя; Добровольческая армия* (там же); 3) большая семантическая нагруженность русской семемы «бой»: семы 'честь', 'риск', 'судьба/случай', 'сноровка', 'опыт', 'искусство', 'наука'. Для английского понимания боя характерны семы 'сопротивление', 'управление' и 'работа'.

Среди средств образной номинации концепта «война» в художественном дискурсе сопоставляемых лингвокультур качественных различий не выявлено. В количественном отношении зафиксировано определенное несовпадение, что позволяет установить те или иные метафоры как более или менее актуальные. Так, в английском художественном дискурсе наиболее актуальными являются: 1) социометафора – 16%, 2) сциентометафора – 12%, 3) звукометафора – 10%. В русском художественном дискурсе наиболее актуальными являются: 1) военная метафора – 15%, 2) социометафора – 12,3%, 3) зоометафора – 8,7%. Сходной в сравниваемых лингвокультурах является высокая активность социометафоры. Основные различия таковы: военная метафора – для русского, сциентометафора – для английского художественного дискурса. В русском языке военная метафора является более актуальным средством образной номинации по сравнению с английским (38 / 11). Будучи по происхождению военными метафорами с широким узуальным значением подобные сочетания применительно к рассматриваемому концепту дают основание говорить об особом «энергетическом моменте» (Лотман 1970): *the armour of obtuseness* (Aldington 1958) – броня тупоумия; *in a military way* (там же) – для порядка; *a false feeling of soldiering* (там же) – иллюзия военной деятельности; *живут, и рожают, и помирают, и спят по-солдатски* (Крячко 2000); *на пушечный выстрел* (там же). В русском художественном дискурсе удалось выделить метафорику боя, которая имеет свои особенности. Так, наиболее

частотными являются: 1) зоометафора – 24%: *косяки юнкеров; стаи самолетов* (Некрасов 1971); 2) звукометафора – 16,5%: *зенитки хлопают; автоматная трескотня* (там же); 3) антропо- и фитометафора – 8,9%: *плевки зениток; затыльник автомата; тарактит «кукурузник»* (там же).

В английском художественном дискурсе концепт «бой» встроен в общий модельный образ войны, что сказывается, в частности, на актуальности звукометафоры: *the roar of the guns* – гром орудий; *the drum-fire* – ураганный огонь (Aldington 1958) с использованием культурометафоры: *a super-jazz of tremendous drums* – сверхъестественный джаз-банд гигантских барабанов; *a ride of the Valkyrie played by three thousand cannon* – «Полет валькирий» в исполнении трех тысяч орудий; *like an orchestra...thousands of guns...opened* – точно оркестр загрохотали тысячи орудий; *The splinters hummed harmoniously through the air* – Осколки пели как струны (Aldington 1958). В целом звук является важным средством апеллируемости к концепту «бой» для обеих лингвокультур.

К образному компоненту концепта «война» возможна апелляция через сенсорные параметры (различные виды метафор): Запах: *gas shells with...a strange smell...like new mown hay* (Aldington 1958) – газовые снаряды со странным запахом свежескошенного сена (о фосгене); *войной попахивало* (Крячко 2000); Вкус: *picnic of corpses* – пикник с трупами; (Aldington 1958); *the sweet smell of blood* – сладкий запах крови (Hemingway 1971); Вкус войны – это вкус *ворон, кошек, собак, мерзлого картофеля, молотых желудей, древесной коры, лебеды*; это *голод военных лет*; «*затируха*» – *мутная похлебка из конопляной и подсолнечной макухи*; «*солодуха*» – *подобие компота из разлагающейся сахарной свеклы*; «*лушпайки*» – *овощные отбросы, обжаренные на танковом солидоле; желе из столярного клея* (Крячко 2002); Цвет: *The picturesque front* – живописный фронт; *a roar that started white and went red and on* – рев, сначала белый, потом все краснее (Hemingway 1969). В войне преобладают темный и красный тона. *Черное и красное. Другого нет. Черный город и красное небо. И Волга красная. Точно кровь; свинцово-красный дым* (Некрасов 1971).

Образность конкретного характера, построенная на натурморфной, антропо-, зоо-, фито-, гастро-, звуко-, артефактной метафорике, составляет в русском языке – 54,4%, в английском – 49,2%. Образность абстрактного характера, построенная на социо-, этно-, историко-, религио-, лингво-, сциенто-, культуроморфной метафорике и абстрактных переносах типа «время-пространство», составляет в русском языке – 45,6%, в английском – 50,8%. Преобладание конкретной

образности над абстрактной в русском восприятии войны, в целом, соответствует соотношению Быта и Бытия. В английском восприятии конкретная и абстрактная образность, находящиеся примерно в равном соотношении, позволяют зафиксировать приблизительное равенство Быта и Бытия в отношении войны, что дает основание охарактеризовать русское языковое сознание по отношению к войне как более консервативное, представляющее войну в большей степени как бой.

Образно-метафорические характеристики концепта «война» в языке русской и английской поэзии свидетельствуют о значительном сходстве понимания войны применительно к социометрафорам, и метафорам-абстракциям. Основные различия состоят в следующем:

1. Натурметафора (19,5%) – для русской образности: *огонь войны* (А.С. Пушкин), *пламена войны* (М. Волошин), *буря военная* (М.В. Ломоносов); пейоративная метафора (22,6%) – для английской: *the hellish war* – адская война (А. Росс), *Raining mass murder* – Дождь массовых убийств (J. DixonBanks). Апелляция к натурметафоре соответствует представлению русского менталитета о войне как о бое, английское языковое сознание имеет более широкое представление о войне.

2. Фитометафора и сциентометафора не участвуют в вербализации русской образности. В языке английской поэзии, напротив, сциентометафора представлена активно (4%): *Cyber war* – компьютерная война (Ch. S. Nagar); *Engines of war* – двигатели войны (М. Наскер). Отсутствие сциентометафоры в языке русской поэзии и ее сквозная представленность в языке английской поэзии является одним из наиболее наглядных примеров этнокультурной специфики. Исключением для русского языка поэзии является денотат «оружие», где активность сциентометафоры – 31%, а для английского языка денотат «победа», где сциентометафора не используется.

3. Отношение к войне, вербализованное пейоративной и фасцинативной метафорами, фиксирует диаметрально противоположные оценочные знаки. Так, в русском языке поэзии фасцинация войны сохраняется во всех позициях слотов. «Мне бой знаком, люблю я звук мечей» (А.С. Пушкин) не утратило своей значимости для русского менталитета. Особенно значима для русского языкового сознания фасцинация «победы» (43%): *венец победы* (В.А. Жуковский), *солнце победы* (Ф.И. Тютчев); и «оружия» (10,3%): *дорогая красавица брани/...благородная сабля моя!* (В.Г. Бенедиктов). В английском языке поэзии, несмотря на высокую мотивацию к победе (13%), преобладает негативно

окрашенная образность (20,4%): *victorious assassination* – победное убийство (J. DixonBanks); *bloody black war's aftermath* – кроваво-черные последствия войны (R.W. Service). Исключением для английского менталитета остается отношение к оружию: фасцинация оружия (11%): *Our deep tongued guns shall answer* – Наши длинноязыкие пушки ответят (R. Kipling); *arrows silver-headed...jasper-headed* – стрелы сереброголовые, ..яшмоголовые (H.W. Longfellow). Итак, английскую образность отличает глубоко отрицательное отношение к войне (22,6%). Для русской образности более значимой остается фасцинация войны (8,3%).

4. В целом английский менталитет представляет победу философски и опосредованно (метафоры-абстракции): *In war there no victorious winners* – в войне нет победителей (G. Whittaker); *Valour ever brings/ Victory home* – Доблесть всегда приносит победу домой (John Milton). Русское языковое сознание представляет победу более определенно и непосредственно (фито-и звукометафоры): *лавы* побед (Н.М. Карамзин); *гром* побед (К.Ф. Рылеев).

5. Среди средств образной номинации языка русской поэзии выделяется особый класс эмотивной образной лексики с амбивалентной семой оценки: *тревога боя* (А.С. Пушкин); ~ *боевая* (А.И. Полежаев). Снижение «эмотивной валентности» (Шаховский 2003) означает редукцию оценочной компоненты в процессе образной номинации. Данное явление метафорического «обесценивания» отмеченное С.А. Сухих (2003) как фактор повышенной агрессивности в русской лингвокультуре, по нашему мнению, есть проявление инерционной пассионарности (по Л.Н. Гумилеву) в менталитете, привыкшем переживать войны менее эмоционально.

Ассоциативный эксперимент, направленный на выявление образности не семантического, а прагматического характера, позволил установить перечень ассоциатов-реакций на слово-стимул «война». Выявлены следующие признаки сходства между сравниваемыми лингвокультурами: 1) как в русском, так и в английском языковом пространстве наибольшее количество ассоциатов связано с семантическим полем «победа-поражение» *смерть* (12), *разруха* (3), *голод*, *разрушение* (2), *перемены*, *похоронка*, *жертвы*, *лишения* – 22,5%; *death* (13), *destruction* (6), *freedom*, *peace*, *oil* (2), *conquer*, *futility*, *wound*, *wreckage*, *devastation*, *injury* (1) – 38%; наименьшее – с полем «армия-оружие» *танк* (1), *оружие* (2), *винтовка Мосина*, *окопы*, *автомат Калашникова*, *бомба*, *взвод*, *солдат*, *ядерная зима* (1) – 10,8%; 'армия-оружие': *bomb* (20), *cannon*, *gunpowder*, *guns* (10) – 5%;

2) имеет место преобладание пейоративной оценки концепта «война» в высказываниях испытуемых: хаос, ужасы войны, страх, беда, страдания, горе, боль, зло, несчастье; скорбь, корысть, идиотизм, трагедия, смерть, бедность, нищета; *crying women and children* (плачущие женщины и дети), *man-made disaster* (несчастья по вине человека), *tear-stricken faces* (заплаканные лица), *confusion and fear on faces* (смятение и страх на лицах), *the sweat and dirt-streaked faces of soldiers and civilians* (запачканные потом и грязью лица солдат, гражданских), *the lost expression of children* (потерянное выражение у детей), *death* (смерть), *poverty* (бедность), *death and destruction* (смерть и разруха), *pain and suffering* (боль и страдание).

Установлены следующие отличия в ассоциативном осмыслении войны: 1) высокий уровень социометафоры в ответах англо-американских респондентов: *Wars cost a lot of money* (война стоит много денег); *to pay with their lives* (платить собственными жизнями) актуализирует социокультурные ценности, значимые в рамках монокультурного пространства. *Many people show up to capitalize and make profit out of wars and misery of people. Vietnam is an example* – Появляется много людей, пытающихся нажиться на войне и на страдании людей, например, Вьетнам. Упоминается также Ирак. Подобное место в ответах русских респондентов занимают Афганистан и Чечня, но с несколько иной коннотацией. В ответах русских респондентов также преобладает пейоративная оценка войны. Однако социализация ценностей, как фактор энтропийных процессов, развивающихся в русском общественном сознании (*война уносит жизни; жизнь – высшая ценность*) носит не такой обширный характер, как в англо-американской лингвокультуре, о чем говорит низкая активность социометафоры в ответах русских испытуемых и сравнительно высокая активность семы 'жертва': *на поле боя воины, давно не видавшие родных, грязные, голодные, но уверенные и желающие победы*; 2) меньший перечень образных средств в ответах русских респондентов и сравнительно высокая значимость семы 'жертва/жертвенность': *война уносит жизнь и не более* (до 30%).

Выявлены базовые ценностные категории, детерминирующие распределение прецедентных феноменов по двум типам: 1) микрокультурные ценности (значимые в рамках монокультурного пространства), эксплицирующие этнокультурную специфику; 2) макрокультурные ценности (значимые за рамками монокультурного пространства), имплицитные этнокультурную специфику.

Ценностная акцентуализация концептосферы «война» дает основание говорить об особой этике войны, в более точном выражении представляющем противостояние двух этик, мотивирующих ту или иную норму поведения. Героический мотив в войне актуализирует «этику войны» как положительную мотивацию человека на войне, что выводит на первый план вопрос о смысле войны и семантических связях с лингвокультурными константами: «честь», «долг», «свобода», «справедливость», «мужество». Объективировать данные ценностные категории этики войны удалось через «метаконцепт» (Слышкин 2004) «дуэль», как идеализированную модель войны (Бердяев 2001). Этика войны имеет определенные отличия в английской и русской лингвокультурах, зафиксированные в текстах дуэльных кодексов в русском и европейском обществах. Сравнительный анализ двух дуэльных кодексов позволил выявить фактор сходства (сема 'честь' и 'война' наиболее значимы в дуэльном дискурсе) и фактор различия (исключительная значимость концепта «дуэль» для защиты личной чести в русской культурной традиции). Более жестокий характер русской дуэли соответствует меньшей репрезентации этических ценностей в концептосфере войны и ее более жестокому характеру.

Религиозная коннотация концепта «война», тесно связанная с вопросами этики войны, позволяет акцентировать внимание на эволюции религиозного и языкового сознания. Церковь, исповедующая преданность служения Христу, была не всегда последовательна в своем отношении к войне и воинской службе. Сема войны имела определенную негативную коннотацию, главным образом, по причине человекоубийства, что отразилось на отношении к социальному статусу военных в обществе. Со временем позиция церкви становится более сдержанной, а затем и приемлющей войну, что связано с появлением в языковом сознании понятий справедливой и священной войны: «Мудрый будет вести войны справедливые» (Августин 1998). Библейские тексты и многие церковные авторы широко используют военную терминологию и метафору войны: «доспехи света» – “the armor of light” (Рим. 13:12); «всеоружие Божие» – “the full armor of God”; «броня праведности» – “breastplate of righteousness”; «щит веры» – “shield of faith”; «стрелы лукавого» – “missiles of the evil one”; «шлем спасения» – “the helmet of salvation”; «меч Духа» – “the sword of the Spirit” (Еф. 6:12-18; 1Фес. 5:8); «кто служит воином» – “who serves as a soldier” (1Кор. 9:7). Из-за частого употребления этих метафор слово miles (воин, солдат) стало означать

христианина, ведущего духовную борьбу (Флори 1999). В дальнейшем лексемы «воин», «солдат» и “soldier”, этимологически близкие (Черных 2004; WSD), со временем приобрели различную ценностную характеристику, что становится очевидным при сопоставлении текстов Нового Завета. Очевидно, что в русском языке лексемы «воин» и «солдат» имеют различную коннотацию: первая носит религиозный характер («благочестивый воин», «воин Христов»), вторая – секулярный. Лексема “soldier” не имеет такого деления и носит более универсальный характер.

Категория оценки является дополнительным семантическим параметром, обеспечивающим явленность концепта в образе и средством категоризации системы ценностей. В качестве фактора сходства между сравниваемыми лингвокультурами зафиксирована иерархия видов оценки: 1) эмоциональная: *merry old war* – славная, веселая война; *the bloody War* – трижды клятая бойня (R. Aldington); *a dirty mess* – грязная история; *a ghastly show* – ужасный бой; *a bloody balls* – чертова каша (E. Hemingway); *наступательный марш*; *Ах, легкая кавалерия! Ах ты, клин журавлиный!* (Б. Крячко); *сабантуй* (В. Некрасов); 2) этическая *a bit of blood-letting* – маленькое кровопускание; *foul brutality* – гнусное зверство (R. Aldington); *rotten war* – гнилая война (Hemingway); *война отечественная*; *война народная*; *война и разврат*; *бой честный* (Б. Крячко); 3) эстетическая *the picturesque front* – живописный фронт (E. Hemingway); *красота партизанская, вроде все тут немцы, а она в тылу врага* (Б. Крячко); *Черное и красное. Другого нет. Черный город и красное небо. И Волга красная. Точно кровь; свинцово-красный дым* (В. Некрасов); 4) интеллектуальная: *silly front* – глупый фронт (E. Hemingway); *the war has taught them nothing* – война ничему не научила (Aldington); *война дураков*; *Аника-воин*; *стрелы из колчана доказательств* (Б. Крячко); *зигзаги колючей проволоки* (В. Некрасов); 5) этническая: *Tommy* – британский солдат; *the Boche, Fritz, Hun* (R. Aldington, E. Hemingway) – немецкий солдат; *Jock* – солдат-шотландец; *Bill Jim* – австралийский солдат (Катермина 2004); *война с ляхами*; *немецкая пуля* (Б. Крячко); *фрицы* (В. Некрасов). В качестве фактора различия зафиксированы параметры оценки войны по позициям слотов. В русском языке чаще всего оценивается: 1) оружие, 2) победа, 3) армия. В английском языке чаще оценивается: 1) бой, 2) армия, 3) война. Существующая классификация оценки расширена за счет новых оценочных параметров, относящихся к слоту «армия». Опыт: *old war comrades* – старые боевые товарищи; *the old Hun* –

старый гунн – немецкий солдат (E. Hemingway); *old stagers* – ветераны; *the older hands* – более опытные солдаты; *old regulars* – старые кадровые служаки; *the real war soldiers*; *real soldiers*; *the War soldiers* – настоящие солдаты, фронтовики; *crack troops* – лучшие солдаты; *experienced troops* – обстрелянные солдаты (R. Aldington); *old campaigner*, *old moustache*, *war dog* – ветеран, бывалый солдат; (Катермина 2004); *ветераны, фронтовики, бывшие вояки, штрафник Отечественной войны* (Б. Крячко); *бойцы, «березовые колышки»* – опытные бойцы обычно из сибиряков (В. Некрасов). Неопытность: *the new drafts*; *recruits* – новобранцы; *newcomers* – новички; *cannon-fodder* – пушечное мясо; *raw*, *half-trained boys* – желторотые новобранцы; *greenness* – беспомощные щенки, «зелень», (R. Aldington). Гендерная составляющая: *GI Jane* – женщина-солдат; *Judy* – девушка-военнослужащая (Катермина 2004). Понятие «наемный» солдат, более релевантное для английской культуры: *mercenary soldier* – кадровый наемный солдат («контрактник») (R. Aldington); *free companion*; *free lance*; *knight waver* – наемный солдат (Катермина 2004).

Ценностная акцентуализация паремий позволила выявить на фоне общечеловеческих норм ряд характеристик, объективирующих этнокультурное несовпадение между русским и англоязычным осмыслением войны:

1. Русские паремии характеризуются большей эмоциональностью по сравнению с английскими (Ср.: Благова 2000).

2. В русских паремиях приводится аргументация, оправдывающая неподчинение: *Сума, сума, служи ты сама: скажи капитану, что служить я не стану*. В английской культуре в большей степени поощряется дисциплинированность, осуждается неповиновение: *He that cannot obey cannot command* – Кто не умеет подчиняться, не умеет командовать; *The first duty of soldier is obedience* – Первый долг солдата – подчиняться.

3. В английских паремиях утверждается как армию кормят, так она и воюет: *An army marches on its stomach*. В русских паремиях зафиксировано безответственное отношение к солдату со стороны начальства – *Хлеб да вода – солдатская еда*, поощряется воровство – *Солдат не украл, а просто взял*.

4. Образ смерти более релевантен для русских паремий: *Смерть русскому солдату свой брат*.

5. В русском языковом сознании утверждается образ боя как судебного поединка (*Смерть в бою – дело Божье*), что

аппроксимирует незыблемость этики боя: *Что с бою взято, то свято*.

6. Для английского языкового сознания более релевантны аллюзии на библейские тексты: *He who lives by the sword dyes by the sword* (ODQ) – Кто живет мечом, погибнет мечом (перевод наш). Русская интерпретация: *Кто придет к нам с мечом, от меча и погибнет. The race is not to the swift, not the battle to the strong – Не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их* (Екклесиаст 9: 11).

7. Для русского менталитета в большей мере актуальна прямая семантическая связь с макроконцептами, формирующими высшие этические ценности: честь, смелость, любовь, а также ум: *Не копьем побивают, а умом; Сила – уму могила; Сила – нелюбовь; Смелость силе воевода; Честь ум рождает*. Для английского менталитета большую значимость имеет идея силы, выше которой ценится свобода, честь и любовь. Однако среди английских паремий не нашлось примеров, фиксирующих прямую семантическую связь концепта «война» с макроконцептами, формирующими высшие этические ценности. (Искл.: *All's fair in love and war* – Все допустимо в любви и войне).

8. Представление о доблести, отваге в русской культуре не связано с семей 'осторожность': то, что в английской культуре оценивается как доблесть (*Discretion is the better part of valour* – Осторожность – лучшая часть доблести; *He who fights and runs away may live to fight another day* – Если сражающийся убежит, он сохранит себе жизнь, чтобы продолжить сражение), в русской оценивается как проявление трусости.

9. Высокая «сквозная» значимость лексемы «бить» для русского менталитета позволяет идентифицировать русскую языковую среду: *Коли бить, так уж добивай!; Бить так бей, чтоб не очнулся; Бей своих, чтоб чужие боялись; Кого люблю, того и бью; Бог долго терпит, да больно бьет* (Даль 1984). Среди английских паремий аналогов не обнаружено.

В целом русское обыденное языковое сознание оказывается более «милитаризованным», чем английское. Для английского языкового сознания ценностная мотивировка актуализирует различную образность, не связанную с концептосферой войны.

Основное отличие в оценке войны, зафиксированное в афоризмах. Английское сознание отвергает этику войны: *There is no morality in war*. Русское сознание утверждает этику войны, открывает духовные ценности: *Война не создала зла, она лишь*

выявила зло; Война – великая проявительница (Н.А. Бердяев). Ценностные характеристики концепта «война», актуализирующие в афоризмах индивидуально-личностное миропонимание нередко вступают в противоречие с ценностями этнокультурного плана.

Ценностные характеристики концептосферы «война» широко представлены в воинских символах и символике. Концептуализация культурного пространства в среде профессиональных военных имеет ярко выраженный милитаристский характер и объективирована как процесс «символотворчества» (П. Флоренский). Символ традиционно истолковывается как «знаковое выражение высшей и абсолютной незнаковой сущности» (Лотман 2002). Например, символ чести наделен генеральной стратегией всего общества, которая ассоциируется в русском языковом сознании с социальным статусом офицера (РАС 2002; Слышкин 1996). Его назначение объединять, а не разъединять. Поэтому есть *честь офицера*, но нет *чести лейтенанта, капитана, полковника, генерала*. Процесс символотворчества релевантен духовному состоянию общества, а те ценности, которые объединяют единичных военнослужащих во множественность и являются общими, эксплицируются в символе. Поэтому приоритетное значение приобретает ценностный аспект языковой личности. Нередко происходит вульгаризация, опошление внедряемых сверху символов, ценностный уровень которых не релевантен ценностям на личностном уровне. Например, выражению *отдать честь* соответствуют два разных значения, имеющих разную оценку: 1) приветствовать, 2) лишиться чести, пострадать от надругательства, насилия. Сема положительной оценки остается релевантной до тех пор, пока преобладает совокупная масса положительных эмоций, т.е. пока совокупная символотворческая деятельность военнослужащих имеет смысл.

Ценности, эксплицируемые в поведении и языке русских и английских военнослужащих, имеют социальную значимость и, как правило, сходную оценку. Социальная обусловленность оценки проявляется в стратификации военного социума в языке военных профессионалов. Для этого широко используются средства образной номинации с привлечением разных типов метафоры: *салага (дух)* – молодой неопытный матрос (солдат) до полугода службы; любой военнослужащий в т.ч. офицер; *карась* – от полугода до года; *большой* или *борзый карась (черпак)* – от года до полутора лет; *полторашник, годок* или *дед, дембель* – от полутора до двух лет. В британской армии и флоте имеются аналогичные наименования социальных групп: «дух» – *frosh*,

rookie; «салага» – *rookie, cannon fodder* (пушечное мясо); «черпак» – *green horn*; «дед» – *barracks lawyer, senior, old-timer*; «дембель» – *demobee, exserviceman* (Бенюх 2001).

Оценивается не только социальный статус, но и индивидуально-личностные качества. Символом становится любой категориальный признак объекта номинации, который эмоционально закрепляется. Чаще всего это признаки, имеющие социальную значимость: 1) опытность, профессионализм: *an old salt* – морской волк; 2) вид деятельности: *shore loafers* – *water rats* (сапог – морячила); 3) поведение: *slackers* – те, кто «косят» от военной службы (*косило*) (Карасик 1992; Коровушкин 2000). Недостаток социально значимых признаков или их утрата оценивается отрицательно: *dogsbody* – «собачье тело», *низший чин, выполняющий черную работу*. Сравним с русским *параша*; *зелень подкильная* – молодой матрос, *летеха* (Коровушкин 2000); *odds and sods* («сборная солянка») – рекруты мало приспособленные к службе в армии; Сравним с русским *навоз* – физически и морально непригодные к военной службе юнкера (Коровушкин 2000); *Whitehall warrior* – постаревший офицер, утративший компетентность и отправленный на штабную работу в офисах Уайтхолла; (Локетт 2003).

Оцениваются и отдельные индивидуальные качества. Среди них: 1) Интеллектуальные и физические способности, недостаток которых оценивается отрицательно: *durp* («простофиля»); *тормоз* – нерасторопный военнослужащий. В британской культуре положительно оценивается рвение к службе: *eager beaver* («энергичный бобер») – новобранец-энтузиаст (Локетт 2003); *mustang* – офицер, начавший свою карьеру от рядового (MJAS). В русской среде подобное рвение не приветствуется: *рубиться на лычки* – выслуживаться; *солля* – ефрейтор; *мосел* – младший сержант (Коровушкин 2000). 2) Эстетические качества: *monkey suit* – «обезьяний костюм», парадная военная форма – осуждается излишняя пышность и вычурность (сравним с русским *парадка*; *пиджак* – некадровый офицер). 3) Этические качества: *carpet-knight* («ковровый рыцарь») – тот, кто отсиживается в тылу (сравним *паркетный полковник, придворный генерал*).

Широко используются другие средства номинации. Метонимия: *мазута, соляра* – военнослужащие, работающие на мазутонасосной станции, танкисты; *макаров* – пистолет Макарова; *калаш(ник)* – автомат Калашникова; *морская душа* – тельняшка; *язык* – военнопленный, *афганец* – участник войны в Афганистане (также *чеченец, испанец*). Подобных примеров в английском языке не существует. Участника войны во Вьетнаме в

Америке никогда не назовут *Vietnamese* – вьетнамец (Чиркова 2002). *Blackshoe* («черный башмак») – кочегары, инженеры флота; *Sherman* (по имени генерала Шермана) – танк; *bobby* – британский полицейский; *tommy* – британский солдат; пулемет Томпсона (MJAS). Синекдоха как разновидность метонимии: *голубые береты* (*каска*) – военнослужащие ВДВ (ООН); *черные береты* – морская пехота, ОМОН; *белые колготки* – девушки-снайперы (Приднестровье, Чечня); *краснопогонник* – военнослужащий ВВ; *сапог* – военнослужащий сухопутных войск, пехота (Коровушкин 2000); *green berets* («зеленые береты») – британский спецназ (OED); *blue jackets* – английские или американские матросы; *red caps* – военная полиция; *the Royal horse* – английская кавалерия; *the foot* – пехота; *the hands* – матросы (EPS); *blues* – морская пехота; *brownshoe* – летчик; *boot* – новобранец-матрос или морской пехотинец ВС США (MJAS); *booties* («башмачки», «сапожки») – морская пехота Ее Величества (ARRSEpedia). Акронимы и иные сокращения, как способ символизации и кодирования существующих понятий и наименований особенно присущ языковому сознанию военных. *G.I. (General Infantry)* – солдат ВС США (OED); *D.I. (Drill Instructor)* – капрал, сержант; *OR's (Other Ranks)* – простые солдаты (Локетт 2003); *NCO's (Non Commissioned Officers)* – сержантский состав, унтер-офицеры; *R.E.Sigs (Royal Engineers and Signals)* – связисты (R. Aldington). В русском языке профессиональных военных акронимы в большей мере присущи наименованиям видов и родов войск: ВВ, ВДВ, ПВО, (взвэшник, вздэвэшник, пэвэошник); оружия: БТР, БМП, КПВТ; военно-бытовой сферы: ПШ (полушерстяное обмундирование), ПХД (парково-хозяйственный день). Для наименования должностных категорий и воинских званий используются, как правило, иные способы номинации, связанные со словосложением: *старлей*, *каплей*, *каперанг* или усечением: *кэп* (капитан). Перифраз актуализирует ассоциативные связи объекта номинации с прецедентными феноменами: «*приказано выжить*» – 1 курс высшего военного училища; «*без вины виноватые*» – 2 курс; «*веселые ребята*» – 3 курс; «*отцы и дети*» – 4 курс; «*их знали только в лицо*» – 5 курс. В английском языке подобные описательные обороты зачастую означают декодирование скрытой в акронимах информации: *AWOL (Absent WithOut Leave)* – самовольное уклонение от службы в армии; (Локетт 2003); *ARMY (Ain't Ready for the Marines Yet)* – «Не готов еще для морской пехоты»; *MARINES (Muscles Are Required Intelligence Non-Essential)* – «Сила есть, ума не надо»; *NAVY (Never Again*

Volunteer Yourself) – «Никогда больше не будь добровольцем» (MJAS). Имеют место и описательные обороты: *No Joy* («Нет радости») – Летчик: «Не вижу цели (врага)»; *Snake Eater* («Пожиратель змей») – спецназовец; *Soup-sandwich* – солдат не способный к службе (MJAS).

Подведем основные итоги.

1. Лингвокультурные концепты неоднородны по своей масштабности; наиболее важные для коллективного языкового сознания концепты являются гиперконцептами и образуют концептосферы – системы гипонимически организованных концептов, уточняющих идею гиперконцепта. К числу гиперконцептов относится концепт «война», концептосфера которого включает концепты «бой», «армия», «оружие», «победа» и др.

2. Концептосфера «война» специфично проявляется в обиходном (гражданском) и профессиональном (военном) языковом сознании: в первом случае важнейшими признаками войны выступают ее участники, средства и ужасы войны, во втором случае – детально обозначенные средства и способы ведения боя.

3. Понятийный компонент концептосферы «война» включает следующие базовые признаки: спланированное масштабное действие с участием множества специально подготовленных людей и применением оружия для достижения определенных целей, имеющее деструктивные последствия.

4. Образный компонент концептосферы «война» в перцептивном плане сводится к описанию боя (прототипной основы концепта «война») и представлен следующими важнейшими признаками: столкновение вооруженных людей, ярость, кровь, смерть. В метафорическом плане концептосфера «война» фиксируется преимущественно социометафорами, сциентометафорами, зоометафорами и звукометафорами. При значительном сходстве образного представления войны наблюдается ее определенная этноспецифика: зоометафора и натурметафора – в русском языковом сознании, сциентометафора и культурметафора – в английском.

5. Ценностный компонент концептосферы «война» проявляется в этической и религиозной оценке войны, в ее символике и сводится к нормам поведения солдат на войне (отношение к воинскому долгу, оружию, врагу, победе) и отношению к войне со стороны гражданского населения. Важнейшие этнокультурные отличия в ценностном осмыслении войны таковы: для англоязычной лингвокультуры на первое

место выходит идея успеха в войне и эффективности ее ведения, для русской лингвокультуры – идея справедливой войны как защиты от нападения и неизбежность жертв на войне.

Литература

Крячко, В.Б. Образные характеристики концепта «война»: пассионарность и гармоничность / В.Б. Крячко // Вопросы филологии. – М., 2006. – № 5. – С. 36-39.

Крячко, В.Б. Понятийные характеристики концепта «война» в английской и русской лингвокультурах / В.Б. Крячко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2007. – №2(20). – С. 26-30.

Крячко, В.Б. Категории лингвокультурологии / В.Б. Крячко // Проблемы современной лингвистики. – Волгоград: Колледж, 2003. – Вып. 2. – С. 75-80.

Крячко, В.Б. Воинские символы и симолотворчество / В.Б. Крячко // Антропологическая лингвистика. – Волгоград: Колледж, 2005. – Вып. 4. – С.143-147.

Крячко, В.Б. Военный профессионал: язык социального статуса / В.Б. Крячко // Личность, речь и юридическая практика. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2005. – С. 84-88.

Крячко, В.Б. Лингвокультурный концепт «война»: воинские символы и симолотворчество в английском и русском языках / В.Б. Крячко // XXXIV международная филологическая конференция. – СПбГУ: Филол. факультет, 2005. – Вып. 4. – С. 15-20.

Крячко, В.Б. Война как социальное явление: дискурсивный анализ / В.Б. Крячко // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. – Москва-Пенза: 2005. – С. 152-153.

Крячко, В.Б. Религия и война в русском и английском языковом сознании / В.Б. Крячко // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 50-56.

Крячко, В.Б. Ценностные характеристики концепта «война»: язык профессиональных военных и воинские символы / В.Б. Крячко // Германия – Англия – Россия: лингвокультурные параллели. – Волжский: Филиал ГОУ ВПО «МЭИ (ТУ)», 2005. – С. 22-33.

Крячко, В.Б. Соотношение концепта и понятия / В.Б. Крячко // Единицы языка и их функционирование. – Саратов: Научная книга, 2006. – Вып. 12. – С. 171-174.

Крячко, В.Б. Фрейм войны в английской и русской лингвокультурах / В.Б. Крячко // Антропологическая лингвистика. – Волгоград. Колледж, 2006. – Вып. 5. – С. 151-156.

Крячко, В.Б. Концепт «война»: анализ сочетаемости слов / В.Б. Крячко // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики. – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 67-73.

Крячко, В.Б. Ценностные характеристики концепта «война» в обыденном языковом сознании / В.Б. Крячко // Концептосфера – дискурс – картина мира. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2006. – С. 83-88.

Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

**Л.М. Мирошниченко
(Краснодар)**

ТРУД

Объектом изучения в работе являются единицы паремиологического фонда, описывающие и концептуализирующие понятие «труд» в русском и новогреческом языках. В качестве предмета исследования рассматриваются семантические и прагматические характеристики анализируемого концепта.

Целью исследования является определение содержания концепта «труд» как суммы знаний о трудовой деятельности, существующих в русском и греческом социумах, а также характеристика и сопоставление данного концепта в российской и греческой лингвокультурах (на основе единиц паремиологического фонда).

Для решения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1) выявить языковые способы выражения концепта «труд»: определить совокупность паремиологических единиц, репрезентирующих концепт «труд» в русском и новогреческом языках;

2) построить ментально-лингвистическую модель (когниотип) концепта «труд» в исследуемых языках;

3) выявить сходные и отличные черты в иерархической структуре когнитивов русской и греческой концептуально-языковых картин мира;

4) на основании разных ценностных характеристик когнитивов определить различную культурологическую значимость компонентов иерархически организованных моделей;

5) провести сравнение культурологических «значимостей» в российской и греческой лингвокультурах.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из паремиологических и толковых словарей на русском и новогреческом языках. Корпус отобранного языкового материала составил 3686 паремий (2609 русских и 1077 греческих), соотносимых с концептом «труд» (здесь и далее в количественных показателях не учитываются варианты).

В работе используются следующие методы: когнитивное моделирование, компонентный анализ, интерпретативный анализ, метод контрастивного изучения, квантитативный метод, экспериментальный метод (интроспекция).

Методологической базой для данного диссертационного исследования выступают следующие положения, доказанные в лингвистической литературе:

1. В коллективном сознании носителей языка существует специфическая картина мира, отражающая опыт соответствующей лингвокультуры; в основе картины мира лежат ментальные образования разной природы, *которые* могут получать языковое воплощение, — концепты (С.А. Аскольдов, А. А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, В.П. Нерознак, Ю.С. Степанов).

2. Мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский), а реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам.

3. Лингвокультурные концепты могут быть выявлены при изучении паремиологических способов их языкового воплощения, посредством фреймового анализа, моделирования когниотипов и ценностных доминант культуры (Н.Д. Арутюнова, А.Г. Баранов, С.Т. Воркачев, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин).

Теоретические положения работы базируются на фундаментальных исследованиях отечественных и зарубежных лингвокультурологов и специалистов в области теории языка, среди которых, кроме указанных ранее авторов, такие ученые-лингвисты, как Ю.Д. Апресян, А.П. Бабушкин, Е.М. Верещагин, Т.А. ван Дейк, Т.В. Евсюкова, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, С.Х. Ляпин, М. Минский, А. Соломоник, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Ч. Филлмор, Э Рош.

В нашем исследовании мы основываемся на теории, утверждающей, что в коллективном сознании носителей языка существует специфическая картина мира, отражающая опыт соответствующей лингвокультуры. Принцип ценностной ориентированности картины мира, роль ценностей в жизни человека и общества акцентирует внимание на ценностном аспекте национальной картины мира как стороне, определяющей ее специфику. Изучение специфики национальных картин мира возможно с помощью комплексного сопоставления совокупных представлений, существующих в коллективном сознании, т. е. лингвокультурных концептов.

С позиций когнитологии концепт выступает как форма существования информации о «предметах» действительности в сознании человека, в рамках культурологического подхода он может рассматриваться как культурно-значимая единица, отражающая национально-специфическую информацию. В основе когнитивного подхода находится идея о том, что мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей и других структур знания.

Концепт включает все признаки объекта и рассматривается как знание, структурированное во фрейм. Концепт как всеобъемлющая категория тесно соотносится с фреймовыми моделями, которые по отношению к нему выступают как некоторые упорядоченные конвенциональные структуры, систематизирующие все знания о данном «предмете», которые охватывает соответствующий ему языковой концепт. Взаимоотношения между компонентами фрейма (или его уровнями) базируются на ассоциативных связях, что отражает ассоциативную природу мышления человека. Об актуальности определенного концепта может свидетельствовать семантическая плотность (широкая представленность в языке).

Поскольку концепт представляет собой сложную когнитивную и культурно-значимую модель, для его изучения требуется не один, а совокупность нескольких различных методов. Мы считаем, что концепт нужно изучать не только как продукт мысли (в его когнитивной трактовке), но и как культурный феномен (в его культурологической трактовке), что органично вписывает его в рамки не менее актуального (наряду с когнитологией) направления современной науки о языке — культурологической лингвистики.

Нами рассматриваются пословицы и поговорки как отражение системы ценностей и средство хранения культурно-исторической информации. Паремии представляют собой живую, активно эксплуатируемую в речи подсистему своеобразных вторичных знаков, сохраняющих наряду с языковыми и речевые, текстовые черты. Именно паремии в наиболее выраженном виде демонстрируют нам возможности когнитивной экономики.

Концепт «труд» рассматривается нами как ментально-лингвистическая сущность: функциональный комплекс атрибутов трудовой деятельности, традиционно используемый членами социума в процессе коммуникации и опосредованно фиксированный в паремиях данного социума. Мы описываем трудовую деятельность как социокультурный феномен с целью очертить понятийные границы соответствующего концепта и проанализировать его в дальнейшем как когнитивную и культурно-

значимую модель. Мы предлагаем исследовать трудовую деятельность как лингвокультурный концепт, который соотносится, с одной стороны, с мыслительными процессами человека, а с другой с миром культуры и *находит проекции* в языке.

Фрейм, соотносимый с концептом «труд» и представленный в виде узлов и отношений, включает в себя несколько уровней и составляющих единиц.

Опираясь на теорию М. Минского, мы считаем, что вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют аспектам, наиболее актуальным по отношению к рассматриваемому концепту. Ниже этих узлов терминальные узлы (слоты). Каждый терминальный узел может указывать на условия, которым должно отвечать его заполнение. Такое заполнение представляется как подфрейм — вложенный фрейм. Терминальные узлы, как и элементы вложенных фреймов, обозначены логемами, которые представляют собой вербальное обозначение иерархических построений в рамках фрейма, полученное в результате анализа глубинной логико-семантической структуры паремий. Между элементами фрейма зафиксированы сложные отношения: противопоставление, синонимия, логические цепочки. Данный факт косвенно подтверждает то, что в зависимости от выбора индивидуумом коммуникативной стратегии, одинаковая информация подается и трактуется по-разному в разных обстоятельствах.

Необходимо отметить, что вследствие наличия у определенных паремий ряда взаимосвязанных значений узуального характера, один и тот же языковой материал включается нами в различные вершинные уровни фрейма, слоты и под фреймы. Поскольку некоторые паремии могут восприниматься по-разному, в зависимости от коммуникативной ситуации и интенций языковой личности, а также приобретать оценочные смыслы в контексте, мы допускали их отнесение сразу к нескольким элементам фрейма.

После обозначения вершинных уровней и логем, описывающих терминальные узлы и компоненты подфреймов, в скобках приводится количество паремий, отнесенных к ним в каждом из языков соответственно и процентное соотношение (проценты вычислены от общего количества рассмотренных паремий в каждом из языков). Вначале в скобках дается информация о количестве примеров в русском языке, а затем — в греческом. Например, запись МАСТЕРСТВО (286 = 10.96% / 124 — 11.51%) означает, что к вершинному уровню «Мастерство» в русском языке мы отнесли 286 паремий, или 10.96%, а в

новогреческом — 124, или 11.51%. Цифра «0», встречающаяся в скобках, свидетельствует о том, что терминальный узел или элемент вложенного фрейма, обозначенный определенной логемой, не содержит ни одной паремии и, следовательно, не актуален для фрейма в рассматриваемом языке. Указанные нули могут быть рассмотрены в аспекте лакунарности.

Проанализировав отобранные дня исследования паремии, мы выявили тридцать вершинных уровней фрейма, описывающего концепт «труд» в русском и новогреческом языках. Затем мы разместили их в порядке убывания объема и получили следующую картину:

1) Лень / Бездействие (824 = 31.58% / 251 — 23.31%);
2) Результат / Качество / Польза в ТД (774 = 29.67% / 405 = 37.6%); 3) Трудолюбие и ТД (742 = 28.44% / 441 = 40.95%);
4) Благополучие / Благосостояние и ТД (720 = 27.60% / 341 = 31.66%); 5) Мастерство / Неумелость в ТД (286 = 10.96% / 124 = 11.51%); 6) Время / Сроки в ТД (174 = 6.67% / 139 = 12.91%);
7) Условия и ТД (159 = 6.09% / 175 = 16.25%); 8) Почет / Награда / Честь за ТД (154 = 5.90% / 97 = 9.01%); 9) Слово и дело (137 = 5.25% / 34 = 3.16%); 10) Отдых и ТД (125 = 4.91% / 49 = 4.55%);
11) Ответственность в ТД (110 = 4.22% / 56 = 5.20%); 12) Тяжесть / Легкость ТД (103 = 3.95% / 49 = 4.55%); 13) Начало / Конец дела (101 = 3.87% / 64 = 5.94%); 14) Справедливость в ТД (79 = 3.03% / 42 = 3.90%); 15) Знания / Ум и ТД (78 = 2.99% / 21 = 1.95%);
16) Характеристика человека и ТД (76 = 2.91% / 30 = 2.79%); 17) Объем ТД (66 = 2.53% / 41 = 3.81%); 18) Песни / Танцы / Веселье и ТД (63 = 2.41% / 4 = 0.37%); 19) Скорость в ТД (58 = 2.22% / 50 = 4.64%); 20) Религия и ТД (48 = 1.84% / 33 = 3.06%);
21) Коллективизм и ТД (40 = 1.53% / 51 = 4.74%); 22) ТД «на себя» / «на другого» (36 = 1.38% / 68 = 6.31%); 23) Терпение и ТД (33 = 1.26% / 40 = 3.71%); 24) Индивидуализм и ТД (25 = 0.96% / 36 = 3.34%); 25) Место осуществления ТД (24 = 0.92% / 26 = 2.41%);
26) Пьянство и ТД (20 = 0.77% / 1 = 0.09%); 27) Дискриминация в ТД (17 = 0.65% / 7 = 0.65%); 28) Смелость / Боязнь в ТД (13 = 0.50% / 7 = 0.65%); 29) Создание / Разрушение и ТД (12 = 0.46% / 3 = 0.28%); 30) Порядок в ТД (12 = 0.46% / 9 = 0.84%).

Опираясь на фактор актуальности, обусловленной высокой плотностью репрезентации во фрейме, мы полагаем, что в русском социуме первые 4 вершинных уровня — Лень / Бездействие (824 = 31.58%), Результат / Качество / Польза в ТД (774 = 29.67%), Трудолюбие и ТД (742 = 28.44%), Благополучие / Благосостояние и ТД (720 = 27.60%), — включающие более 700 единиц (более 23%) каждый, составляют ядерную (наиболее значимую) часть

исследуемого концепта, вершинные уровни 5-13 (от 100 до 300 единиц, или от 3.5% до 23%) – околоядерную и, наконец, вершинные уровни 14-30 (менее 100 единиц, или менее 3.5%) — его периферийную часть.

Рассуждая по аналогии с описанием вершинных уровней в русском языке, мы пришли к выводу, что в греческом социуме первые 4 вершинных уровня; Трудолюбие и ТД (441 = 40.95%), Результат / Качество / Польза в ТД (405 = 37.6%), Благополучие / Благосостояние и ТД (34 = 31.66%), Лень / Бездействие (251 = 23.31%), включающие от 250 до 450 единиц (более 23%) каждый, составляют ядерную часть исследуемого концепта, вершинные уровни 5-18 (от 40 до 180 единиц, или от 3.5% до 23%) – околоядерную и, наконец, вершинные уровни 19-30 (менее 40 единиц, или менее 3.5%) — его периферийную часть.

Разработка фреймовой систематизации паремий о труде велась нами как индуктивным методом — от частных фактов к их обобщениям (выявление вершинных *уровней и терминальных узлов*), так и методом дедукции (выявление вложенных фреймов).

В нашем исследовании фрейм концепта «труд» в новогреческом языке сопоставлен с указанным фреймом в русском языке, т. е. за основу берется фрейм, выявленный именно на материале пословиц и поговорок русского языка, поэтому иерархия составляющих фрейма выстроена согласно фреймовому представлению концепта «труд» в русском языке.

Осмыслению ценностного концепта «труд» в рамках паремиологического фонда способствует наличие вершинного уровня Лень / Бездействие. Изучив отобранные для анализа паремии, мы выяснили, что указанный вершинный уровень является одним из наиболее объемных в обоих языках. К нему в русском языке было отнесено 824 единицы (31.58%), а в греческом – 251 (23.31%). Мы проанализировали в двух языках пословицы и поговорки, соотносимые с вершинным уровнем Лень / Бездействие, и получили 25 терминальных узлов фрейма.

Каждый из выявленных терминальных узлов объединил группу паремий, характерных для обозначающей его логемы:

1) Лень / Бездействие – плохой помощник в деле (8.20% (0.15% + 8.05%) / 8.45%); 2) Бездельники, безделье: описание и оценка (6.29% / 2.69%); 3) Увиливание от работы; бездельник избегает работы (2.26% / 1.67%); 4) У лентяя оправдания всегда есть, он всегда найдет повод бездельничать (1.8% (0.34% + 1.46%) / 1.76% (0.37% + 1.39%)); 5) Усердие в труде не всегда необходимо; безделью/ бездействию есть объяснения (1.65% / 0.93%); 6) Работа благо, лень — зло (1.26% / 1.86%); 7) Степень

лености (оценка) (1.26% / 1.11%); 8) Соотношение работы и отдыха (0.92% / 0.19%); 9) Поощряется труд, а не безделье (0.84% / 0.84%); 10) Безделье и религия (0.84% / 0.74%); 11) Предпочтение груды разных видов досуга, развлечений равносильно лени, безделью (0.77% / 0.09%); Бездельник не заслуживает награды (0.77% (0.04% + 0.73%) / 0.56%); 13) Нужда избавляет от лени (0.73% / 0.46%); 14) Внешний вид человека связан с его отдачей в труде, его КПД (0.73% / 0.28%); 15) Ленивые порицаются, лень осуждается (0.57% / 0.56%); 16) Бездельничать легко, работать трудно (0.5% / 0.09%); 17) У ленивого дело не споро (0.42% / 0.37%); 18) Бездельник всегда бездельник (0.38% / 0.28%); 19) Некачественное выполнение работы (0.38% / 0); 20) Безделье не привлекательно (0.27% / 0.09%); 21) Работников меньше, чем бездельников (0.23% / 0.09%); 22) Ленивые надеются на авось (0.19% / 0); 23) Сравнение результатов работы лодыря обличает (0.15% / 0); 24) Предпочитающие бездельничать существование не очень умны (0.15% / 0); 25) Ленивых работников нужно увольнять (0/0.19%).

Для примера рассмотрим терминальный узел номер 1, обозначенный логемой «Лень / Бездействие – плохой помощник в деле». Он объединил наиболее объемную группу паремий в указанном вершинном уровне. К слоту, охарактеризованному данной логемой, мы отнесли 214 (8.20%) паремий в русском языке и 91 (8.45%) — в новогреческом. Анализируемый терминальный узел имеет сложную структуру, т.е. включает в себя под-фрейм:

1. Лень / Бездействие плохой помощник в деле (8.20% (0.15% + 8.05%) / 8.45%).

1.1. Бездельничая, *ничего не достигнешь* (7.78% / 8.08%).

1.1.1. Бездельничая, благополучия / благосостояния не достигнешь (4.71% / 5.76%).

1.1.2. Лень / Бездействие не приближает к цели (2Л1 % / 1.49%).

1.1.3. Работа «спустя рукава» ухудшает результат труда или сводит его к нулю (0.73% / 0.56%).

1.1.4. Ленивые мало результативны и медлительны в работе (0.15% / 0.28%).

1.1.5. Бездельничая, не завидуй чужому благополучию (0.08% / 0).

1.2. Лень усложняет дело (0.11% / 0.19%).

1.3. Ленивые всегда нужно подгонять (0.08% / 0).

1.4. Бездельничая, всегда будешь в отставших (0.08% / 0.19%).

Рассмотрим детально данный фрагмент структуры фрейма концепта «труд». Мы видим, что терминальный узел номер 1

представлен четырьмя частными логемами, первая из которых объединяет наиболее объемную группу и в ней также выделяются ПП, охарактеризованные частными логемами:

1.1. Бездельничая, ничего не достигнешь (7.78% / 8.08%).

1.1.1. Бездельничая, благополучия / благосостояния не достигнешь (4.71%/5.76%).

У того, кто ленится, средств к существованию, материального достатка не бывает; без труда существование человека оказывается проблематичным:

– Спящему коту мышь в рот не прибежит.

(H) αλεπού που κοψάτάι όρνιθες δεν πιάνει. (Ср.: Лиса, которая спит, кур не ловит.)

При этом народная мудрость подмечает, что, если будешь ленив в отведенное для работы время, потом уже его не наверстаешь и заплатишься за свое безделье:

– Летом нагуляешься, зимой наголодаешься.

– Τημπέλης νεος, φτωχός γέρος. (Ср.; Ленивый в молодости, бедный в старости.)

1.1.2. Лень / Бездействие не приближает к цели (2.11% / 1.49%).

В паремиях отмечается, что лень мешает достижению искомого результата, отдаляет человека от желанной цели.

– Свесив / Сложив руки, снопа не обмолотишь.

– Οποιος δεν κάνει τίποτε, δεν τελειώνει ποτέ. (Ср.: Кто ничего не делает, никогда не заканчивает.)

Есть и ПП, в которых подчеркивается полная бестолковость, бесцельность существования бездельника:

– От лентяя, как от быка, – ни шерсти, ни молока.

(Ср.: От гусеницы шелк, от пчелы мед, от комара — укусы, а от лентяя — ничего.)

Лень часто является причиной откладывания работы на более поздний срок, вследствие чего дело не просто переносится, но нередко и вовсе не выполняется:

На отложенное дело снег падает.

То «αύριο» то έσπεύραν, αλλά δε φύτρωσε. / То «θα» то 'σπεύραν και δε φύτρωσε

(Ср.: «Завтра» / «Потом» посеяли, но не взшло.)

1.1.3. Работа «спустя рукава» ухудшает результат труда или сводит его к нулю (0.73% / 0.56%).

Бездействие, равно как и работа «спустя рукава» ухудшает результат труда или сводит его к нулю; когда человек начинает лениться, относиться к труду несерьезно, без должного внимания и усердия, дело не спорится и нужного результата он уже не достигает:

- Стирала — не устала, выстирала — не узнала. / Мыла — не устала, вымыла — не узнала: не то мыло, не то нет.

- Μ' ένα δάχτυλο, δουλειά δε γίνεται. (Ср.: Одним пальцем работу не сделать.)

1.1.4. Лентяи мало результативны и медлительны в работе (0.15% / 0.28%).

Поскольку лентяй любит есть, пить, гулять, отдыхать, но только не работать, то и толк от его труда невелик:

- И того не намолотил, что проглотил. / И того не намолотит, что проглотит.

- Μ' απρόθυμο λαγώνικό δε γίνεται καλό κυνήγι. (Ср.: С ленивой гончей не будет *хорошей охоты*)

1.1.5. Бездельничая, не завидуй чужому благополучию (0.08% / 0).

В этой группе приводятся паремии, поясняющие, что не следует завидовать чужому благополучию, тем более, когда сам ленишься. Таким образом, подчеркивается, что в своих бедах бездельник виноват сам, поскольку не достиг благополучия по своей вине, потому, что недостаточно трудился. Интересно, что данная мысль высказывается и в серьезном тоне, и с юмором:

- Наши пряли, а ваши спали.

- Не пеняй на соседа, коли / когда спишь до обеда. / Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встаёт да в гости не зовёт. / Пеняй на соседа, что спится до обеда, а он рано встаёт, дрова рубит, а нас не разбудит.

Следующие три группы малы по составу, но их мы тоже проиллюстрируем примерами.

1.2. Лень усложняет дело (0.11 % / 0.19%).

Когда выполняешь работу «спустя рукава», сам отдаляешь момент окончания работы и усложняешь ее для себя, а если подходишь к делу серьезно, ответственно, легче и быстрее добиваешься нужного результата:

- В полплеча работа тяжела; оба подставишь — легко / легче справишь.

- Όσο κάθεται / κάθεται ο βοσκός, τα γίδια ξεμακραίνουν. (Ср.: Пока сидит пастух, козы отдаляются.)

1.3. Лентяя всегда нужно подгонять (0.08% / 0).

Лентяи всегда норовят быстрее прекратить работу, поэтому, только постоянно подгоняя их, можно добиться какого-то толку:

- Как ленивая лошадь: что ударишь, то уедешь.

1.4. Бездельничая, всегда будешь в отстающих (0.08% / 0.19%). Учитывая медлительность и малую результативность

лентяев в работе, логично звучит вывод об их постоянном месте среди отстающих:

- Нерадивый да ленивый всегда позади.

- Όποιος ύιοματίζει οτο σπίτι του δειπνάει οτο χωράφι (Ср.: Кто обедает дома, тот ужинает в поле.)

Полная картина сопоставительного описания фреймовой организации концепта «труд» в русском и новогреческом языках приводится в приложении диссертационного исследования.

Построенный нами фрейм концепта «труд», представляя собой сложную структуру сознания и являясь универсальной категорией, объединяющей знания человека и его опыт, включает в себя основную информацию, отраженную в русских и греческих паремиях и связанную с указанным концептом, и охватывает все признаки, которые в рассматриваемых лингвокультурных сообществах ассоциируются с данным концептом и содержатся в единицах паремиологического фонда.

Национально-культурная специфика языковой картины мира зависит во многом от того, какие фрагменты человеческого опыта были лексически зафиксированы и с какой степенью детализации представлены данные фрагменты в каждом из рассматриваемых языков в виде образов, символов и ценностных приоритетов, заложенных в единицах паремиологического фонда (Т. А. Гридина, М.Л. Ковшова, Н.И. Коновалова и др.).

Проанализировав структуру построенного фрейма в русском и новогреческом языках, мы обнаружили его универсальные и уникальные элементы. Отсутствие паремий, соотносимых с какой-либо логемой в одном из языков, указывает на нерелевантность этого знания в паремиях о трудовой деятельности, а, следовательно, свидетельствует о его неактуальности для рассматриваемого фрейма и интерпретируется нами как маркер уникальности в другом языке.

В результате проведенного когнитивно-культурологического анализа мы выявили: а) в отношении терминальных узлов: 277 универсальных логем и 129 уникальных (106 в русском языке и 23 в новогреческом); б) в отношении элементов вложенных фреймов: 328 универсальных логем и 211 уникальных (180 в русском языке и 37 в новогреческом). Таким образом, в русском языке зафиксировано 286 уникальных логем. Из них 106 описывает терминальные узлы, а 180 — элементы вложенных фреймов. В новогреческом языке отмечены 60 уникальных логем. 23 из них описывают терминальные узлы, а 37 — элементы вложенных фреймов.

Изучив построенный нами фрейм концепта «труд», мы выявили самый актуальный терминальный узел, включающий более 10% рассмотренных паремий в каждом из языков. В обоих языках это слот «Трудолюбие — основная составляющая успеха» (логема 1), относящийся к вершинному уровню «Трудолюбие и ТД». Указанный слот приобрел высокую актуальность за счет первого компонента вложенного в него фрейма, обозначенного логемой «Нужно трудиться, чтоб добиться успеха / благополучия (морального и / или материального) в жизни» (логема 1.1), который и охватывает более 10% рассмотренных: паремий в каждом из языков. Рассмотрим этнокультурные особенности картины мира, проявившиеся в данном элементе построенного фрейма.

В русских паремиях в первую очередь подчеркивается, что от отношения к труду зависит благополучие. Если будешь плохо трудиться, не видать тебе благополучия:

- Дело не ворона: не каркает / каркнет, а скажется.

В греческих паремиях говорится, что труд, хоть и требует усилий со стороны человека, ведет к благополучию, а безделье — легкий путь, ведущий, однако, к утрате благосостояния и ухудшению положения в обществе.

- Αφέντης δε γίνεσαι εύκολα, μα δούλος όποτε θέλεις. (Ср.: Хозяином стать трудно, а рабом — в любой момент.)

И продолжая тему, греки советуют: трудись, делай хорошую карьеру, но признавай и достижения других, пусть они будут менее значительны, чем твои:

- Μικρό καράβι παίνευε, μεγάλο καβαλίκευε. (Ср.: Маленький корабль хвали, а большой возглавляй.)

Особенно ярко связь трудовой деятельности и благополучия проявляется на чужбине:

- В дальних краях ремесло кормит.

«Ремесло всегда полезно», вновь и вновь повторяет народная мудрость. Какому бы делу или ремеслу мы не обучились, все может пригодиться, поскольку часто жизнь готовит нам сюрпризы, неожиданности, которые могут вынудить нас изменить профессию, род занятий:

- Μάθε τέχνη κι άσ` την και σαν φτωχύνεις, πιάσ` την. / Μάθε τέχνη κι άσ` τήνε / άστηνε κι αν πεινάσεις πιάσ` τήνε / πιάστηνε. (Ср.: Научись ремеслу и оставь его, а если станешь бедным / если станешь голодать, возьми за него.)

Как птицы, животные едят то, что добудут, так и человек кормится своим трудом:

- Всякая птица своим носом сыта / кормится.

- Η γκαμήλα, για να φάει τα γαϊδουράγκαθα, τεντώνει το λαιμό της. (Ср.: Верблюд, чтоб съесть колючку, тянет свою шею.)

Указывается на то, что труд приносит не только материальное, но и моральное благополучие, которое, в свою очередь, состоит как из собственных ощущений, так и из отношения окружающих:

- Для кого труд — радость, для того жизнь — счастье.

- Αν αγαπάς, την ευτυχία, αγάπα και την εργασία. (Ср.: Если любишь счастье — люби работу.)

- Народный почёт по работе идёт.

- Θέλεις όνομα καλό; Στη δουλειά σου νύχτα μέρα. (Ср.: Хочешь добиться авторитета? — Работай день и ночь.)

Русские паремии констатируют: чем проворнее человек в труде, тем выше уровень благополучия:

- Кто первый сеет, тот первый и убирает.

А в греческих паремиях мы находим ироничное описание тех, кто отстает в работе:

- Όταν άλλοι απотρυγούν, εγώ κοφίνια πλένω. (Ср.: Когда другие заканчивают сбор винограда, я плету корзины.)

В каждом из рассматриваемых лингвокультурных обществ актуальна мысль о том, что любой, кто не имеет денег, но нуждается в них, должен заработать их ценой собственных усилий, напряженного труда:

- Нет мощны, так есть спина.

- Η δουλειά νικά τη φτώχεια. (Ср.: Работа побеждает бедность.)

При этом русский народ отмечает, что в сельской местности благополучие обусловлено определенными занятиями:

- Иглою да бороной деревня стоит.

Безусловно, по мнению народа, утверждение, что, не трудясь, благополучия не достигнешь:

- Без труда не вытащишь / вынешь (и) рыбку из пруда.

- Αν δε βραχείς ως το λαιμό, ψάρι δε θα φας. / Αν δε βρέξεις ποδάρια, δεν τρως ψάρια. (Ср.: Если не промокнешь о шею, рыбу не поешь. / Если не намочишь ноги, не поешь рыбы.)

Однако требуется работать в нужное время:

- Поли лён, пока не перерос.

Трудясь, когда есть возможность, обеспечиваешь себе дальнейшее благополучие:

- Δούλευε τον καλό καιρό, να `χεις να τρως και τον κακό. (Ср.: Работай в хорошие времена, чтоб было поесть в плохие.)

Нужно трудиться, а не надеяться только на обстоятельства, хотя, если они способствуют работе, — это неплохо:

- Να βοηθάει ο καιρός, μα κούνα κι εσύ το χέρι. (Ср.: Пусть помогает погода, но и ты работай руками.)

Если требуется, необходимо работать, даже когда для этого не очень благоприятные условия:

- С косою в руках погоды не ждут.

Не всякое занятие почитается в обществе, предостерегают русские пословицы:

- Всяко ремесло честно, кроме воровства.

Греческая народная мудрость, однако, отмечает, что работа обеспечивает минимальные жизненные потребности, но богатства честным трудом не добиться. Пословица предлагает не гнушаться воровством для материального благосостояния:

- Δούλευε να τρως και κλέψε να `χεις. / Κλέψε να `χεις, δούλευε να τρως. (Ср.: Работай, чтоб было, чт.е. и воруи, чтоб было (благосостояние).)

С другой стороны греки помнят о преимуществах честного труда:

- Η τίμια δουλειά έχει όμορφο πρόσωπο. (Ср.: У честной работы красивое лицо.)

Тем не менее, оба народа признают, что только честный труд идет на благо:

- Трудовая копейка впрок идёт.

- Κάλλια εργάτη κέρδος παρά ακριβού βίου. (Ср.: Лучше заработок рабочего, чем имущество богача)

Плоды несправедного или чужого труда недолговечны; чужие усилия не могут быть оценены по достоинству, их не жаль, поэтому бездельник с легкостью растрчивает то, чего сам не зарабатывал:

- Легко нажито / добыто, легко (и) прожито. / Легко досталось, легко промоталось. / Легко пришло, легко и ушло.

- Ο, τι γρήγορα γίεται, γρήγορα ξεγίνεται. (Ср.: Что быстро дается, быстро исчезает.)

Имея в виду то, что плоды несправедного или чужого труда недолговечны, нужно работать, даже если уже имеется какой-то уровень благополучия:

- Δώσε μου δουλειά και πάρε την κληρονομιά. (Ср.: Дай работу и забирай наследство.)

В каждом из языков найдены пословицы, которые объясняют: нужно самому трудиться, а не надеяться на других:

- На людей не уповай, сам без дела не бывай.

- Τον ξένο κόττο μην τον τρως, γιατί απ` το δικό σου χάνεις. (Ср.: Не ешь плоды чужого труда, потому, что теряешь плоды своего.)

Русский народ замечает при этом, что даже маленький результат требует работы, усилий:

- И малый дом большим трудом ставится.

В паремиях обоих пародов звучит определенная рекомендация-хочешь хорошо жить, не пугайся трудностей в работе:

- Любишь мед — переноси и пчелиное жало.

- Αν αγαπάς το μέλι, μη φοβάσαι τις μέλισσες / τη μέλισσα.
(Ср.: Если любишь мед, не бойся «пчел / пчелы».)

Продолжив анализ фрейма, мы обратили внимание на то, что частотность обращения к определенным элементам фрейма в русском и новогреческом языках в некоторых случаях совпадает (четырнадцать компонентов фрейма), а иногда разница частотности обращения к элементам фрейма составляет более 3% (четырнадцать компонентов фрейма). Мы считаем важным отметить указанные элементы когниотипа, поскольку таким образом наглядно представляется сопоставительная картина степени актуальности заключенного во фрейме знания для каждой из рассматриваемых лингвокультур.

Частотность обращения к следующим элементам фрейма совпадает: БЛАГОПОЛУЧИЕ 12.2. Слишком интенсивно трудиться — губить здоровье (0.19 % / 0.19%); ВРЕМЯ / СРОКИ 1.4. Вовремя дело легче выполнить, чем потом наверх стывать (0.19% / 0.19%); ДИСКРИМИНАЦИЯ В ТД (0.65% / 0.65%); ЗНАНИЯ / УМ И ТД 7. Ученые — путь к мастерству в деле (0.19% / 0.19%); ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ 6.2. Безделье ведет к болезни (0.46% / 0.46%); ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ 7.3. Можно даже бедствовать, лишь бы не работать (0.19% / 0.19%); ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ 9. Поощряется труд, а не безделье (0.84% / 0.84%); МАСТЕРСТВО 1.1.4. Результат зависит от мастерства работника (0.19% / 0.19%); НАЧАЛО / КОНЕЦ ДЕЛА 1.2. От того, как начать дело, зависит его результат, успешность (0.19% / 0.19%); ОБЪЁМ ТД 5. Несоразмерность объема работы и внешней мощи работников (0.19% / 0.19%); ПОРЯДОК 1. В деле важен порядок (0.19% / 0.19%); РЕЗУЛЬТАТ / КАЧЕСТВО / ПОЛЬЗА В ТД 3.7. (Для получения результата) важна предварительная договоренность (0.19% / 0.19%); ТРУДОЛЮБИЕ И ТД 11.2. Есть время работать, а есть — отдыхать (0.19% / 0.19%); ТРУДОЛЮБИЕ И ТД 12.2. Слишком интенсивный труд очень вреден (0.19% / 0.19%). Знание, заключенное в указанных элементах фрейма имеет одинаковую степень актуальности для каждой из рассматриваемых лингвокультур.

Разница частотности обращения более 3% выявлена в следующих компонентах фрейма: БЛАГОПОЛУЧИЕ / БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ТД (27.6% / 31.66%); БЛАГОПОЛУЧИЕ / БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ТД 2. Не трудясь, благополучия не достигнешь (2.67% / 5.76% (0.19% + 5.57%)); ВРЕМЯ / СРОКИ

(6.67% / 12.91%); ВРЕМЯ / СРОКИ 1. Своевременность в работе (L88% / 4.92%); КОЛЛЕКТИВИЗМ И ТД (L53% / 4.74%); ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ (31.58% / 2331%); ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ 2. Бездельники, безделье: описание и оценка (6.29 % / 2.69 %); ПОЧЁТ / НАГРАДА / ЧЕСТЬ ЗА ТД (5.9 % / 9.01 %); РЕЗУЛЬТАТ / КАЧЕСТВО / ПОЛЬЗА В ТД (29.67% / 37.6%); ТД «НА СЕБЯ» / «НА ДРУГОГО» (1.38% / 6.31%); ТРУДОЛЮБИЕ И ТД (28.44% / 40.95%); ТРУДОЛЮБИЕ И ТД L Трудолюбие — основная составляющая успеха (13.34% (0.08% + 13.26%) / 16.71%); ТРУДОЛЮБИЕ И ТД 14.3, Бестолковый/ бесполезный труд не одобряется (0 / 3.06%); УСЛОВИЯ ТД (6.09% / 16.25%). Знание, заключенное в перечисленных здесь элементах фрейма имеет значительно более высокую степень актуальности для одной из рассматриваемых лингвокультур.

Далее мы обратили внимание на то, что из четырнадцати указанных в разделе 33.2. элементов фрейма только в двух частотность обращения к ним выше в русском языке. Это вершинный уровень ЛЕНЬ / БЕЗДЕЙСТВИЕ (31.58% / 23.31%) и относящийся к нему терминальный узел 2. Бездельники, безделье: описание и оценка (6.29% / 2.69%). Интерпретируя данный феномен, мы пришли к выводу, что для русской культуры понятие «лень» как одна из составляющих концепта «труд» более актуально, чем для греческой. Раскрывая суть данного понятия, паремии описывают лентяев, осуждают и посмеиваются над бездельниками, с одной стороны, и оправдывают, а иногда даже и поощряют безделье — с другой, удивляются степени лени и предлагают пути избавления от лени, высказываются противоречиво, говоря то о пользе ничегонеделания, то о вреде его для человека и т.д.

Остальные двенадцать элементов фрейма характеризуются высокой частотностью обращения к ним в новогреческом языке. Поэтому считаем обоснованным утверждать, что именно в новогреческом языке наиболее ярко проявляется связь благополучия и трудовой деятельности, подробно представлено соотношение времени, сроков и работы, детально рассматривается работа «на себя» / «на другого», а также понятие коллективизма в труде, широко освещены аспекты, связанные с наградой за труд, с понятием трудолюбие, с результатом труда и условиями, необходимыми для осуществления трудовой деятельности. Перечисленные аспекты, феномены и понятия, соотносимые с концептом «труд», более актуальны для греческой культуры, чем для русской.

Итак, ментально-лингвистический фрейм концепта «труд» включает тридцать вершинных уровней, которые раскрываются посредством 412 терминальных узлов и 155 вложенных фреймов, описываемых при помощи 965 логем. Культурно-ценностная составляющая концепта выявляется посредством характеристики: а) вершинных уровней; б) терминальных узлов; в) вложенных фреймов. Весь ряд вершинных уровней одинаков в двух языках, но их иерархия (культурологический пес) различна; совокупность логем, описывающих терминальные узлы и элементы вложенных фреймов, также различна. Логемы, характеризующие универсальные черты концепта «труд», более актуальны для греческой культуры, чем для русской.

Завершая, должны отметить, что поскольку трудовая деятельность представляет собой категорию с общечеловеческой значимостью, она обладает многими общими чертами в ценностных моделях обоих этносов, но некоторые этнические стереотипы поведения вносят свои различия в ее структуру. Общность характеризует фундаментальные ценности, а различия касаются нюансов выражения, распределения и комбинаторики норм. Поскольку в языке выражены типичные варианты, характерные для представителей наиболее многочисленных групп субъектов в реконструируемой картине мира проявляется много противоречивых, противоположных мнений, оценок, представлений. Паремии утверждают то, что проверено на опыте, указывая на законы общественной жизни. В метких словесных формулах двух народов недвусмысленно формулируется их отношение к лени, безделью, праздному времяпрепровождению и подчеркивается, что благосостояние человека зависит от его трудолюбия, работоспособности, профессионализма, умения и сноровки в труде. В паремиях имеет место логическое рассуждение: они вскрывают сущность вещей, указывая на неизбежность следствия, вытекающего из той или иной причины. Так, например, терпеливый труд для обеих наций есть верный способ достичь желаемого, а кроме совета не перетруждаться, в паремиологическом фонде обоих народов мы находим рекомендации не смешивать работу и отдых, что способствует высокой результативности труда с одной стороны и поддержанию здоровья (морального и физического) с другой.

Подводя итог, мы должны сказать, что единая для всех людей, совпадающая в деталях иерархия смыслов и духовных ценностей не может существовать, в том числе и для носителей одного языка и общей культуры. Лишь для отдельной языковой личности

является возможным создание законченной, однозначно воспринимаемой картины мира на основе иерархии смыслов и ценностей. Однако идеологией рассматриваемого общества и его национально-культурными традициями определяется некоторая доминанта, которая и позволяет выделить в общеязыковой картине мира её ядерную инвариантную часть.

Резюмируем.

1. Моделирование концепта «труд» на материале паремий, соотносимых с трудовой деятельностью, позволяет выделить универсальные и этноспецифичные признаки в видении мира и отражении его фрагментов. Концепт «труд» как компонент концептуальной картины мира относится одновременно к языковой и к культурной картина. С одной стороны, аксиологические установки культуры (культурная картина мира) являются условием его существования, с другой — данный концепт образован совокупностью значений слов, составляющих словарь культуры (языковую картину мира).

2. Компоненты ментально-лингвистического фрейма (когниотипа), репрезентирующего концепт «труд», соединены в систему, придавая связность концепту как одной из сторон человеческого опыта. Вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют аспектам, наиболее актуальным по отношению к рассматриваемому концепту. Ниже этих узлов — терминальные узлы (слоты). Каждый терминальный узел может указывать на условия, которым должно отвечать его заполнение. Такое заполнение представляется как подфрейм — вложенный фрейм. Терминальные узлы, как и элементы вложенных фреймов, обозначены логемами, которые вербализуют знание, структурированное во фрейм в виде предложения- суждения, и наряду с вершинными уровнями служат основанием для сопоставления ментальное гей двух лингвокультурных общностей.

3. Ментально-лингвистический фрейм (когниотип) концепта «труд» *включает* тридцать вершинных уровней фрейма (Лень / Бездействие, Результат / Качество / Польза в ТД, Благополучие / Благосостояние и ТД, Трудолюбие и ТД, Мастерство / Неумелость в ТД, Время / Сроки в ТД, Условия и ТД, Почет / Награда / Честь за ТД, Слово и дело, Отдых и ТД, Ответственность в ТД, Тяжесть / Легкость ТД, Начало / Конец дела, Справедливость в ТД, Знания / Ум и ТД, Характеристика человека и ТД, Объем ТД, Песни / Танцы / Веселье и ТД, Скорость в ТД, Религия и ТД, Коллективизм и ТД, ТД «на себя» / «на другого», Терпение и ТД, Индивидуализм и ТД, Место осуществления ТД, Пьянство и ТД, Дискриминация в ТД, Смелость / Боязнь в ТД,

Созидание / Разрушение и ТД, Порядок в ТД), которые раскрываются посредством 412 терминальных узлов и 155 вложенных фреймов, описываемых при помощи 965 логем.

4. Культурно-ценностная составляющая концепта выявляется посредством характеристики: а) вершинных уровней; б) терминальных узлов; в) вложенных фреймов. Весь ряд вершинных уровней одинаков в двух языках, но их иерархия (культурологический вес) различна; совокупность логем, описывающих терминальные узлы и элементы вложенных фреймов, также различна. Логемы, характеризующие универсальные черты концепта «труд» в картинах мира двух социумов (605), совпадают, а логемы, отражающие уникальные грани (346), в каждом языке свои. Указанные уникальные логемы могут быть рассмотрены в аспекте лакунарности.

5. Когнитивная организация единиц паремиологии, соотносимых с трудовой деятельностью, демонстрирует сходство и различие отражения в двух культурах таких фрагментов языковой картины мира, как отношение к труду, к мотивации в работе, к понятиям «лень / безделье», к системе «вышестоящий / нижестоящий», к вопросу о взаимосвязи благополучия / благосостояния и трудовой деятельности, к тендерному аспекту в труде и др. Совпадения и расхождения в подходе к трудовой деятельности, ее трактовке и оценке свидетельствуют о том, что языковая картина мира является интерпретацией отображения мира, специфичной для каждого языка.

Литература

Юсова Л.Н. Этноспецифичность семантического поля // Функционирование языка в различных речевых жанрах: Матер. Всерос. науч. конф. — Ростов на / Д: РГУ, 1997. Вып. 4.

Юсова Л.Н. Когнитивная организация лексикона // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц: Сб. науч. тр. — Краснодар: КубТУ, 1998.

Юсова Л.Н. Μέθοδος διδασκαλίας μιας ξένης γλώσσας από την άποψη της θεματικής οργάνωσης των γνώσεων και της γλωσσικής-πολιτισμικής άποψης // Греческий язык как второй или иностранный: межкультурный аспект: Матер. 3-го Международного съезда по вопр. преподавания новогреческого языка как второго или иностранного: Сб. науч. тр.: В 3 ч. — Ч. 1 Патры: Патрский университет, 2001.

Юсова Л.Н. Картина мира как субъективный образ объективной реальности // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. науч. тр.: В 3 ч. — Ч. 3. Краснодар: КубГУ, 2003.

Юсова Л.Н. Концепт как когнитивный феномен // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Матер. 2-й межвуз. докторантско-аспирантской науч. конф.: В 2 ч. — Ч. 1. —

Краснодар: КубГУ, 2003.

Мирошниченко Л.Н. Концепт «рудовая деятельность» — важнейший лингвокультурный концепт // Лингвистическая организация дискурса: функциональные и содержательные аспекты: Межвуз сб. тр. молодых учёных.- Вып. 1. — Краснодар КубГУ, 2004.

Мирошниченко Л.Н. Концепт «трудова деятельность» в русском, греческом и английском языках // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты: Матер. 4-й Всерос науч. конф. — Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ имени В.Г. Белинского; Администрация г. Пензы, 2004.

Мирошниченко Л.Н. Οργανωσες λεξιλογίου κατά γνωστικούς τύπους // Στροφές. Золотая строфа: Сб. науч. тр. Краснодар.: КубГУ, 2004. — Вып. 2

Мирошниченко Л.Н. Когнитивно-культурологический анализ концепта «труд» в русском и новогреческом языках // Дискурсивное пространство — эволюция и интерпретация: Экологический вестник научных центров Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). — Прил. № 2. — Краснодар: КубГУ, 2006. — 0,7 п.л.

Мирошниченко Л.Н. Когнитивно-культурологическое представление концепта «труд» в паремиологическом фонде русского и новогреческого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 23 с.

М.А. Филиппова
(Волгоград)

ДЕМОКРАТИЯ

Целью исследования является характеристика идеологического концепта «демократия» в современной американской лингвокультуре.

Доминантными элементами, несущими основную идеологическую нагрузку, являются идеологические концепты. Одной из основных характеристик таких концептов выступает их градуальность, т.е. разная степень идеологичности того или иного концепта. Отсюда вытекает выделение двух типов идеологических концептов:

1. Первичные идеологические концепты, изначально созданные в рамках той или иной доктрины (чаще сами названия этих доктрин).

2. Вторичные идеологические концепты, заимствованные идеологами из системы языка понятия (чаще аксиологические концепты).

Первичные идеологические концепты (*демократия, либерализм, коммунизм, фашизм, нацизм, исламизм, расизм, мусульманский фундаментализм, феминизм, пацифизм* и т.д.) лишены нейтральной составляющей, поскольку их

формирование не протекало естественно, а явилось результатом целенаправленных действий идеологов. Основной особенностью таких концептов является их вертикальное строение, объясняющееся тем, что изначально они принадлежат сфере официальной идеологии, которая в ходе их создания кодирует определенного рода информацию — как когнитивную, так и ценностную. При этом происходит навязывание адресату, воспринимающему сообщение, желательных для отправителя интерпретаций и оценок. Вторичные идеологические концепты (например, *народ, свобода, равенство, толерантность, труд, борьба* и т.д.) вследствие своей вовлеченности в сферу идеологии приобретают дополнительную идеологическую коннотацию только в определенном контексте. Кроме того, оба вида концептов характеризуются следующими признаками:

- обладают высокой степенью прагматического потенциала;
- отличаются доминированием ценностной составляющей над понятийной и образной;
- служат символом-паролем приверженности определенной идеологии.

Концепт «демократия» в американской лингвокультуре обладает всеми особенностями первичного идеологического концепта и характеризуется наличием идеологических коннотаций во всех компонентах его структуры.

При моделировании структуры идеологического концепта «демократия» мы опирались на две теории когнитивной лингвистики: 1) трёхаспектную модель концепта с рассмотрением его понятийной, образной и ценностной сторон в интерпретации С.Х. Ляпина (1997) и В.И. Карасика (2002); 2) трёхкомпонентную структуру концепта, предложенную Ю.С. Степановым (1997) и включающую в себя основной, дополнительный и этимологический признаки. Объединив указанные подходы, мы построили двухмерную модель применительно к концепту «демократия», включающую его когнитивно-аксиологическое измерение (понятийная, образная и ценностная составляющие) и социодинамическое измерение (этимологический, базовый и ассоциативно-расширительный уровни). Мы предложили иные названия компонентов: дополнительный признак (по Ю.С. Степанову), с нашей точки зрения, является базовым уровнем, поскольку включает в себя хоть и не актуальные, но фундаментальные признаки, исторически закреплённые за данным понятием. Основным признаком концепта действительно является актуальным в представлении современных людей, при этом высокая апеллятивная частотность делает его открытым к

различным смысловым приращениям. В этой связи оправданным, на наш взгляд, представляется обозначение данного уровня как ассоциативно-расширительного. Таким образом, при анализе концепта «демократия» мы разграничили описание понятийной, образной и ценностной составляющих по трем основным уровням: этимологическому, базовому и ассоциативно-расширительному.

В научной картине мира демократия получает сходные интерпретации на разных этапах развития политической мысли. Она понимается как гарантия гражданских и личностных свобод, правление большинства, практика компромиссов и синоним экономического роста. Кроме того, ученые солидарны в понимании необходимости культурных предпосылок для возникновения демократии и невозможности ее насильственного насаждения в другие регионы. Вместе с тем, в научных работах признается возможность того, что за понятием «democracy» в американской лингвокультуре могут стоять злоупотребления властью и политические ошибки, что ведет к приращению к данному понятию негативных смыслов и к десемантизации его понятийной составляющей.

В наивной картине мира, как показал дефиниционный анализ лексикографических источников, понятийная составляющая концепта «демократия» имеет следующую структуру:

- 1) демократия как власть демоса в Древней Греции (этимологический уровень);
- 2) демократия как власть народа, т.е. большинства (базовый уровень);
- 3) демократия как синкретичная характеристика всего общественного устройства США (ассоциативно-расширительный уровень).

Анализ концепта «демократия» на этимологическом уровне проводился с учетом выделения понятийной, образной и ценностной составляющих на материале толковых, этимологических и энциклопедических словарей. В американском этимологическом словаре (BCDE) отмечается, что появление термина «democracy» датируется 1574 годом, и образован он от греческих слов *demos*, (common people, district) и *kratos* (rule, strength), что означает «народовластие». Энциклопедические источники отмечают, что в демос входили лишь свободнорожденные мужчины старше 20 лет, тогда как рабы, женщины, а также переселенцы из других областей, хотя и свободные, но не имеющие гражданства, народом (демосом) не считались (БСЭ). Стать демосом значило стать «своим», что

требовало службы обществу и благонадежности. Так, метеку («беженцу») могли быть дарованы гражданские права, если он добровольно становился на защиту города в случае нападения.

Базовый уровень тождественен понятию «народовластие» и характеризует взаимоотношения двух политических субъектов «народа» и «власти» в ходе реализации демократической формы правления. В американском языковом сознании народ предстает как активный участник политической борьбы, обладающий определенными правами и отстаивающий их.

В рамках ассоциативно-расширительного уровня демократия понимается следующим образом: 1) институционализация таких ценностей американского общества, как *basic rights, equality, freedom, opportunity* – *основные права, равенство, свобода, открытые возможности*; 2) определенная форма социального поведения.

Рассмотрение ближайших по смыслу концептов способствует более детальному освещению рассматриваемого концепта. Так, в соотношении с концептом «демократия», концепт «freedom» (свобода) понимается как политическое право (*a political right*) и означает возможность действовать без принуждения. Однако свободная личность должна осознавать моральную и социальную ответственность, отсутствие которой может привести к упадку общества, его деградации. Отделить свободу («freedom») от злоупотребления ею («license») призваны законы («laws»). Законы позволяют людям жить в условиях свободы и охраняют их от того, чтобы другие люди не нарушали эту свободу. Однако законы, установленные властями и обязательные для исполнения, ограничивают, в определенной мере, свободы той или иной категории граждан, их права. Таким образом, с одной стороны, можно говорить о том, что власть посредством законов предоставляет свободы, с другой, — что их ограничивает.

Равенство в рамках демократии может быть рассмотрено с трех позиций:

1. Политическое равенство (*political equality*). Формальное равенство всех граждан как избирателей и право любого гражданина быть избранным.

2. Равенство возможностей (*equality of opportunity*). Демократия предполагает тот факт, что унаследованные условия гораздо менее важны, чем усилия, вкладываемые самим человеком в реализацию своего выбора.

3. Равенство перед законом (*equality before the law*). Человек, независимо от того, богатый он или бедный, представитель этнического или религиозного большинства или меньшинства,

обязан соблюдать закон, с одной стороны, и быть защищен законом, с другой.

Следует особо подчеркнуть, что в наивной картине мира американского языкового сознания важным признаком демократии выступает определенная форма социального поведения, включающего в себя уважение к личности (*respect for the individual*), терпимость (*tolerance*) к представителям других наций и рас, плюрализм мнений (*pluralism*), сотрудничество (*cooperation*) и компромисс (*compromise*) в достижении соглашений. Отсюда следует возникновение особого термина, характеризующего данный тип личности: *Homo democraticus*. Исчерпывающее определение данному термину было представлено на сайте <http://www.op.org/CURIA/bologna98/1501cmze.html>:

Homo democraticus, acknowledging the real equality of other people, not only has an attitude of full respect towards ideas that are different from his own, but also recognises his own fallibility, accepting that others may know better. He also believes that the majority of the community to which he belongs is capable of generous behaviour towards the minority, while the minority is capable of being loyal towards those who have voted a decision not to their liking. In his creed there is also a belief in a general and constant good will (at least over a longer period of time and among the majority of the community). Homo democraticus is characterised by the intelligence and imagination that are a condition for a grain of that priceless empathy which is necessary for making creative compromises. He also has the common sense to trust in rational discourse and have the courage to participate, because a democratic debate also means permission to expose oneself to public scrutiny.

Homo democraticus (человек демократичный) – это человек, признающий равенство других, который не только относится с глубоким уважением к чужим взглядам, отличным от его собственных, но и признает свои ошибки, считая, что другие могут быть более осведомлены. Он также считает, что большинство общества, к которому он принадлежит, способно великодушно относиться к меньшинству, а меньшинство, в свою очередь, умеет лояльно относиться к избирателям, проголосовавшим не в его пользу. Его мировоззрение также основывается на вере в общепринятую и постоянную благожелательность (по крайней мере, имеющую место в течение долгого времени и среди большей части общества). Homo democraticus характеризуется развитым интеллектом и воображением, которые являются условием для зарождения того бесценного взаимопонимания (эмпатии), которое необходимо для создания действенных компромиссов. Он также не лишен здравого смысла верить в рациональный диалог и обладать смелостью участвовать в нем, поскольку демократичная дискуссия означает позволение выставить свое поведение на суд общественности.

Согласно приведенному высказыванию выделяются следующие ключевые семы, характеризующие поведение субъекта демократии: 1) уважение к другим людям (*acknowledging the real equality of other people; an attitude of full respect*); 2) признание своих ошибок (*recognises his own fallibility*); 3) признание правоты других людей (*accepting that others may know better*); 4) великодушное, лояльное, благожелательное отношение к окружающим (*generous behaviour; loyal towards; a belief in a general and constant good will*); 5) желание достичь взаимопонимания, согласие идти на компромисс (*making creative compromises*); 6) готовность к диалогу (*trust in rational discourse*). Новые смыслы обозначены в последнем предложении (*permission to expose oneself to public scrutiny*), где отмечается, что гражданин демократического общества готов к конструктивной критике со стороны общественности.

Среди концептов, противопоставленных демократии, отмечены следующие единицы: *monarchy, dictatorship, totalitarian government, despotism, czarism, absolutism, communism, tyranny, Nazism, fascism*. Контрастивом концепта «демократия» в современной американской лингвокультуре выступает концепт «*terrorism*», антонимом слова «*democratic*» являются слова «*snobbish*», «*intellectual*», объединенные по смыслу семой «превосходство», и противопоставленные слову «*democratic*» в значении (равный, лишенный социальных различий и какого-либо превосходства). Отмеченные контрастивы характеризуются наличием отрицательно-оценочных сем и на каждом историческом этапе развития США противопоставляются демократии как неизменному благу. Концепты «диктатура», «деспотизм», «абсолютизм», «тирания», «тоталитаризм» предстают как взаимозаменяемые в американском языковом сознании, а смысловая детализация этих чуждых политических феноменов оказывается неважной. Значение приобретает лишь их употребление в функции пароля в рамках оценки «свой-чужой», где все, что не соответствует демократии, а вернее интересам демократических стран, интерпретируется в выше приведенных концептах.

Соответственно, представленные контрастивы в наибольшей степени характеризуют идеологический аспект концепта «демократия» в американской лингвокультуре.

Образная составляющая концепта «демократия» на этимологическом уровне представлена зарождающимися демократичными практиками: участие демоса в городских собраниях, в выборах магистратов по жребию, в изгнании из

полиса (остракизм) лучших политиков как лишение их гражданских прав, наказание победителей. Однако подчинение личности коллективным интересам, одностороннее решение проблем большинством без учета мнения меньшинства, манипулирование толпой со стороны демагогов – все это приводило к крайней нестабильности демократии и постоянной смене форм правления в Древней Греции.

Противоречивый характер демократии повлиял на возникновение прямо противоположных оценок в ее адрес со стороны древних философов. Соответственно, ценностная составляющая рассматриваемого концепта на этимологическом уровне характеризуется как положительной оценкой демократии, позволявшей учесть мнение народа, так и отрицательной, вследствие ее неизбежного вырождения в диктатуру.

Анализ образной составляющей на базовом уровне проводился на основе описания американских институциональных и процессуально-процедурных характеристик демократии как политического режима, опирающегося на народовластие. Ключевым признаком демократии как участия граждан в политике признаются выборы (*election*), которые должны быть конкурентными (*competitive*). Состязательность кандидатов возможна благодаря верховенству закона (*rule of law*) и равноправию (*equality*). Будучи избранными, народные представители должны нести ответственность перед народом (*accountability to the people*). Ответственность властей достигается посредством системы сдержек и противовесов, которая предполагает разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную ветви власти. Все властные органы должны опираться на законы, невыполнение которых влечет за собой определенные меры наказания (например, процедура импичмента). Контроль за действиями властей со стороны народа не ограничивается импичментом, а включает в себя также процедуру внесения поправок, прямого законодательства, законодательной инициативы, референдума, отзыва своих представителей и проведения дополнительных выборов.

Ценностный компонент базового уровня представлен амбивалентностью оценок. Контексты с отрицательной оценкой немногочисленны. Их наличие связано, прежде всего, с признанием нереализованности на практике тех или иных демократических принципов. Однако, в целом, оценка демократических процедур в американском обществе закрепилась на положительном полюсе, а сама политическая система США является предметом гордости ее граждан. В связи с

этим контексты с положительной оценкой сопровождаются апелляциями к прецедентным феноменам, например, к прецедентному имени отцов-основателей (*Founding Fathers*), которые заложили основы американской политической системы: «Vigilant adherence to the rule of law strengthens our democracy and strengthens America. A president who breaks the law is a threat to the very structure of our government. Our Founding Fathers were adamant that they had established a government of laws and not men...» (A.Gore). («Твердая приверженность принципу верховенства закона укрепляет нашу демократию и нашу Америку. Президент, который нарушает закон, является угрозой самой структуре нашего государства. Наши Отцы-основатели были непоколебимы, установив правление законов, а не людей»). Прецедентное имя используется в качестве аргументов, которые передают идею неукоснительности соблюдения принципов народного правления, изложенных в Декларации независимости. Любое отклонение от этих принципов вызывает общественный резонанс, выраженный в речи апелляцией к прецедентным именам создателей американской демократии, которые не одобрили бы подобных отступлений от народовластия.

Третий уровень концепта «демократия» — ассоциативно-расширительный — является актуальным для современной американской лингвокультуры и представляет собой обиходное переосмысление демократии. Его изучение проводилось на материале печатных и электронных СМИ, креолизованных текстов, афоризмов, песен, а также на основе опроса информантов. На данном уровне демократия, в рамках образной составляющей, выступает как совокупность культурных, ценностных и поведенческих установок американского общества в целом. Приведем пример: «Democracy will also have to come from the bottom up — a grass roots movement of ordinary people living, loving, and working democratically every day» («Демократия должна также идти снизу вверх, представляя собой массовое движение обычных людей, которые изо дня в день живут, любят и работают демократично») (<http://go.ourworld.nu/hstein/>).

Данное высказывание хорошо демонстрирует тот факт, что демократия как политический феномен не ограничивается в своей принадлежности к политическому дискурсу, а предстает как синкретичная характеристика американского образа жизни, охватывающая все сферы функционирования данного социума. Помимо этого, концепт «демократия» наделяется на данном уровне следующими признаками: «свобода слова», «сотрудничество как показатель демократичной культуры

поведения», «солидарность, сплоченность общества», «единство свободы и ответственности», «коллективное равенство».

В ходе анализа более 550 графических изображений, сопровождавшихся языковым комментарием со словом «*democracy*», удалось условно разделить все креолизованные тексты на две группы: 1) отражающие официальную идеологию; 2) переосмысленные в рамках обиходного сознания.

Официальные креолизованные тексты, использующие символику как необходимый инструмент внедрения идеологием в массовое сознание, характеризуются высокой степенью идеологизации и передают такие признаки демократии, как «забота о народе», «доступное образование», «политическая свобода и гражданские права», «политические принципы Демократической партии США», «национально-специфическая ценность», «идеальная форма правления», «победа над вселенским злом». Текстовый компонент таких креолизованных текстов неизменно сопровождается изображением флага США, Капитолия, Статуи Свободы, политических деятелей (например, А. Линкольна), американских солдат.

В карикатурах, представляющих обыденное понимание, демократия наделяется такими признаками, как «народная заступница», «инструмент в борьбе с властью имущими», «национальная ценность». Так, в XIX-XX вв. демократия в карикатурах художников нередко представлялась в виде солидной женщины («*Dame Democracy*» — «Госпожа Демократия»), юной леди («*Miss Democracy*»), матушки, тетушки («*Auntie*»). Солидная дама Демократия всегда представлена в сопровождении услужливых политиков, заискивающих перед ней. Юная Демократия окружена поклонниками, которые дарят ей свои валентинки. Матушка, тетушка, учитель, олицетворяющие демократию, наставляют политиков, представленных в виде несмышленных детей, на путь истинный (Демократия ведет за руку политиков-слепцов, назидательно поднимает указательный палец, заботливо участвует в репетиции концерта, тогда как дети-политики несут ей подарки ко Дню матери).

Следует отметить, что оценка демократии является положительной в обеих сферах функционирования. В карикатурах демократия не затрагивается критикой, осмеянию подвергаются лишь представители власти. Признак демократии как инструмента в борьбе с властью имущими является специфичным для обиходного сознания.

Рассмотренные нами более 300 афоризмов, обладая индивидуально-авторской сущностью, изначально принадлежали

1) сфере официальной идеологии и 2) сфере обиходного осмысления. В первой группе афоризмов, взятых из официальных выступлений американских президентов, сенаторов, других политических деятелей, а также журналистов, представляющих официальную позицию руководства США, демократия имеет высокую оценку, предстает как элемент национального сознания, дух нации, система поведения и получает широкую степень идеологического наполнения: *...democracy is not only service, action, brotherhood — it is spirit — spirit free, indefinable, all-pervasive, that holds us to its revelations even when we seek to escape them (...демократия – это не просто государственная служба, действие, братство, это еще и дух, дух свободный, неопиcуемый, всепроникающий, который притягивает нас даже когда мы хотим вырваться)* (A.E. Meyer, U.S. journalist).

Наряду с данным признаком демократии как «национально-исторической ценности», были отмечены следующие признаки: «определенная культура поведения», «уважение к человеческой личности», «справедливость решений», «свободное государство», «коллективное равенство», «идеальная форма правления».

Во второй группе афоризмов демократия получает как положительную, так и отрицательную оценку и имеет следующие признаки: «уважение к другим людям», «коллективное равенство», «закулисная борьба интересов», «фикция, политический миф». Приведем пример критического осмысления демократии:

I loved. And a man will guard when he loves.

Their white-gowned democracy was my fair lady.

With her knife lying cold, straight, in the softness of her sweet-flowing sleeve.

(Я любил. А человек спасен, когда он любит.

Их демократия в белоснежном одеянии была моей возлюбленной,

С холодным ножом в струящейся глади ее рукава)

(G. Brooks (1917), U.S. poet, "Negro Hero").

В отрывке поэмы демократия характеризуется отрицательной оценкой. Импликатура данного высказывания состоит в том, что правительство заставило людей поверить в справедливую демократию (*fair lady*), которая на деле оказалась предательством (*with her knife*). Подобная метафорика призвана показать несостоятельность идей, предлагаемых демократией, и роскошное словесное вуалирование, призванное замаскировать эту несостоятельность. Основным признаком демократии в приведенном примере выступает «фикция, политический миф». Однако данный пример отрицательной оценки демократии является скорее исключением, и даже он может быть

неоднозначно проинтерпретирован, т.к. в высказывании «*Their white-gowned democracy*» на первое место может выступать местоимение *their*, и тогда критике подвергается не сама демократическая теория, а политики, нечестно, в угоду своим интересам применяющие ее на практике.

Американские песни, в которых находит отражение демократия, можно условно разделить на 2 группы: 1) патриотические песни (сфера официальной идеологии) и 2) музыка в стиле рок и панк-рок (сфера обиходного осмысления).

Как и в креолизованных текстах и афоризмах, представляющих сферу официальной идеологии, в текстах патриотических песен демократия предстает, в первую очередь, как социокультурная ценность, национальная особенность, идеал общественного устройства. Демократия в них прославляется как великое благо и достижение американского народа:

*We'll banish old autocracy,
"Make safe the world for Democracy;"
Then ev'ry nation blest shall be,
With glorious liberty.
(Мы изгоним старое самодержавие,
Сделаем мир безопасным для демократии.
Тогда каждая нация станет счастлива
И получит свободу славную)*

(«Thank God, I Am An American»).

Молодая нация уже ощущает свое вселенское призвание изгнать самодержавие, принести миру благодать демократию и осчастливить другие народы свободой, которую испытали сами пилигримы. Идеологический подтекст четверостишья – прославление «своей» идеологии, необходимость ее распространения на другие страны и подавления «чужих» доктрин. Демократия в данном контексте ассоциируется со свободой, положительные коннотации которой дополнены прилагательным *glorious*.

Все рассмотренные нами музыкальные произведения, относящиеся к стилю рок и панк-рок, написанные в 1970-е – 2000-е годы, объединяет протест, неверие в «предлагаемую» демократию, пессимизм: *I'm sorry democracy is changing* (Простите, но демократия меняется) (Killing Joke "Democracy"); *Democracy is Dead* (Демократия мертва) (Dead by Wednesday "Democracy is Dead"); *democrasy ain't real it's a fairytale* (Демократия не осуществима, это волшебная сказка) (MxPx "Democrasy"). Это связано, на наш взгляд, с общей тенденцией контркультуры демонстрировать крайне маргинальную позицию по отношению к существующему строю, которая не характеризует американское языковое сознание в

целом. Тем не менее, рок-музыка имеет невероятную популярность среди молодого населения, а, следовательно, оказывает влияние на формирование их политико-социальных устремлений. Однако и в данной сфере обиходного сознания существует понимание того, какой должна быть демократия, и подчеркиваются следующие ее признаки: «отсутствие эксплуатации», «честные выборы», «равенство возможностей», «свобода в различных ее проявлениях». Поэтому наибольшей критике подвергается не демократия, а политические деятели, нарушающие демократические принципы, на что указывает, например, притяжательное местоимение *your*: *We do not believe in your democracy* (Мы не верим в вашу демократию) (Dead by Wednesday "Rise"); *you disease the world with your pseudo democratic values* (вы заражаете мир своими псевдодемократическими ценностями) («Refuse to suffer» Dead by Wednesday).

Нами был проведен ассоциативный эксперимент, позволивший более полно описать образно-перцептивные признаки концепта «демократия» в индивидуальном сознании. Для этого американским респондентам было предложено написать короткое сочинение на тему «When I think of democracy, the following pictures and situations come to my mind...» («Когда я думаю о демократии, я представляю себе следующие образы и ситуации...»). Всего в эксперименте приняло участие 120 человек в возрасте от 17 до 63 лет, с разным уровнем образования и из разных сфер профессиональной деятельности (студенты, служащие, преподаватели, миссионеры, волонтеры, дизайнеры, врачи и др.). В результате экспериментального исследования были установлены следующие факты:

1. 95,83% респондентов убеждены в том, что именно демократия способствовала становлению Соединенных Штатов как символа народного процветания, свободы и экономического прогресса. Так, среди конкретных образов и ситуаций нашли отражение следующие прецедентные феномены американской лингвокультуры, указывающие на национально-специфическую значимость демократии: а) страна в целом, ее столица (*America, the United States, Washington D.C.*); б) национальная символика, денежная единица, девиз штата (*American flag, The Bald Eagle, the five dollar bill, "Live free or die"*); в) государственные праздники (*Independence Day, the 4th of July*); г) официальные документы (*Constitution, Bill of Rights, Declaration of Independence*); д) исторические события (*Independence War, Revolutionary War*); е) исторические личности (*George Washington, Ronald Reagan, Abram Lincoln, Founding Fathers*); ж) достопримечательности США (*The Statue of Liberty, the Grand Canyon, the Colorado Rockies,*

Rockefeller center); е) удовольствия и развлечения (*Christmas shopping, Ice skating*).

2. 57,03% ответов содержали исторические ассоциации демократии, что позволяет говорить о транслируемости ценностно-значимых образов демократии. Приведем пример микросочинения:

When I think of democracy a famous painting of George Washington crossing the Delaware during the revolutionary war (Jeff Holland, Illinois). (Когда я думаю о демократии, я представляю себе знаменитую картину, на которой запечатлено, как Джордж Вашингтон форсирует реку Делавер во время войны за независимость).

Образные ассоциации демократии с кабиной для голосования указывают на право голоса как одно из благ народовластия. Исторические ассоциации демократии (речь идет о знаменитом полотне Эммануэля Лейтце «Вашингтон форсирует Делавер» (1851)) указывают на транслируемость из поколения в поколение идейно-ценностных установок, наблюдаемых по отношению к демократии, и позволяют говорить о том, что ее становление происходило одновременно с возникновением самобытности американского народа, вследствие чего демократия прочно укоренилась в сознании американцев как культурно-историческая ценность новой нации.

3. 67,83% респондентов связывают образ демократии со смежными ей абстрактными понятиями: *freedom (свобода), equality (равенство), voting (голосование), people (народ), majority rule (волеизъявление большинства), minority rights (соблюдение прав меньшинства), government (правительство, форма правления), opportunity (возможность), political and civil liberties (политические и социальные свободы)*, что подтверждает наличие в американском языковом сознании общего понимания демократии, совпадающего с основными словарными дефинициями, и в то же время, выходящего за их рамки.

4. 12,52% опрошенных отрицательно оценивают демократию, тогда как 87,48% — положительно, что позволяет говорить о ценностной значимости данного концепта для американской лингвокультуры в целом.

Идеологический аспект на уровне образно-ценностной составляющей представлен тактиками реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой». Концепт «свой» (все демократическое) вербализуется через апелляции к другим ценностям той же культуры, к концепту «народ», через эвфемизмы, возвеличивание сторонников демократии и

перевоспитание противников демократии в ее сторонников. Стратегиями реализации концептуального компонента «чужой» (недемократический) выступают намек на отсталость, пейоративное наименование «чужого», отрицательная оценка врагов демократии.

Анализ понятийной составляющей показал, что демократия предстает как власть демоса в Древней Греции (этимологический уровень), власть народного большинства, с акцентом на выборность власти и ее подконтрольность избирателям (базовый уровень), синкретичная характеристика всего общественного устройства США (ассоциативно-расширительный уровень).

Базовый уровень тождественен понятию «народовластие» и характеризует взаимоотношения двух политических субъектов «народа» и «власти» в ходе реализации демократической формы правления. В ходе исследования было выяснено, что реализация отношений народа и власти происходит посредством целого ряда демократических процессуально-процедурных практик, описание которых характеризует базовый уровень образной составляющей. К ним относятся:

- всеобщие и прямые выборы при обеспечении реального равноправия и состязательности кандидатов,
- принцип разделения властей как система сдержек и противовесов,
- принцип подчинения меньшинства воле большинства,
- политические дебаты,
- референдумы,
- процедура импичмента.

В рамках ценностной составляющей базового уровня наблюдалась амбивалентность оценок, связанная как с признанием демократии идеалом устройства общества, так и с невозможностью реализовать этот идеал.

Третий – ассоциативно-расширительный уровень – в рамках понятийной составляющей исследовался на основе ассоциативных словарей, которые показали, что демократия ассоциируется с целым рядом смежных аксиологических концептов: *basic rights, equality, freedom, tolerance, respect for the individual, pluralism, pragmatism, cooperation, compromise, opportunity*. Данные концепты являются ценностно значимыми для американского языкового сознания, в связи с чем демократия предстает как синкретичная характеристика всего общественного устройства США.

Таким образом, идеологический концепт «демократия» в американской лингвокультуре имеет следующую структуру:

	<i>понятийный</i>	<i>образный</i>	<i>ценностный</i>
<i>этимологический</i>	власть демоса	представленность демоса во власти	амбивалентная оценка демократии
<i>базовый</i>	народовластие	описание современных процедур народовластия	амбивалентная оценка демократии
<i>ассоциативно-расширительный</i>	синкретичная характеристика всего общественного устройства США	государственные символы США и языковые апелляции к ним	общеоценочный положительный знак американского образа жизни

Образная составляющая ассоциативно-расширительного уровня была проанализирована на материале текстов СМИ и Интернет-форумов, художественной литературы, художественных и документальных фильмов, песен, сборников афоризмов, карикатур и других креолизованных текстов, а также на основе результатов опроса информантов. Перечисленные источники позволили установить следующие образные признаки демократии, дополняющие понятийные:

- политическая свобода и гражданские права,
- равенство возможностей,
- сотрудничество как показатель демократичной культуры поведения,
- единство, солидарность общества,
- единство свободы и ответственности,
- коллективное равенство,
- доступность,
- национально-историческая ценность,
- победа над вселенским злом,
- политические принципы Демократической партии США,
- доступное образование,
- возможность граждан свободно высказываться по вопросам политики,
- городские собрания,
- высокий уровень жизни населения.

Однако вследствие вертикального строения и принадлежности концепта «демократия» к сфере официальной идеологии (власть) и сфере обиходного сознания (народ), он может содержать, наряду с общими, и дифференциальные признаки. В сфере официальной идеологии – это:

- забота о народе,
- идеальная форма правления,
- справедливость решений.

Дифференциальными признаками концепта «демократия» в обиходной сфере являются:

- народная заступница,
- инструмент в борьбе с властью имущими,
- теория, не реализуемая на практике,
- фикция, политический миф,
- закулисная борьба интересов,
- чрезмерная свобода.

Проведенное экспериментальное исследование подтвердило предположение о том, что демократия, как и любой идеологический концепт, в американской сфере официальной идеологии оценивается положительно. В сфере обиходного сознания, как показал анализ материала, демократия получает амбивалентную оценку. Однако, в целом, положительная оценка демократии в американском языковом сознании доминирует над отрицательной. В частности, это подтвердил проведенный нами опрос информантов, среди которых лишь 12,52% опрошенных отрицательно оценивают демократию, тогда как 87,48% — положительно, что позволяет говорить о ценностной значимости и высокой степени идеологизации данного концепта в американском языковом сознании.

И, наконец, исследование показало наличие идеологических коннотаций во всех составляющих рассматриваемого концепта. На этимологическом уровне: упрощенное понимание демоса, практика остракизма в интересах властей. На базовом уровне: власть народных представителей, а не народа; речевые и языковые тактики дискредитации «чужого» (недемократического) и самовосхваления «своего» (демократического). На ассоциативно-расширительном уровне: высокая аксиологичность концепта, которая вербализует маркеры «своего» и вербальную агрессию по отношению к «чужому».

Подведем основные итоги.

1. Идеологические концепты отражают ценностно маркированное отношение к действительности с позиций

определенной социальной группы, формируются в сфере официальной идеологии и внедряются в массовое сознание.

2. Существуют первичные и вторичные идеологические концепты, первичные создаются в рамках идеологической доктрины, в максимальной мере выражая ее сущность, вторичные возникают вне идеологии, их номинанты получают идеологическую коннотацию либо контекстуальный идеологический смысл в определенном дискурсе. Концепт «демократия» является первичным идеологическим концептом.

3. Структура идеологического концепта может быть представлена в виде двухмерной модели концепта, учитывающей его когнитивно-аксиологическое измерение (понятийная, образная и ценностная составляющие) и социодинамическое измерение (этимологический, базовый и ассоциативно-расширительный уровни).

4. Понятийная составляющая американского идеологического концепта «демократия» определяется на этимологическом уровне как власть демоса, на базовом уровне – как выборность власти и ее подконтрольность избирателям, на ассоциативно-расширительном уровне – как синкретичная характеристика всего общественного устройства США.

5. Образная составляющая американского идеологического концепта «демократия» формируется на этимологическом уровне типичными проявлениями власти демоса (участие в городских собраниях, полемика, практика остракизма и др.), на базовом уровне – демократическими процедурами реализации власти народа (выборы народных представителей, референдумы, политические дебаты и др.), на ассоциативно-расширительном уровне – государственными символами США и языковыми апелляциями к ним (Статуя Свободы, американский флаг, Белый дом и др.).

6. Ценностная составляющая американского идеологического концепта «демократия» на этимологическом уровне заключается в его амбивалентной оценке (учет мнения народа как позитивный момент и неизбежное вырождение демократии как негативный момент), на базовом уровне — в акцентировании расхождения между демократическим идеалом и его реальным воплощением, на ассоциативно-расширительном уровне – в общеоценочном положительном знаке американского образа жизни.

7. Специфика американского идеологического концепта «демократия» состоит в экспансии его ценностной составляющей на все содержание концепта и вытекающей отсюда

десемантизации его понятийной составляющей в массовом языковом сознании.

Литература

Филиппова, М.А. Концепт «демократия» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2007. – №2(20). – С. 18-22.

Филиппова (Новоковская), М.А. Вербализация концептуальной оппозиции «свой-чужой» в политическом предвыборном дискурсе (на материале франц. и русск. языков) / М.А. Новоковская // IX региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 9-12 ноября 2004 г.: тез. докл. – Напр.13 «Филология». – Волгоград: Перемена, 2005. — С. 188-189.

Филиппова (Новоковская), М.А. Воздействующая сила метафоры в политическом дискурсе / М.А. Новоковская // Научные чтения, посвященные памяти проф. В.Г. Гака, г. Волгоград, 27 января 2005 г.: Сборник статей / Сост. Н.Л. Шамне, В.П. Свиридонова, В.П. Данилова, Е.А. Пелих, А.В. Простов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – С. 214-219.

Филиппова, М.А. Понятийные характеристики концепта «democracy» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // X региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8-11 ноября 2005 г.: тез. докл. – Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Перемена, 2006. — С. 244-245.

Филиппова, М.А. Ассоциативные признаки концепта «democracy» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева, г.Волгоград, 16 января 2006 г.: Сборник статей / Сост. Л.А. Милованова и др. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 407-410.

Филиппова, М.А. Концепт «democracy» в американской лингвокультуре: понятийный аспект / М.А. Филиппова // Homo Loquens: (Текст) (Вопросы лингвистики и транслятологии): Сб. ст. – Вып. 3 / ВолГУ, Каф. теории и практики перевода; ред. кол.: Р.Л. Ковалевский (отв. ред.) (и др.). – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. – С.129-138.

Филиппова, М.А. Семантические оппозиции концепта «democracy» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Язык. Культура. Коммуникация (Текст): материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.: в 3 ч. Ч.2 / ВолГУ; оргкомитет: О.В. Иншаков (пред.) (и др.). — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С.343- 349.

Филиппова, М.А. Базовые признаки концепта «democracy» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – Вып. 12. – С.167-170.

Филиппова, М.А. Идеологический концепт «democracy» в американской лингвокультуре: понятийный аспект / М.А. Филиппова // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки: материалы Международной научно-практической конференции, г. Пушкин 15-17 мая 2006 г.; под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – г. Санкт-Петербург, 2006. – С.86-88.

Филиппова, М.А. Идеологический концепт «democracy» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Концептосфера и языковая картина мира / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – 303 с. (Серия «Филологический сборник». Вып.9). С. 131-136.

Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

**Е.С. Миронец
(Владивосток)**

ДЕМОКРАТИЯ

Цель работы заключается в выявлении, интерпретации и описании структуры языковой репрезентации высшей политической ценности «демократия» в речах американских президентов и определении характера языкового воздействия исследуемых речей.

Ценности, с точки зрения аксиологической лингвистики, представляют собой когнитивную структуру, следовательно, их можно считать особым видом концепта — аксиологическим. Под аксиологическим концептом мы понимаем оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженную в человеческой психике (Кубрякова, 1996: 90). Однако считаем необходимым дополнить это определение существенным для нашего исследования положением о соотношении таких понятий, как «оценка» и «ценность».

Исследуя структуру аксиологического концепта, мы, вслед за рядом лингвистов, трактуем ее в терминах ядра и периферии. Ядро представлено признаками, обладающими высокой частотностью и значимостью для американского общества, концептуальные признаки с меньшей частотностью составляют периферию концепта.

Ценностная составляющая аксиологического концепта может быть выявлена через анализ оценочных значений языковых единиц, паремий, прецедентных текстов. Для исследования аксиологических концептов применяется комплексный метод, который включает такие виды анализа, как дефиниционный,

контекстуальный, этимологический, концептуальный, гештальтный, интерпретативный и др. Мы считаем, что именно комплексный подход позволит наиболее полно отразить информацию о содержании концепта, установить глубинные, подсознательные ассоциативные связи слов, вывести имплицитный образ на основе сочетаемости, а также раскрыть содержание, стоящее за исследуемым концептом. Наличие ценностного и оценочного компонентов в составе аксиологических концептов указывает на систему ценностей и ориентиров, закрепленную в коллективном сознании общества. Оценочный компонент является показателем положительного или отрицательного отношения общества к определенным явлениям жизни.

Интерес к изучению такой ценности, как демократия, не является случайным, поскольку именно демократия является наиболее важной в жизни современного американского общества. В основе аксиологического концепта DEMOCRACY лежит ценностный компонент. О его значимости свидетельствует частота употребления лексической единицы *democracy*. Значимость также подтверждается частотой коллокаций с лексемой *democracy* (31000 сочетаний), зафиксированной в корпусе словаря Collins Cobuild. Это еще раз подтверждает важность и значимость исследуемого нами концепта в культуре США.

В результате дефиниционного анализа было выделено 18 концептуальных признаков, которые можно распределить по трем группам в соответствии с тематическим принципом: политические (*state governing vested in the people; democratic spirit, principles of the Democratic party* и др.), социальные (*principles of equal opportunity; class of people with no privilege; majority rule* и др.), экономические (*system of running a business*). Выделенные по данным лексикографических источников концептуальные признаки обозначили общее понимание демократии американским сообществом, однако недостаточно полно отразили эволюцию концепта и передали его оценочный компонент. Для дальнейшего исследования аксиологического концепта DEMOCRACY мы обратились к текстовому материалу и в результате анализа контекстуального употребления языковых средств, репрезентирующих анализируемый концепт, выделили 124 концептуальных признака.

В дальнейшем в структуре концепта DEMOCRACY были выявлены доминирующие, регулярно повторяющиеся, эксплицитно и имплицитно выраженные концептуальные

признаки, которые объединяются в сегменты по доминирующим признакам. Это такие сегменты, как ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ВИТАЛЬНЫЕ, МОРАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, ЭСТЕТИЧЕСКИЕ и ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ. Таким образом, сегменты понимаются нами как составляющие концепта, которые включают в свой состав равноправные по степени абстракции элементы, объединенные тематически, и в структуре которых выделяются концептуальные признаки, соотносящиеся по принципу «ядро – промежуточный уровень – периферия». Критерием распределения концептуальных признаков в структуре концепта DEMOCRACY послужили показатели частотности и их значимости для понимания демократии в американском обществе.

Для сопоставления содержания сегментов на разных исторических этапах был применен диахронический принцип и установлена хронология появления того или иного концептуального признака в инаугурационных речах президентов. В результате условно было выделено три группы признаков, соответствующие трем историческим этапам: концептуальные признаки, появившиеся в инаугурационных речах президентов в конце XVIII века; концептуальные признаки, появившиеся в речах, относящихся к XIX в., концептуальные признаки, которые впервые появились в речах президентов XX-XXI вв.

Содержание сегментов варьировалось на протяжении всего процесса становления и развития американского государства. Так, в конце XVIII — начале XIX века наиболее полно в количественном отношении были представлены сегменты ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ (20 концептуальных признаков) и МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (14 концептуальных признаков). Это свидетельствует о том, что на начальном этапе становления демократии в основе этого понятия лежали политические и моральные ценности. Такое понимание демократии было связано с правлением большинства, на что указывают лексикографические источники и научные исследования (Бурстин, 1993; Иванян, 2004; Инглхарт, 1997; Garraty, Wood, 1992 и др.). Поэтому президенты старались формировать в сознании людей лояльное отношение к демократии. Анализ концептуальных признаков позволил установить, что президенты апеллируют к таким понятиям, как «равенство», «свобода», «счастье», «союз», «гармония». Концептуальные признаки, репрезентирующие данные понятия (*equality, freedom, majority rule, peace, union* и др.), оставались основными на протяжении

нескольких десятков лет, поэтому ядро концепта можно считать устойчивым.

Эволюция концептуальных признаков в составе сегмента ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ отражает образование и становление американской политической идеологии. Буквальное прочтение сочетания *ardent patriotism* в контексте: *...under the administration of a citizen who, by a long course of great actions...conducting a people ...animated with the same ardent patriotism and love of liberty* (J. Adams, 1797 – 1801) говорит о положительной оценочной семантике концептуального признака *patriotism*. Словарное толкование слова *ardent* – *warm and intense in feeling* (WNWCD) подтверждает положительную коннотацию сочетания *ardent patriotism*. Следует отметить, что концептуальный признак *patriotism* получает дополнительные характеристики, обусловленные тем, как он оценивается с точки зрения принятой в американском обществе идеологии. По мнению президента Дж. Адамса, именно любовь к свободе и патриотизм способны вдохновить людей. Воплощение патриотизма в образе украшения свидетельствует о стремлении американцев к высоким идеалам. Патриотизм, таким образом, представляет собой важное условие существования демократии.

Другая важная составляющая демократического государства – это союз. Функция союза-спасителя имплицитно выводится из следующего контекста: *...the ark of our salvation is union... if there have been projects of partial confederacies to be erected upon the ruins of the Union, they have been scattered to the winds* (J.Q. Adams, 1825 – 1829). Метафорический образ ковчега несет в себе ценностную составляющую, которая выявляется в результате культурной интерпретации и о которой свидетельствует обращение к библейскому сюжету о Ноевом ковчеге. Таким образом, мы можем говорить, что признаки и метафорические образы, в которых воплощается признак *union* в составе концепта DEMOCRACY, в начале XIX века являлись частью сегмента ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ. Сочетание политических и религиозных ценностей говорит об их взаимодействии и влиянии на развитие демократических идей.

Выделенный с помощью дефиниционного анализа эксплицитный признак *American citizenship* выражает гордость американцев за свою страну. Перечисляя национальные достижения, постоянно подчеркивая приверженность американского народа высоким идеалам, президенты убеждают американских граждан в возможности противостоять любым трудностям, справляться со сложными задачами. Благодаря

этому американские президенты завоевывают поддержку и доверие людей. Выражение надежды на лучшее будущее, пропагандирование традиционных ценностей – все это указывает на реализацию одной из четырех функций в речах президента – инспиративной. Выявление интегративной, инспиративной, декларативной и перформативной функций (по Е.И. Шейгал) инаугурационных речей позволяет нам определить основные принципы, которыми руководствовался тот или иной президент США в процессе своего правления.

В результате анализа выяснилось, что становление национального самосознания отражается в реализации таких признаков, как *national spirit, intelligence, practical thought, responsibility*. Таким образом, американская нация предстает как общность образованных, практичных, ответственных людей. Такие концептуальные признаки, как *wise negotiation, political liberty, stainless repute, law-abiding policy* свидетельствуют о том, что правительство обещает стремиться к рациональному, честному, законному государственному устройству. Президенты часто выступают в качестве третьей силы, примиряющей конфликтующие стороны. Следовательно, выделенные признаки формируют положительную аксиологическую составляющую в содержании концепта.

Со временем значительно увеличилось количество признаков, относящихся к сегменту СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (с 9 до 29 за всю историю). Одним из ключевых признаков в составе данного сегмента является концептуальный признак *majority rule*. Изначально считалось, что в основе демократии лежит власть большинства, и поэтому проблема взаимоотношения власти с народом занимает важное место в инаугурационных речах президентов США. Интерпретация в историко-культурном контексте показывает, что на ранней ступени развития американского государства отличительной чертой демократии была скорее власть толпы, чем народа (*mob rule*). На это указывает в своей речи третий президент США Томас Джефферсон: *Democracy is nothing more than mob rule, where fifty-one percent of the people may take away the rights of the forty-nine (Thomas Jefferson quotes)*. Выделенный в результате дефиниционного анализа концептуальный признак *majority rule* впервые реализуется в речи второго президента США Дж. Адамса: *If an election is to be determined by a majority of a single vote... the Government may be the choice of a party for its own ends, not of the nation for the national good (J. Adams, 1797 – 1801)*. Анализ контекста позволяет утверждать, что в конце XVIII – начале XIX вв. преобладало

мнение о том, что выбор, сделанный большинством, не всегда способствует общественному благу. Отрицательное отношение к решающей роли большинства выявляется за счет анализа широкого контекста. Решающая роль большинства может привести к тому, что правительство, сформированное избранными партиями, будет действовать не в интересах нации, а в интересах этих партий (*for its own ends*).

В течение нескольких десятилетий демократия продолжает ассоциироваться с властью большинства. Однако к концу XIX — началу XX вв. признак *majority rule* приобретает дополнительную коннотацию. Решения все еще зависят от выбора большинства людей, но это уже не толпа, крушившая все на своем пути, а американские граждане, которые путем голосования могли согласиться или не согласиться с решением правительства. Президенты подчеркивали свою связь с американским народом, заявляли о единении со своим народом и уважении его мнения не только в предвыборный период, но и в другие судьбоносные для страны моменты: ***In your hands, my fellow citizens, more than in mine, will rest the final success or failure of our course*** (J.F. Kennedy, 1961 – 1963); *...without the people we can do nothing; with the people we can do everything* (R.M. Nixon, 1969 – 1974). Образ власти народа формируется за счет использования предикативных сочетаний *rest upon, do everything, granted by*. Положительная оценка эксплицируется в результате дефиниционного анализа лексемы *grant* – *to allow someone to have or do what they want* (Compact Oxford English Dictionary).

Увеличение количества концептуальных признаков в сегменте ВИТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (с 12 до 21), а также появление нового сегмента ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ (8 концептуальных признаков) в XIX веке говорит о том, что демократия уже воспринимается не только как политическое явление. Она осознается как способ разрешения социальных конфликтов, преодоления промышленного и финансового кризиса, на что указывают концептуальные признаки: *responsibility, mutual sympathy, stable currency* и др. Взлеты и падения экономики сопровождалась ростом либо упадком промышленного и финансового капитала, что отразилось на формировании новых признаков концепта DEMOCRACY (*defense of trade interest, economy, stable currency, business investment*). Данные признаки отнесены нами к периферии структуры концепта, так как в зависимости от ситуации в стране они то акцентировались президентами, то утрачивали актуальность.

В XX-XXI вв. новые концептуальные признаки, эксплицитно и имплицитно выраженные в инаугурационных речах президентов, свидетельствуют об укреплении роли демократии в общественном сознании. Это подтверждается появлением метафорических образов: *rock, engine, home* и др. Так, например, прочная вера в демократию имплицитно представлена в следующем контексте: ***Democracy was a rock in a raging sea*** (G.W. Bush, 2001). Метафорический образ скалы в бушующем море ярко выражает положительную оценку, что проявляется в значении слова *rock*. Обращение к словарю RHWUD, где *rock* — «a large mass of stone forming a hill, cliff, promontory, or the like; a firm foundation or support», имплицитно подразумевает признак стабильности, устойчивости, прочности. Представляется, что концепт DEMOCRACY в сознании американцев предстает в образе скалы в бурном море и воспринимается как опора, позволяющая твердо стоять на ногах даже в затруднительной ситуации.

Образ демократии как дома, который объединяет людей, выводится из буквального прочтения компонентов следующего контекста: *We meet on **democracy's front porch**, a good place to talk as neighbors and as friends... Great nations of the world are **moving toward democracy through the door of freedom***. (G. Bush, 1989 — 1993). Становится очевидным, что в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века американцы поддерживали демократию, верили в ее объединяющую силу и принципы справедливого правления. Укрепление демократии осуществлялось за счет утверждения гражданских свобод. Это позволяет выявить имплицитный признак концепта DEMOCRACY — *home* (дом). В приведенном контексте образ дома представлен как метафорическое воплощение концепта DEMOCRACY. Поскольку метафоризация основана на ассоциативных связях человеческого сознания, в основе любого метафорического переосмысления всегда лежит антропометричность — «способность помыслить одну сущность как если бы она была подобна другой» (Лапшина, 1997: 27). Образ дома ассоциируется с теплом, уютом, с чем-то родным, с местом, где собирается вся семья. Соответственно, демократия в сознании американцев также становится чем-то родным и близким. В приведенном примере необходимо отметить реализацию интегративной функции президентской речи, в основе которой лежит призыв к объединению нации, утверждение ее единства.

Выраженность идеологических установок «определяется сущностью высказываемых идей, контекстом, в котором они воплощаются, выбором в первую очередь необходимой лексики,

отображающей специфичное мировидение» (Меграбова, 2004:107). Анализ инаугурационных речей президентов показал, что идеологические установки американских президентов, отраженные в текстах с помощью таких языковых выражений, как *distinction, American citizenship, freedom of conscience, free school, economic equality, freedom of religion*, заключались не только в выбранном ими политическом курсе, они также основывались на моральных, нравственных, социально-экономических и религиозных ценностях.

Следует отметить тот факт, что признаки, принадлежащие к ядру концепта, имеют наибольшее количество точек соприкосновения и могут относиться к разным сегментам одновременно. Так, концептуальный признак *healthful state* является показателем как стабильности, безопасности и успеха в стране (сегмент ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ), так и защиты здоровья детей (сегмент ВИТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ). Принцип свободы, относящийся к сегменту ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, связан с сегментом РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ. Буквальное прочтение сочетания *sacred fire of liberty* в речи президента Дж. Вашингтона: ... *the preservation of the **sacred fire of liberty*** (*G. Washington, 1789 – 1797*) позволяет выявить метафорически выраженный признак огня. Метафоризация свободы используется для создания более наглядного образа. Люди воспринимают огонь как символ силы, света, следовательно, сравнение свободы с божественным огнем говорит, во-первых, о том, что свобода символизирует силу американского народа, одну из его главных ценностей, а во-вторых, о том, что политические ценности в сознании американцев связаны с религиозными: *sacred* – «connected with religion» (Macmillan Dictionary). Интерпретация в контексте культуры также показывает, что американцы склонны ассоциировать религию с политикой.

В результате проведенного анализа было установлено, что концепт DEMOCRACY претерпел ряд значительных изменений. Необходимо обратить внимание на изменение оценочного отношения к демократии. Так, во времена первых президентов идея демократии вызывала недоверие граждан. Ярким доказательством этого служит тот факт, что, несмотря на то, что демократию в США традиционно связывают с первым президентом Джорджем Вашингтоном, слово *democracy* впервые прозвучало в речи только шестого президента Дж. К. Адамса (1825 – 1829). Очевидно, в силу того что во времена первых президентов отношение к демократии можно было назвать

отношением недоверия (люди боялись единого правительства, которое могло бы ограничить их свободу), президенты в инаугурационных речах старались подчеркнуть основные принципы, которыми они собираются руководствоваться в своем правлении страной, не упоминая слова *democracy*.

При сравнении выбранной президентом политики и ее интерпретации в культурном контексте можно обнаружить некоторые противоречия. Так, несмотря на заявления о равноправии в конце XVIII – начале XIX вв., зачастую не утверждалось наличие равенства, справедливости, а лишь указывалось на стремление к их достижению. Принципу равенства противоречила существовавшая в стране система рабства, в «равном голосовании» не принимали участия темнокожие и женщины, свободе слова препятствовала позиция президента – лидера. Однако эти противоречия в XIX веке привели к формированию определенных демократических принципов, которым старались следовать и президенты, и простые граждане. Судя по инаугурационным речам, это такие принципы, как наличие равных прав для всех граждан, справедливое правление, равная защита, всеобщее политическое и религиозное равенство – принципы, которые впоследствии легли в основу демократии. Постепенно президенты сформировали и укрепили в сознании людей веру в возможность целесообразного правления, с тем, чтобы, опираясь на демократические идеалы, американский народ преодолевал трудности, решал серьезные задачи, стремился к процветанию и счастью. Таким образом, демократия представляла собой особый инструмент, с помощью которого нация достигала благополучия. Обращение к исследованию аксиологических составляющих концепта DEMOCRACY подтверждает тот факт, что положительная оценка в отношении демократии стала более очевидной во второй половине XX века.

Буквальное значение языковых выражений, использования суперлативов (*most admirable, wisest, the most prized* и др.), оценочной лексики, относящейся к различным частям речи (*cherish, safeguard, revive* и др.; *benefit, hope, renewal, anchor* и др.; *ardent, law-abiding, peaceful* и др.) еще раз подтверждает ценностную природу рассматриваемого концепта. Аксиологический анализ концепта позволяет понять степень важности роли демократии на различных этапах исторического развития американского государства.

Исследование инаугурационных речей президентов США показало, что речи выполняли преимущественно интегративную и

инспиративную функции. Данное обстоятельство объясняется тем, что президенты стремились внушить согражданам надежду на лучшее будущее, веру в успех, воодушевить нацию, вдохновить на предстоящие дела. Кроме того, президенты постоянно подчеркивали свою связь с народом, призывали к сохранению единства как в мирное, так и в военное время, для того чтобы совместными усилиями достичь высоких целей.

Резюмируем.

1. Концепт DEMOCRACY имеет сложную ментальную структуру, в которой выделяется ряд сегментов: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ВИТАЛЬНЫЕ, МОРАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, ЭСТЕТИЧЕСКИЕ и ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ.

2. Структура концепта DEMOCRACY включает ряд постоянных и ряд вариативных концептуальных признаков. К постоянным относятся ядерные признаки, сохраняющие актуальность на протяжении всей истории, такие как *freedom, equality, union* и др. К вариативным относятся промежуточные и периферийные концептуальные признаки (например, *universal education, stable currency, patriotism* и др.). Место каждого из выделенных признаков в структуре концепта обусловлено изменением структуры американского общественного сознания в процессе его исторического развития.

3. Ядерные концептуальные признаки могут входить в состав различных сегментов концепта одновременно.

4. Аксиологический концепт DEMOCRACY, обладающий высокой ценностью в современном американском обществе, не представлял особой ценности на начальном этапе становления американского государства.

5. Особенность языковой репрезентации концепта DEMOCRACY заключается в том, что лексические единицы актуализируют его ценностную и оценочную составляющие. Позитивнооценочный компонент языковых выражений, репрезентирующих концепт DEMOCRACY, наиболее отчетливо выявляется в инаугурационных речах XX века.

6. В конце XX — начале XXI вв. в языковых единицах, вербализующих устойчивые ценностные концептуальные признаки, появляется эмоционально окрашенная составляющая; в структуре исследуемого концепта – метафорические образы.

Литература

Миронец Е.С. Эволюция концепта DEMOCRACY (на примере инаугурационных речей президентов США) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — Архангельск, 2006. — № 4. — С. 161 — 168.

Миронец Е.С. Эволюция социальных ценностей в инаугурационных речах президентов США // Молодежь и наука XXI века: По материалам V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Красноярск, 20-22 мая 2004 года. — Красноярск: РИО КГПУ, 2004. — С. 134 — 135.

Миронец Е.С. Концепт БЕЗОПАСНОСТЬ в американской культуре середины 19 в. // Россия — Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации: Программа и тезисы научно-практической конференции. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. — С. 40.

Миронец Е.С. Общественно-политическая трактовка концепта «РАБСТВО» в американской когнитивной картине мира (на примере инаугурационных речей президента А. Линкольна) // Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005». — М., 2005. (Электронный ресурс) — Режим доступа <http://www.lomonosov.econmsu.ru/content/files>

Миронец Е.С. Эволюция аксиологического концепта БЕЗОПАСНОСТЬ в американской когнитивной картине мира (на примере инаугурационных речей президентов США) // III Международная научная конференция «Язык и культура», Москва, 23-25 сентября 2005 г. Тезисы докладов. — М., 2005. — С. 143.

Миронец Е.С. Применение концептуального анализа к исследованию аксиологического концепта «безопасность» на примере инаугурационных речей президентов США // Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». — М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2006. — С. 147 — 149.

Миронец Е.С. Axiological concept DEMOCRACY in the US Presidents' inaugurate speeches // Best Practice in ELT: 6th FEELTA International Conference on Language Teaching. Conference Program book. — Биробиджан: Изд-во Дальневосточной гос. соц.-гуман. академии, 2006. — P. 38.

Миронец Е.С. Изменение в концептуализации ценности «democrasy» на примере инаугурационных речей президентов США // Современные гуманитарные исследования. — М.: Спутник+, 2006. — № 5 — С. 189 — 194.

Миронец Е.С. Социально-исторические причины трансформации аксиологического концепта DEMOCRACY в инаугурационных речах президентов США // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. Вып. 2. — СПб, 2006. — Электрон. журн. — Режим доступа: <http://evcppk.ru/article.php?id=143>.

Миронец Е.С. Эволюция и особенности языковой репрезентации аксиологического концепта DEMOCRACY в инаугурационных речах президентов США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007.

КРИТИКА

Целью данной работы является комплексная характеристика критики как лингвокультурного концепта и изучение специфики его функционирования в педагогическом дискурсе.

К числу базовых единиц лингвоаксиологии относятся концепт и дискурс. Лингвоаксиологическая направленность проводимого исследования, его цель и задачи определили выбор следующей трактовки данных терминов. Концепт как единица аксиологической картины мира понимается как условное, полиструктурируемое, полиапеллируемое, вербализуемое в языке ментальное образование, погруженное в культурную среду и функционирующее в дискурсе. Структура лингвокультурного концепта может быть представлена через описание трех составляющих – понятийной, образной и ценностной (Е.В. Бабаева, Т.В. Гоннова, Я.В. Зубкова, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, С.Х. Ляпин, И.В. Палашевская, Н.Н. Панченко, О.Г. Прохвачева, Г.Г. Слышкин).

Аксиологическая картина мира формируется концептами, обладающими различными сущностными характеристиками, что детерминирует существование разных типов концептов и позволяет рассматривать один и тот же концепт в рамках нескольких типологий. Анализ существующих классификаций показал, что концепт «критика» обладает свойствами концепта-регулятива, профессионального концепта, текстового концепта, эмоционального и институционального концептов.

Дискурс как единица аксиологической картины мира понимается как текст, функционирующий в коммуникативном пространстве лингвокультуры и фиксирующий закономерности взаимосвязи культурных ценностей и норм. Разновидностью дискурса выступает дискурсивный жанр, который трактуется в качестве культурно, социально и ситуативно обусловленного типа высказывания с определенным способом организации текста и ориентацией на конкретную коммуникативную цель (Л.С. Бейлинсон, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, О.А. Каратанова, О.В. Коротева, Л.А. Кочетова, А.В. Олянич, О.А. Панкратова, Е.И. Шейгал).

В максимальной степени на фиксацию и дальнейшую трансляцию доминантных ценностей культуры направлены институциональные разновидности коммуникации.

Социолингвистические типы дискурса предполагают разную возможность проявления критики. В наибольшей степени концепт «критика» представлен в педагогическом и политическом дискурсах. В меньшей мере критика проявляется в деловом, юридическом, спортивном и рекламном дискурсах. Минимум критики допустим в медицинском, военном и религиозном дискурсах. При функционировании в том или ином дискурсе концепт «критика» актуализирует определенные типы ценностей (образовательные, смысложизненные, универсальные, межличностные, эмоциональные).

Максимальная возможность проявления критики, ориентация на широкий охват ценностей и их актуальность, институциональный характер отбора ценностей и форм приобщения к ним, точно установленный хронотоп коммуникации и статусное неравенство типовых участников общения определили выбор коммуникативного пространства, в рамках которого функциональные характеристики концепта «критика» проявляются наиболее ярко. Педагогический дискурс рассматривается как разновидность институциональной коммуникации, представленная через совокупность жанров, которые используются при общении учителя и ученика с целью передачи последнему культурных ценностей и поведенческих норм в процессе социализации. Жанр замечания в дневнике четко фиксирует критику в ситуации нарушения поведенческих норм установившимся способом и языковыми средствами, что, в свою очередь, предоставляет возможность ценностного моделирования.

Сочетание методов концептологической и дискурсивной лингвистики обеспечивает достоверность и объективность результатов исследования и позволяет дать комплексное лингвокультурное описание концепта «критика» на базе анализа такого материала, как лексические и фразеологические единицы, тексты словарных статей и универсальных высказываний, устные и письменные тексты педагогического дискурса.

Критика представляет собой распространенное социальное явление, которое тесно связано с жизнедеятельностью человека и самым непосредственным образом затрагивает его интересы. Показателями универсальности и непреходящей значимости критики являются давность возникновения, существование во все периоды человеческой истории, роль базовой категории в различных науках (философии, литературоведении, педагогике и психологии, риторике) и проникновение в новые области знания.

Понятийное моделирование показывает, что критика есть

сложный когнитивно-речевой процесс представления отрицательной оценки, направленный на изменение объекта путем устранения в нем недостатков. Этот процесс характеризуется хронотопом, имеет различную продолжительность и интенсивность, вызывается конкретными причинами и имеет определенные (конструктивные или деструктивные) последствия, предполагает наличие участников, в ряде случаев – сторонних наблюдателей, чьи отношения подлежат нормативной регуляции.

Понятийно-содержательные признаки концепта «критика» выявляются на основе компонентного анализа при обращении к дефинициям его номинантов, представленным в толковых словарях русского языка. Ключевыми для объективации выступают лексемы *критика*, *критик*, *критиковать*. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой выделяет у слова *критика* значения: 1) обсуждение, разбор чего-либо с целью оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки. Отрицательное суждение о чем-либо; 2) исследование, научная проверка подлинности, правильности; 3) особый литературный жанр, посвященный разбору литературно-художественных, научных и других произведений; 4) критики (собр.); 5) устар. критическая статья (СРЯ).

Д.Н. Ушаков предлагает толкование критики как: 1. Обсуждение, рассмотрение, исследование чего-н., проверка чего-н. с какой-то целью; 2. Научная проверка подлинности, правильности чего-н.; 3. Определение достоинств и недостатков, оценка, разбор; 4. Неблагоприятная оценка, указание недостатков, порицание, нападки; 5. Анализ, истолкование и оценка художественных произведений.

В.И. Даль определяет критику как «розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, особенно сочиненья, разбор, оценка», а словарь М.И. Михельсона трактует критику как – «порицание, осуждение, оуждение, пересуды». Восприятие критики обыденным сознанием, предложенное в словарях современного русского языка А.П. Евгеньевой и Д.Н. Ушакова, и ее понимание русским народом в девятнадцатом столетии, на что указывают словари В.И. Даля и М.И. Михельсона, имеют ряд различий. Они сводятся к появлению новых признаков в толкованиях, о чем говорит укрупнение словарной статьи за счет добавления в состав дефиниции элементов литературной (анализ, истолкование и оценка художественных произведений, особый литературный жанр) и философской (научная проверка подлинности) концепций.

Данные факты свидетельствуют о проникновении в наивную картину мира элементов научной картины мира.

Этимологический анализ слов, вербализующих исследуемый концепт, показал, что лексическая единица *критика* греческого происхождения (*kritikē*), где она обозначала «искусство разбирать, судить» (СИС); «суждение, вынесение приговора» (Л.П. Крысин). Первоначально слово *kritikē* связывалось с судопроизводством. Заимствованная лексическая единица попадает в русский язык из французского (*critique*) от латинского *critica*, которое пришло из греческого. Слово *критик* заимствуется в середине восемнадцатого века предположительно через немецкий язык (*kritikus*) из латинского (*criticus*) (М. Фасмер).

Авторы словарей используют в дефинициях лексемы *критика* следующие признаки (цифры в скобках указывают на количество дефиниций с данным признаком): разбор (анализ) (9), оценка (9), указание недостатков (9), обсуждение (8), отрицательное суждение (5), указание достоинств (2). В проанализированных дефинициях наиболее частотными компонентами выступают «разбор», «оценка», «указание недостатков», которые используются во всех толкованиях. Более половины определений связывают критику с отрицательным суждением, лишь в двух из них присутствует семантическая составляющая «указание достоинств». Таким образом, в языковой семантике закрепилось представление о критике как явлении, которое преимущественно связано с отрицательной оценкой и поиском недостатков.

Данные о статусе субъекта и объекта критики предоставил анализ семантики глагола *упрекать*. Так, статус субъекта в возрастной или социальной иерархии обычно не ниже, а часто выше статуса адресата (НОССРЯ). Лицо, обладающее более высоким статусом, имеет право выносить отрицательную оценку (*осуждать, порицать, корить, упрекать*).

Словарь В.И. Даля в дефиниции глагола *критиковать* – «делать разбор, розыск и заключение по нем о достоинствах чего-либо // оуждать, осуждать, порицать или хаять, опорочивать» соотносит заимствованный глагол с исконно русскими синонимами, являющимися входами в концепт «критика» в пословицах и поговорках, которые сформировались раньше, чем произошло заимствование лексемы *критика*. Если описательная часть дефиниции указывает на нейтральную оценку у лексемы *критиковать*, то в той части, где дается синонимическое описание, все приведенные глаголы имеют только отрицательную оценку.

Понятийно-содержательные признаки концепта зафиксированы лексемой *критик* – тот, кто «подвергает разбору, оценке» (КСРЯ); «занимается критикой» (С.И. Ожегов), «подвергает отрицательной оценке чьи-нибудь действия или поведение» (Л.П. Крысин). Наименование *критикан* – «тот, кто склонен все огульно осуждать, во всем видеть только недостатки» (Л.П. Крысин) внутренней формой и наличием суффикса -ан, усиливающим отрицательную оценочность (ср.: *интриган*), подтверждает, что в обществе преобладает негативное отношение к критикующему.

Словообразовательное поле номинанта концепта, являющегося заимствованной лексемой, включает 43 лексические единицы. Достаточно плотная языковая объективация указывает на актуальность критики для русской лингвокультуры. Анализ семантики выявленных дериватов позволил установить отношение членов социума к данному явлению. В русском языке образовалось сложное слово *критикобоязнь*, в котором семантически закрепилось негативное отношение носителей языка к критике, – критика не приветствуется, перед ней испытывают страх.

Синонимика имени *критика* представлена двумя смысловыми рядами: 1) рассмотрение, разбор, оценка; проработка, критиканство; 2) замечание (критическое) (З.Е. Александрова). Семантика синонимов заостряет внимание на таких сторонах содержательной структуры концепта «критика», как оценочность, мыслительный акт, указание на ошибки, речевой акт.

Синонимический ряд *критиковать* включает глаголы *бичевать*, *прорабатывать* и пересекается с другими рядами, описывающими различные ментальные состояния или речевые акты с общим значением «осуждать»: 1) *осуждать*, *порицать*; 2) *упрекать*, *укорять*, *корить*; 3) *выговаривать*, *отчитывать*, *пробирать*; 4) *обличать*, *клеимить*, *громить*; 5) *порочить*, *бесчестить*; 6) *ругать*, *поносить*, *бранить*, *крыть*, *хаять*, *охаивать*, *хулить* (НОССРЯ). Все синонимы глагола *критиковать* имеют общую сему отрицательной оценки, а различаются по таким характеристикам: 1) способность выражать ментальный или речевой акт; 2) цель; 3) интенсивность речевого воздействия; 4) статусы субъекта и адресата; 5) характер субъекта; 6) тональность; 7) эмоциональность; 8) манера осуществления действия.

Лексема *критика* вступает в родо-видовые отношения. Ее гиперонимом является *оценка*, в роли согипонимов выступают

порицание и *осуждение*, антонимами признаются лексемы *одобрение* и *похвала*.

Дефиниционный и этимологический анализ показал, что концепт «критика» относится к числу древних концептов, хотя его имя *критика* представляет собой иноязычное заимствование, получившее широкое употребление в русском языке с восемнадцатого века. Ранее использовалась исконно русская лексика для номинирования концепта: *хула*, *осуждать*, *порицать*, *хаять*, *охудать*. В ходе своего формирования и в связи с произошедшим заимствованием концепт притянул ряд признаков из научной картины мира (прежде всего, из литературы и философии). В современном языке исконно русские номинанты характеризуют разные стороны процесса критики и степень ее интенсивности.

Итак, результаты исследования позволяют утверждать, что понятийная составляющая концепта «критика» включает признаки: 1) отрицательная оценка; 2) как результат мыслительной деятельности человека; 3) представленная в активной речевой деятельности (говорение или письмо); 4) эксплицируемая лицом, которое обладает статусом вышестоящего; 5) вызванная нарушениями каких-либо норм (поведенческих, художественных, эстетических, этических и других) со стороны объекта критики; 6) с целью исправления нарушенных норм.

Ассоциативно-образные признаки концепта выявлены при изучении лексико-фразеологической сочетаемости с использованием методов компонентного, контекстуального и интерпретативного анализа. Критика связана с понятиями «борьба» и «агрессия» (*обрушивать залпы критики*), «лечение» (*проглотить дозу критики*), «звук» (*критика звучит*), «вода» (*струйка критики*). В русской лингвокультуре она ассоциируется с элементами следующих оппозиций: болезнь и здоровье (*болезненно реагировать на критику – здоровая критика*), грязь и чистота (*погрязнуть в критике – выводить на чистую воду*), свет и тьма (*выводить на свет божий*).

Процесс критики отождествляется с трудновыполнимыми действиями, которые тяжело переносятся и наносят человеку вред (*задать перцу*). Поступки критикующего уподобляются агрессивному поведению животных в ситуации опасности (*направить жало критики*), ассоциируются с интенсивными действиями, направленными на объекты, в качестве которых выступают предметы, требующие обработки (*снимать стружку*), части тела человека и животных (*накрутить хвост*,

прополоскать мозги). Выбор головы и мозга как объектов воздействия апеллирует к идее улучшения поведения критикуемого через изменение его образа мыслей. Русским языковым сознанием критика воспринимается как живой организм (*критика зарождается*) и как конкретный отторжимый предмет (*одарить критикой*). Критика ассоциируется с рядом субстанций – жидкостью (*испить горькое лекарство критики*), сыпучим веществом (*критика посыпалась*), испортившимся продуктом (*гнилая критика*).

Критическая оценка приравнивается к зрительному восприятию (*смотреть со своей колокольни*), а реакция окружающих – к осмеянию (*показывать пальцем*). О негативной оценке свидетельствуют ассоциации с агрессией и уничтожением (*разнести в пух и прах*), отрицательными эмоциями, прежде всего со страхом (*метать громы и молнии*), вредной привычкой (*склонность к критике*), физиологическими функциями организма (*изрыгать хулу*). Подавляющее большинство ассоциативно-образных признаков концепта (82,6%) связано с негативной оценкой.

Нормативно-поведенческие признаки концепта «критика» установлены при помощи интерпретативного анализа паремий и афоризмов. Это позволило выделить две группы норм: нормы экспликации критики и нормы реакции на критику.

Нормы экспликации критики регламентируют: 1) характер правильной критики – она должна быть объективной, конкретной, обоснованной, конструктивной (*Про ягоду говорит, а сам и цветку не видел*); 2) хронотоп критики – необходимо выбирать время и место, подходящие для критических замечаний (*Хорошо браниться, когда мир готов*); 3) способы высказывания критики – открыто, в лицо критикуемому, спокойным тоном, без лишних эмоций (*В глаза не хвали, за глаза не кори*); 4) характеристики критикующего – критиковать может тот, кто разбирается в деле, обладает достаточно полной и достоверной информацией об объекте критики и морально-нравственными качествами, умеет видеть не только ошибки, но и положительные стороны, может за это похвалить. (*Великого критика должны отличать не только универсальные знания, но и всеобъемлющая доброжелательность. (С. Мозм); Чего хвалить не умеешь, того не хули; Лучше от добрых хулу терпеть, чем от злых хвалу иметь*); 5) статусные отношения критикующего и критикуемого субъектов – коммуникативный приоритет на критику закреплен за статусно-маркированным коммуникантом (*Стоячему с сидячим трудно говорить*); 6) возможные объекты критики – критиковать

можно поведение, но не личность человека, например: *Можно критиковать ошибки великого человека, но только самого человека критиковать из-за них не следует* (Г. Лихтенберг).

Нормы реакции на критику представляют ее как неизбежный атрибут человеческих отношений. Каждый человек может оказаться в роли критикуемого и от него требуется готовность и умение спокойно выслушать и принять критику (*Людской критики не избежать*). На необъективную критику не следует обращать внимания: *Будем спокойно выслушивать просвещенную и беспристрастную критику* (Л. Вовенарг). Человек в роли реципиента критики должен уметь высказать сожаление о допущенных ошибках, пообещать исправить нарушенные нормы.

Многообразие языковых единиц, репрезентирующих концепт «критика», наличие между ними многочисленных синонимических и антонимических связей, разветвленная система дериватов, широкая представленность понятийных, образных и нормативно-поведенческих признаков концепта во фразеологическом и паремиологическом фондах являются показателями ценностного отношения к критике носителей русского языка. Данные факты, а также наличие в ядерной части концепта признаков «оценка» и «реализация в активной речевой деятельности», их сочетаемость с другими признаками («эмоциональность», «интенсивность») определили возможности дискурсивной реализации концепта.

Критический дискурс мы понимаем как прагмалингвистический тип коммуникации, сформировавшийся на базе критического отношения к объекту, которое регулярно выражается субъектом в виде оценки его свойств на основе установления степени их соответствия принятым в социуме нормам. Критический дискурс базируется на понятийно-содержательных признаках концепта «критика», что позволяет рассматривать его как специфическую разновидность – дискурсообразующий концепт (применительно к прагмалингвистической коммуникации).

Важнейшим свойством критического дискурса является оценочность. Критический дискурс фиксирует результаты оценочной деятельности говорящего, нацеленной на поиск нарушений норм, недостатков и ошибок. Преимущественно знак данной оценки является отрицательным. На объекты, получающие положительную оценку, как правило, критика не распространяется, что подтверждается контекстами употребления номинантов концепта. Так, *критика* может быть *доброжелательной, благосклонной*, но не бывает *положительной критики*, нельзя сказать *Его работа была подвергнута положительной критике*.

Цель критического дискурса получает дальнейшую конкретизацию в коммуникативных стратегиях критикующего субъекта. Контролирующая стратегия представляет интенцию, направленную на установление соответствия явлений действительности и действий говорящего нормам, принятым в обществе. Оценивающая стратегия проявляется в анализе информации и определении ее места на оценочной шкале в соответствии с господствующими в социуме оценочными предпочтениями и стереотипами. Информирующая стратегия заключается в речевых действиях, направленных на сообщение итогов критического оценивания объекта, объяснения причин недостатков. Содействующая коммуникативная стратегия используется для оказания необходимой помощи в устранении недостатков и нарушенных норм.

Критика представляет собой результат мыслительной активности человека, которая представляется в речевой деятельности (устной речи или письме). Данные признаки критического дискурса закреплены в семантике глагола *критиковать* – «произносить суждения, содержащие критику» (РТС), а также в лексической сочетаемости – *критика раздается, звучит, слышна, высказывается*. Одним из свойств критического дискурса является полемичность, нормы общения предусматривают не только молчаливое признание ошибок и согласие с критикой, но и возможность возражения, объяснения, доказательства и аргументации своей правоты в ответ на предъявленную критику (*выражать несогласие с критикой*).

Право критиковать закреплено за лицом, которое обладает определенным статусом. Это отражают основные направления критики: вышестоящий → нижестоящий, старший → младший, профессионал → непрофессионал. Нарушение данной нормы находит отражение в прецедентных текстах (*Яйца курицу не учат*).

Критика выступает составной частью многих социолингвистических разновидностей дискурса. Доля критики в том или ином дискурсивном жанре и ее вариативность зависят от количества и сущности тех ценностей, на базе которых он сформировался. На примере педагогического дискурса в работе продемонстрировано, как преломляются сущностные характеристики концепта «критика» в пространстве данного социокультурного типа коммуникации.

Огромная дистанция между социальным положением учителя и ученика препятствует проявлению полемичности. В педагогической коммуникации критика учителем ученика не

предполагает ответа последнего на критические замечания. Даже признание своей вины может быть расценено как дерзость. Неоспоримое статусное превосходство учителя детерминирует односторонний характер критики (в направлении от учителя к ученику). На критику в обратном направлении налагается строгий запрет. Социально-статусное неравенство, осознаваемое участниками педагогического дискурса, приводит к эгоцентричности критики. Замечания и оценки учителя часто основываются на эксплицируемых личных пристрастиях и предпочтениях, а не на объективных нормативных критериях, например: *Ты сегодня мне ответила только на «три». Я не поставлю тебе хорошую оценку.*

Специфической характеристикой критики в педагогическом дискурсе является частотное нарушение запрета на критику личностных качеств. Критика поведения ученика трансформируется в критику личности обучаемого, что достигается при обращении к таким приемам, как навешивание ярлыков, ироничная номинация, умаление значимости, манипулирование именем ученика, представляющие собой различные средства вербальной агрессии.

В качестве ярлыков в критико-педагогическом общении употребляется пейоративная лексика, например: *Бездельник! Бестолочи!* Манипуляции с именем и фамилией ученика проявляются в пародировании (*Ну ты, Борзов, совсем оборзел*), намеренном обращении к одним ученикам ласково по имени, а к другим – официально, по фамилии (*Света закончила ответ, а Козлов ее внимательно выслушал и сейчас сделает свои добавления*), неиспользовании имени ученика или его замене местоимениями (*Нет, вы только послушайте, что он несет! Ты, подай дневник!*). Идентификаторами умаления значимости являются выражения *какой-то, какой-нибудь, разные, всякие*, используемые учителем в критических замечаниях, например: *Какой-то там Семенов нам вчера заявил, что он думает иначе.* Мощным средством вербальной агрессии является ироничная номинация: *Что ты там копаешься? Быстро к доске! Как неповоротливый тюлень!*

Нормой критического дискурса является экспликация критики с глазу на глаз, к публичной критике прибегают в исключительных случаях. Спецификой критико-педагогического общения оказывается преобладание публичных форм критики. В подавляющем большинстве случаев педагогическая критика высказывается при свидетелях (на уроке, классном часе, родительском собрании). Замечания в дневниках часто

зачитываются на весь класс, комментируются, сам факт передачи дневника учителю является подтверждением негативной оценки ученика.

Проведенный анализ конкретных форм критики, в основе которых лежит критерий функциональности, позволил установить специфику функций критики, которая проявляется в том, что критика выполняет в педагогическом дискурсе, кроме основной (контролирующей) функции ряд других, в частности, констатирующую, ориентирующую, стабилизирующую, адаптивную, рекомендательную, регулятивную, манипулятивную, инвективную, эзотерическую, директивную, превентивную, консолидирующую, а также функции упрека и эмоциональной разрядки.

Критерием структурирования жанрового пространства критико-педагогического общения послужило наличие некоторой доли критичности в текстовых разновидностях, функционирующих в педагогическом дискурсе. Для проведения исследования мы использовали следующую модель жанровой вариативности критико-педагогического общения. Устные жанры (речь учителя на родительском собрании, классном часе, на педсовете, в индивидуальной беседе) противопоставляются письменным жанрам (замечание в дневнике, характеристика, граффити). Правомерно выделять простые жанры (с одной задачей в общении) и сложные, где одновременно решаются несколько задач. Обнаруживаются прямые и косвенные жанры, критика может содержаться не только в информативных, но и в этикетных фатических жанрах – приветствии, прощании, обращении.

«Замечание в дневнике» рассматривается в качестве прототипного жанра критико-педагогического общения, его сущностные характеристики максимально пересекаются с целями критической и педагогической коммуникации. Основным коммуникативным намерением автора замечаний в дневнике выступает фиксация нарушения поведенческих норм, препятствующих процессу социализации нового члена социума. В школьном дневнике эксплицируются в письменной форме отрицательные оценки в связи с допущенными ошибками. В педагогической практике запись в дневнике, как правило, появляется как реакция на нарушение в ситуации, когда время на редактирование текста ограничено. Замечания учителя часто представляют собой образцы живой речи, их языковое оформление характеризуется смешением признаков делового, юридического и обиходного дискурсов.

Письменное замечание в школьном дневнике представляется специфичным для русской лингвокультуры жанром, который выступает в качестве своеобразного регулятора ценностно-нормативной системы, а фиксируемые нарушения норм позволяют воссоздать реальную картину ценностей, на передачу и поддержку которых направлено критико-педагогическое общение.

Интерпретативный анализ текстов замечаний в дневнике позволил установить ценности и нормы критико-педагогического общения, которые принадлежат двум сферам: морально-этической (97%) и утилитарной (3%). Анализ объектов критики показал, что ведущими ценностями педагогического дискурса в моральной сфере выступают следующие.

1. Приоритетной ценностью педагогического дискурса выступает **дисциплина и порядок** (37,5%), что подтверждается многочисленной детализацией норм, обеспечивающих их реализацию. Замечания в дневнике фиксируют несоответствие поведенческим нормам в целом (*Нарушает дисциплину!*), а также указывают на конкретные нарушения правил поведения на уроке (*Сорван урок! Четыре раза звонил сотовый телефон!*) и на перемене (*Кричит на перемене самым диким образом!*). Они регламентируют внешний вид ученика (*В школу не краситься!*) и ведение дневника (*Настя! Дневник – не альбом для рисования!*).

2. **Знание** (30%) и обучение, как путь к нему, признаются главными средствами приобщения к культуре и выступают ключевыми ценностями педагогического дискурса. Нормами, обеспечивающими ход учебно-воспитательного процесса, считаются: подготовка домашних заданий (*Не решил дома № 131*), наличие на уроке необходимых учебных принадлежностей (*Нет инструментов, учебника. Не допущен до практических работ!*).

3. Тексты фиксируют ценность **чужой собственности** (9%). Нарушения норм собственности сводятся к порче личных вещей другого ученика (*Играл в футбол чужим пеналом. Сломал две ручки и портфель. Прошу помочь возместить сломанное ученику*) и нанесению материального ущерба школе (*Разбил раковину в мужском туалете!*).

4. Утверждение ценности **времени** (5%) происходит через фиксацию нарушений норм пунктуальности. Критикуются опоздания на урок, объясняются причины их недопустимости, родителей просят помочь в их устранении (*Оля каждый день опаздывает на первый урок, отвлекает весь класс! Прошу вас отправлять ее в школу раньше!*).

5. К ценности **гуманизма** (4%) обращены такие нормы, как взаимное уважение учеников, оказание поддержки новичкам, товарищеская взаимопомощь, уважительное отношение к противоположному полу (*Зло подшучивал над новым учеником!*).

6. Обращается внимание на ценность **безопасности окружающих** (3,5%). Критикуется поведение, влекущее угрозу для других (*Бросался линейкой, чуть не попал соседу в глаз!*).

7. Отношение к **труду** (2,5%) как к ценности фиксируется в замечаниях по поводу нарушенных правил самообслуживания на территории школы (*Плохо работал на пришкольном участке!*).

8. Свидетельствами недостаточного осознания ценности **правдивости** (2%) являются случаи обмана учителя (*Не выучил стихотворение, пытался отвечать по шпаргалке, обманывал учителя, домашнее задание списал, сам не готовился!*).

9. Утверждение ценностного **отношения к старшинству** (2%) осуществляется через передачу подрастающему поколению нормы уважения старших. Нарушения проявляются в несоблюдении статусных отношений «учитель – ученик» (*Ведет себя с учителем как с себе подобным!*), непочтительности по отношению к обслуживающему персоналу (*Нагрубил уборщице!*).

10. Ценность бережного **отношения к природе** (1,5%) эксплицирует замечание: *Ваш сын был отловлен на пришкольном участке во время порчи клумбы – вырывал растения с корнем!*

Обращение к ценностям и нормам **утилитарной сферы** зафиксировано в 3% текстов замечаний в дневнике. При этом ведущей ценностью выступает **здоровый образ жизни** (2,5%). Данные нормы апеллируют к необходимости охраны здоровья школьников, в частности, к запрету курения на территории школы (*Ходит курить на перемене!*), важности занятий физической культурой (*На уроке физкультуры не занимался, просидел в раздевалке!*). В последнюю группу мы объединили единично представленные нормы (0,5%), например, правила пользования санитарно-техническим оборудованием (*Родители! Объясните ребенку, что в рукомойнике грязную обувь с ног не моют!*).

Подведем основные итоги.

1. Концепт «критика» представляет собой комплексное ментальное образование, содержательный минимум которого включает следующие понятийные признаки: 1) отрицательная оценка; 2) результат мыслительной деятельности человека; 3) реализация в форме активной речевой деятельности; 4) статусный вектор вышестоящего у субъекта; 5) наличие нарушения норм (поведенческих, художественно-эстетических,

этических и др.) со стороны объекта критики; 6) наличие цели – исправление выявленных нарушений.

2. Ассоциативно-образные признаки концепта «критика» связаны с понятиями «борьба», «агрессия», «лечение», «природные катаклизмы», «звук», «вода». Критика ассоциируется с противопоставлением болезни и здоровья, тьмы и света, грязи и чистоты. Процесс критики отождествляется с интенсивными, трудновыполнимыми действиями, направленными на объект. Критика воспринимается как нанесение вреда человеку, действия критикующего уподобляются агрессивному поведению животных в ситуации опасности.

3. Оценочные характеристики концепта демонстрируют отрицательное отношение к критике и тому, кто ее высказывает. Нормативно-поведенческие признаки выявляют две группы норм: нормы экспликации и нормы реакции на критику.

Нормы экспликации критики регламентируют: 1) характер критики (объективность, конкретность, обоснованность, конструктивность); 2) хронотоп критики (время и место); 3) способы высказывания критики (тональность); 4) характеристики критикующего (профессионализм, морально-нравственные качества); 5) статусные отношения участников; 6) объекты критики.

Нормы реакции на критику представляют ее как неизбежный атрибут человеческих отношений. От человека в роли реципиента критики требуется: 1) готовность принять критику; 2) спокойное ее восприятие; 3) умение высказать сожаление о допущенных ошибках; 4) обещание исправить нарушенные нормы.

4. Конститутивными признаками критического дискурса выступают: 1) цель – фиксация нарушений норм и их устранение; 2) оценочность; 3) полемичность; 4) дистанцированность и 5) статусная маркированность участников. Критико-педагогическое общение отличается вариативное представление данных характеристик: минимальное проявление полемичности, трансформация объекта критики, преобладание публичных форм, максимальная дистанцированность и статусное неравенство участников, что выражается в однонаправленности и эгоцентризме критики.

5. Замечание в дневнике является прототипным жанром критико-педагогического дискурса и характеризуется следующими признаками: 1) коммуникативное намерение – фиксация нарушения поведенческих норм, 2) преобладание отрицательных оценок, 3) экспликация нарушенных норм в

письменной форме, 4) наличие признаков делового, юридического и обиходного дискурсов в языковом оформлении. Базовые ценности русской лингвокультуры, фиксируемые жанром «замечание в дневнике», сводятся к двум типам – моральным и утилитарным, при приоритетной роли первых. Ведущими ценностями моральной сферы выступают порядок и дисциплина, знание и обучение. Среди утилитарных ценностей важнейшей является здоровый образ жизни.

Литература

Гаврилова, Н.В. Критика как вид педагогического дискурса / Н.В. Гаврилова // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 197–198.

Гаврилова, Н.В. Структура лингвокультурного концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации. Материалы Междунар. конф. (Волгоград, 12–14 окт. 2005 г.), ВГПУ, отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 16–18.

Гаврилова, Н.В. Концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе / Н.В. Гаврилова // Актуальные проблемы современной лингвистики. Материалы Всерос. науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2005. – С. 62–64.

Гаврилова, Н.В. Замечание в дневнике как дискурсивный жанр и показатель педагогической культуры учителя / Н.В. Гаврилова // Проблемы прикладной лингвистики. Материалы Междунар. научно-практ. конф. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, Общество «Знание» России, 2005. – С. 67–69.

Гаврилова, Н.В. Критико-педагогический дискурс и его функционирование в русской лингвокультуре / Н.В. Гаврилова // Германия – Англия – Россия: Лингвокультурные и лингвострановедческие параллели. Сб. науч. тр., под общ. ред. Е.В. Якимович. – Волжский: Филиал ГОУ ВПО «МЭИ (ТУ)» в г. Волжском, 2005. – С. 44–57.

Гаврилова, Н.В. Роль фразеологических единиц в объективации концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской. Сб. материалов Междунар. науч. конф., Вып. 3. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 214–217.

Гаврилова, Н.В. Репрезентация концепта «критика» в русской фразеологии / Н.В. Гаврилова // Антропологическая лингвистика. – Вып. 5: Сб. науч. тр., под ред. проф. Н.А. Красавского и проф. В.П. Москвина – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 121–126.

Гаврилова, Н.В. Нормативно-поведенческая составляющая концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Аксиологическая лингвистика: проблемы когниции и коммуникации. Сб. науч. тр., под ред. проф. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 49–54.

Гаврилова, Н.В. Дискурсивная реализации концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Вопросы филологических наук. – М., 2006. – № 6 (23). – С. 42–45.

Гаврилова, Н.В. Методы лингвокультурологического изучения концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Концептосфера – дискурс – картина мира: международ. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е.Е. Стефанский. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006. – С. 14–19.

Гаврилова, Н.В. Лингвокультурные характеристики концепта «критика» / Н.В. Гаврилова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2007. – №2(20). – С. 10–14.

Гаврилова Н.В. Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

Т.Г. Панина
(Иркутск)

ЗНАЧЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию аксиологического концепта BEDEUTUNG и его актуализации в языке современной немецкой общественно-политической прессы.

В современной лингвистической парадигме наблюдается устойчивый интерес к проблеме концептуализации познанных и познаваемых фрагментов окружающего мира, формированию концептов, хранящих знание о разных фрагментах действительности. Изучение концептов в зарубежной лингвистической науке явилось следствием активного обращения к проблеме взаимодействия языка, сознания и мышления. В отечественной лингвистике становлению лингвоконцептологии способствовали А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина.

В концептологических исследованиях ставится вопрос о топологическом аспекте изучения концептов как способе их "бытования" в "основных областях общественного сознания (в научном, обыденном, религиозном и пр. сознании), частично совпадающих с типами дискурса" (Воркачев 2004: 6). Особый интерес исследователей вызывает анализ концептов, сформировавшихся в ментальном пространстве носителей того или иного языка в результате ценностного познания фрагментов действительности и представляющих собой элемент ценностной картины мира соответствующего языкового сообщества.

Ценностный (аксиологический) аспект является одним из основных аспектов, отражающих взаимодействие человека и окружающего мира, который "членится говорящим с точки зрения его ценностного характера добра и зла, пользы и вреда, и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах" (Вольф 1985: 5). Взаимодействие человека и мира осуществляется также в рамках установления ценностного значения (нем. *axiologische Bedeutung*) объектов действительности в процессе ценностно-оценочной деятельности субъекта.

Необходимо отметить, что научное познание феномена значения (нем. *Bedeutung*) идет в двух направлениях. В рамках первого направления значение трактуется как отражательная категория и предстает как содержание (информация), являющееся внутренней стороной знаковой единицы, в том числе, языковой. Значение в философии, семиотике, психологии, социологии, антропологии имеет статус научного понятия и связывается "с отражением и сознанием, а на уровне мыслящего, пользующегося речью человека — с тем, как устроено обобщающее абстрагирующее сознание, как совершаются мыслительные процессы" (Никитин 1998: 5). В философии изучение значения проводится в двух аспектах — в логическом (например, определение критериев истинности и ложности значения высказывания) и аксиологическом (в теории ценностей).

Значение как ценностно-оценочный феномен составляет содержание второго направления, постулирующего значению аксиологический характер и погружающего исследователя в область теории ценностей. Представления о природе ценностно-оценочных субъектно-объектных отношений, результатом которых является установление ценностного значения объекта, возможны благодаря существованию в сознании одного из аксиологических концептов (термин Т.В. Писановой). Именно в нем отражается содержание одного из фрагментов "целостной картины мира в ее ценностных ориентирах ..., основанной на этнических предрасположениях и метрических традициях, представляющей собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа ..." (Колесов 2004: 11).

Все вышеизложенное определило выбор *темы* настоящего исследования: аксиологический концепт *BEDEUTUNG* и его актуализация в языке современной немецкой общественно-политической прессы.

Целью исследования является выявление и анализ (обнаружение, описание и систематизация) языковых средств, актуализирующих исследуемый концепт в языке немецкой общественно-политической прессы.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1) определить философское понимание феномена значения;

2) определить лингвистическое понимание феномена значения и установить соотношение между словом *Bedeutung*, понятием *Bedeutung* и концептом *BEDEUTUNG*;

3) разграничить семиотический и аксиологический модусы существования концепта *BEDEUTUNG*;

4) определить сущность процесса номинации;

5) выявить сущность процесса вторичной косвенной номинации;

6) дать характеристику общественно-политического дискурса как одной из областей функционирования аксиологического концепта *BEDEUTUNG*

7) провести анализ предикатных сочетаний абстрактного имени *Bedeutung* и выявить сущность ядра и периферии аксиологического концепта *BEDEUTUNG*

8) провести анализ языковых единиц, формирующих интерпретационное поле аксиологического концепта *BEDEUTUNG*;

Теоретико-методологической базой настоящего исследования являются основные положения современной лингвистической парадигмы:

1. Язык и мышление человека находятся в диалектическом единстве и противоречии.

2. Язык — это знаковая система, обладающая особым характером семиотических свойств.

3. Язык — это когнитивная система, обеспечивающая доступ в сознание человека с целью выявления структур знания, отражающих процесс и результат познания окружающего мира.

4. Язык — это культурный феномен, представляющий часть культуры того или иного народа.

Для анализа используются языковые единицы современного немецкого языка, отобранные методом сплошной выборки из газетных и журнальных публикаций на общественно-политическую тематику из немецкоязычных периодических изданий "Das Parlamenf", "Deutschland", "Die Zeif, а также

образцы сетевых текстов с Интернет-сайта газеты "Die Welt" за период с 1994 по 2005гг.

Для выполнения поставленных задач использовались следующие методы анализа: метод лингвистического наблюдения, метод лингвистического моделирования, метод словарной дефиниции, метод концептуального анализа абстрактного имени, метод культурологической интерпретации.

Исследование предполагает разграничение двух модусов существования концепта BEDEUTUNG — семиотического и аксиологического.

В аксиологии понятие "значение" рассматривается на фоне смежного понятия "ценность". Понятие ценности вводится "в специальный философский лексикон лишь в 60-х годах 19-го столетия, когда за ним закрепляется вполне определенный смысл: это значимость чего-либо в отличие от существования объекта или его качественных характеристик" (Дробницкий 1967: 8). Многие зарубежные и отечественные ученые посвятили свои философские концепции теории ценностей и ее рассмотрению в рамках проблемы значения: Эренфельс К. (1897-1898), Мюнстерберг Х. (1908), Мэссер А. (1926), Хайде Й. (1926), Баух Б. (1927), Тугаринов В.П. (1960), Анисимов С.Ф. (1970; 1988), Дробницкий О.Г. (1970), Уайтхед А.Н. (1978), Коршунов А.М. (1979), Василенко В.А. (1982), Гранин Ю.Д. (1982), Ручка А.А. (1987), Каган М.С. (1997) и др.

В работах данных авторов ценность выступает связующим звеном между ценностным сознанием и ценностным отношением.

Ценностное сознание представляет собой "определенный способ осмысления практически-духовного отношения человека к миру" и перерабатывающего "элементы эмпирического знания, житейского опыта", и ценностным отношением (Кириленко 1982: 138, 141).

Ценностное отношение есть "специфический и необходимый аспект" познавательной деятельности человека — "выявление значения объекта для субъекта ..." (Каган 1997: 54, 66). Идея ценностного значения связана с представлением о том, что какой-либо объект (явление, событие, персона) рассматривается как имеющий достаточно высокую степень востребованности, проявления к себе интереса в обществе; он наделен статусом особого положения в кругу родственных объектов, положения, выделяющего его среди других. Из сказанного становится ясно, что в процессе ценностно-оценочной деятельности познающий субъект в процессе взаимодействия с миром объектов квалифицирует данные объекты с позиции их ценностного для себя значения.

Опираясь на результаты проведенного анализа философского понимания сущности значения в аксиологическом аспекте, мы определяем *ценностное значение* как способ квалификативно-оценочного представления объекта в акте коммуникации в процессе его ценностного осмысления познающим субъектом. Ценностно квалифицируемый объект оценивается субъектом по признаку "значимый"/ "малозначимый".

Обращаясь к исследованию аксиологического концепта *BEDEUTUNG*, мы проходим путь от слова *Bedeutung* с полисемантической структурой его лексического значения через понятие, стоящее за данным словом немецкого языка, к концепту как ментальной сущности, присутствующей в сознании носителей языка и актуализируемой в языке. Т.е., феномен *Bedeutung* рассматривается как единица языка, мышления и ментального лексикона.

В языковом аспекте слово *Bedeutung* принадлежит лексической системе немецкого языка и имеет два значения, в которых фиксируются "различные аспекты мыслительного отражения номинируемых предметов и явлений" (Алефиренко 2004: 200), Современный словарь DUDEN так определяет слово *Bedeutung*: 1. Beziehung zwischen Ausdrucks- und Inhaltsseite eines Zeichens, begrifflicher Inhalt eines Zeichens; 2. Gewicht, Tragweite, Belang, Geltung, Ansehen, Wert. Слово *Bedeutung* многозначно.

Многозначный характер лексемы *Bedeutung* отражен в словарных дефинициях других немецких словарей:

1. "Bedeutung — 1. Sinn, Inhalt, Stellung in einem Zusammenhang; 2. Relevanz, Bedeutsamkeit, Tragweite einer Sache" (Deutsches Wörterbuch 1964).

2. "Bedeutung- 1. Sinn; 2. Wert, Rang" (Deutsches Wörterbuch 1986).

3. "Bedeutung — 1. Sinn, Inhalt; 2. Wichtigkeit, Gewicht, Größe" (Deutsches Wörterbuch 1992).

Первое значение слова *Bedeutung* отображает информационное наполнение языкового знака и отражает знаковый характер отношений между означаемым и означающим. Второе значение отражает ценностно-оценочный характер отношений между субъектом и объектом внеязыкового мира. Денотативный класс здесь составляют ценностно оцениваемые объекты. Другими словами, интенционалом слова *Bedeutung* в его втором значении выступает предметно-логический компонент — нечто, обладающее ценностным значением.

В свете прототипического подхода к проблеме многозначных слов мы можем утверждать, что слово *Bedeutung* относится к группе абстрактных имен существительных, имеет виртуальное прототипическое значение с информационным и аксиологическим прочтением.

В аспекте мышления *Bedeutung* служит для обозначения двух понятий, фиксируемых в значениях многозначного слова *Bedeutung*. "Различие между понятием и лексическим значением слова заключается в том, что в формировании первого принимают участие две силы: предмет и мышление, а в формировании второго — три силы: предмет, мышление и структура языка" (Звегинцев 1962:99). Итак, первое понятие, стоящее за словом *Bedeutung* и возникшее в процессе осмысления сущности знака и знаковой системы, включает в себя представление о семиотических процессах, происходящих в рамках знаковых отношений между означающим и означаемым. Второе отражает ценностный характер отношений между языковым знаком и внеязыковым объектом.

В современных лингвистических концепциях утверждается, что слово и его отдельные значения выражают собой не только отдельные понятия, но и являются "знаком существования концепта, ... как некоего отдельного смысла, некой идеи, имеющейся у нас в сознании" (Кубрякова 2004: 316, 318).

Основываясь на различных дефинициях понятия концепта, описаниях его онтологии и функций, мы определяем концепт как 1) ментальное образование, 2) хранящее приобретенное человеком знание об объекте действительности, 3) характеризующееся социально-культурной детерминацией, 4) имеющее динамично-функциональную природу и 5) актуализируемое преимущественно в процессе вербализации с помощью разноуровневых средств естественного языка, 6) моделируемое в терминах ядра, периферии, интерпретационного поля.

Как единица ментального лексикона *Bedeutung* является именем двух концептуальных образований, сформированных в сознании носителей немецкого языка, — семиотического концепта *BEDEUTUNG* и аксиологического концепта *BEDEUTUNG*. Данные концепты характеризуются набором концептуальных признаков, позволяющих различать их в процессе дискурсивного развертывания.

Анализ семиотического концепта *BEDEUTUNG* позволяет выделить следующие признаки:

1) знаковая соотнесенность между объектами;
2) информационная природа отношений между
означаемым и означающим.

Аксиологический концепт *BEDEUTUNG* имеет следующие
концептуальные признаки:

1) знаковая соотнесенность между объектами;
2) ценностно-оценочная, имеющая метафорический характер
природа отношений между означаемым и означающим.

Формирование дистинктивного (второго) признака у
аксиологического концепта *BEDEUTUNG*, различающего два
одноименных концепта, становится возможным в результате
переосмысления знаковых связей между двумя
соотносимыми объектами на метафорической основе. Данную
мысль можно проиллюстрировать следующим примером: "*Für
Deutschland bedeutet Europa ein Riesengliick, es stellt eine
Klammer dar für Ost und West: Durch die gemeinsame
europäische Entwicklung wird es sich ganz von alleine ergeben,
dass Ost und West zusammenkommen*" (Deutschland, №5,
1994). Отношение между знаками *Europa* и *ein Riesengliick,
eine Klammer* имеет метафорическую природу. Процесс
категориального сдвига направлен на опредмечивание
ценностного отношения между объектом и субъектом,
эксплицитно выраженном в высказывании: *für Deutschland*.

Семиотический концепт *BEDEUTUNG* (русс. *ЗНАЧЕНИЕ*)
служит для выражения "знаковых отношений" между
материальной формой и идеальной сущностью и является
связанным с "презумпцией существования знаковой
системы, элементом и текстом которой выступает носитель
информации". Содержанием семиотического концепта
BEDEUTUNG является ментальное представление о знаково-
информационных отношениях между объектами
действительности.

Аксиологический концепт *BEDEUTUNG*, исследуемый в
данной работе, мы определяем как ментальное образование,
содержащее информацию о ценностных субъектно-
объектных отношениях, складывающихся в
действительном внеязыковом мире, и языковых способах
оценочной квалификации объектов по признаку
"значимый"/"малозначимый". Конституирующим признаком
аксиологического концепта является метафорический
характер связи между "означаемым" и "означающим".
Функциональная специфика данного концепта выражается в
возможности формирования в сознании носителей немецкого

языка представлений о ценностно-значимостных отношениях между субъектом и объектом, что позволяет создавать все новые языковые знаки. Содержанием аксиологического концепта BEDEUTUNG являются ментальные представления о ценностно-значимостных отношениях между объектами действительного мира.

Общественно-политический дискурс является областью функционирования аксиологического концепта BEDEUTUNG.

Первичная номинация связана со способностью языковых знаков отражать в своем содержании гносеологический образ познанных объектов действительности как совокупность существенных онтологических признаков данных объектов. Э.е. первичное означивание окружающего мира.

С позиции современных исследований стало возможным рассматривать процесс номинации и сами номинативные единицы в когнитивном аспекте, с позиции их когнитивной функции, выражающейся в способности этих единиц членить (категоризовать) действительность, помогать ее осмыслению, отражать "опыт взаимодействия с нею, и ее преобразования", т.е. с позиции участия данных единиц "во всех тех процессах получения и обработки знания, которое определяет смысл жизнедеятельности людей" (Кубрякова 2004: 322).

Асимметричность языкового знака как его сущностная характеристика, когда один языковой знак способен иметь двойную референцию (по А.А. Уфимцевой), повлияла на разработку проблемы вторичного означивания (вторичной номинации) фрагментов окружающей действительности. Сущность вторичной номинации выражается в том, что говорящий прилагает известный образ, выраженный во внутренней форме, содержании языковой единицы, к познаваемому предмету, давая ему имя данной языковой единицы, в чем констатируется факт рождения нового смысла. Отечественными лингвистами В.Г. Гаком (1972), В.Н. Телия (1977), А.А. Уфимцевой (1977) было проведено разграничение между вторичной номинативно-производной и вторичной косвенной номинацией. В значении номинативно-производного знака присутствуют признаки, свойственные гносеологическому образу познанного фрагмента действительности.

Вторичная косвенная номинация направлена на описание одного объекта в терминах другого, а также его свойств, онтологически не характерных для первого объекта, в результате чего происходит осмысление сущности на совершенно иной когнитивной основе, через перенос из одной категориальной области в другую. В этом состоит сущность языкового механизма метафорического

переосмысления, отражающего фундаментальное свойство человеческого мышления видеть мир каждый раз по-новому через призму его познанных объектов (С.А. Хахалова, 1998). Метафора является средством вторичной косвенной номинации.

В качестве единиц вторичной номинации выступают метафоры, метонимии, фразеологизмы.

В фокус нашего исследования попадают единицы вторичной номинации метафорические и идиоматические языковые знаки как средство концептуализации ценностного значения объектов окружающей действительности с положительной или отрицательной оценочностью. Они формируют знания о фрагменте действительности, именованном словом *Bedeutung*, как элементе ценностной картины мира.

Одной из областей лингвоспецифичной актуализации аксиологического концепта *BEDEUTUNG* выступает общественно-политический дискурс, детерминируемый сферой общественно-политического сознания и воплощаемый, главным образом, в языке общественно-политической прессы. Данный тип дискурсивной деятельности характеризуется идеологическим фактором воздействия на эмоциональную сферу людей, их восприятие всего происходящего в окружающем мире, результатом чего становится выработка коллективной общественно-политической картины мира. Идеологичность воздействия сопряжена с отражением ценностных установок и приоритетов данного социального коллектива, эксплицируемых в форме оценочных высказываний в процессе установления ценностного значения объекта для познающего субъекта.

Наблюдение за языковым материалом показало, что аксиологический концепт *BEDEUTUNG* актуализируется в языке немецкой общественно-политической прессы с помощью знаков первичной и вторичной номинации. Первичная номинация представлена языковыми единицами, содержащими слово *Bedeutung* и сочетающиеся с ним предикаты. Вторичная номинация представлена метафорическими и идиоматическими языковыми единицами.

Функционирование в языке немецкой общественно-политической прессы данных языковых средств направлено на квалификацию объектов в аспекте их ценностного значения, определяет формирование представлений о ценностно-значимом аспекте субъектно-объектных отношений, осуществляет вербализацию аксиологического концепта *BEDEUTUNG*, присутствующего в сознании носителей немецкого языка и непрерывно аккумулирующего и хранящего знания о

фрагменте действительности, отражающего мир в терминах ценностного значения.

С помощью единиц первичной номинации сама сущность *Bedeutung* выступает как объект оценки, являясь носителем ценностных свойств, и тем самым становится ценностно — положительно или отрицательно — воспринимаемым элементом в системе субъектно-объектных отношений. В свою очередь, данные языковые знаки, созданные в акте коммуникации, выступают оценочными средствами квалификации физических объектов действительного мира. Здесь имеет место эффект вторичного оценивания. Так, в примере "*Die Bedeutung der Grundlagenforschung darf nicht klein geschrieben werden*" (Die Welt, 22.02.2001) *Bedeutung* с помощью идиомы *etwas (nicht) klein schreiben* (рус. *писать с маленькой буквы*) положительно оценивается носителями языка как ценностно значимое, а выражение *die Bedeutung nicht klein schreiben* выступает оценкой объекта, в данном случае исследования, в аспекте его ценностного значения:

В единицах вторичной номинации слово *Bedeutung* отсутствует. Здесь функцию концептуализации ценностного значения объектов выполняют метафорические и идиоматические знаки современного немецкого языка. Из следующего примера видно, что соглашение может метафорически сравниваться с таким объектом как *Leuchtturm*. Метафора *Leuchtturm* служит средством оценки данного соглашения как маяка, который помогает кораблям не заблудиться и найти верную дорогу в бесконечном водном пространстве, тем самым, ценностное значение соглашения осмысливается носителями немецкого языка через метафорическую единицу: "Daher hat das derzeitige Abkommen die Bedeutung eines *Leuchtturms* am Horizont" (Die Welt, 14.08.2004). В другом примере средством концептуализации ценностного значения выступает идиоматическое выражение *etwas unter den Teppich kehren*. Речь здесь идет о том, что на долгое время многие политические вопросы были забыты, или, как описывает положение дел идиома, *запрятаны под ковер*. Быть вне сферы внимания и рассмотрения означает иметь малое ценностное значение для того или иного субъекта: "Noch zeichnen sich keine Lösungen ab, doch die Politik ist gefordert, weil Attac viele Fragen stellt, die über Jahre *unter den Teppich gekehrt* werden" (Informationen zur politischen Bildung, 3.Quarta1, 2003).

Специфика языкового выражения аксиологического концепта *BEDEUTUNG* определила особенности построения лингвистической модели исследуемого концепта.

Анализ эмпирического материала позволяет нам представить модель аксиологического концепта *BEDEUTUNG* как структуру, состоящую из ядра, периферии и интерпретационного поля. Подобная структуризация концептуальных образований обосновывается в теоретических разработках И.А. Стернина. Ядро концепта формируется на основе признаков объекта с "наибольшей чувственно-наглядной конкретностью" (Попова 2002: 60). От ядра к периферии идет ослабление образности, представленной в выделенных признаках. Вокруг ядерно-периферийного слоя концепта формируется интерпретационное поле как совокупность альтернативных средств актуализации данного концепта. Силой, связывающей эти два слоя одного концепта, будет смысл (идея), отраженный в содержании языковых средств, актуализирующих концепт. В содержании языковых единиц, актуализирующих аксиологический концепт *BEDEUTUNG*, отражена идея ценностного положительного или отрицательного значения объектов действительности.

Методом, направленным на исследование содержательной стороны концептуальных образований на основе анализа семантики и синтактики языковых единиц, являющихся материальной основой ментальных представлений о действительности, материальной и идеальной, выступает концептуальный анализ.

Используемая в работе методика концептуального анализа абстрактного имени основана на выявлении представлений о метафизическом объекте: в терминах гештальтов. Мы понимаем гештальт как целостное, сформированное в ментальном пространстве и не всегда осознаваемое носителями языка представление о метафизическом объекте действительности, наделяемое предметными, "физическими" параметрами и свойствами с некоторой степенью чувственной наглядности.

Проявление феномена *Bedeutung* в сфере сознания, мышления и языка позволяет нам выявить ментальные, когнитивно-речевые и лингвистические гештальты идеальной сущности *Bedeutung*.

Ядро аксиологического концепта *BEDEUTUNG* структурируется совокупностью ментальных и когнитивно-речевых гештальтов.

Процедура выявления ментальных гештальтов основана на анализе семантической информации, содержащейся в структуре сочетающегося с абстрактным именем слова и отражающей гносеологический образ денотата как познанного объекта действительности. Ментальные гештальты не осознаваемы и не

эксплицируемы носителями языка. Данные гештальты имеют ментальную природу и формируются в сознании носителей языка.

Мы выявили следующие ментальные гештальты абстрактной сущности *Bedeutung*: *Bedeutung — stofflicher diskreter Gegenstand*; *Bedeutung zu besitzender Gegenstand*; *Bedeutung — verschiebbarer Gegenstand*; *Bedeutung mechanisch zu bearbeitender Gegenstand*; *Bedeutung elastischer feiner Gegenstand*; *Bedeutung barter teilbarer Gegenstand*; *Bedeutung — grofier hoher machtiger Gegesiand*; *Bedeutung — farbiger Gegenstand*; *Bedeutung Lebewesen*; *Bedeutung — Flitssigkeit*. *Bedeutung* имеет антипода — *Bedeutungslosigkeit*, который предстает в ментальном пространстве носителей языка как *Kluft, Raum, Verdammnung, absturzender Luftverkehrstransport*.

Так, из следующего примера видно, что сущность *Bedeutung* осмысляется носителями языка как *кусок*, что позволяет выявить гештальт *Bedeutung — teslbarer Gegenstand*: "Wiirde man das Delegiertenprinzip abschaffen, entzoge dies somit auch den Ortsverbanden *ein Stuck Bedeutung*" (Die Welt, 1.09.2004).

Когнитивно-речевые гештальты осознаваемы и эксплицированы носителями языка через номинативную предикацию. Они формируются в мыслительном акте и имеют речевую природу.

Нами выявлены когнитивно-речевые гештальты идеальной сущности *Bedeutung*: *Bedeutung — Motiv, Grund, Aspekt, Kraft, Resultat, Gegenstand der Forschung, geistiger Faktor, Fakt*. Например, сущность *Bedeutung* осознается носителями языка как *мотив*: "Auch fur das Erlernen von Deutsch als Fremdsprache wurde die *Bedeutung der Wissenschaftssprache zum wichtigsten Motiv*" (Deutschland, №12, 1994).

Лингвистические гештальты формируются на основе "соотнесения значений с поверхностными формами", выявляются из содержания определенной синтаксической структуры и имеют языковую природу (Лакофф 1981: 366). Лингвистические гештальты абстрактной сущности *Bedeutung* выводимы из любого сочетания абстрактного имени *Bedeutung* с другими единицами языка, формирующими как ядро, так и периферию аксиологического концепта BRDEUTUNG.

Нами выявлены следующие лингвистические гештальты идеальной сущности *Bedeutung*: *Bedeutung — Субъект-Подлежащее, Объект-Дополнение, Объект-Обстоятельство*. В следующем примере сущность *Bedeutung* представлена как Субъект-Подлежащее. *Bedeutung* способно обусловить создание заповедника: "*Die enorme Bedeutung von Friedhofen fur die stadtische Vogelwelt hat die Sfciftung Naturschutz Berlin veranlasst, die*

Broschüre "Lebensraum Friedhof mit Tipps für den Naturschutz herausgeben" (Die Welt, 11.08.2004).

Периферия аксиологического концепта *BEDEUTUNG* формируется по принципу построения парадигмы морфо-синтаксической и лексико-семантической сочетаемости абстрактного существительного *Bedeutung* с полнозначными словами и предложениями системы немецкого языка:

1) предложениями, выражающими отношения причинности, инструментальности, обстоятельственности;

2) событийными и предметными существительными, описывающими различные предметно-логические связи;

3) прилагательными, описывающими социально-научную, экономическую сферу деятельности, выражающими локальную, темпоральную, параметрическую характеристики, ценностное отношение, эмоционально-экспрессивную оценку, признак всеобщности, персональное, а также с прилагательными, характеризующимися различной предметно-логической отнесенностью;

4) действительными причастиями, отражающими позитивную и негативную деятельностную оценку, отражающими качественные изменения, и со страдательными причастиями, выражающими ценностную оценку;

5) глаголами, отражающими ментальную, интеллектуально-трудовую деятельность, ценностное и эмоциональное отношение, аспект обладания, устремления к цели, возникновения, пространственно-временное и предметно-понятийное местоположение, количественно-качественные изменения, а также различные предметно-ситуативные связи.

Для данных языковых единиц характерна минимальная степень "чувственно-наглядной конкретности", что и является основанием для отнесения их в область периферии исследуемого концепта. Так, значительную группу составляют прилагательные, характеризующие *Bedeutung* в прикладном аспекте. Они являются производными от существительных, обозначающих различные области деятельности человека, а также являющихся именами наук, например, *sportlich*, *technisch*, *verkehrlich*, *museal*, *publizistisch*, *pädagogisch*, *archivalisch*, *wissenschaftlich*, *literarisch*, *biologisch*, *juristisch*, *geographisch*, *topographisch* и так далее. Любая сфера жизнедеятельности человека характеризуется своими приоритетами, ценностными установками, являющимися основой для возникновения внутри конкретной социальной сферы ценностных субъектно-объектных отношений,

выявляющих свою специфику значения объекта для субъекта. В результате возможными становятся сочетания *Bedeutung* с прилагательными названного типа: «Für die Komponistin Felicitas Kukuck schien die Lage ihres kuscheligen Hauschens an einem der beschwerlichen Treppenwege überdies *musikalisch-handwerkliche Bedeutung* zu erlangen" (Die Welt, 4.07.2001).

Таким образом, ядро и периферия аксиологического концепта *BEDEUTUNG* структурируются единицами первичной номинации, содержащими слово *Bedeutung* и глагольно-адъективные предикаты. Интерпретационное поле аксиологического концепта *BEDEUTUNG* структурируется единицами вторичной номинации — метафорами и идиомами, которые передают информацию, хранят и воспроизводят культурные установки народа.

В работе классификация метафор осуществляется на денотативной и коннотативной основе, классификация идиом построена на коннотативной основе. Классификационным принципом выступил принцип доминирования в содержательной структуре метафорических и идиоматических знаков денотативного либо коннотативного компонента.

В результате классификации метафор на денотативной основе выделены: 1. техническая метафора, 2. строительная метафора, 3. транспортная метафора, 4. гастрономическая метафора, 5. метафора "карточной игры", 6. метафора "бумаги", 7. астрономическая метафора, 8. анатомическая метафора, 9. зоометафора, 10. метафора прецедентных имен, 11. метафора родства, 12. социально-ролевая метафора. Так, в примере "Das Kernkraftwerk Mochovce soll noch in diesem Jahrzehnt das *Ruckgrat* der Energieversorgung der slowakischen Republik bilden" (Deutschlafid, №1, 1997) производственный объект сравнивается с *позвоночником*, поддерживающим на себе всю энергетическую промышленность. Через анатомическую метафору *Ruckgrat* концептуализируется ценностное значение объекта социальной действительности в положительном аспекте.

В результате классификации метафор на коннотативной основе выделены: 1. метафора "потери физической субстанции", 2. метафора "отставания", 3. метафора «пустоты», 4. метафора "лишней вещи/ бесполезной деятельности", 5. метафора «первенства», величины". Например: "Verhandlungsgegenstand in Strassburg ist von dieser Woche an die historische *Verwässerung* des Grundrechts auf Eigentum"

(Die Zeit, №6, 2004). В представленном примере потеря ценностного значения осмысливается как *размывание* объекта (прав на собственность), что позволяет использовать метафору "потери физической субстанции", несущую отрицательную оценочность.

Классификация идиом на коннотативной основе позволила определить следующие коннотативные признаки в процессе концептуализации ценностного значения посредством идиоматических языковых знаков:

1. 'выгодное / невыгодное расположение в физическом пространстве'
2. 'выгодное положение в пространстве света / невыгодное положение в пространстве тени'
3. 'увеличение / уменьшение в размере'
4. 'расположение в поле зрения / вне поля зрения'
5. 'обладание большим весом / потеря веса'
6. 'обладание устойчивостью / потеря устойчивости'
7. 'объединенность'
8. 'выполнение ведущей / второстепенной трудовой функции'
9. 'обладание особым статусом'
10. 'нахождение в комфортных условиях'
11. 'письменная фиксация'

Так, коннотативный признак "невыгодное расположение в физическом пространстве", выделяемый в структуре значения идиомы *an den Rand gedrängt sein*, направлен на концептуализацию ценностного значения в отрицательном аспекте, когда объект действительности (оппозиционные партии) теряют свое ценностное значение, поскольку оказывается *оттесненным к краю*: "Die kremlgesteuerten Wahlvereine haben alle oppositionellen Parteien *an den Rand gedrängt*" (Die Zeit, №12, 2004).

Когнитивно-культурологический подход позволяет рассматривать образно-языковую, вторично-номинативную деятельность как когнитивный механизм, направленный на экспликацию представлений о ценностном значении объектов в свете национально-культурной специфики осмысления познаваемого феномена, выраженной не только в выборе знаков естественного языка, но в выборе знаков "языка культуры", представляющих собой "разного рода предметы культуры, произведения искусства, социально-значимые человеческие поступки и другие "тексты" культуры" (Алефиренко 2001: 8).

Поэтому в работе мы обращаемся к понятию культурных кодов, которые вслед за И.Г. Ольшанским понимаем как "совокупность окультуренных представлений о картине мира данного социума (природные объекты, артефакты, явления, действия, события, ментефакты)" (Ольшанский 2000а: 38). Коды культуры универсальны, но приобретают национально-культурную специфику в лингвистическом аспекте в процессе представления определенного фрагмента действительности.

Нами установлено, что для носителей немецкого языка характерно использование преимущественно предметного, пространственного и параметрического кодов культуры в процессе осмысления идеи ценностного значения какого-либо объекта действительности.

Предметный код культуры представлен техническими, строительными, транспортными, гастрономическими, астрономическими, метафорами, метафорой "бумаги", "карточной игры".

Пространственный культурный код выражен идиомами с коннотативным компонентом в структуре значения 'выгодное нахождение в физическом пространстве', 'обладание широким пространством', 'нахождение в поле зрения', 'невыгодное нахождение в физическом пространстве', 'нахождение вне поля зрения', 'потеря широкого пространства'.

Параметрический культурный код представлен идиомами с коннотативным компонентом 'обладание весом', 'потеря веса'.

Таким образом, исследование аксиологического концепта *BEDEUTUNG*, репрезентированного в языке немецкой общественно-политической прессы единицами первичной номинации, представленной предложно-предикатной сочетаемостью имени *Bedeutung*, и единицами вторичной номинации посредством метафорико-идиоматических языковых единиц, позволило построить лингвистическую модель аксиологического концепта *BEDEUTUNG* как фрагмента ценностной картины мира немецкого культурно-языкового сообщества.

Подведем основные итоги.

1. В сознании носителей немецкого языка присутствуют два концепта, именованные одним языковым знаком — семиотический концепт *BEDEUTUNG* и аксиологический концепт *BEDEUTUNG*. Они отражают разные аспекты осмысления действительности — информационный и ценностный — и получают не тождественное языковое кодирование.

2. Аксиологический концепт BEDEUTUNG является оценочным и служит для выражения ценностного значения, устанавливаемого в процессе ценностно-оценочной деятельности в рамках субъектно-объектных отношений.

3. Общественно-политический дискурс является одной из областей функционирования аксиологического концепта BEDEUTUNG. В нем проявляется лингвоспецифичный характер данной ментальной единицы, связанный с использованием средств первичной и вторичной номинации.

4. Лингвистическая модель аксиологического концепта BEDEUTUNG характеризуется наличием ядра, имеющего гештальтную сущность; периферии, сущность которой выявляется из лексико-семантической сочетаемости абстрактного имени Bedeutung; интерпретационного тьюла как совокупности альтернативных языковых средств актуализации аксиологического концепта BEDEUTUNG.

Литература

Панина Т.Г. Bedeutung: от понятия к концепту (Текст) / Т.Г. Панина // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. - Иркутск: ИГЛУ, 2004 — №3. — С. 81-88.

Панина Т.Г. Метафорическое пространство концепта "Bedeutung" (Текст) / Т.Г. Панина // Языковая реальность познания: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. — Иркутск: ИГЛУ, 2004. — №4. — С. 79-83.

Панина Т.Г. Концептуальный анализ абстрактного имени "Bedeutung" (Текст) / Т.Г. Панина // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. — Иркутск: ИГЛУ, 2005. — №5. С. 38-48.

Панина Т.Г. Bedeutung как проблема и ее отражение в языке (Текст) / Т.Г. Панина // Языковая реальность познания: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика, — Иркутск: ИГЛУ, 2005. — №6. — С 43-50.

Панина Т.Г. Идиомы как средство актуализации концепта "Bedeutung" (Текст) / Т.Г. Панина // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: материалы II региональной научно-практической конференции / под ред. И.Д. Лаптевой, А.В. Колмогоровой, Л.А. Куриленко. Новокузнецк: Изд-во КузГПА. 2005.-С. 67-71.

Панина Т.Г. Специфика вторичной косвенной номинации как когнитивного процесса (Текст) / Т.Г. Панина // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики. Иркутск: ИВВАИУ, 2005. — С. 146-153.

Панина Т.Г. Концепт "Bedeutung" и его метафорико-идиоматическое выражение в языке современной немецкой прессы (Текст) / Т.Г. Панина // Лингвистика. Методика. Информатика: фундаментальные и прикладные аспекты: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 28 февраля 4 марта 2005 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2005. — С. 55-56.

Панина Т.Г. Актуализация концепта "Bedeutung" в немецком языковом сознании (Текст) / Т.Г. Панина // Лингвистика. Лингводидактика.

Информатика (Текст): материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 27 февраля 3 марта 2006 г.). — Иркутск: ИГЛУ, 2006. — С. 52-53.

Панина Т.Г. Общественно-политический дискурс как область функционирования аксиологического концепта BEDEUTUNG (Текст) / Т.Г. Панина // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. Красноярск: Изд-во Сиб. ГАУ, 2006. — Вып. 6 (13) — С. 344-346.

Панина Т.Г. Аксиологический концепт BEDEUTUNG и его актуализация в языке современной немецкой общественно-политической прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 17 с.

Л.И. Федянина
(Кемерово)

ДЕНЬГИ

Цель работы состоит в выявлении лексем, репрезентирующих концепт GELD (ДЕНЬГИ) в немецком языке, и изучении признаковой структуры данного концепта.

Основными темами когнитивных исследований являются соотношение концепта и языкового значения, характер, возможности и пределы вербальной репрезентации концептов, природа языкового значения, его представленность в системе языка и механизмы функционирования в речи. Современная когнитивная лингвистика ищет ключи к тайнам познания. О сложности проблемы свидетельствует различный смысл, вкладываемый в термин «концепт» (С.А. Аскольдов, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Г.И. Берестнев, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачëв, И. Зигель, В.В. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Ф. Кликс, Д.С. Лихачëв, С.Х. Ляпин, И. Поль, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, М. Шварц, К.Фраас и др.). Синонимами термина «концепт» выступают термины «логоэпистема» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) и «лингвокультурема» (В.В. Воробьëв).

В данной работе представляется возможным придерживаться следующего определения концепта: «концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые

дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный ментальный образ, идея, символ, осложнённый признаками индивидуального представления» (М.В.Пименова).

Известно, что концепт, понятие и значение – это сущности, которые не поддаются прямому наблюдению. Исследователи представляют разные точки зрения по поводу того, что е. концепт, отождествляется ли он с понятием, значением (Н.Н. Болдырев, В.В. Колесов, Е.А. Пименов и др.). Многие лингвисты определяют структуру концепта (В.И. Карасик, М.В. Пименова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.).

Принято считать, что концепт вербализуется в языке различными языковыми средствами, к основным из которых относятся метафора и метонимия. Внешне концептуальная метафора актуализируется через разнообразные метафорические выражения, которые являются её языковой реализацией.

В немецком языке фразеологизм ZEIT IST GELD показывает, что потеря времени означает одновременно и материальную потерю. Когда кто-либо говорит, что у него «eine Geldquelle fehlt», букв. «нет источника денежных средств», он имеет в виду «Geldquelle», букв. «источник денег» в значении того, что регулярно приносит кому-то деньги. Сначала речь идёт просто о лексеме, в данном случае о сложном слове, определяющий компонент которого может быть идентифицирован как «проекция», так как «Quelle», букв. «источник» одновременно означает начало водотока.

В метафорическом высказывании находятся две стороны в контрасте: первичный предмет (который буквально мыслится) и вторичный (не буквально мыслится – метафора)» (Haverkamp 1996: 393; Busse 1992; Fleischer 1993; Good 1989; Koch 1994; Kopperding 1993). Сосуществуют друг с другом не определённые границами единичные значения, а системы отношений. Многие исследователи говорят об ассоциативных экспликациях (Lakoff 1993: 202-251; Münkler 1994; Straus 1991: 125-21), которые обозначаются через наличие лексического материала. Метафорическое высказывание функционирует, в то время как на первичный предмет проецируется количество ассоциируемых экспликаций, которые содержатся в импликационной связи, и как предикаты применяются на область второго предмета. «Оба «предмета» взаимодействуют следующим образом: 1) существование первичного предмета привлекает к тому, чтобы выбрать некоторые из черт вторичного предмета, и 2) призывают

его (слушателя) так сконструировать интерактивную связь, чтобы она подошла к первичному предмету, и, наоборот, 3) стала причиной параллельных изменений во вторичном предмете» (Black 1996: 393).

Роль метонимии в функционировании языковых и ментальных единиц до сих пор по-настоящему не оценена. По мнению многих учёных, метонимизация имени обычно не отражается на нормах его грамматического и семантического согласования. Между метонимией и метафорой существует тесная связь.

Деньги относятся к тем предметам, к которым мы имеем эмоциональное отношение. Точно также это выражается в языке. Не хватает нейтрального понятия, которое обозначает средство платежа, нам нужны другие слова, с их помощью мы можем выразить свои эмоции. Посредством языка мы получаем не только информацию о чём-то, но и часто выражаем одновременно склонность / расположение или нерасположение / антипатию, дистанцию или близость. Как раз эти эмоциональные сопроводительные чувства, свойственные многим словам, используются нами очень быстро. Тогда появляются новые слова. Старые значения, образованные путём метафорического и метонимического переноса, остаются в памяти народа и передаются из поколения в поколение. Исследуемый нами концепт актуализируется и с помощью метонимии: 10 Pfennig – Groschen; 5 DM – Heiermann; 100 M – Blaue; 500 M – Braune; 1000 M – Riese.

Концепты можно исследовать, например, в терминах когнитивной лингвистики. Когнитивное моделирование в полной мере позволяет сконструировать в языке знание о том или ином слове, дать исчерпывающую информацию о народе. Когнитивные модели могут репрезентироваться как в прямом значении лексической единицы, рассматриваемой в качестве концепта, так и в переносном (метафорическом, метонимическом, а также в составе фразеологических единиц, пословиц и поговорок и т. д. (Пименов, Пименова 2005; Пименова 2004; Чудинов 2005). Концепты реализуются в языке различными способами. У одного и того же концепта может быть несколько способов объективации. Например, исследуемый нами концепт в немецком языке может реализовываться посредством простых слов (Euro, Mark, Taler usw.), сложных слов (Papiergeld, Banknote, Geldschein usw.), словосочетаний (schnöder Mammon, Moses und Propheten) и т. д.

Обращение к сочетаемости лексемы, к фразеологическим единицам, в которых в качестве опорных наименований

выступает описываемый концепт культуры, даёт, как представляется, достаточно полное основание для деконструкции её содержания. Это объясняется тем, что выбор признаков имени из числа уже существующих в языке словозначений не может не быть культурно осмысленным, о чём неоднократно писала В.Н. Телия. Лексика с культурным компонентом значения (культурно-коннотированная, национально-самобытная, лингвоспецифичная, лингвострановедчески ценная лексика этнокультуроведческая) – самый очевидный знак «языка» культуры (Телия 1999: 8).

Анализируя концепты, исследователи используют разные методы исследования и ставят перед собой различные задачи: рассмотреть развитие концептуальной структуры в диахронии языка, определить ядерную и периферийную зону фрейма, описать фрагменты концептуальной системы с учётом авторских особенностей репрезентации её компонентов, когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры, выявить типовые структурные признаки концептов (см., например: Бутакова 2001; Лебедько 2002; Пименова 2003).

Предлагаемый нами ассоциативный эксперимент построен на теории прототипов, основанной Э. Рош.

В нашем исследовании придерживаемся и точки зрения о структуре концепта, представленной Е.А. Пименовым. «Этноспецифику структуры концепта определяет набор признаков определённого концепта» (Пименов 2004: 21).

Механизм формирования исследуемого концепта отражает этимологию (иначе говоря, когнитивную память слова), которая служит для его дальнейшего развития и позволяет выявить образ, лежащий в основе номинации. Большинство названий денежных единиц образованы вторичной номинацией от слов при помощи метафорических и метонимических переносов (напр., названия денежных единиц по материалу) или переноса по внутреннему или внешнему сходству (напр., названия денежных единиц по признаку «Природа»).

По признакам номинации имена денег (173 лексемы) распределены в 5 групп, 16 подгрупп.

Общеизвестно, что в каждой стране есть свои особенности, лежащие в основе номинации и восприятия денежных знаков. Немцы в первую очередь выделяют материал, из которого изготовлены деньги. Именно этот признак является первым в нашей классификации. Названия бумажных денег и монет в количественном отношении занимают первые два места в классификации (общее количество – 44 из 78 наименований по

признаку материала). На наш взгляд, это объясняется просто. Доказано, что человек воспринимает окружающую действительность чаще всего визуально, обращая внимание на те признаки, по которым запоминается, а позже и узнаётся предмет. В данном случае это субстанция. Кроме того, превалирование этих подгрупп поддерживается наличием другого яркого маркирующего фактора – формы. Купюры, как правило, четырёхугольные, а монеты являются круглыми.

По признаку материала выделены также наименования денежных единиц, в основе номинации которых лежит принадлежность к природным и промышленным материалам – 21 и названия субстанций: дерево – 4, порошок – 4, жир – 5.

Признавая, что все наименования денежных единиц так или иначе связаны с процессом познания, в работе выделены специальные группы лексем, в основе номинаций которых налицо лежит признак «Ступени познания». Руководствуясь тезисом о двух ступенях познания – чувственной и логической и наличии различных форм мыслительной деятельности на отдельных стадиях абстрагирования, мы выделяем наименования по цветовому восприятию – 3 и обобщению на разных уровнях абстрагирования: по признаку «Число» – 7, «Единица измерения» – 3, абстрактные имена – 24;

Признак «Человек и его жизнь», понимаемый не в широком смысле, а ограниченный рамками собственно человека как сущности, представляющей оба пола и имеющей определённые имена, положен в основу классификации, согласно которой выделены наименования по признаку пола – 13, наименования денег по признаку «Еда» – 5 и наименования денег по признаку «Артефакт» – 10.

Жизнь человека тесно связана с окружающим его миром, более того, человек сам является частью природы. В осмыслении мира человек невольно обращается к явлениям природы. Вполне естественно, что при номинации денежных единиц используются элементы природы.

По признаку «Природа» выделены: наименования по признаку «Растения» – 10 и наименования по признаку «Животные» – 9.

Остаточная группа представлена 11 единицами, не поддающаяся в рамках данного исследования классификации.

Ассоциативный эксперимент проводился автором данного диссертационного исследования в 2005 году в Германии, в университете Кобленц-Ландау под руководством профессора М. Пютца с целью выявления структуры концепта GELD в немецком языковом сознании.

В эксперименте принимали участие немецкие студенты (156 человек) в возрасте от 18 до 25 лет. Им предлагалось записать первые, пришедшие в голову 10 слов или контекстов, связанных со словом „Geld“ (деньги). Кроме того, по рекомендации профессора М. Пютца и следуя методике проведения подобных экспериментов по изучению концептов, во втором задании запрашивалась информация о других обозначениях денег, известных испытуемым, т. е. предполагалось выявить имена денег и сравнить с той классификацией, которая предложена в Главе 2 настоящего исследования. При обработке результатов ассоциативного эксперимента учитывались все реакции студентов, в том числе и единичные.

Анализ ассоциативного материала позволил обобщить реакции первого задания (всего 1255) и распределить их по смысловому содержанию на 37 групп. Как показывают данные эксперимента, при написании денежных именовании студенты использовали формы слов как единственного, так и множественного числа (Scheine – Schein; Münze – Münzen). Лексема Scheinchen употреблена с уменьшительно-ласкательным суффиксом ``-chen``, что свидетельствует о ласковом отношении к банкноту.

Представлены и диалектальные слова. Например, как удалось выяснить, для местности Ландау таковым является Schotter, для Баварии – Öre. Migge, Pennig характерны для г. Берлина. По признаку номинации лексема Öre (разновидность мелких камней) может быть отнесена к группе названий по признаку «Природные и промышленные материалы». Слова Migge, Pennig являются, на наш взгляд, фонетическими вариантами слов Müske, Pfennig. В первом слове не произошли лабиализация краткого звука (ε) и оглушение звонкого (g). Во втором слове не прошёл 2 перебой: имеем (p) вместо (pf).

Другие слова-реакции, не зафиксированные в словарях в качестве наименований денежных единиц: Sitzpolster, Lindan, Euronen, Euros, Teuros. Согласно объяснениям участников эксперимента слово Sitzpolster (букв. ‘сиденье с мягкой обивкой’) является обозначением для денег на том основании, что если много денег, то можно удобно сидеть, вести праздный образ жизни.

Lindan – так называется средство для уничтожения насекомых, которое приносит вред окружающей среде, (немцы с иронией называют его успокаивающим), оно тоже отождествляется с деньгами. Народная мудрость гласит: «Geld macht nicht glücklich, aber es beruhigt», букв. ‘Деньги не делают счастливым, но

успокаивают'. Как представляется, именно на основании метонимического переноса по свойству «успокаивать» стало возможным употребление слова *Lindan* в значении «деньги». По признакам номинации лексемы слово следует отнести к группе абстрактных имён.

С 2002 года в Германии и ещё в одиннадцати государствах Европы в обращении находится новая денежная единица – евро. Считается, что жизнь в Германии подорожала, об этом в средствах массовой информации часто говорят политики, употребляя ставшее популярной в народе выражение: «Euro ist teuro». Поэтому можно услышать новое слово *Teuro* вместо *Euro*. Или, согласно данным эксперимента, *Teuros*, с указанием «народной» формы множественного числа (ср.: также *Euronen*, *Euros*).

Несмотря на варьирование ассоциаций у разных испытуемых (это объясняется индивидуальным языковым опытом), существует и достаточно стабильный набор слов, ассоциируемых со словом-стимулом.

По количественным подсчётам приоритетную позицию занимают слова *Kohle*, *Zaster*, *Moneten* (в порядке их следования). Учитывая тот факт, что в эксперименте принимали участие только студенты, предлагаемое распределение первых трёх мест за денежными обозначениями представляется оправданным в первую очередь по отношению к студенческой среде.

Сравнивая результаты ассоциативного эксперимента с классификацией второй главы данного исследования, можно констатировать, что названий имён со значением деньги, выявленных из лексикографических источников почти в два раза больше, чем зафиксировано в результатах эксперимента.

Структуру концепта формируют антропоморфные, природные и прочие признаки. Представления об антропоморфном образе денег характерны для немецкой языковой картины мира. Деньги, как и человек, объективируют концепт по-разному. Они, подобно людям, могут вступать в семейные отношения друг с другом, являться невестой и женихом: (1) „Ist das Geld die Braut, so wird die Ehe selten gut“ (Beyer 1985: 202), букв. 'Если деньги – невеста, то брак редко становится хорошим'. (2) „Geld führt die Braut heim (Beyer 1985: 201), букв. 'Деньги приводят невесту домой'. В данном примере нет слова *der Bräutigam* жених, но оно подразумевается, ибо невесту в дом приводит жених. В следующем примере показан признак «семья»: (3) „Ihre Regierung könnte beispielweise endlich das Referendum über den Beitritt zur

Euro-Familie ansetzen.“ (Spiegel 17, 2002: 104), букв. ‘Ваше правительство могло бы, к примеру, наконец, провести референдум о вступлении в Евро-семью’.

Признак «братские отношения родственников» представлен следующим образом: (4) „Pfennig ist Pfennigs Bruder“ (Deutsches Sprichwörter-Lexikon 1987, Bd. 3: 1273), букв. ‘Пфенниг – брат пфеннига’.

И в беде, и в радости на помощь приходят товарищи, друзья, которых зачастую относят к членам семьи. Признак «заступник» представлен так: (5) „Jawohl ich war immer ein Befürworter des Euro“ (Stoiber 2002: 34), букв. ‘Совершенно верно, я был всегда заступником евро.’ Признак «друг» демонстрирует пример (6): „Hier ist Geld ein Freund, der ihm viele materielle Güter liefern kann“ (Boundy 1997: 43). Букв. ‘Здесь деньги – друг, который может доставить ему много материальных благ’. Но дружеские отношения из семейных могут переходить и во враждебные: (7) „Ich glaube an diesem Tag erkläre ich Geld zu meinem Feind.“ (Boundy 1997: 209), букв. ‘Я полагаю, в этот день объявляю деньги своим врагом’.

При актуализации концепта GELD используется признак здоровье / нездоровье. Так, к примеру, о здоровом состоянии (государственных) финансов говорят: „gesunde Finanzlage“ или „nicht gesunde öffentliche Finanzlage“ (Комин 2001: 127). Иногда пытаются ответить на вопрос: «Чт.е. „здоровое обращение“ с деньгами?» «Was ist ein „gesunder“ Umgang mit Geld?» (Boundy 1997: 247). Если кто-то здоров / нездоров, то обычно физическое состояние выражается оценочными прилагательными *сильный/слабый*: (8) «Ein starker Euro hält die Zinsen niedrig» (Funk Uhr 32, 2002: 10), букв. ‘Сильный евро держит проценты низко’. (9) «Aus heutiger Sicht spricht viel für einen starken Euro» (Deutschland 6, 1998: 35), букв. ‘Исходя из сегодняшней точки зрения, многое говорит за сильный евро.’ В общественном сознании здоровье человека воспринимается как величайшая ценность, которую необходимо беречь, поскольку в ином случае оно будет растрачено, а физические и душевные болезни способны принести человеку много страданий. При метафорическом переосмыслении лексика со значением биологического здоровья или болезни характеризует особенности экономического состояния немецкого народа и страны в целом.

У концепта GELD наблюдается признак «возраст»: (10) „Altes Geld und junge Weiber sind gute Zeitvertreiber“ (Beyer 1985: 201), букв. ‘Старые деньги и молодые женщины – хорошие транжиры времени’.

«Стареющие деньги» в процессе старения чудовищно сильны: (11) „Das „alternde Geld“ sei eben seinen Alterungsprozeß ungeheuer kräftig“ (Schily 1996: 85). Задаётся вопрос: (12) „Wie soll Geld altern?“ (там же: 87), «Как должны деньги стареть?» Даётся ответ: (13) „Manche behaupten, das Geld altere durch Inflation“ (там же: 80). «Некоторые утверждают, что деньги стареют из-за инфляции». В следующем примере прочитывается признак «последний этап» жизненного пути денег – умирание: (14) „Kann die Schenkung in einem Zusammenhang mit dem Absterben des Geldes gebracht werden?“ (там же: 86), букв. 'Можно ли преподнести дар в связи с умиранием денег?'

Признак голос, способность говорить выражается соответствующими глаголами речи: «говорить»: (15) „Wo der Pfennig spricht, hört man andere Rede nicht“ (Beyer 1985: 443), букв. 'Где говорит пфенниг, не слышат другой речи'; «кричать»: (16) „Kostgeld schreit vor aller Welt“ (Rechtsprichwörter 1984: 63), букв. 'Деньги за питание кричат перед всем миром'; говорить на родном и иностранных языках: (17) „Der Euro spricht deutsch“ (Lafontaine 1998: 6), букв. 'Евро говорит по-немецки'.

Евро в настоящее время – денежная единица в двенадцати государствах, но воспринимается немцами по-разному. В приведённом примере – как своя национальная валюта. Более того, уточняется диалект: (18) „Der Euro spricht deutsch...Der Euro spricht bayerisch“ konnten Sie angesichts der Haltung Stoibers sagen“ (Lafontaine 1998: 6), букв. 'Евро говорит по-немецки... Евро говорит по-баварски, могли Вы сказать согласно позиции Штойбера'.

Деньги, подобно человеку, могут произносить что-то медленно, диктовать: (19) „Die Gelder diktieren die tolerablen Kosten“ (Schily 1996: 190), букв. 'Деньги диктуют допустимые затраты'.

Концепт GELD актуализируется признаками различных профессий, социальных ролей, что и подтверждается примерами: «актёр» (20): „Was für eine Rolle spielt Geld in der Heiligen Schrift?“ (Rau 2002: 435), букв. 'Что за роль играют деньги в Священном Писании?'; «работодатель» (21): „Schließlich ist die Frage, ob der Euro den Briten mehr Jobs verschaffen würde“ (Rau 2002: 26), букв. 'Наконец, вопрос, подыщет ли евро больше работ британцам'; «конкурент» (22): „Euro – Konkurrent für den Dollar“ (Rau 2002: 68), букв. 'Евро – конкурент для доллара'.

Человека от животного отличает не только способность говорить, но и работать. Труд относится к основным системам

человека, а именно к системе «физические действия и деятельность» (Апресян 1995: 42).

Глагол *arbeiten* употребляется с различными именованиями денег, выступающими в роли субъекта (23): „Das Kapital arbeitet“ (Miller 1986), букв. ‘Капитал работает’. (24) “Bundesobligationen werden mit dem Slogan „Sie können beruhigt sein – Ihr Geld arbeitet“ ausgelobt“ (Schily 1996: 77), букв. ‘Федеральные облигации должны быть публично обещанным слоганом: „Вы можете быть спокойны – Ваши деньги работают»’.

Концепт GELD актуализируется признаком «характер» (25) «честный»: „Ein ehrlicher Pfennig ist besser als ein gestohlener Taler“ (Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Bd. 3, 1987: 1268), букв. ‘Честный пфенниг лучше, чем украденный талер’; «несправедливый» (26): “Unrechter Heller frißt einen Taler“(Rechtssprichwörter 1984: 91), букв. ‘Несправедливый геллер сжирает талер’.

Концепт GELD актуализируется через признак ‘движения / действия’, который характеризуют, в основном, человека. «Движение» создаётся за счёт различных глаголов: gehen (eingehen, hingehen), kommen (herkommen), überschreiten: (27) „Heute sind für Sie Briefe, Gelder eingegangen“ (Remarque 1963: 301), букв. ‘Сегодня пришли для Вас письма, деньги.’ (28) „Man muss das Fest vertragen, bis das viel Geld kommt“ (Spoerl 1965: 100), букв. ‘Нужно перенести праздник, пока не пришло много денег’.

Группа природных признаков представляет живые существа: (29) „Die Erde gebiert Wucher, nicht aber ein Pfennig den anderen“ (Rechtssprichwörter 1984: 64), букв. ‘Земля рождает ростовщичество, но не пфенниг другого’; (30) “Die Natur nimmt ab, das Geld nimmt zu“ (Schily 1996: 45), букв. ‘Природа уменьшается, деньги увеличиваются’; (31) „Zinsen, die wachsen und wachsen“ (Spiegel, 17, 2002: 145), букв. Проценты, которые растут и растут’.

Зооморфные признаки концепта используются также в материале исследования. Как отмечает А.П. Чудинов, «использование зооморфных метафор продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода» (Чудинов 2001: 135). Как правило, зооморфные метафоры несут негативную эмоциональную окраску.

Новая денежная единица – евро, по высказыванию ведущих экономистов Германии, – «троянский конь»: (32) „So gesehen ist der Euro ein Trojanisches Pferd“ (Deutschland, 6, 1998). Пфенниг, по

народным представлениям, животное, которое «кусает»: (33) „Der König heißt, der Pfennig beißt“ (Beyer 1985: 442).

Образ дойной коровы в сознании носителей немецкого языка показывает деньги следующим образом: (34) „Da die Vereine diese Kredite niemals zurückzahlen werden – sie haben das Spiel überreizt und in ihrer Unersättlichkeit die Geldkuh Fernsehen zu Tode gemolken“ (Spiegel, 17, 2002: 16), букв. 'Так как общества эти кредиты никогда не вернут – они чрезмерно раздражали игру и в своей ненасытности денежную корову телевидение задоили до смерти'.

Своеобразное восприятие денег как цыплят, за которыми охотится хищная птица, представлено примером: (35) „Ein Augenblick ist da, in dem hängt die Hand des kleinen Kassierers über dem Geld, wie ein Sperber in der Luft über dem Kückenhof, alle Krallen sind weit offen“ (Fallada 1967: 284), букв. 'Вот мгновение, в которое висит рука маленького кассира над деньгами как ястреб-перепелятник в воздухе над двором цыплят, все когти широко открыты'.

Концепт GELD актуализируется признаком «растения», например, «семени» (36): „Das Geld ist relativ am breitesten gestreut. Es wächst mit dem Einkommen der Haushalte“ (Grundwissen 1991: 200), букв. 'Деньги рассеяны относительно широко. Они растут с доходом бюджета', «корни» (37): „Schon bis zum Jahr 2005 werde das Einkommen auf 500 Millionen Euro anwachsen“ (Spiegel 18, 2002), букв. 'Уже до 2005 года пустит корни доход на 500 млн. евро'.

Концепт GELD в немецкой языковой картине мира представляется через образы воды, создаваемые концептуальной метафорой с помощью разных частей речи и фразеологических единиц. Воды, как и денег, может быть очень мало. Признак минимального количества выражается существительным капля (38): „Dir Tropf Geld zu schenken, wäre dümmer als du selbst bist“ (Bechstein 1988: 294), букв. 'Тебе подарить каплю денег было бы глупее, чем ты есть сам'. Если воды больше, то это уже (39) «geldwirtschaftlicher Strom» (Grundwissen 1991: 102), букв. 'денежноэкономический поток'. Признак «явления природы» концептуализирует деньги, которые могут / не могут литься дождём: (40) „Bei ihm regnete es Geld“ (БНРС: 245). „Es ist alles möglich, aber es regnet kein Geld (Baier 1991: 106).

К прочим признакам относится, например, количество. Характеристики концепта рассматриваются нами с точки зрения исчисляемости / неисчисляемости. Примеры: (41) „Nur 50

Pfennige”, drängte Bieling“ (Remarque 1963: 289), букв. «Только 50 пфеннигов», – настаивал Билинг. (42) “Und wo soll ich das viele Geld für soviel Glück hernehmen?” (Kunert 1984: 102), букв. ‘И откуда я должен взять много денег для такого счастья?’

Исследуемый концепт актуализируется квалитативным признаком: (43) „Sollte das schmutzige Geld sein Gewissen belasten?“ (Miller 1986: 141), букв. ‘Должны были грязные деньги угнетать его совесть?’; признаком объектность: (44) „Sie sprachen über Ausbildung und Aufstieg, über Geld und möglichen Hauserwerb“ (Arnim 1992: 173), букв. ‘Они говорили об образовании и карьере, о деньгах и возможном приобретении дома’; цель: (45) Немцы работают и за свой труд получают деньги, зарабатывать которые нелегко, необходимо прилагать усилия, порой это мучительный процесс: „Es war nicht leicht, Geld für sich, ihren Mann und das Kind zu verdienen“ (Axt 1986: 206), букв. ‘Было нелегко, зарабатывать деньги для себя, её мужа и ребёнка’; (46) „Ich plage mich über alle Maßen, Geld zu erschwingen“ (Bechstein 1988: 648), букв. ‘Я мучусь сверх всякой меры добывать деньги’; посессивность: (47) “Er schickte mir manchmal Geld und schrieb, ich solle mir Brot dafür kaufen, und wenn Vaters Geld kam, ging ich zum Schwarzmarkt“ (Böll 1966: 216), букв. ‘ Он посылал мне иногда деньги и писал, я должен покупать на них хлеб, и, когда деньги отца приходили, я шёл на чёрный рынок’.

Результаты исследования Главы 3 демонстрирует следующая таблица.

Количественные показатели признаков

Признаки	Количество примеров	Количество в %
1. Антропоморфные		
Семья / друзья	85	4,169
Болезнь / здоровье	81	3,973
Возраст	25	1,226
Способность говорить	82	4,022
Профессии	52	2,550
Труд	26	1,275
Характер	25	1,226
Движение / действия	168	8,239
Всего	544	26,679
2. Природные		
Живое существо	97	4,757
Зооморфизмы	27	1,324
Растения	42	2,059
Вода	349	17,116

Всего	515	25,257
3. Прочие	508	24,914
Количество	192	9,416
Качество	32	1,569
Объектность	128	6,278
Цель	71	3,482
Посессивность	85	4,169
Всего	508	24,914
Итого	1567	76,851

Актуальность принципа антропоморфизма, свойственного концептуальным исследованиям, подтверждается данными, полученными при изучении структуры концепта GELD: среди всех признаков заметное место занимают антропоморфные. Деньгам в немецком обществе отводится большая роль, поэтому и осознаются они как живые, со свойственными человеку характеристиками и функциями. С помощью статистического метода установлено, что антропоморфные признаки опережают природные и прочие признаки. Для немецкого народа определяющими жизненными ориентирами являются также количество денег, и то, каким путём их получают и насколько быстро их тратят.

Подведем основные итоги.

1. Немецкий концепт GELD объективирован в текстах художественной литературы, прессы, словарных статьях определенными языковыми средствами, являющимися репрезентантами (номинациями) данного концепта.

2. Именные языковые репрезентанты характеризуются определенными семантическими признаками, по которым они могут быть описаны и классифицированы.

3. Исследуемый концепт представлен признаковой структурой, основу которой составляют антропоморфные, природные и прочие признаки (количество, качество, цель, объектность, посессивность).

4. Ассоциативный эксперимент подтверждает основные результаты исследования и их валидность.

5. Развитие номинации немецкой денежной системы и признаковой структуры концепта GELD детерминировано историей, культурой носителей немецкого языка и их менталитетом.

Литература

Федянина Л.И. Концепт «Деньги» в немецком языке // XXIX Научная конференция студентов и молодых учёных КемГУ: Сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 198.

Федянина Л.И. Признаки концепта «деньги» на материале немецкого языка // Вторые Кузбасские философские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции: В 2 т. – Кемерово: ИНТ, 2002. – Т.2. – С. 141-142.

Федянина Л.И. Лексические средства выражения концепта «Деньги» в немецком языке // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. – S. 136-138.

Федянина Л.И. О некоторых особенностях концепта «Деньги» в фразеологии немецкого языка // Сборник трудов молодых учёных КемГУ: В 2 т.– Кемерово: Полиграф, 2002. – Т. 1. – С. 177-179.

Федянина Л.И. Отражение национального своеобразия концепта «Деньги» в историческом развитии Германии // Язык. Миф. Этнокультура. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 172-174.

Федянина Л.И. О некоторых особенностях концепта деньги в немецкой паремиологии // Человек и его язык: Сб. науч. тр. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 93-96.

Федянина Л.И. Концепт «деньги» как фрагмент языковой действительности на материале немецкого языка // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: Материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбасс, 2003. – Вып. 2.– С. 280-282.

Федянина Л.И. Понятие «концепт» как основная категория когнитивной лингвистики // Филология и современное лингвистическое образование: Материалы регион. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – С. 145-147.

Федянина Л.И. Концепт *ДЕНЬГИ*: Особенности репрезентации в немецком языке // Welt in der Sprache. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 163-177.

Федянина Л.И. Стихийные, ландшафтные, вещественные и погодные признаки в структуре концепта GELD // Мир и язык: Сб. науч. тр. – Кемерово: Графика, 2005. – С. 167-173.

Федянина Л.И. Предметные признаки концепта GELD в немецкой языковой картине мира // Грамматика. Семантика. Концептология: Сб. науч. тр. – Кемерово: Графика, 2005. – С. 184-190.

Федянина Л.И. Способы объективации концепта GELD в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

**О.А. Кирияк
(Ярославль)**

ВОРОВСТВО

Целью данной работы является изучение лингвокультурного концепта «воровство», исследование национальной специфики

данного концепта на основе комплексного изучения и сопоставления русского и английского фольклора как выражения двух самобытных культур, выявление места и роли концепта «воровство» в контексте фольклорных текстов.

Лингвокультурный концепт «воровство» представляет собой сложное ментальное образование, имеющее образный, понятийный и ценностный компоненты. Данный культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами и, следовательно, в основе подхода к изучению данного концепта лежит интегративная модель – сочетание методов контекстуального анализа в условиях контекста фольклорных текстов, исследование словарных дефиниций, данных ассоциативных экспериментов и ассоциативных словарей, проведение контрастивных описаний, опрос информантов.

В ходе анализа русско-английских и англо-русских переводных словарей было определено, что эквивалентным русской лексеме «воровство» является синонимический ряд, состоящий из трех лексем: **stealing, theft, larceny**. Проанализировав толкования понятия «larceny», можно отметить, что его широкое значение со временем значительно сузилось и существует тенденция к его отмиранию в британском варианте английского языка, в отличие от широкого применения в американском английском.

Для выявления понятийных характеристик концепта «воровство» в английском и русском языке исследованы словарные дефиниции, толкующие данный концепт в англо и русскоязычных словарях и тексты законодательных документов.

По итогам проведенного анализа можно констатировать, что в английском языке понятие «theft» включает в себя и «larceny» и «stealing» (а так же по законодательству еще 8 составляющих, которые, за исключением «trespass» и «criminal conversion» примерно соответствуют аналогичным русским понятиям). Кроме того, наиболее соответствующим по емкости содержания русскому понятию «воровство» можно считать «theft». Но при этом следует отметить, что в английском языке понятие «theft» гораздо более широкое, т.к. оно включает дополнительно такие составляющие, не входящие в русское понятие «воровство», как:

1) «Trespass» — незаконное (без разрешения собственника) вторжение на чужую территорию даже без цели завладения чужим имуществом.

2) "Criminal conversion" — присвоение, обращение чужого имущества в свою пользу, включающее такие незначительные для русского сознания случаи, когда человек берет что-либо в аренду и несколько задерживается с возвратом, либо что-то находит (включая животных) и не объявляет о находке, оставляя ее себе.

3) "Intrusion" — вторжение на чужую территорию, чаще с целью воровства или грабежа, но и без данной цели, является составной частью широкого понятия "воровство".

Толкования синонимов и тематически близкие слова в тезаурусах уточняют семантику английского концепта "воровство". Сравнение признаков, соотносимых с концептом «воровство» в синонимических словарях английского и русского языков, показывает, что эти признаки в значительной мере совпадают, однако существуют определенные различия, которые затрагивают оценочное своеобразие сопоставляемых картин мира. Так, например, все синонимы, вербализующие данный концепт в английском языке, отличаются отрицательной оценочной коннотацией и выражают нарушение общечеловеческих и юридических норм, т.е. в английских словарях прослеживается более детализированная смысловая линейка понятий, в русских же словарях это ярко не выражено (т.е. не наблюдается такой же четкости выражения значений, как в английских): *вор* в русском языке — одновременно и мошенник, и авантюрист, но при этом всегда — человек необычный, хитрый, ловкий. В русских говорах до сих пор *воровой* значит «*быстрый, про-вор-ный, удалой*» (Колесов 2004: 161). (Ср.: «*Не то, что умней, а вороватее*» (А. Островский).

Понятийные характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках и совпадают по признаку «*похищение чужого*».

Признаковый состав основного содержания концепта «воровство», зафиксированного в словарных дефинициях, почти полностью совпадает в английском и русском языках, но в то же время обнаруживает определенные различия. Основные различия состоят в следующем: в английских дефинициях четко выражена идея преступности этого явления (*without the owner`s permission; without person`s freely given consent; without permission or welcome* — *без разрешения, без добровольно выраженного согласия, без наличия на это права, без приглашения*); в русском же языке это не находит такого же яркого выражения, но четче выражен признак воровства как тихого, тайного, скрытого, незаметного действия (*брать тайно, тихо, скрытно; действует*

незаметно для потерпевшего). (Ср.: «О глубокой древности говорит такое распределение слов: *крадут* – это действие, связанное с тем, что *скрывают*, «*кроют*», создавая *со-кровища*; *тать* – это тот, кто действует *тайно*, *таится*, также скрываясь и боясь огласки. *Тать крадет* буквально значит: *тайно скрывает, тайно скрывается, тайно укрывает*» (Колесов 2004: 157).

В английских дефинициях детально представлены такие признаки концепта, как *trespass* и *intrusion* (нарушение территориальных прав и индивидуальных прав – *privacy*), не имеющие аналогов в русском языке. Можно сказать, что англичане концептуализировали идею воровства как «любое нарушение *privacy*».

Национальная специфика концепта наиболее ярко выражена в фольклорных текстах, прежде всего в народных сказках, пословицах и поговорках, где, как правило, выражаются общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что отражение исследуемого концепта в русской и английской сказочной картинах мира не только имеет отличия в сравниваемых концептуальных фрагментах, но и различается принципиально. Так, в русской сказке воровства очень много, в английской же сказке случаи воровства упоминаются редко. В русской сказке их совершают всевозможные персонажи, как положительные, так и отрицательные, в английской, в основном – отрицательные герои. В русской сказке не акцентируется негативная оценка отрицательного персонажа в связи с совершением воровства. В английской же народной сказке негативная оценка воруемого персонажа не только акцентируется, но и является многоаспектной. Она обычно сопрягается с подчеркиванием морально-этических качеств, отталкивающих особенностей внешности, привычек и поведения.

В английском сказочном фольклоре воровство всегда детерминировано именно как воровство, независимо от образа персонажа, совершающего его; в русском же фольклоре воровство положительного героя не только никогда не осуждается, но чаще вообще не осознается читателем, не воспринимается и не ассоциируется с воровством.

В английских сказках воровство скучно, однообразно, практически всегда влечет за собой наказание. В русских сказках воровство многовариантно. Излюбленным в русских народных сказках является похищение главным положительным героем волшебных предметов посредством хитрости. Подобное

похищение практически не ассоциируется в русском сказочном сознании с воровством, а подразумевает любование хитростью и смекалкой героя. Классический вариант в сказках таков: три спорщика просят героя помочь поделить волшебные предметы. Герой, отвлекая их хитроумными заданиями, забирает волшебные предметы себе.

«Да, вещи хорошие! – думает Иван. – Пожалуй пригодились бы и мне...» (185).

«Иван купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому – налево, а третьего посылает прямо. Старики побежали за стрелками; а Иван купеческий сын забрал шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы и вернулся к своим товарищам» (240).

Обычно в подобных случаях осуждается не воровство хитростью, а глупость обворованных:

«А вот как: кто прежде всех влезет на дуб – тому все и отдать!» Те сдуру и согласились, бросились на дерево; только что на дуб влезли, батрак надел сапоги-самоходы, сел на ковер-самолет, взял с собой скатерть-самобранку...» (192). (Ср. рус. поговорку: Кто украл, у того один грех, а у кого украли, у того десять).

Подобные способы воровства являются лакунарными в английской сказке.

Положительную коннотативную оценку в русских сказках имеет хищение, совершенное силой и ловкостью. Обычно такое воровство, когда его совершают положительные герои, превращается в причудливое действо, богатое разнообразными превращениями и ухищрениями.

«...выскочил Иван крестьянский сын, ухватил ее в охапку, зажал ей рот... в тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взвился с королевною и добрым молодцем высоко-высоко...» (185).

В народном сознании такое хищение не требует оправданий и, тем более, наказаний. В английском сказочном фольклоре данная параллель отсутствует.

«Женское» же воровство при помощи обмана и хитрости, когда красавицы, «угощая», «умасливая», «обласкивая» и «целуя-милуя», похищают волшебные предметы у мужчин, всегда воспринимается негативно и требует заслуженной кары.

«...царевна начала его ласкать да умасливать – ну и умаслила! Как только он заснул, царевна схватила скатерть-самобранку, села на ковер-самолет, да и была такова!» (192),

«Прикинулась такой лисою, что и на поди! ...давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать, и таки умаслила... Только заснул он крепким сном, королева хват его за руку, сняла с мизинного пальца колечко...» (191).

В английском сказочном фольклоре подобные сюжеты не выявлены.

Воровство, совершенное при помощи обмана и угрозы, также осознается в русских сказках как негативное, требующее наказания.

Переоделся поп чертом и угрозой отнял золото: «От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься: отдай-ка лучше мне котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь!» (258).

В английских сказках такая форма воровства не обнаружена.

Специфически русским является в народных сказках воровство, совершенное мимоходом: «долго не думал» «взял да и украл», или даже «не украл, а просто взял».

«Ходил, ходил старик по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенек, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу» (188),

«... умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму молодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он ... подошел к ней, снял с руки колечко и пошел к своей матери; никто его не сдержал» (190).

В английском сказочном сознании концепт «воровство» часто ярко конкретизирует признак нарушения приватности и ассоциативно тесно связан не только с концептом «*property*», но и с «*privacy*». Вмешательство в чужие дела, в зону *privacy* в английских сказках обычно равнозначно воровству. Ученик чародея из сказки «The Master and His Pupil» («Учитель и его ученик») из любопытства прокрался в покои учителя (покушение на личное пространство индивида) и тайно пользовался его вещами (покушение на частное имущество), за что понес серьезное наказание. Заглядывание в чужие окна также ассоциируется в английском сказочном сознании с воровством (в одноименной сказке дракон из Лайминстера — *The Knucker of Lyminster* скот таскает и в чужие окна заглядывает) и располагается на оценочной шкале рядом с воровством.

So what with that, and him swimming in the river otherwhile and sticking his ugly face up agin the winders in Shipyard when people was sitting having their tea ... — И вот за все это (за воровство – О.К.), а также за то, что он еще и плавал по реке и совал свою мерзкую морду в окна, когда люди садились пить чай ...

Таким образом, вмешательство в чужие дела, вторжение в зону «*privacy*», нарушение личной территории тесно переплетается в английских сказках с воровством и также является серьезно порицаемым и наказуемым.

'The ointment! The ointment!' cried the old pixy thief. 'Take meddling with what don't concern you:...' — Мазь! Мазь! – вскричал старый

бес-ворюга. – Получай же за то, что суешься не в свои дела / трогаешь чужие вещи!

(Глагол *meddle* имеет преимущественно негативные значения: *интересоваться чем-л.; вмешиваться; трогать чужие вещи*).

В русском же сказочном сознании, напротив, данная концептуальная связь не только является лакунарной, но стереотипной является любовь и постоянная привычка положительного героя в русской народной сказке угощаться в чужих жилищах без спроса и позволения, а часто заодно и пользоваться какими-либо чужими вещами. В данном случае концепт «воровство» тесно переплетается с рассмотренным В.И. Карасиком, лакунарным для английского, но характерным для русского менталитета, аксиологическим концептом «халява» (Карасик 2002:199-200). Многочисленные примеры свидетельствуют о большой распространенности подобных моментов в сказочных текстах.

«Вошли братья в избушку – там нет ни души. «А ну-ка, брат, — говорит Никита, — пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?» Тимофей влез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставили на стол, и начали они оба уписывать. С голоду все начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать; увидел на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать...» (199),

«Зашел в этот дом, в доме стоит стол, на столе всякого кушанья и питья довольно. Мартышка сел, напился-наелся, заглянул в ящик, взял однозолотные карты и кошелек с деньгами, положил себе в карман...» (193).

Самовольное угощение в чужом доме в народном сказочном сознании никогда не ассоциируется с воровством.

В «воровских» русских сказках ловкость, изобретательность и чудесное мастерство сказочного вора вызывают не просто симпатию, но и восхищение, т.к. герой обходит любые препоны, проявляет незаурядную хитрость, остроумие, является настоящим художником воровского искусства, и его мастерство имеет развлекательно декоративный характер и вызывает чисто эстетический интерес.

«Стал Климка кормить отца и мать своим мастерством. Что ни увидит — станут ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить — он все к рукам приберет». «Так востер, так хитер, что, кажись, из-под птицы яйца выкрадет!» (386),

«Такой-де вор проявился, что берегись — не убережешься, сторожись — не устережешься; захочет — среди белого дня разденет до нитки!» (389)

Более того, часто для русского носителя фольклорной картины мира воры предстают благородными людьми,

восстанавливающими справедливость.

Наум, Антон и Влас пошли воровать. Держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу – у попа деньги трудные, если к купцу – у купца тоже самое; пойдёмте-ка к судье, у судьи деньги нетрудные» (388);

«Эх, ты! Вдова – бедный человек, у нее все трудовое; пойдём лучше к богатому генералу». – «И то дело!» (386).

В английских же нетипичных «воровских» сказках посредством воровства также восстанавливается справедливость, но такие сказки зачастую сводятся к детальному обоснованию и оправданию причин воровства главного положительного героя.

'You must get into the castle, and if possible possess yourself of a hen that lays golden eggs, and a harp that talks. Remember, all the giant possesses is really yours'. – «Ты должен попасть в замок и завладеть курицей, что несет золотые яйца и говорящей арфой. Помни, все имущество великана на самом деле принадлежит тебе».

Таким образом, можно заключить, что в русской сказке наблюдается двойственное отношение к воровству. С одной стороны, воровство оценивается как зло, о чем наглядно свидетельствуют примеры воровства, совершенного отрицательными персонажами. С другой стороны, часто наблюдается симпатия по отношению к образу вора, проявляющаяся в представлении этого образа как ловкого и удалого мастера своего дела. В связи с тем, что толкование воровства как добра противоречит здравому смыслу и законам общественной морали, концептуальной основой воровства часто становятся такие характерные для русского менталитета смежные концепты, как «удаль», «сила», «ловкость», «воля», «остроумие», «шутка», «мастерство» и др. В английской же фольклорной картине мира это не находит своего проявления. В английской сказке воровство случается редко, чаще его совершает отрицательный герой, который за это, как правило, жестоко наказан. Воровство положительного героя чаще мелкое, несерьезное и всегда мотивировано. Отношение к воровству в английских сказках резко негативное.

Итак, в русском фольклорном сознании проявляется очень широкая амплитуда по отношению к воровству – от неприятия воровства, совершенного негативным персонажем, до философской гармонии и одобрения по отношению к воровству положительного. В английской же фольклорной картине мира воровство не только оценивается отрицательно, но и никакие подобные модели поведения не одобряются.

Будучи культурным концептом, «воровство» обладает ценностными характеристиками, которые можно установить,

обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений по поводу данного концепта. Они выражаются в паремиологическом фонде – поговорах и пословицах, которые являются одним из предметов изучения лингвокультурологии.

1. Отношение к воровству в русском паремиологическом фонде отличается оценочной амбивалентностью: в пословицах сталкиваются две противоположные позиции: с одной стороны, воровство оценивается крайне отрицательно, данные модели поведения не одобряются и осуждаются, но, с другой стороны, воровство признается необходимостью, является признаком силы, ловкости:

2. *Красота – прах, а воровство — ремесло.*

В ряде случаев, не украсть – подвергнуться насмешкам:

Плохо лежит, у вора брюхо болит; Мимо пройти, дураком прослыть.

В русской паремиологии концепт «воровство» отражается как один из видов ремесла. Как уже было отмечено, воровство не имеет однозначной негативной оценки в русском языковом сознании. С одной стороны, данное «ремесло» осмысливается в фольклорных изречениях как источник добывания средств к безбедному существованию, приравнивается к любому другому труду:

У кого воровство, у того и ремесло.

С другой стороны, такое добывание средств не вызывает одобрения добропорядочных членов общества:

Воровство – последнее ремесло.

Многочисленные русские паремиологические речения свидетельствуют о большой распространенности воровства.

Что ни двор, то вор. Вор на воре, воровом погоняет.

Это является общей проблемой:

Вор ворует, а мир горюет. Один вор – всему миру разоренье

Люди всегда должны иметь в виду этот постоянно существующий опасный фактор:

Не всегда вор крадет, а всегда берегись.

Не всегда вор приходит, но всегда его ждут.

Постоянной характеристикой воровства является его фатализм.

Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет.

Домашнего вора не убережешься. Вор да мор до веку не переведутся

В русском культурном фонде существует огромное количество паремий, подчеркивающих установку на недопустимость завладения чужим:

Лучше по миру собирать, чем чужое брать.

Лучше свое отдать, чем чужое отнять.

В некоторых пословицах воровство рассматривается как патология человеческой личности:

Вор и сытый, и обутий, и одетый украдет.

Дай вору хоть золотую гору – воровать не перестанет.

Воровству в русских пословицах противопоставляется честность несмотря на бедность:

Гол, да не вор, беден, да честен.

Констатируется неприемлемость воровства для честного человека:

Лучше горевать, чем воровать.

Различные характеристики воровства раскрывают осознание бесполезности совершения таких действий и неизбежности неблагоприятного исхода событий.

Украсть – в беду попасть. Красть вольно, да бьют больно.

Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать.

Воровство связано с неизбежными угрызениями совести:

От соседа уйдешь, от совести не уйдешь.

Краденое порося в ушах визжит.

и со страхом:

Вор что заяц: и тени своей боится.

Русские пословицы учат тому, что плохо не только воровать, но и потакать этому.

Не тот вор, что сам ворует, а тот, кто вора потакает.

Что самому воровать, что вору стремянки держать – все одно.

Но, с другой стороны, народное сознание не приемлет доносительство:

Доносчику первый кнут.

Отношение к вору, соответственно, в некоторых паремиях негативное:

Вора помиловать – добро погубить.

Хотя с другой стороны, часто в русском фольклоре вор – фигура популярная, колоритная и любимая народом. Многие русские паремии, как и сказки, изображают его с явной симпатией:

Молодцы, удалцы, ночные дельцы.

Знатного купца, карманной слободы тяглеца, серебряных и золотых дел волочильщика.

Вышеуказанные паремии являются безэквивалентными и могут быть названы абсолютными лингвокультурными лакунами.

Русскому национальному сознанию свойственно даже некое бахвальство, любование собственными ворами:

Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов.

Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?

В паремиях подчеркивается связь воровства с умением

Воровать – не блины продавать.

и ловкостью

Крепки запоры, да ловки и воры.

Русскому вору во многих фольклорных источниках свойственны такие характерные черты русского национального характера как удаль, безрассудство, бесшабашность:

Молодцы, удалыцы, ночные дельцы.

Удалому все трын-трава.

Специфически русской ассоциацией в связи с воровством, как в народных сказках, так и в поговорках является воля:

Ой-ой, гуляю – грош меняю, алтын сдачи беру.

В русской паремиологии популярен злорадный социальный юмор:

Богатому не спится: богатый вора боится.

Воровство считается неким возмездием, восстановлением справедливости. В русском сознании существует парадоксальное пренебрежительное отношение к человеку, ставшему жертвой одурачивания, нечестных действий со стороны вора. Большое неодобрение в русских поговорках вызывают простофили, раззявы и дураки, которым приписываются негативные признаки (надо не разевать рот, а следить за своим добром):

Не украл, а глупого наставил.

Кто взял, на том один грех; кто потерял, на том сто.

Или современное речение: *Без лоха и жизнь плоха.*

В русской паремиологии вор часто осуждается не за то, что украл, а за то, что плохо спрятал:

Умей воровать, умей и концы хоронить.

В корпусе примеров наглядно показано, что вместо однозначного, четкого и жесткого «украсть» в русских поговорках часто употребляется разнообразная нейтральная лексика: *взять, увести, унести, искать, найти, зачитать, засобить, глупого наставить.*

Вздумали думу худую, увели корову чужую.

Пришли да взяли, так поминай как звали!

Унести на ножницах (украсть, о портном).

Не говоря худого слова – положил за пазуху, да и ушел.

Не украл, а без спросу взял.

Взял не для кражи, для тайной продажи.

К ногтю прибрал, а не украл.

Вор не положи ищет. Воришка не положи ищет.

Не украл, а нашел – в чужой клети.

Зачитать книгу. Засобить должок.

Будто не все одно, что украл, что так унес.

Солдат не крадет, а под полою, случается, унесет.

Что взято с чужого двора да внесено в свои ворота, так уж будто и украдено?

Не крал, не воровал, а пришел да взял.

Русские паремии о ворах имеют свою специфику: только в русском фольклорном фонде многочисленны пословицы о ворах обрастают затейливым языком, образностью и фокусами речи, содержат разнообразие языковые репрезентации.

Лясы точит да людей морочит. Обули Филю в чертовы лапти.

Ой-ой, гуляю – грош меняю, алтын сдачи беру.

Он кузнец – что по чужим дворам кует. У него руки долги.

У него руки с ящичком. Он на руку нечист.

В русской паремиологии исследуемый концепт получает следующую интерпретацию. Он не имеет четко обозначенных границ – выявлена широкая амплитуда отражения исследуемого концепта в сознании русского человека: от полного неприятия и осуждения до оправдания, любования и бахвальства. С одной стороны, воровство недопустимо, неприемлемо, является патологией человеческой личности, связано со страхом, с неизбежными угрызениями совести, противопоставляется честности, влечет за собой неизбежность наказания и неблагоприятного исхода. С другой стороны, воровство свойственно природе человека, сопряжено с индикацией социального неравенства, иногда считается возмездием и является восстановлением справедливости, в народном сознании связано с ремеслом, ловкостью, умением; имеет такие свойственные русскому национальному характеру черты как *удаль, безрассудство, бесшабашность*; ассоциируется с *волей*.

В английских пословицах, не имеющих русского эквивалента, можно выделить некоторые национально-специфические признаки исследуемого концепта. Например, элементы рационализма, практичности и наблюдательности, свойственные сознанию англичанина, выражает следующая пословица:

When thieves (rogues) fall out, honest men come by their own. — Когда воры в ссоре, у честных людей карманы целы.

В сознании англичанина порок воровства сопряжен с неправильным, недостаточным воспитанием.

He gangs early to steal, that cannot say No. — Начинает рано воровать тот, кто не может сказать «нет».

Именно поэтому делается акцент на ответственность родителей.

He that brings up his son to nothing, breeds a thief. – Тот, кто ничему не учит своего сына, воспитывает вора.

Многие фольклорные речения посвящены судьбе человека, избравшего воровское ремесло. Народная мудрость, выраженная через пословицы, считает первый шаг на этом поприще роковым.

Thieves' handsel ever unlucky. – У воров первый улов всегда несчастливый.

В сознании англичанина утвердилось, что не только ничтожна надежда на честность вора:

When (whilst) it thunders, the thief becomes (turns) honest. – Только когда грянет гром, вор станет честным (“почестнее”).

Но также и на перевоспитание вора:

The thief is sorry he is to be hanged, not that he is a thief. — Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор.

И вообще скептически оценивается возможность исправления вора в будущем:

Give a thief enough rope and he'll hang himself — Если вору дать свободу действий, это доведет его до виселицы.

Вероятно, поэтому в английской лингвокультуре выражается крайне жесткое отношение к вору.

Hang a thief when he's young, and he'll no' steal when he's old. – Повесьте вора в юности, тогда он не будет воровать в старости.

Это также следствие более непримиримого отношения к воровству. В сознании носителя английского языка закреплены четкие признаки, лимитирующие явление воровства.

It's a sin to steal a pin – грех своровать даже булавку (не следует воровать даже самую малость).

Более того, мелкое воровство не отделяется от крупного:

He that will steal an egg will steal an ox. – Тот, кто украдет яйцо, украдет и быка.

Человек, занимающийся воровством, в английской паремиологии характеризуется абсолютной аморальностью

Save a thief from the gallows and he will cut your throat. – Спаси вора от виселицы, и он перережет тебе горло.

Специфически английской ассоциацией в связи с воровством является тема неотвратимого жестокого наказания (виселицы), что прямо и косвенно подтверждается многочисленными пословицами и функционирующими в современном языке фразеологическими единицами:

The thief is sorry he is to be hanged, not that he is a thief. — Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор.

Thieves and rogues have the best luck, if they do but scape hanging. – Ворам и мошенникам посчастливится, если они смогут избежать виселицы.

В современном английском языке функционирует идиома, также выражающая закрепленное в сознании носителей языка обязательное наказание за воровство:

As meet as rope for a thief. – очень своевременно, очень кстати.

В английской культуре можно обнаружить осуждение не только самого действия (воровства), но и бездействия по отношению к нему.

As good steal a horse as stand by and look on. – Украсть лошадь — то же самое, что стоять и смотреть на это.

Но с другой стороны подчеркивается неприемлемость подозрений и навешивания ярлыков.

All are not thieves that dogs bark at. – Не все те воры, на кого собаки лают.

Более того, констатируется, что необоснованным обвинением можно спровоцировать человека на воровство:

Call one a thief and he will steal. – Назовешь кого-либо вором, он и будет воровать. (Ср.: Назови человека свиньей, он и захрюкает).

В корпусе примеров приведены случаи совместного употребления воровства и плутовства (жульничества, мошенничества).

When thieves (rogues) fall out, honest men come by their own. — Когда воры (жулики) в ссоре, у честных людей карманы целы.

Thieves and rogues have the best luck, if they do but scape hanging. – Ворам и мошенникам посчастливится, если они смогут избежать виселицы.

There I caught a knave in a purse-net. — Поймать мошенника можно на бумажник, как на наживку.

В английской фольклорной картине мира закрепилась следующая биполярная структуризация:

Knives and fools divide the world. — Мир делится на мошенников и дураков.

В продолжение этого делается положительный рациональный вывод:

Better be a fool than a knave. — Лучше быть дураком, чем мошенником.

И в то же время со свойственным англичанам юмором звучит ирония по этому поводу:

If there were no knaves and fools, all the world would be alike — Не было бы мошенников и дураков, мир бы был однообразен.

О свойственном англичанам рационализме свидетельствует следующая пословица:

I'd rather have a knave than a fool. – Лучше иметь дело с мошенником, чем с дураком.

Также лучше поладить с мошенником, чем стать его жертвой.

Better kiss a knave than be troubled with him. – Лучше поцеловать мошенника, чем иметь от него проблемы.

В английской культуре считается безответственной не только излишняя доверчивость

He that trusts a thief is a fool. — Дурак тот, кто доверяет вору.

Но осуждается всякая небрежность, стимулирующая воровство:

Careless hussy makes many thieves. — Небрежная хозяйка — пособница воровству.

И вообще бесспорна необходимость заботы человека о том, чтобы оградить себя от воровства.

The hole calls the thief. — Брешь призывает (=приглашает) вора.

It is easy to rob an orchard when none keeps it. — Легко грабить сад, когда никто за ним не следит.

Здесь следует отметить некоторую аналогию с русской поговоркой:

Плохо не клади — вора в грех не вводи.

В английской лингвокультуре отражено, что мошенничество и честность в обществе противостоят друг другу

Where knavery is in credit, honesty is sure to be a drug. — Там, где мошенничество в чести, честность не пользуется спросом.

При этом констатируется преимущество честности

Knavery may serve a turn, but honesty never fails (is best at long run). — Мошенничество может однажды и послужить, но честность никогда не подведет.

И негативное отношение ко всем мошенникам в принципе

As good a knave I know as a knave I know not. — Все мошенники хороши, знаю я их или нет.

Сугубый рационализм и прагматизм англичан приводит к тому, что в поговорках часто дочери, вдовы с детьми, слуги и задняя дверь сравниваются с ворами:

He that marries a widow and three children marries the four thieves. — Тот, кто женится на вдове с тремя детьми, женится на четырех ворах.

Two daughters and a back door are three arrant thieves. — Две дочери и задняя дверь — настоящие вору.

The daughters spend, and the servants filch. — Дочери транжирят, а слуги крадут.

Промедление и друзья ассоциируются в английском национальном сознании с ворами времени.

Procrastination is the thief of time — Промедление крадет время.

Friends are thieves of time — Друзья крадут время.

Сугубая практичность и меркантильность англичанина представлена следующей паремией:

The table robs more than the thief — Стол грабит больше, чем вор.

В английской паремиологии просматриваются некоторые глобальные причины, способствующие развитию воровства. Например, подчеркивается, что война порождает воровство.

War makes thieves, and peace hangs them. — Война рождает воров, а мир их вешает.

В английских поговорках отмечено частое совместное употребление воров и блудниц, как олицетворения порока.

Too many stairs and back-doors makes thieves and whores. — Слишком много ступенек и задняя дверь способствуют ворам и блудницам.

Еще одна ярко национальная специфика английских поговорок, объективирующая данный концепт заключается не только в том, что большое количество поговорок о воровстве имеют прямую неодобрительную оценку, заключенную в своем значении — *It's a sin to still a pin* или *Stealing never enriched*,

но и в том, что в подавляющем большинстве таких поговорок отрицательная оценка формируется на базе образа и выражена имплицитно. Так, в огромном корпусе примеров типа:

Save a thief from the gallows and he will cut your throat

Give a thief enough rope and he'll hang himself

присутствует образ виселицы или веревки, которые и определяют отрицательную оценочность поговорок.

Анализ английских поговорок, вербализующих исследуемый концепт, позволяет сделать вывод о том, что в сознании англичанина воровство связано с неправильным, недостаточным воспитанием. Отмечается непримиримое отношение к воровству, даже к мелкому, и соответствующее жесткое и негативное отношение к вору. В английском народном сознании четко осмыслено, что за воровство положено неотвратимое жестокое наказание, что подтверждается не только поговорками, но и функционирующими в современном языке идиомами.

Присущее англичанам чувство юмора пронизывает некоторые поговорки о воровстве. Часто свои страхи англичане прячут за самоиронией и гротеском. Длительная и упорная работа на поприще коммерции породила в этнической психологии англичан сдержанность и элементы сухой расчетливости и предприимчивости, вследствие этого они уделяют больше внимания причинно-следственным связям. Поговорки, иллюстрирующие исследуемый концепт, имеют конкретный практический смысл и более похожи на рекомендации, предписания и наставления, выработанные в процессе рациональных философских размышлений. Большинство подобных поговорок обладают отрицательной оценочностью, выражаемой эксплицитно, либо включают в себя слова, несущие

негативные ассоциации, некий негативный образ, что привносит однозначно отрицательную коннотацию явлению, осуждаемому в данной культуре. В английском национальном сознании исследуемый концепт имеет ярко выраженные, четкие очертания.

Таким образом, сравнение русских и английских оценочных характеристик концепта «воровство» на материале пословично-поговорного фонда свидетельствует о том, что в значительной мере эти характеристики совпадают, так как представления о воровстве во многом схожи в английской и русской культурах. Воровство является грехом, нарушением основных принципов человеческого поведения, закрепленных в догматах веры и юридических кодексах. Такое значительное сходство обусловлено общими христианскими корнями обеих культур.

Отдельные отличия объясняются национальным способом восприятия и понимания воровства на базе присутствующих в национальном сознании стереотипов, готовых мыслей, схем объяснений, т.е. стереотипов сознания.

Большинство английских пословиц, объективирующих исследуемый концепт либо обладают явной отрицательной оценочностью, либо несут негативные ассоциации, некий негативный образ, что привносит однозначно отрицательную коннотацию данному явлению. В русской паремиологии это не находит яркого выражения.

Английскому сознанию не свойственно позитивное отношение к воровству в принципе. Русские же пословицы констатируют соединение и переплетение неприятия и оправдания воровства, считают воровство неизбежным элементом человеческого характера, а само воровство вполне допустимым в определенных обстоятельствах. В ряде случаев своровать – доблесть.

В результате анализа текстов анекдотов как произведений фольклорного жанра сделан вывод о том, что ловкое воровство и бахвальство им перед представителями других наций присуще русским как важная часть их самоидентификации. Следует заметить, что концепт «воровство» репрезентируется, главным образом, именно в русских анекдотах. Подобные англоязычные анекдоты не обнаружены.

Данные, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, в основном подтверждают и в некоторых аспектах частично уточняют выявленные ранее характеристики концепта «воровство» в русской и английской лингвокультурах.

В ядре семантического поля ассоциативные реакции англо- и русскоязычных информантов в значительной мере совпадают: в самом центре ядра семантического поля у русских

расположены — *плохо* и *тюрьма*, а у англичан, соответственно — *bad* и *wrong*.

Однако уже в ближней периферии заметны определенные различия, которые затрагивают оценочное своеобразие сопоставляемых фрагментов образа мира. Так, например, в английских дефинициях четко выражена **идея преступности** этого явления. Выделен целый блок реакций, ассоциативно связанный с данным признаком:

THEFT – *crime, illegal, law, laws, morals, the one sin, sin, pain, trouble, problems, cannot be stopped, alarm, punishment, isolation.*

STEALING – *crime, illegal, against the law, law, break the rules, knife, security, dog, police*

LARCENY – *crime, illegal, misbehaviour, violence, guns, arson, police, jail, prison.*

В русских реакциях также выражена идея преступности, но она несколько размыта, без четких, определенных границ, однако только русские широко включают в этот блок элементы и атрибуты действия: *человек бежит, кто-то куда-то лезет, форточка, окно, требует много подготовки, лом, ключи, маска вора.*

Характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках, и совпадают в ассоциациях, связанных с эмоциями, вызываемых восприятием воровства:

плохо, очень плохо, ужасно, нехорошо, неприятное, безобразие, гадость, нетактично, стыдно, подлость, гнусность, нечистоплотность, свинство, предательство, неправильное действие, противозаконность, что-то отрицательное, грех, ложь, хулиганство, черный (цвет), лужа (грязь) и

not good, stupid, negative, not honest, naughty, evil, worst, hate, amoral, dark, nasty, cruel, sad, mad, sickening, scummy, disgusting, ebony, dirt.

Но только русскоязычные информанты перечислили чувства пострадавшей стороны: *ужас, страх, пустота, не хочу, чтобы это со мной случилось.*

Англичане же выделили четкие признаки исследуемого концепта, более похожие на словарные дефиниции или тексты юридических документов:

*taking things without their owners permission;
taking stuff; taking something that's not yours;
not yours; someone else's possession,
free / free stuff; gone
robbing from others,*

*making money; desire to have more
against the law, break the rules
hurting people; cannot be stopped.*

Русскоязычные испытуемые не вербализовали ни одного подобного признака.

Национально-культурное своеобразие импликаций манифестируется посредством следующих русских языковых единиц, определяющих объект воровства:

что-либо, что-то, что ни попадя, все, все подряд, побольше, добро, хлеб, кур, огурцы, лимоны, пальто, цветы, леденцы, яблоки, мелочь, ручку, часы, мобильный, кошелек, барахло, (уперли) холодильник, чемодан, средства, бизнес, государственное имущество, судьбу, мысли, душу, губы, идею, песню, знания, время.

и, соответственно, английских языковых единиц:

expensive items / big and expensive items, gold, car, virginity.

Англичане ассоциативно персонифицируют лиц, занимающихся воровством с представителям других наций: *America, Puerto Rican, a Polish guy.*

Возможно, это объясняется национальной гордостью и чувством английского превосходства. («Английское название «континентальный завтрак» ассоциируется с неанглийским, не «таким, как надо». Английское, по их мнению, значит лучшее» (Стернин 2003:30).

Воровство в России чаще ассоциируется по гендерному признаку – мужчина.

Все, за исключением реакции *interesting*, английские вербализаторы данного концепта характеризуются резко отрицательной коннотацией, в то время как русские ассоциации строятся по шкале от полного неприятия:

убийца, преступник, подлец, подлость, гнусность

до нейтральных: привычка, мужчина, брат, требует много подготовки, скромно, побольше

и положительных: *ого, надо, ум.*

Таким образом, подводя итоги данного анализа, можно констатировать, что, в английском языковом сознании концепт «воровство» четко определен, понятийно детерминирован, регламентирован и систематизирован. Англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления и ассоциативном перенесении его на другие народы вследствие своего «английского превосходства» и исключительного законопослушания (исследователи отмечают, что уважение к

закону является источником национальной гордости англичан (Стернин 2003:29).

Русские образы сознания, имея обширную зону аналоговых совпадений с английскими, тем не менее, существенно отличаются. В русском языковом сознании концепт «воровство» гораздо шире, чем в английском и, вследствие этого, имеет менее четкие очертания. Русскому национальному сознанию свойственно двойственное отношение к воровству, однако наблюдается смещение направления в сторону негативной оценки воровства как явления, что связано с изменениями за прошедшее время в российском обществе – ростом числа собственников и увеличением размеров частной собственности, которой стали обладать россияне.

Особенности информационной организации концепта «воровство» в значительной степени предопределены историческими и социально-культурными факторами развития двух этнических сообществ. Долгие века рабства и крепостного права, всеобщего обобществления наложили определенный отпечаток на ментальность русского человека. В английском обществе, существующем на развитой в течение длительного исторического периода частной собственности, неприкосновенность частной собственности закрепились в сознании как базовая ценность, без которой невозможно процветание общества в целом и преуспевание каждого его члена в отдельности.

В русском языковом сознании концепт «воровство» гораздо шире, чем в английском и, вследствие этого, имеет менее четкие очертания; в английской же культуре он имеет отчетливые, однозначные границы. Это можно отнести за счет регламентированности и системности английского этнокультурного сознания, а также замкнутости, закрытости и сдержанности как неотъемлемых черт этнотипического образа англичанина. Другими словами, в отличие от англичан, русскому этнокультурному сознанию свойственна широта, обусловленная «пространственной составляющей» русской души, неопределенность ограничителей и сдерживающих тенденций, размытость ценностных установок. Это определяет наличие ценностных антиномий в сознании русских и полярность аксиологических суждений, что является принципиальным отличием от этнокультурного сознания англичан.

Подведем основные итоги.

1. Национальная специфика концепта наиболее ярко выражена в фольклорных текстах, прежде всего в народных

сказках, пословицах и поговорках, где, как правило, выражаются общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт.

2. Понятийные характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках и совпадают по признаку «*похищение чужого*». Признаковый состав основного содержания концепта «воровство», зафиксированного в словарных дефинициях, во многом совпадает в английском и русском языках, и в то же время обнаруживает определенные различия.

3. Исследование концепта «воровство» в сказочной картине мира русских и англичан свидетельствует о больших расхождениях в восприятии и оценке этого явления разными народами.

4. Концепт «воровство» в английском сказочном сознании ассоциативно тесно связан с концептами, «curiosity», «privacy», в русском же сознании концептуальной основой воровства часто становятся такие характерные для русского менталитета смежные концепты, как: «удаль», «сила», «ловкость», «воля», «остроумие», «шутка», «мастерство» и др.

5. Английскому наивному сознанию несвойственно позитивное отношение к воровству в принципе. Русские же паремии констатируют соединение и переплетение неприятия и оправдания воровства, считают воровство неизбежным элементом человеческого характера, а само воровство вполне допустимым в определенных обстоятельствах.

6. В современном английском языковом сознании исследуемый концепт четко определен, понятийно детерминирован, регламентирован и систематизирован. Англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления и ассоциативном перенесении его на другие народы. Русские образы сознания, имея обширную зону аналоговых совпадений с английскими, тем не менее, существенно отличаются. В современном русском языковом сознании концепт «воровство» гораздо шире, чем в английском, вследствие чего имеет менее четкие очертания.

Литература

Кирияк, О.А. Функционирование концепта «воровство» в языковом сознании современных носителей русского языка. Экспериментальное исследование / О.А. Кирияк // Вестник Костромского государственного

университета имени Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12 — Спец. выпуск. – С. 149-151.

Кириак, О.А. Национально-специфические цветовые предпочтения в русских и английских народных сказках (Текст) / О.А. Кириак // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов / Редакционная коллегия: проф. Л.Г. Антонова, проф. И.А. Стернин. — Воронеж-Ярославль: Изд-во «Истоки», 2004. — С. 68 – 70

Кириак, О.А. Сакральное в русских народных сказках (Текст) / О.А. Кириак // Язык и культура: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» / Отв. Ред. Н.В. Аниськина. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2004. — С.157 – 160

Кириак, О.А. Национальная специфика английской и немецкой сказки на примере сюжета о магическом свойстве имени (Текст) / О.А. Кириак // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж-Ярославль: Изд-во «Истоки», 2005. — С. 101 – 105

Кириак, О.А. Концепт воровства в английской народной сказке (Текст) / О.А. Кириак // Культура. Литература. Язык: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» Часть 2. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2005. — С.15 -19

Кириак, О.А. Национальная специфика отношения к воровству в английском и русском фольклоре (Текст) / О.А. Кириак // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. – Ярославль: Изд-во «Истоки», 2006. — С. 31 — 36

Кириак, О.А. Социокультурный феномен «воровство»: характеристика и национальная специфика. Москва, Лондон (Текст) / О.А. Кириак // Культура. Литература. Язык: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» Часть 1. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. — С.100 – 104

Кириак, О.А. Концепт воровства в английском и русском фольклоре. Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности (Текст) / О.А. Кириак // Тезисы докладов XV международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. — Москва — Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2006. — С. 144 – 146

Кириак, О.А. Анализ концепта «воровство» в русском сказочном фольклоре (на материале сказок о воре из сборника А.Н. Афанасьева) (Текст) / О.А. Кириак // Риторика и культура речи в современном информационном обществе. Материалы докладов участников XI Международной научно-методической конференции 29-31 января 2007 г. Т. I. — Ярославль, 2007. – С. 145-149

Кириак, О.А. Отражение ценностной составляющей концепта «воровство» в английском фольклорном языковом сознании (на материале «воровских» английских народных сказок) (Текст) / О.А. Кириак // Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» 2007. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007.

Кириак, О.А. Ассоциативно-семантическое поле слов, релевантное для концепта «воровство» в современном русском культурно-языковом

сознании (Текст) / О.А. Кириак // Россия в период трансформации: Материалы первой международной научно-практической конференции 29-30 марта 2007 г. — Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2007. — С. 115-117

Кириак О.А. Лингвокультурный концепт «ВОРОВСТВО» в русской и английской фольклорной картине мира: характеристика национальной специфики: Ярославль, 2007.

Антология концептов

Том 5

Научное издание

Подписано к печати 18.12.07. Формат 60х84х16.
Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 20,4. Уч.-изд.л. 21,2.
Тираж 200 экз. Заказ 247.

Издательство «Парадигма»
400006, Волгоград, ул. Академическая, 22.
Типография «Светокопия»
400001, Волгоград, ул. Академическая, 22